

УСОЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ

”ПАЛАТЫ СТРОГАНОВЫХ”

УСОЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

СБОРНИК ТРУДОВ И МАТЕРИАЛОВ
ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
РУССКИХ УСОЛЬСКОГО РАЙОНА
КОНЦА XIX-XX ВВ.

Усольский историко-архитектурный музей
«Палаты Строгановых»

УСОЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских
Усольского района конца XIX-XX вв.

2-е издание, дополненное и переработанное

Усолье 2018

УДК 39
ББК 63.3 (235.55-4Пер)
У 76

Усо́льские дре́вности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усо́льского района конца XIX – XX вв. 2-е издание, дополненное и переработанное [Текст]: монография / предисл.: И.А. Подюков; авт. текста: А.М. Белавин, Ю.В. Бушмакина, Н.Б. Крыласова, Н.В. Падерина, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых; прим.: Д.А. Антипов [и др.]; фот.: С.В. Хоробрых, И.Н. Фалько, А. Шейерман; науч.ред. И.А. Подюков. Усо́лье: Усо́льский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2018. — 304 с.

ISBN 978-5-905653-06-3

Авторский коллектив:

- Д.А. Антипов,** сотрудник Усо́льского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»;
- А.М. Белавин,** доктор исторических наук, профессор, проректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета по научной работе и внешним связям, зав. отделом истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра (ПФИЦ) УрО РАН;
- Ю.В. Бушмакина,** ведущий специалист Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников (объектов культурного наследия);
- Н.Б. Крыласова,** доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Пермского федерального научного центра (ПФИЦ) УрО РАН;
- Н.В. Падерина,** научный сотрудник Усо́льского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых»;
- И.А. Подюков,** доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета;
- С.В. Хоробрых,** директор Усо́льского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых».

Научный редактор:

И.А. Подюков

УДК 39
ББК 63.3 (235.55-4Пер)
ISBN 978-5-905653-06-3

- © Д.А. Антипов
© А.М. Белавин
© Ю.В. Бушмакина
© Н.Б. Крыласова
© Н.В. Падерина
© И.А. Подюков
© С.В. Хоробрых
© А. Шейерман
© Усо́льский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2018
© Оформление В.В. Сидоров, 2018

От авторов

Сборник посвящен описанию историко-культурной и фольклорно-этнографической традиции Усолья, раскрывает своеобразие народной культуры края, известного в Прикамье богатством архаики. В нем отражены результаты многолетней собирательской работы, которая проводилась в конце XX – начале XXI веков силами сотрудников Усольского историко-архитектурного музея «Палаты Строгановых», Березниковского краеведческого музея им. И.Ф. Коновалова, студентов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета и Пермского государственного научно-исследовательского университета. Целью этой полевой работы было выявление специфики фольклорной и обрядовой традиции, особенностей местной речи. Не столь большое по объему, но крайне значимое место в книге занимает очерк археологических древностей Усолья, построенный на результатах археологических экспедиций, в которых участвовали студенты и аспиранты исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. В издание включены материалы по картографии островной, главной части архитектурного наследия Усолья, выполненные специалистами Пермского краевого научно-производственного центра по охране памятников.

При том, что современные условия уже мало напоминают уклад, по которому жили наши предки, до сих пор остаются такие «островки» жизни, которые немислимы без обращения к традиции, выработанной за много веков. Можно предполагать, что еще долго такие события, как брак и супружество, рождение и смерть человека, взросление ребенка, болезни, взаимоотношения человека и стихийных сил природы, будут незримо управляться ритуалами, зародившимися в глубокой древности. В издании подробно освещается календарная, хозяйственная и семейная обрядность населения края. Оно дает представление о специфике усольской свадьбы, о родинном обряде, обряде проводов в армию и похоронной традиции. В нём подробно представлены система народных праздников от весны до зимы, магическая (хозяйственная, медицинская, промысловая) практика, демонологические представления о духах дома, леса, воды. Описания основных народных культурных комплексов сопровождаются текстами обрядового и лирического фольклора.

Особенностью издания является то, что основной его корпус представляют оригинальные тексты — записи рассказов самих носителей традиции. В книге воспроизведены (по возможности во всех основных языковых особенностях) рассказы старожилов края. При этом составители стремились сохранить не только своеобразие местной речи, насыщенной колоритными диалектными формами, но и бытовые детали, иллюстрирующие повседневную жизнь сельского человека, взаимоотношения жителей деревни, их насущные интересы, проблемы и заботы.

Открывает книгу раздел, содержащий описание археологических древностей Усолья и очерк старой усольской топонимики. В нём дана история заселения усольских земель финноугорскими племенами, показаны особенности культуры древних обитателей края. Приведен выполненный на основе архивных источников очерк развития г. Усолья, формирования его архитектурного облика. Описывая местные названия, составители прослеживают процесс освоения усольской земли в более позднее время. Отдельные главы посвящены семейной, календарной и магической обрядности усольчан. Книгу завершает разработанный для удобства пользования раздел (Приложение I), в котором дан список местных слов и устойчивых выражений, а также (Приложение II) список основных усольских топонимов, (Приложение III), список источников и литературы. Публикуя эти материалы, составители надеются, что они помогут глубже понять историю края, особенности формирования населения, более рельефно обозначат его культурные особенности.

Сборник предназначенся всем, кто интересуется русской народной культурой, народной речью, русской обрядностью и фольклором. Он будет полезен при знакомстве с историей духовной культуры Прикамья, поможет при изучении особенностей локальных культурных традиций. Сведения об особенностях жизни и быта, об обрядах, верованиях и традиционных представлениях жителей прикамской северной деревни убеждают в том, что во все времена жизнь усольчан (пусть простая, небогатая в материальном плане) была одухотворена, пронизана яркими, самобытными культурными деталями.

Составители признательны всем жителям усольского края, тем, кто охотно делился своим знанием, кто выказывал во время наших экспедиций своё гостеприимство, доброжелательность, заинтересованность и стремление помочь в работе. Особую благодарность авторы книги выражают Елькиной Павле Андреевне, Мазихиной Лидии Фёдоровне, Куклиной Анне Ивановне (жительницам д. Поселье), Фоминой Екатерине Ивановне (п. Лемзер), Мониной Анфисе Матвеевне (п. Зырянка), Шишкиной Анне Ивановне, Кошечевой Манефе Ивановне, Мальцевой Валентине Ефимовне, Моховиковой Анне Ивановне, Кузнецовой Марии Михайловне, Кузнецовой Лидии Ивановне, Сидоровой Евдокии Григорьевне (с. Берёзовка), Шестаковой Анастасии Ивановне (д. Левино), Репиной Анастасии Ивановне (с. Щекино), Репиной Надежде Александровне (д. Игнашино), Мелехиной Екатерине Сергеевне (д. Загизга), Костоусовой Марии Васильевне, Шестаковой Зое Петровне, Ситниковой Евгении Фёдоровне (жительниц с. В. Кондас), Бакулиной Ирине Степановне (д. Кекур). Прекрасное знание этими жительницами усольской глубинки позволило в предлагаемых реконструкциях выявить редкие, во многом уникальные для уральского региона народные культурные формы.

1	2
4	5

ГЛАВА I.

Усолье: взгляд в прошлое

Усольская земля в древности и средние века

Далекие времена, когда человек еще только осваивал девственные просторы Евразии, навсегда останутся для нас интереснейшим периодом истории. Раскрывать тайны прошлого, исследовать те века, когда еще не было письменности и, соответственно, от которых не осталось письменных свидетельств прошлого, можно только с помощью археологии. Археология — часть исторической науки, которая исследует историю, изучая материальные останки человеческой жизнедеятельности: места древних поселений, производств, захоронений, святилищ и предметы, которые сохранили земельные напластования на этих местах.

Археологические памятники на Усольской земле довольно многочисленны. Они свидетельствуют о том, что на протяжении тысячелетий берега Камы и её притоков привлекали человека обилием рыбы в водах, живности в лесах, многочисленными соляными источниками, светлыми сосновыми боровыми террасами. Впервые человеческая речь зазвучала здесь 20-15 тысяч лет назад. Об этом свидетельствуют находки каменных орудий труда эпохи верхнего палеолита (древнего каменного века) у села Таман, а также кости мамонта и шерстистого носорога со следами искусственного раскалывания. По мнению автора этих находок Э.Ю. Макарова, это явное свидетельство прихода сюда в постледниковый период группы бродячих охотников на мамонтов. Однако постоянного их поселения на территории Усольского района пока не выявлено.

Самыми древними поселениями здесь являются многочисленные стоянки периода среднего каменного века (мезолита), возраст которых 14-7 тысяч лет: Огурдинская, Новожиловская, Монинская и другие.

Наиболее полно изучены Огурдинская и Новожиловская стоянки. Первая из них, занимающая почти три километра вдоль берега реки Кама в районе деревни Огурдино, была крупным базовым поселением, на котором достаточно многочисленная группа людей прожила несколько тысячелетий. Открыта эта стоянка была в 1949 г. В.П. Денисовым и впоследствии много раз раскапывалась О.Н. Бадером, А.М. Белавиным, Е.Л. Лычагиной, А.Ф. Мельничуком. Всего изучено более 2000 кв.м. площади, что, однако, не составляет и пятнадцати процентов от всей территории стоянки.

Раскопки Огурдинской стоянки дали огромное количество находок: кремневые нуклеусы, ножевидные пластины, резцы, проколки, скребки, шлифовальники из песчаника. Скребки использовались при обработке шкур и дерева, резцами и шлифо-

вальниками выделялись деревянные и костяные части составных орудий труда, а небольшие ножевидные пластины служили наконечниками стрел. Судя по всему, в основе хозяйства людей эпохи мезолита в Пермском Предуралье лежала охота на птицу и зверя. Помимо лука, основного охотничьего оружия, использовались силки и различные ловушки. Жители стоянки обрабатывали каменное сырье (кремневые и яшмовые гальки), которое в изобилии находилось тут же у подножья береговой террасы реки Кама. В 1993 г. А.Ф. Мельничуком на стоянке был найден клад каменных шлифованных топоров, что указывает на высокие навыки людей того времени в обработке дерева, возможно, уже с мезолитического времени древние усольцы стали сооружать срубные хозяйственные и жилые постройки, изготавливать лодки и иные транспортные средства из дерева. По раскопкам других мезолитических памятников Урала известно, что в это время люди уже изобрели нарты и лыжи.

Новожиловская стоянка, открытая краеведом Е.А. Стариковым вдали от рек и крупных водоемов, была, вероятно, типичным временным охотничьим станом. Раскопками А.Ф. Мельничука здесь исследованы остатки двух круглых в плане, легких, слегка углубленных в землю жилищ типа чумов. В них собрано несколько тысяч каменных предметов. В основном это нуклеусы, с которых скалывались миниатюрные ножевидные пластины, служившие наконечниками стрел, скребки, шлифовальники для древков стрел. Всё это свидетельствует о том, что основное назначение Новожиловской стоянки — быть местом, где небольшая группа охотников пополняет свой арсенал орудий и проводит первичную обработку охотничьей добычи.

В эпоху мезолита, таким образом, коллектив людей, обитавший на территории современного Усольского района, делился на две части. Женщины, старики, дети постоянно жили на базовой стоянке в Огурдино, а взрослые здоровые мужчины, постоянно находясь в движении по охотничьим маршрутам, добывали пищу и доставляли её на базовую стоянку. И так поколение за поколением. Следует подчеркнуть, что открытый людьми эпохи мезолита способ охоты по специальной тропе с временными лагерями и по сию пору распространен у ряда коренных народов Урала; называется он «охотой по путику», то есть по специальной охотничьей тропе, движение по которой выверено до дня.

Следующий исторический период (7-5 тыс. лет назад) носит название нового каменного века — неолита. В этот период окончательно устанавливаются современные ландшафтно-климатические зоны в Прикамье. Судя по числу неолитических поселений, количество жителей в Усольском Прикамье значительно увеличилось.

Население Предуралья перешло к прочной оседлости, о чем свидетельствует наличие больших подпрямоугольных жилищ типа полуземлянок на памятниках этого времени. Условием для перехода к оседлости послужило интенсивное развитие комплексного хозяйства на основе рыболовства (играло ведущую роль), охоты и собирательства. Поселения прикамских неолитических рыболовов располагались по берегам средних рек и озер и состояли из нескольких крупных землянок или полуземлянок. В Усольском Прикамье эпоха неолита представлена несколькими стоянками. Класси-

ческой стоянкой Камского неолита считается Хуторская стоянка неподалеку от города Березники, открытая и изученная В.П. Денисовым. Здесь выявлено два углубленных в землю жилища с очагами и кладовками, собрано множество фрагментов толсто-стенной, тщательно заглаженной керамики и разнообразные каменные орудия труда.

В период неолита жители Прикамья стали широко использовать целый ряд технических изобретений и открытий. Впервые люди стали использовать посуду из обожженной глины — керамику и нить из скрученных волокон растительного (конопля, лен, крапива) или животного происхождения (шерсть). Характерными чертами Камской неолитической культуры являются полуяйцевидные сосуды, слепленные из глиняных жгутов и украшенные гребенчатым орнаментом. Изобретение глиняной посуды способствовало улучшению приготовленной пищи и её разнообразию. Кроме того, плотно закрывающиеся сосуды позволяли успешно хранить в них соленую и вяленую рыбу, зерна и корни. Открытие прядения нитей привело к появлению и распространению сетей, а позже — к открытию ткачества и распространению одежды из ткани, а не из шкур животных или рыб. Усовершенствовалась техника изготовления каменных орудий. Люди стали применять такие приемы, как пиление, сверление, шлифование, полирование. Эта техника позволила изготавливать такие орудия для деревообработки, как шлифованные топоры, долота, тесла, пешни. Техника шлифования была открыта в мезолите, но широко распространилась только в неолитическое время. Шлифованные орудия расширили возможности человека в изготовлении различных средств передвижения (лыжи, лодки, сани), строительстве жилищ, загоронок, ловушек. Открытие колеса привело к революционным изменениям в сухопутном транспорте.

Можно смело утверждать, что на технических изобретениях неолита покоится вся современная цивилизация.

В результате миграций в Прикамье приходят новые группы людей из Поволжья, однако коренное население успешно их ассимилировало. Об этом процессе свидетельствуют материалы неолитических стоянок на Чашкинском озере и в устье речки Залазнушка.

Эпоха ранних металлов и бронзы представлена в Усольском Прикамье рядом поселений на Черном озере, Чашкинском озере и в устье реки Лёмва.

Эпохой ранних металлов называется время, когда человек открыл и стал совершенствовать технику добычи и обработки металла, который постепенно вытеснял камень и кость как материал для изготовления основных орудий труда, оружия и украшений. Первым металлом, открытым человеком, стала медь. Археологи достаточно условно делят эту эпоху на меднокаменный век (энеолит) и бронзовый век. В Прикамье эпоха ранних металлов датируется концом IV – II тыс. до н. э.

Открытие металлургии сыграло важную роль в прогрессе человечества, но появление первых металлических изделий не вызвало революционных изменений в хозяйственной деятельности человека. Это особенно относится к лесной полосе, к которой принадлежит и Усольское Прикамье. Здесь ещё долгое время продолжа-

лись неолитические традиции как в изготовлении орудий, так и в хозяйстве в целом. Металлические изделия встречаются здесь крайне редко.

Энеолит Западного Урала характеризуется тремя археологическими культурами: новоильинской, борской и гаринской. Наиболее крупной по территории и численности населения была гаринская археологическая культура. К гаринскому времени относится стоянка Чашкинское озеро II.

Гаринцы вначале строили многокамерные жилища-полуземлянки с бревенчатым срубом, соединяющиеся между собой коридорообразными переходами. Иногда на дне полуземлянок устраивали хозяйственные ямы. В таких жилищах жил либо небольшой род, либо крупная патриархальная семья. На поздних гаринских поселениях появляются небольшие одиночные жилища. Возможно, это является свидетельством развития семейных отношений, когда отдельная семья становится крепче и постепенно отделяется внутри рода. На стоянке Чашкинское озеро II выявлены остатки семи относительно небольших жилищ. Носители гаринской культуры вели комплексное хозяйство, основную роль в котором играло рыболовство, а подсобную — охота и собирательство. О развитии рыболовства свидетельствуют находки рыболовных грузил от сетей в прибрежной части стоянки. Особый интерес у исследователей вызывает так называемый фигурный кремль — небольшие (2-3 см.) фигурки птиц и зверей. Фигурные кремни также известны в сборах на указанной стоянке.

В раннем железном веке (I тыс. до н.э.) Усольские земли не были населены людьми. Значительные группы поселений так называемых ананьинской и гляденовской археологических культур расположены много южнее Усольского Прикамья. Однако при раскопках Огурдинской стоянки О.Н. Бадером и А.М. Белавиным были найдены единичные фрагменты керамики и бронзовые предметы ананьинского типа. Вероятно, это следы охотничьих экспедиций ананьинцев, добывавших здесь пушных зверей, чьи шкурки использовались ими в международном торговом обмене. Может быть, целью ананьинских экспедиций была соль, которую можно было получать из соляных источников, многочисленных в этом районе.

В период раннего средневековья Усольское Прикамье фактически заселяется повторно. Новыми насельниками были люди — носители так называемой ломоватовской археологической культуры VII-XI вв. н. э. К ломоватовскому времени относится большое количество археологических памятников: неукрепленные поселения (так называемые селища — древние деревни) Володин Камень, Сметанино, Подчудское, Легино на р. Яйва; три поселения на Чашкинском озере (Чашкинское 1 и 2 селища, Запоселье); и укрепленными поселениями — городищами Острая Грива, Таманское (Туманское), Пыскорское на Каме, Володин Камень на Яйве, Семинское на Зырянке. Открытые неукрепленные поселения располагались, таким образом, внутри пространства, защищенного городищами. Вероятно, они образовывали две родоплеменные территории: Яйвенско-Камскую и Чашкинско-Пыскорскую. Если для более ранних эпох невозможно определить этническую принадлежность жителей Усольского Прикамья, то для эпохи раннего средневековья такие определения возможны. В языковом

отношении средневековое население Усольской земли относилось к финно-уграм, а в этнокультурном отношении разделялось на праугорские и прафинские (пракоми) группы. Южнее Усольского Прикамья, на берегах Косьвы, Чусовой, Сылвы, Обвы, преобладали праугорские группы населения. Севернее, на Вишере, Колве, Верхней Каме, — пракоми группы. Усольская земля была, таким образом, территорией, где угры и финны жили совместно или чересполосно. Связано это было с особыми возможностями этой территории: здесь имелись запасы и выходы поваренной соли, здесь в изобилии водились пушные звери, здесь были выходы медистых песчаников и болотных железных руд, имевших для средневековья промышленное значение. А на руде Кушгортского (Кушмангортского) медного месторождения даже в XVII в. работал старейший в Прикамье и на Урале казенный медеплавильный завод — Пыскорский.

Хозяйство ломоватовцев было комплексным. Его основу составляли мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей. Активно занимались охотой, бортничеством, рыбной ловлей. Как показывают данные палеоихтиологии, в прикамских реках тогда ловили лещей, щук, сазанов. Но главной породой добываемых рыб были осетровые. Ловили осетров размерами более двух метров, белуг — до 3,5 м длиной. Собак использовали не только на охоте, но и как ездовых животных, запрягая их в нарты и волокуши. Ради мяса охотились на лося, кабана и северного оленя. Северный олень, возможно, использовался еще и как ездовое животное.

В ломоватовское время возросло значение промысловой охоты, особенно пушной. Первое место в промысле занимал бобр. Добыча бобра шла повсеместно, и кости его составляли до 50 % всех диких животных. Кроме бобра, добывались горностай, соболь, куница, белка. Меха пушных животных стали основным эквивалентом в транзитной международной торговле. Торговыми партнерами ломоватовцев в системе международной Восточной торговли были жители крупного феодального государства Волжская Булгария, возникшего на рубеже IX-X вв. в устье Камы и на Средней Волге. Волжские болгары были тюрками по языку, может быть, именно из той эпохи дошли до нашего времени названия двух рек Кондас. По мнению известного лингвиста А.С. Кривошековой-Гантман, это название происходит от тюркского слова *кондоз* — *бобр*. Таким образом, зверек, популярный у восточных торговцев своим мехом и особым ароматическим веществом, так называемой «бобровой струей», был увековечен в названиях рек. Видимо, на этих реках было особенно много бобровых ловов. Многие ценные предметы, попавшие в Прикамье с Востока как торговый эквивалент, отложились в виде так называемых «кладов восточного серебра». Вероятно, каждый такой клад, в составе которого обычно встречаются блюда, чаши и иные сосуды из серебра иранской, хорезмийской, византийской работы, монеты, шейные гривны и иные украшения из серебра, маркирует то или иное разрушенное древнеугорское святилище. На территории Усольского района такой «клад» найден в районе деревни Чупино. В состав клада входил массивный серебряный браслет болгарской или хорезмийской работы, украшенный зернью, сканью и вставками из драгоценных камней,

две серебряные шейные гривны глазовского типа и обломок восточного серебряного сосуда. Чупинский браслет имеет два продольных углубления; бордюры, образованные углублениями, украшены строчными орнаментами из глазков. Закругленные расширяющиеся концы браслета украшены поясками из крупной катушечной филиграни, крупной каплевидной зернью, а также более мелкой зернью, группирующейся пирамидками и прокладками из золота. В центре каждой конечной лопасти имеется квадратный шатон под вставку.

У ломоватовцев высокого уровня достигла металлургия бронзы и железа и железообработка. Видимо, происходит выделение металлургии и металлообработки в ремесло и отделение ремесла от сельского хозяйства. На берегах реки Яйва и Чашкинского озера археологами А.М.Белавиным, Ю.А.Поляковым, А.В.Рублевым и Н.Б.Крыласовой изучены крупные, площадью в несколько десятков гектар, поселения ломоватовцев, жители которых занимались лишь металлургией и металлообработкой, получая большую часть сельскохозяйственной продукции при обмене с жителями соседних сельскохозяйственных поселений или участвуя в международной торговле. На этих поселениях изучены ямы-горны для плавки меди и бронзы, исследованы остатки кузниц и железоделательных (кричных) печей, собрано большое количество бракованных металлических изделий и заготовок. В некоторых металлургических сооружениях селища Володин Камень и Запоселье найдены предметы пермского звериного стиля — ажурные бронзовые плакетки с изображением сульде — «человеко-лося», ящера, плакетки с антропоморфными изображениями. При раскопках поселения Запоселье Н.Б.Крыласовой найден единственный в своем роде предмет пермского звериного стиля — круглая подвеска из серебра на медной основе с изображением классического сюжета человеческой личины в окружении головок лосей и ящера. Вероятно, это не что иное, как отличительный знак шамана, предназначавшийся для ношения на одежде. Все остальные известные науке предметы пермского звериного стиля для ношения не предназначались.

У ломоватовцев были хорошо развиты и разнообразные домашние производства: прядение, ткачество, обработка кожи, дерева.

Среди археологических памятников Усольского района особое место занимает средневековый Огурдинский могильник. Могильник этот имеет столько особенных характерных черт, что по праву может считаться уникальным для Прикамья. Огурдинский могильник находится на Орлинском острове. Он расположен на высокой береговой террасе, на дюнных возвышенностях и в междюнных впадинах, на территории заповедного соснового бора, являющегося памятником природы. Н.В.Соболева, исследовавшая могильник в 1993 г., отметила его необычную топографию. И действительно, в то время, как большинство средневековых могильников Пермского Предуралья занимают высокие береговые мысы или склоны высоких холмов, Огурдинский могильник располагается в глубине территории. Первоначально Н.В.Соболева считала, что могильник занимает междюнную впадину, а по нашим наблюдениям — склон дюны, однако последующие раскопки показали, что территория могильника

значительно шире, чем это представлялось прежде, и занимает несколько дюн и междюнных впадин. Многолетние исследования показали, что во впадинах наблюдается наибольшая концентрация погребений, а на вершинах дюн погребения расположены разреженно и, как правило, безынвентарные.

Могильник расположен на территории известной мезолитической стоянки Огурдино. В 1993 г., во время проведения раскопок стоянки отрядом КАЭ Пермского государственного университета, сотрудником отряда А.В. Волокитиным был открыт средневековый Огурдинский могильник. Обнаружить его удалось в результате того, что при пропашке в лесу противопожарных канавок была повреждена верхняя часть насыпи ряда могильных ям, в канавках были найдены бронзовый бубенчик, бусы. В этом же году на могильнике были начаты раскопки под руководством Н.В. Соболевой. В 1994, 2000, 2001, 2002 гг. раскопки могильника проводились КАЭ ПГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой, в 1995 г. — под руководством А.М. Белавина. Всего за эти годы на могильнике было вскрыто 2432 кв. м, изучено 280 погребений. Таким образом, Огурдинский могильник является одним из самых изученных в Прикамье.

Исследования показали, что могильник оставлен угорским населением, то есть родственниками современных венгров, хантов и манси. Мало того, не вызывает сомнения то, что здесь хоронили своих родственников выходцы с территории Зауралья, о чем свидетельствуют многочисленные факты.

Исследователей древних захоронений в первую очередь интересуют особенности погребального обряда, которые могут многое поведать о мировоззрении и духовной культуре людей прошлого. Погребальный обряд Огурдинского могильника достаточно необычен, хотя аналогии ему известны на других средневековых могильниках Прикамья, таких, например, как Рождественский, Антыбарский, Мелехинский, Телячий Брод. Могильные ямы располагались рядами, протянувшимися вдоль течения реки Кама. Рядовые погребенные помещались в них ногами к реке, а погребения представителей знати — головой к реке. Всего на могильнике зафиксировано три варианта погребального обряда. Наибольшая часть могил принадлежит к категории «погребений на помосте». При совершении подобных погребений выкапывалась неглубокая яма, дно которой присыпалось тонкой прослойкой речного песка вперемешку с мелкой галькой, угольками и золой из поминального костра. Сверху над ямой возводился дощатый помост, на который укладывали покойного в одежде с украшениями, с прикрепленными к поясу ножами, колчанами со стрелами и прочими вещами, которые могли ему понадобиться в загробной жизни. Во многих погребениях присутствовали керамические или деревянные сосуды, зубы лошади, что свидетельствует о снабжении покойного пищей. Сверху погребенного присыпали тонким слоем земли с углями. В погребениях, совершенных по данному обряду, кости не сохраняются, исключение составляет наличие в некоторых могилах эмали зубов. Вероятно, находившиеся почти на поверхности останки очень быстро разрушались, помост прогнивал, и оставшееся обрушивалось на дно ямы. Вокруг некоторых погребений удалось

обнаружить ямки от жердей, что свидетельствует о существовании каких-то надмогильных сооружений типа шалаша.

В этом погребальном обряде, изученном на Огурдинском могильнике, зафиксировались представления людей о загробном мире, наличие культа предков, культа огня. Подробнее объяснить имеющиеся факты позволяют данные этнографии угров, которые наиболее подробно обобщены в работах В.Н.Чернецова, М.Ф.Косарева и других исследователей.

По представлениям обских угров, человек имел несколько душ (мужчина — 5, женщина — 4). После смерти основной задачей родственников становилось препровождение первых двух душ (души-тени и души-призрака) в темный мир. Та часть погребальных ритуалов, которая была связана с захоронением в земле, имела две основные цели: 1) помочь душе-тени быстро и благополучно достичь своего темного нижнего местообитания; 2) исключить возможность возвращения этой опасной души в мир живых. Одним из самых распространенных способов отправления за границы земного обитания является зарывание в землю. Этот способ, практикующийся еще с эпохи среднего палеолита, применялся как к покойнику, так и к сопровождающему его инвентарю.

Душа-тень после смерти следует за покойником в могилу. Могилы, в которых жили души-тени, ассоциировались с домами, а кладбище — с поселением. У остяков (хантов) кладбища так и назывались «поселение покойников», «юрты покойников». У обских угров над могилой строили избушку с окошком, через которое приносили умершему угощения, дары, а иногда и новую одежду взамен истлевшей. Наличие подобных сооружений отмечается и на Огурдинском могильнике. Считалось, что душа-тень может, когда захочет, уйти из разлагающегося трупа, а затем вновь вернуться к нему. Вышедшая наружу душа-тень очень опасна, она стремится попасть в жилище к живым, нанести им вред и способна даже «съесть» человека. Особенно опасной душа-тень становилась, когда считала себя обиженной кем-то из живых. Когда тело покойника истлевало, душа-тень превращалась в насекомое вроде жучка, а затем вообще исчезала. Вероятно, с этими представлениями связан обычай захоронения на помосте, когда тело, находившееся почти на поверхности земли, истлевало относительно быстро, и, соответственно, быстро исчезала вредоносная душа-тень. Обычай погребения на помостах сохранялся у ряда народов Сибири вплоть до этнографического времени. С целью предохранения от этой опасной души применялось, вероятно, и «очищение» могилы огнем, о чем свидетельствуют многочисленные угольки в погребальной засыпи.

Огонь, как известно, является самым распространенным и действенным оберегом. В этнографии сибирских народов, в том числе и обских угров, зафиксированы примеры, когда в руку умершего клали маленький уголек, который должен был служить оберегом, защищающим души живых людей от умерших и не позволяющим последним забрать чужую душу. Вместе с тем в отношении к огню и оценке его роли в ритуальных действиях в этнографических материалах наблюдается много противо-

речий. С одной стороны, огонь применялся для защиты живущих от умершего. Например, ханты, чтобы не допустить возвращения умершего, в течение нескольких дней после смерти родственника поддерживали постоянный огонь в жилище. Но в то же время, считалось, что огонь необходим покойнику. Манси, например, никогда не сжигали всех приготовленных для костра дров, оставляли хотя бы одно полено для того, чтобы тень умершего, идущая в мир мертвых, могла погреться у костра. Наряду с другими вещами в могилу вместе с покойником обычно клали «огонь», огнедобывающее приспособление (кремень, кресало, трут).

Для изоляции умершего от живых у обских угров применялись погребальные лицевые покрытия и маски. Чаще всего лицо умершего закрывалось куском кожи или платком, или просто голова оборачивалась этим материалом. Разумеется, обнаружить следы такого покрытия в древних погребениях, где не сохраняются даже кости, нереально. Однако, как отмечал Е.П. Казаков, который считает наличие погребальных масок одной из характерных черт угорского погребального обряда, зачастую на погребальные лицевые покрытия наносились изображения глаз и рта, что, по его мнению, происходит из представления о трупe умершего как «душе-тени». Душа эта деятельна, а важнейшим атрибутом всякого деятельного существа являются рот и глаза. Поэтому места расположения глаз и рта на маске отмечались краской, нашитыми пуговицами, нашиванием бисера или какими-либо иными способами, в том числе пришиванием вырезанных из тонкого кованого серебряного листа наглазников и наротника. Изредка, вероятно, у наиболее уважаемых при жизни людей при их погребении на лицо накладывалась цельная металлическая (серебряная) маска, которая имитировала лицо покойного. Такие маски встречены в ряде погребений Огурдинского могильника. Об угорской принадлежности этого обряда на Урале и в Сибири можно судить не только по хорошо известным этнографическим примерам Западной Сибири, где этот обряд зафиксирован этнографами в XVIII-XIX вв., но и по распространению его у протомадьяр в могильниках Южного Предуралья (Стерлитамак, Танкеевка, Тиганы) и у венгров конца IX-X вв. в Панонии.

Вторая душа — душа-призрак, «уходящая вниз (по реке) душа». Внешне она почти не отличается от души-тени, а временами как бы сливается с ней. Покинув человеческое тело, душа-призрак до отправления в Нижний мир жила некоторое время окрест человеческого местообитания и в это время как бы совмещалась с душой-тенью. Такое её состояние продолжается до сорока дней, после чего она окончательно уходит в Нижний мир, в страну мертвых, уходит неохотно, тоскуя по родным, по земным привязанностям. Похоронные ритуалы, связанные с посмертным устройством души-призрака, всячески подчеркивали, что у живых и мертвых разные пути, которые не должны совпадать. Соблюдались всевозможные предосторожности, устанавливались магические преграды, чтобы душа-призрак не могла вернуться домой. Основная масса могильного инвентаря, равно как и погребальная пища, помещались в могилу с целью снабдить душу-призрак «дорожным» запасом на период путешествия в страну мертвых, опасного и весьма продолжительного. С покойником,

исполнявшим при жизни особые производственные или социальные обязанности, кроме «дорожных» вещей, обычно клали знаки профессионального, культового или социального достоинства, например, в одном из богатых погребений Огурдинского могильника, принадлежавшем, на наш взгляд, шаману, в ногах находилась квадратная берестяная коробочка с набором предметов для гадания, куда входили кусочки кремня, коготь какого-то хищника, костяное кольцо, медная спираль, металлические прутки и пр. Считалось, что умерший, не снабженный транспортным средством, идет в потусторонний мир пешком. Поэтому для быстрого достижения Нижнего мира душа-призрак обеспечивалась средствами передвижения. Например, оленеводы оставляли на могиле нарту и забивали оленя; таежные охотники-рыболовы — лодку; скотоводы убивали верховую лошадь. Судя по тому, что во многих погребениях Огурдинского могильника присутствуют зубы лошади и элементы конского снаряжения (удила, стремяна и пр.), здесь покойника снабжали для путешествия верховым конем в виде его чучела. Как и душа-тень, душа-призрак становилась опасной, когда была обижена. Обычно обида вызывалась несоблюдением каких-либо деталей похоронного ритуала, например, когда родственники забывали положить с покойником какую-нибудь вещь. В таких случаях душа-призрак не могла закрепиться в мире мертвых и то и дело появлялась среди живых. Чтобы оградить себя от таких нежелательных визитов, родные прихоранивали эту вещь в могилу или «передавали» ее при случае с очередным покойником. Иначе обиженная душа могла «украсть» и «съесть» душу обидчика. В связи с этим родственники старались тщательнейшим образом соблюсти все необходимые погребальные обряды, стремились всячески умиловить умершего, воздать ему все заслуженные и незаслуженные почести. Покойника помещали в могилу таким образом, чтобы его душа сразу бы сориентировалась в сторонах света. Правда, исследуя разные могильники, можно отметить некоторую неувязку. Согласно представлениям обских угров, ориентировка умерших должна соответствовать линии горизонтально взаимоположения Верхнего и Нижнего миров: юг-север или восток-запад. Однако строго северная или строго западная ориентировка умерших встречается нечасто. По мнению М.Ф. Косарева, это противоречие кажущееся. Он выделяет у обских угров следующие варианты захоронения покойников: лицом на север (чтобы душа-призрак видела, куда идти); ногами на север (чтобы душа-призрак, встав, сразу же оказалась идущей в нужном направлении); ногами вниз по течению реки (чтобы душа-призрак сразу же нашла «нижнюю» дорогу); ногами к реке (чтобы душа-призрак вышла к речному берегу и далее следовала вниз по течению). Во всех случаях ориентировка воспринималась как северная, несмотря на то, что направление тела в могиле далеко не всегда совпадало с меридиональной линией. Вероятно, с представлениями о пути в страну мертвых по реке связано и присутствие во многих могильных ямах Огурдинского могильника слоя из речного песка и гальки.

Многие предметы, обнаруженные в погребениях, сломаны, причем сделано это преднамеренно, так как считалось, что все имущество умершего и принесенные ему дары должны быть «умерщвлены», ибо их душа должна освободиться и получить тем

самым способностью последовать за умершим в потусторонний мир. При этом полагали, что любая часть — это зародыш целого. То, что является частью в мире живых, обернется целым в стране мертвых: обломок горшка, положенный в могилу, станет целым сосудом, челюсть или даже зуб коня — целым конем и так далее.

Незначительное количество погребений Огурдинского могильника было совершено по обряду кремации. Можно предположить, что эти захоронения принадлежат иноэтничным представителям общества. Хотя М.Ф. Косарев приводит примеры существования биобрядности с присутствием незначительного количества кремаций у многих народов Западной Сибири вплоть до недавнего времени. При этом исследователь считает, что обряд трупосожжения, встречавшийся у отдельных этносов в определенные исторические периоды, имел не только ритуальное, но и социальное значение. К примеру, у оленных чукчей обряд трупосожжения применяли к людям, погибшим от какого-либо оружия при ритуальном убийстве или на поле боя. При этом обряд кремации представлялся наиболее престижным, чем трупоположение, поскольку он давал преимущественное право на последующее возрождение, так как при трупоположении душа направлялась в Нижний мир, а при трупосожжении — поднималась в виде дыма в верхние сферы. Сопоставляя инвентарь средневековых могильников, найденный при трупосожжениях, с героическими сказаниями остяков, М.Ф. Косарев пришёл к выводу о принадлежности кремированных захоронений былинным богатырям, ближайшим родственникам князя, представителям привилегированной военной касты героических времен военной демократии. Погребения с кремацией, выделенные на Огурдинском могильнике, содержат большое количество разнообразных железных предметов, в том числе и оружия, и вполне могут интерпретироваться как погребения воинов. Выделяется также небольшая часть погребений, в которых относительно хорошо сохранились скелеты. Эти погребения заметно отличаются богатством инвентаря, наличием социально значимых предметов и, безусловно, принадлежат местной знати. На данном могильнике основные отличия погребений знати состоят в том, что покойный укладывался не на помост, а на дно ямы, и, на наш взгляд, тела представителей элиты бальзамировались, о чём говорят хорошая сохранность черепа и костей конечностей и практически полное отсутствие костей туловища и таза. Случаи, когда представителей верхушки общества хоронили по особому обряду, хорошо известны. Дело в том, что великие богатыри, знаменитые вожди, выдающиеся шаманы и другие значимые лица, как отмечает М.Ф. Косарев, нередко воспринимались как духи ещё при жизни, во всяком случае в былинной интерпретации. И посмертная судьба души неординарных личностей могла проявляться в ином качестве, чем у обычных людей. В народных верованиях бывший герой либо человек, обладавший при своей земной жизни выдающимися способностями или властью, становится почитаемым духом. В двух наиболее богатых мужских захоронениях Огурдинского могильника лица умерших были покрыты шёлком с нашитыми на него серебряными масками-личинами (окислы серебра послужили консервантом и способствовали сохранности достаточно крупных фрагментов шелка). Маски имеют

прорези для глаз и рта и выпуклый нос. Шелковая подкладка под личиной выполняла функцию изоляции мертвого от живых, как и у других членов общества, а изготовленная из дорогого металла — серебра — личина выполняла вторую функцию погребальной маски: изображала лицо «души-тени» и вместе с тем служила показателем богатства умершего и его родичей. Подобные серебряные маски хорошо известны на территориях обитания угров, в том числе и в могильниках Прикамья. И наиболее часто маски из драгоценных металлов находились в погребениях мужчин-воинов, которые сопровождались богатым набором оружия, орудий труда и украшений. Как считает Е.П. Казаков, «души» этих покойников были, по-видимому, наиболее почитаемы и вызывали наибольший страх у соплеменников. В Венгрии периода «обретения Родины», по наблюдениям И. Фодора, металлические погребальные лицевые покрытия обнаруживаются в погребениях людей (чаще мужчин), обладавших, по мнению соплеменников, какими-либо сверхспособностями (в том числе магическими) и при жизни обладавшими властью. Вероятно, это наблюдение справедливо и для населения, оставившего Огурдинский могильник. Интересно, что в этих двух мужских погребениях обнаружены остатки украшений кос, состоящие из кожаной ленты с нашитыми на нее бронзовыми пронизками, привесками в виде полого шарика, а в одном из погребений на конце ленты была прикреплена серебряная восточная монета. Известно, что у угров мужчины носили длинные волосы и нередко заплетали их в две косы, которые подворачивали таким образом, что получались короткие петли, свисающие до плеч. Косы были непременной принадлежностью мифических богатырей, в сказаниях часто встречается эпитет «косатый богатырь».

Таким образом, погребальный обряд, изученный на Огурдинском могильнике почти во всех его деталях, может быть объяснен с помощью угорской этнографии. Погребальный инвентарь также находит множество аналогий на территории Приобья.

В первую очередь следует упомянуть лепную посуду. Все ученые сходятся во мнении о том, что лепная посуда обычно не являлась предметом обмена или торговли, и присутствие керамики инокультурного происхождения может свидетельствовать либо о наличии межэтнических браков, либо о переселении каких-то групп населения. На Огурдинском могильнике остатков керамических сосудов найдено сравнительно немного. Значительная их часть может быть отнесена (по Казакову Е.П.) к «общегорской» посуде с характерным гребенчато-шнуровым орнаментом. Но кроме этого, выделяется целый ряд погребений с сосудами, украшенными орнаментом, характерным только для Приобских культур. Причем, по мнению В.Д. Викторовой, ознаменовавшейся с коллекцией могильника, в Зауралье такая керамика встречается только до начала X в., в то время как Огурдинский могильник датируется XI в. Это означает, что группа населения, переселившаяся из Зауралья на берега Камы, была довольно консервативной и дольше сохраняла привнесенные с Родины традиции.

Не менее характерными для Зауралья являются обнаруженные в погребениях Огурдинского могильника украшения и детали бытовых вещей, выполненные в зверином стиле. Среди них три аналогичных пряжки с изображением медведя в жерт-

венной позе, у которых голова медведя выполнена в высоком рельефе, а над головой помещены изображения крыльев. Ещё одна пряжка более крупного размера обнаружена в одном из погребений с масками. На ней, по мнению Н.В. Федоровой, помещено изображение так называемого «рогатого» медведя в той же жертвенной позе, а по бокам его усматриваются фигурки двух пушных зверьков. Подобные поясные пряжки появились на территории Западной Сибири в VIII-IX вв. н. э., а наибольший их расцвет приходится на X-XII вв. В целом же сюжет «медведь в ритуальной позе» (напоминающей позу шкуры и головы медведя на медвежьем празднике у манси и хантов) в течение тысячи лет (с I-II вв. н. э.) размещался на мужских украшениях и деталях костюма: поясных застёжках, браслетах и бляшках. Эти предметы несли какую-то важную нагрузку в знаковой системе праугорского костюма, а медведь получил ритуальное наименование «застёжечный зверь». Кроме того, на могильнике обнаружено два объёмных навершия рукоятей кинжалов, изображающих присевшего для прыжка хищника из породы кошачьих. Все перечисленные предметы, выполненные в зверином стиле, принадлежат, по В.А. Могильникову, к характерным предметам обско-угорского типа. Конечно, отдельные экземпляры подобных вещей могли проникнуть в Прикамье и в результате обмена, но такая высокая их концентрация на одном памятнике свидетельствует, что эти вещи попали к нам вместе с переселившейся группой людей.

Материалы Огурдинского могильника не позволяют судить о том, какую хозяйственную деятельность вели переселенцы. К сожалению, пока не удалось обнаружить поселение, оставленное этими людьми. Но одно можно сказать с уверенностью, что экономика у них находилась на довольно высоком уровне развития, о чём свидетельствуют богатые наборы погребального инвентаря. Почти во всех инвентарных погребениях встречены детали поясных наборов. Это разнообразные бронзовые пряжки, на которых кроме зооморфных, присутствуют растительные и геометрические орнаменты. Это достаточно разнообразный набор бронзовых и серебряных накладок, украшавших ремень. Среди них встречаются и накладки с прорезью в нижней части, которая служила для крепления к поясу разнообразных привесок, ножен, кошельков и прочее. Привесками к поясу служили узкие ремешки, украшенные мелкими сердцевидными накладками или накладками, стилизованно изображающими голову медведя, а также низки из бронзовых бус и пронизок-трубочек, завершающихся колокольчиком или бубенчиком. Встречены височные подвески, шаровидные привески, украшавшие головные уборы и косы, перстни и браслеты. В женских погребениях присутствовали ожерелья из разнообразных стеклянных и каменных бус. Население имело широкие торговые связи, о чем свидетельствует наличие большого количества предметов болгарского ремесленного производства (детали поясных наборов, серебряные ювелирные изделия и прочее), предметов восточного импорта (серебряные монеты-дирхемы, бусы). Восточные монеты использовались местными жителями в качестве подвесок, им, вероятно, придавалось какое-то магическое значение, и вместе с тем они демонстрировали высокий социальный статус и уровень материального

благополучия их владельцев. Интересен факт присутствия на данном могильнике достаточно большого количества бус из индийского дымчатого сердолика, украшенных орнаментом, нанесенным белой краской (инкрустацией), а также синих стеклянных бус с орнаментом в виде желтых ромбов, характерных для византийского ремесленного производства XI в. Такие бусы на территории Восточной Европы известны в единичных экземплярах, а на Огурдинском могильнике их найдено более десятка. Вероятно, сюда поступила большая разовая партия подобных изделий.

Анализ погребального инвентаря показал, что захоронения на могильнике осуществлялись на протяжении довольно ограниченного периода XI в. Затем пришлая группа, вероятно, покинула берега Камы. Но, что интересно, могильник продолжал посещаться уже новым, финским населением, о чем свидетельствуют находки в самых верхних слоях предметов финского облика, которые датируются более поздним временем. Среди этих вещей наиболее интересна находка фрагмента шумящей коньковой подвески поволжско-финского типа, единственной из известных на территории Прикамья.

В XI-XII вв. лесные угры Предуралья (ломоватовские племена) под давлением все возрастающей финской (древнекоми) миграции постепенно покидают свою Родину. Часть угорского предуральского населения активно мигрирует в пределы Волжской Болгарии, по данным Е.П. Казакова можно проследить несколько волн такого переселения вплоть до XIV в.

Причины возрастающего давления древних коми и иных финнов на угорское население Предуралья могли быть разнообразны. «Потепление раннего средневековья» послужило причиной роста населения на Севере и Северо-Востоке Восточной Европы. Начало «малого ледникового периода», повлекшее ухудшение экологической ситуации на Европейском Северо-Востоке (Кольский полуостров, Архангелогородчина, Вологодчина, Коми республика), привело в движение население этих территорий, вынужденное идти в более южные области. В этом плане интересны наблюдения над эколого-антропологическим своеобразием современных коми-пермяков, которое выдает в них ещё недавних (600-700 лет назад) обитателей субарктического климата. Кроме демографических и экологическо-хозяйственных (кризис) причин миграции финнов, можно назвать и христианизацию северо-восточных территорий, и их быструю славянизацию в X-XII вв.

Таким образом, в XI-XII вв. происходит быстрая смена преимущественно древнеугорского по языку и культуре населения Прикамья на древнефинское (древнекоми) население. На смену «угричам» пришли «пермичи». Общее количество памятников XIII-XV вв. невелико, что указывает на сокращение плотности населения в Верхнем Прикамье накануне русской колонизации. Именно тогда, в XIII-XIV вв. на Верхнее Прикамье распространилось название Пермь (в русской транскрипции Перма, Пермь или Пермь). Именно так в средневековье финноязычное население Карелии и Белоозерья именовало те территории, которые колонизировались финноязычным населением Европейского Северо-Востока.

Древние коми заселили в основном север современного Пермского края и Коми-Пермяцкий округ. Их археологические памятники XII-XV вв. известны в науке как памятники родановской археологической культуры.

По мнению профессоров В.А. Оборина и А.М. Белавина, много сделавших для изучения родановской культуры, эти племена занимались пашенным земледелием, придомным скотоводством, были великолепными рыбаками, охотниками, бортниками. Землю родановцы пахали с помощью деревянной сохи, имевшей железный наконечник «сошник» или «ральник». Урожай убирала с помощью железных серпов и кос-горбуш. Собранное зерно полбы, ячменя, ржи перемалывали в крупу и муку на ручных мельницах-крупорушках. Из домашних животных разводили лошадей, коров, овец, свиней. Из Волжской Булгарии или из древнерусских земель была заимствована домашняя курица. Лошадь использовали для верховой езды, запрягали в сани и телеги, использовали как тягловое животное при пахоте. Охотились с использованием собак, ставили капканы и силки. Рыбу ловили сетями, удочками-самоловами.

Жили родановцы как на укрепленных поселениях-городищах, так и на открытых поселениях-селищах. Ряд старых угорских городищ (например, Пыскор) продолжал существовать, но состав населения в них постепенно менялся. Появились новые поселения и кладбища-могильники при них (например, Городищенское на реке Усолка). Всего к периоду XII-XIV вв. в Усольском районе можно отнести верхние слои Пыскорского и Семинского городищ и селище Абрамово в бассейне реки Быгель, отдельные находки этого времени встречены на городище Острая Грива и Чашкинском 2 селище. Возможно, что некое родановское поселение (селище или городище) существовало в устье реки Яйва напротив современного посёлка Орел. По мнению А.Ф. Мельничука это поселение, расположенное на мысу между устьями двух небольших речушек можно связывать с легендарным Кергеданом (Кердыном), именем которого именовался иногда Строгановский Орел-городок. Финское (древнекоми) население Усольской земли накануне прихода русских было, таким образом, невелико. Это впоследствии дало Строгановым основание для того, чтобы заявлять, что места сии до их, Строгановых, появления были глухими, нежилыми и ненаселенными.

В 1324 г. московский князь Юрий Данилович во главе объединенного русского войска из Устюга «поиде в Орду, а шёл на Пермь Великую и поиде по Каме-реке». В XIV в. русские летописи, таким образом, впервые упоминают территорию Верхнего Прикамья, называя её Пермью Великой в отличие от давно известной Перми Старой Вычегодской. По мнению П.А. Корчагина, во времена Стефана Пермского (вторая половина XIV в.) и Федора Пестрого (поход 1472 г.) «... Пермь Великая — это весьма небольшой район по реке Колва протяженностью около 50 километров». Расти она стала только после присоединения Предуралья к Московскому государству.

В это время на территорию Прикамья начинает проникать русское население. На многих поздних родановских поселениях в большом количестве встречаются фрагменты русских сосудов и различные русские вещи XIV-XV вв. Так, В.А. Оборин и П.А. Корчагин, раскапывая городище Искор в Чердынском районе, обнаружили

в его культурном слое множество фрагментов древнерусской керамики XIV-XVI вв. Вероятно, в XIV-XVI вв. на Искоре было совместное поселение русских, коми-зырян и коми-пермяков. Судя по результатам раскопок Г.П. Головчанского на Пыскорском городище, также возможно было совместное проживание русского и древнекоми населения в XIV-XV вв.

Начиналась стихийная русская крестьянская колонизация Прикамья. Переселялись сюда в основном крестьяне русского Севера из новгородских и ростово-суздальских земель. Причиной такой колонизации был поиск свободных от феодального гнета земель и естественное увеличение населения в уже обжитых районах. Русское население оказало прогрессивное влияние на развитие хозяйства, ремесла и быта древних коми, особенно пашенного земледелия. В начале XV в. (между 1401 и 1409 гг.) на Верхней Каме строится первый русский городок, названный по имени его основателя двинского воеводы Анфала Никитина, перешедшего на сторону Москвы и бежавшего в Предуралье от преследования новгородских властей. К сожалению, хотя и место городка отмечено на некоторых старинных картах, найти его археологам пока не удалось.

В XV в. русское население проникает в основном на север современной Пермской области. Здесь возникает русское промысловое (солеварение) поселение, которое в XVI в. превращается в город Усолье Камское (Соликамск). Характерно, что русский солеваренный промысел в XV в. развивается в тех же местностях, где еще в XII-XIII вв. добывали соль родановцы.

4 апреля 1558 г. Иван IV жалует Григория Аникиева сына Строганова «отхожими землями» по Каме от устья реки Лысьва до устья реки Чусовая. На землях, которые были пожалованы Строганову, уже проживало русское и коми-пермяцкое население, хотя в жалованной грамоте и говорится, что эти места пусты.

Земли, отданные Строгановым, занимали огромную площадь в 3,5 млн. десятин (почти 4 млн. га). Строганов был обязан строить крепости-городки, заводить в них военные гарнизоны для «бережения от ногайских людей и иных орд». Ему вменялось в обязанность расчищать земли под пашни, добывать соль, ставить варницы, искать руды и другие полезные ископаемые. Строгановы получили право феодального иммунитета, по этому праву они были неподсудны наместнику, и их и их людей мог судить только царь. Кроме того, сами Строгановы не подчинялись наместнику и выполняли только распоряжения царя. От всяческих казенных налогов Строгановы были освобождены на 20 лет. Такую же льготу они получали на каждое новое пожалование.

Владения Строгановых быстро растут. В 1558 г. они строят свой первый укрепленный городок Канкор на Каме около соляных рассолов, в 15 верстах к югу от промыслов Соликамска. Это была самая северная окраина их вотчины, место, наиболее близкое к Чердыни — Перми Великой, центру царской администрации в Прикамье.

В 1560 г. рядом с Канкором был основан Строгановский родовой монастырь — Пыскорский. В 1564 г. ниже Канкора в устье реки Яйва был построен Орел-городок (Каргедан). Этот городок был построен как хорошо укрепленная крепость. Он нахо-

дился на небольшом полуострове, образованном берегами Яйвы и Камы. Узкий перешеек был прокопан рвом, что превратило городок в подобие острова. Городок был окружен деревянным «острогом». К стене вплотную примыкали деревянные избы. Вероятно, на стенах городка была установлена артиллерия — «пищали затинные», ядра от которых найдены профессором В.А.Обориным при раскопках городка в 1952-1954 гг. Во время раскопок собрана небольшая коллекция предметов вооружения XVI-XVII вв.: железные копья, бронебойные наконечники стрел, топоры-секиры и бердыши, костяные накладки сложного лука, костяные рукояти сабель, свинцовые пули от пищалей, пищальные кремни. Жители городка, судя по многочисленным находкам различных артефактов занимались различными ремеслами: кузнечным, бронзолитейным, железоделательным, косторезным, деревообработкой, кожевенным. Несколько находок железных ножниц говорят о существовании портных. Ремесленники гончары производили посуду, кирпичи, глиняные игрушки и изразцы. Изразцовое дело, судя по типам готовой продукции, было заведено при участии мастеров из подмосковной Балахны. Среди сложных и простых сюжетов на изразцах Орла-городка ярко выделяются изображения хищных клюющих птиц, что, видимо, как-то связано с названием городка, а так же сюжеты с изображением распускающихся бутонов, экзотических животных (львов) и людей (воинов). После подтопления городка производство изразцов было перенесено в Соликамск, вскоре ставший крупным центром изразцового производства на всем Урале, где оно развивалось вплоть до XIX в. Кроме того, в Орле-городке изучены остатки крепостной (острожной) стены, мостовые, остатки усадеб XVI-XVII вв. Не чужды жителям городка были и занятия земледелием и огородничеством. Об этом свидетельствуют находки кос, серпов, железных наконечников сох, мотыжек, железных и деревянных лопат, железных сечек для рубки капусты. Жители городка занимались и разведением домашних животных, о чем свидетельствуют остатки хлевов, большие скопления навоза, кости лошадей, коров, овец, свиней. О содержании домашней птицы говорят находки скорлупы от куриных яиц.

Орел-городок почти на столетие стал центром всех северных вотчин Строгановых. В нем размещался гарнизон из наемных воинов («охочих людей»), церкви, дом вотчинников, несколько десятков жилых изб, в которых проживали ремесленники трех десятков профессий, производственные мастерские, соляные варницы. В центре городка находилась торговая площадь. Орел-городок был не только производственным центром вотчин Строгановых, в нём в XVII в. родились сборник нравственных поучений «Статир» и «Строгановская (Сибирская) летопись». В конце XVII – начале XVIII вв. в результате смещения основного русла реки Кама строения Орла-городка были подмыты, и постепенно церкви и иные строения были перемещены на коренной высокий берег Камы, туда, где теперь находится современный поселок Орел. Строгановский городок был затоплен водами Камского моря и только по низкой воде напротив пристани современного поселка Орел из-под воды появляется небольшой островок, на котором еще видны остатки древних сооружений, рассолоподъемных труб и фундаменты церквей.

Поселок Орел был исследован Г.П. Головчанским, ему удалось найти напротив здания каменной соборной церкви Похвалы Богородице остатки перенесенного из Орла-городка вотчинного двора Строгановых конца XVII в.. В ходе раскопок был обнаружен развал изразцовой печи, украшенной красноглиняными (терракотовыми) и полихромными цветными рельефными изразцами с растительными узорами характерными для орлинского изразцового производства. Здесь же найдены черепица с зеленой поливой, трапециевидные пластины слюды в железных оконных переплетах. Неподалеку были исследованы остатки жилой постройки XVIII в., в которой был найден необычный артефакт — небольшой фрагмент бумаги, наклеенный на кору какого-то дерева. На бумагу были нанесены китайские иероглифы XIV-XVI вв. Возможно, эта «китайская грамота», хранилась еще в Орле-городке городке в XVII в. и, по мнению Г.П. Головчанского, использовалась как культовое кабалистическое письмо для связи с домовым. Когда её хозяева переехали на высокий берег Камы, то они взяли её с собой.

А в 1606 г. на границе Строгановских вотчин с Соликамским уездом возникает слобода Новое Усолье, в последней трети XVII в. сюда переводится центр северных Строгановских вотчин.

Слобода Новое Усолье, в отличие от Орла-городка, уже не была крепостью. Границы Российского государства уже отошли далеко на Восток и военной опасности уже не было. В разные годы В.А. Обориным, Н.Е. Соколовой, А.В. Рублевым, Г.П. Головчанским производились археологические исследования «музейного острова» Усожья. Ими были выявлены остатки первых, еще деревянных, казенных палат Строгановых, остатки кладбища XVII-XVIII вв., рассолоподъемные трубы XVII столетия, усадьбы XVII-XVIII веков. Архитектурно-археологическому обследованию подверглись и руины часовни Спаса Убруса — самого древнего сохранившегося каменного здания Усожья, который датируется XVII в., на что указывают особенности устройства кладки стен, размеры кирпичей.

В 1619 г. скончался владелец вотчины Н.Г. Строганов. Новое Усолье было взято в государеву собственность как «выморочное имение». Однако уже в 1620 г. особой царской грамотой оно было отдано в совместное владение Максиму Яковлевичу, Андрею и Петру Семеновичам Строгановым. В 1623 г., судя по материалам переписи М. Кайсарова, в Новом Усолье было: «дворов — 1 господский, 15 посадских и бобыльских, 2 кельи нищих и 1 пустой. Людей разного звания 34 человека». Строгановы активно переселяют сюда людей из других частей своего огромного имения. Возможность жить в Строгановских городках обеспеченнее, чем в государевых городах, привлекала многих жителей из других частей Прикамья.

Наивысшего расцвета Новое Усолье достигает в период, когда все промыслы переходят в руки Григория Дмитриевича Строганова. В 1697 г. в Усолье было уже 44 варницы, 23 рассолоподъемные трубы и 150 дворов работных людей. Начинаясь новая история древней Усольской земли.

Очерк архитектурно-планировочной истории Усолья в XVII — начале XX вв.

Усолье основано в начале XVII в. на пожалованных Григорию Строганову 4 апреля 1558 г. Иваном Грозным землях «ниже Великие Перми за 80-т за 8 верст по Каме реке, по правую сторону Камы реки, с усть Лысьвы речки, а по левую деи сторону реки Камы против Пызновские Курьи, по обе стороны по Каме до Чюсовые». Земли были пожалованы Строгановым с условием их хозяйственного освоения, в жалованной грамоте было предписано: «а где найдетца росол, варницы ставити и соль варити»¹. Вотчинники большое внимание уделяли развитию солеварения, так, в XVI в. в северной части вотчины были основаны Орловские, а на южной окраине — Чусовские соляные промыслы.

Первые русские поселения на строгановских землях возникали на месте или рядом с укрепленными городищами местного населения, другие — на границах вотчины, для защиты от набегов ногайских и сибирских татар, вогульского населения². Основание в 1606 г. на низком берегу, прорезанном старицами Камы, неукрепленной слободы — Нового Усолья — при новых соляных промыслах Никиты Строганова ознаменовало начало второго этапа колонизации строгановских вотчин.

Рост численности населения образованной слободки прекрасно иллюстрирует писцовая книга М.Ф. Кайсарова: в 1623-1624 гг. в Новом Усолье находился господский двор, 15 дворов «крестьянских самых молодчих людей и поваров и подварков и трубных мастеров» и бобылей с 34 жителями мужского пола, еще один двор пустовал. В промыслах насчитывалось 8 соляных варниц: «5 варниц соляных с црены, да 3 варницы без цренов»³. При соотнесении количества дворов в образованной слободке с другими населенными пунктами, существовавших в строгановской вотчине со второй половины XVI в., можно сделать вывод, что Новое Усолье было весьма небольшим населенным пунктом. Особенно в сравнении с Верхним и Нижним Чусовскими городками (326 и 224 двора соответственно) или Сылвинским острожком (104 двора) и Орлом-городком (110 дворов)⁴.

Картографические и иконографические материалы на столь ранний этап усольской истории отсутствуют, потому реконструировать застройку поселения можно только по письменным источникам (писцовым и переписным книгам, отдельным актам), а также данным археологических исследований.

1 Жалованная грамота Григорью Строганову, о построении на реке Орле городка и изъятии его с людьми и крестьянами от суда пермских наместников // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 168.

2 *Оборин В.А.* Использование русским население в XV-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 119-126, *Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф.* Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005. С. 23.

3 Писцовая книга Кайсарова 1623/4 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 4. Пермь, 1892. С. 172-173.

4 *Волегов Ф.А.* Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 11.

Населенный пункт возник при соляных промыслах, поэтому расположение рассольных скважин и удобство вываривания соли во многом определяли его застройку. Спустя несколько десятилетий после основания здесь находились пять рассолоподъемных труб, шесть варничных дворов с восьмью варницами и соляные амбары, располагавшиеся вдоль камского берега. В месте обнаружения соляных рассолов устраивали колодец с подъемным механизмом, называемым журавлем; по системе желобов рассол напрямую поступал в черные варницы (в таких варницах дым выходил через несколько небольших отверстий в крыше) с солеварными сковородами-цыренами, укрепленными на столбах («ножках»), которые группировались по две и образовывали варничный двор. Соляные амбары или соляные сараи были построены на берегу р. Кама, для максимального удобства во время погрузки соли для ее дальнейшей транспортировки к месту сбыта⁵. В источниках XVII в. не упоминается наличие соляных ларей, потому можно прийти к заключению, что тогда такого сооружения не было в технологической цепочке производства соли. Кстати, сравнение Новоусольского варничного комплекса с изображением соляных варниц на р. Мшага (Старая Русса) шведским инженером Э. Пальмквистом в 1674 г.⁶ позволяет сделать вывод о том, что в XVII в. промышленный комплекс в с. Новое Усолье был подобен аналогичным комплексам на северорусских территориях.

Регулярная планировка села в описанный период отсутствовала, застройка носила стихийный характер, а «проезжие» (шириной 5 саж.) и береговая дороги устраивались, в первую очередь, для обеспечения доступа к промысловым строениям. В селе находилось 58 дворов со 112 жителями мужского пола. Поскольку застройка была деревянной, владельцы предлагали отделять промысловые строения от обывательских, чтобы сохранить первые в случае пожаров. Господская усадьба Никиты Строганова, вероятно, изначально располагалась на берегу Камы на месте, где в настоящее время находятся каменные палаты⁷, и при отсутствии церкви и церковной площади могла являться центром слободы. Обывательские дома, принадлежащие рабочим соляных промыслов, концентрировались южнее господской усадьбы и выше веретви (района будущих Нижних промыслов). Не исключено, что промысловые рабочие проживали на всей территории, известной как Посад⁸.

Следующая перепись строгановских вотчин произошла в 1647 г.. Согласно переписной книге П.К.Елизарова слобода Новое Усолье была разделена пополам между наследниками Никиты Григорьевича Строганова — его двоюродным братом и племянниками — Андреем Семеновичем с сыном Дмитрием Андреевичем и Федо-

5 Раздельные и другие акты на отчину Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановых // ДАИ. Т. 2. СПб, 1846. С. 89-112.

6 Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012.

7 Архив ГИОКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 292/6. *Рублев А.В.* Отчет о полевых исследованиях в пригородной зоне г. Березники и исторической части г. Усолье в 1988 г. Березники, 1989. С. 43-44.

8 Раздельные и другие акты на отчину Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановых // ДАИ. Т. 2. СПб, 1846. С. 89-112.

ром Петровичем. Тогда здесь находились 2 двора «вотчинников», 36 крестьянских, 6 бобыльских и 2 пустых двора и 10 соляных варниц. Согласно переписной книге, в Усолье по-прежнему не существовало ни церковных дворов, ни церкви⁹.

Владельцы села, Дмитрий Андреевич и Федор Петрович Строгановы, скончались в 1670 и 1671 гг. соответственно. Половина села Дмитрия Андреевича перешла к сыну — Григорию Дмитриевичу, Федора Петровича — к вдове Анне Никитичне, что зафиксировано в переписи Ф.Ф. Бельского 1678 г. Перепись также дает также важные сведения о количестве дворов и промысловых строений в Новом Усолье. Григорию Дмитриевичу Строганову принадлежало «половина слободы Нового Усолье на Каме», в которой находились 1 «вотчинников» (принадлежащий землевладельцу) двор, 33 крестьянских и 38 бобыльских дворов, кроме того, на одном дворовом месте был поставлен амбар и лавка Анны Никитичны Строгановой. Вторая половина слободы и в ней «двор вотчинников на приезд», 2 двора церковных причетников (т.е. псаломщиков, пономарей), 90 дворов крестьян, 11 дворов бобылей, 1 двор нищего и 1 пустой были записаны за Анной Никитичной¹⁰. Таким образом, перепись фиксирует значительное увеличение количества дворов в Новом Усолье в сравнении с данными 1647 г: с 44 до 177.

Дату возведения первой церкви в Новом Усолье следует отнести к промежутку между 1647 и 1678 гг. Возможно, появление в Усолье собственной церкви связано с постепенным подтоплением Орла-городка, который утратил статус центра строгановских вотчин. Известно, что деревянная церковь «тремя шатрами вверх» была построена в том же месте, где в настоящее время находится каменный Спасо-Преображенский собор. После постройки церкви происходит смещение центра села от господских усадеб к церковной площади. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. рядом с деревянной церковью было возведено первое каменное здание Усолья — каменная одноэтажная однокупольная часовня, освященная во имя «Нерукотворного Спасова-образа-Убруса» (от убрус — полотенчатый головной убор; Спас на Убрусе — одно из названий Спаса Нерукотворного). Стены часовни завершал карниз из лекальных кирпичей и узкий фриз из уникальных поливных изразцов с изображением трубящих «сиринов» — птиц с человеческими головами, под фризом был пропущен пояс с жучковым орнаментом¹¹.

Вокруг церкви располагалось первое кладбище, остатки которого были зафиксированы во время археологических раскопок 1988 и 2003 гг.. А.В.Рублев исследовал погребения, обнаруженные рядом с домом Строгановых и датировал их второй половиной XIX в. (даже несмотря на то, что в одном из них был найден медный

9 Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды ПУАК. Вып. II. Пермь, 1893. С. 106-107.

10 ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 79об-85, 148об-155об.

11 Историко-архитектурное наследие Пермского края: Каталог-справочник / под ред. А.Б. Киселева, В.А. Якиной. Пермь, 2011. С. 256.

крестик XVIII в.)¹². В 2003 г. археологические работы под руководством Г.П. Головчанского проводились в прибрежной части в непосредственной близости к колокольне с торговыми рядами и часовне. Обнаруженные погребения, в том числе и ниже фундамента часовни, были отнесены к периоду XVII – начала XVIII вв., но дальнейшее их исследование было прекращено в связи с поступлением в раскоп грунтовых вод¹³. Между тем, находки погребений в значительном удалении от церкви, около каменного дома Строгановых, требуют продолжения исследований с целью уточнения площади кладбища и времени его существования.

В приложении к карте Московского государства, составленном в 1680 г. и впервые опубликованном в 1773 г. Н.Новиковым, сохранилось описание Нового Усолья: «Против речки Зырянки и Зырянских соляных усолей, на другой стране Камы реки, соляные промыслы Строгоновых, слово Новое-усолье: церковь деревянная; посаду жителей с 500, а варниц соляных с 40»¹⁴. Посад в данном случае следует понимать не как торгово-ремесленную часть города, расположенную вне городской стены, а как поселение с торгово-промышленным населением, не имеющее статус города. Скорее всего, описание было составлено до пожара, произошедшего в 1680-1681 г.. Единственным известным источником о нем является просьба Г.Д. Строганова о понижении оклада десятой деньги, где он говорил, что «в 7189 г. в Новом Усолье сгорели соляные промыслы и дворы его собственный, крестьянские и бобыльские»¹⁵.

В конце XVII в. неподалеку от сгоревшей господской усадьбы была построена новая, ее остатки были обнаружены в 1992 г. В.А. Обориным и исследованы в 1993-1994 и 2000 гг. А.Ф. Мельничуком и Н.Е. Соколовой. Установлено, что под одной крышей находились жилые и хозяйственные помещения. Жилой одноэтажный дом на высоком подклете, судя по расположению половиц, был ориентирован главным фасадом на реку. В верхнем этаже находились две жилые горницы с изразцовыми печами, сохранившиеся в виде прогоревшего и обрушившегося настила. По-видимому, в XVIII в. окна второго этажа были застеклены, в остальные вставлены слюдяные окончины. С севера к жилой части усадьбы примыкал хлев, а с восточной — хлебный амбар с несколькими внутренними перегородками. Площадь усадьбы могла составлять около 30 кв. м.¹⁶.

12 Архив ГИОКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 292/6. *Рублев А.В.* Отчет о полевых исследованиях в пригородной зоне г. Березники и исторической части г. Усолье в 1988 г. Березники, 1989. С. 37-38.

13 Архив ГИОКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. *Головчанский Г.П.* Отчет об археологических исследованиях в исторической части г. Усолья и Пыскорского городища в Усольском районе Пермской области в 2003 г. Пермь, 2004. С. 18-21.

14 Книга Большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. Издание второе. СПб., 1838. С. 149.

15 Цит. по: *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1967. С. 132.

16 Архив ГИОКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 64/1. *Соколова Н.Е.* Отчет о раскопках в исторической части города Усолья Пермской области и города Перми. Пермь, 1994. С. 12, 18; Д. 75. *Соколова Н.Е.* Отчет об археологических раскопках в исторической части г. Усолья Усольского района Пермской области в 2000 г. Пермь, 2000. С. 4; *Соколова Н.Е.* Усадьба Строгановых XVII-XVIII вв. в слободе Новое Усолье // Наука-производство-технологии-экология. Сборник материалов в 8 томах. Т. 7. Киров, 2007. С. 86-90.

К концу XVII в. территория Нового Усолья и соляных промыслов сосредоточилась в руках Григория Дмитриевича Строганова. На рубеже 1679-1680 гг. Анна Никитична уступила племяннику Григорию Строганову 2/3 имения мужа, а 1/3 оставила себе на прожиток, который после ее смерти также перешел к племяннику¹⁷. Согласно отказным книгам, А.Н. Строганова владела в Новом Усолье 16 варницами, 8 ½ рассолоподъемными трубами и 7 соляными амбарами, из них она уступила племяннику 11 варниц, 5 амбаров и 5½ рассолоподъемных труб (половина шестой трубы уже принадлежала Григорию Строганову)¹⁸, а также господским двором, вновь отстроенным после пожара 1680 г.: «...А на дворе строения. Горница двойня, против горницы сени с клетью, да изба челядна, да амбар припасной с подклетом. Изба скотская, пять клеток людских, стая конская с сенником. А в этом же дворе ее Аннина конского скота 24 лошади да у двора ж баня, да позади двора в хлебном амбаре хлеба ржи по осмотру мер з десять»¹⁹.

Самые ранние изображения Нового Усолья зафиксированы на чертежах, созданных во время спора между В.Филатьевым и Г.Шустовым, с одной стороны, и Г.Д. Строгановым, с другой, за обладание Ленвенскими соляными промыслами. Максимально подробно Усолье изображено на карте, представленной в Посольский приказ межевщиками князем Г.В. Тюфякиным и подьячим Г. Бирилевым 10 ноября 1696 г. и отображающей фактически результаты межевания спорных земель (рис.1). Село здесь показано вытянутым вдоль берега, центральное место занимает церковь, вокруг нее — небольшие обывательские дома, в северной и южной оконечностях соляные варницы с трубами (колодцы-журавли), оформившиеся в Верхние и Нижние соляные промыслы. Примечательно, что на чертеже один из домов южнее церкви выделяется по размерам, а в районе Верхних соляных промыслов показано небольшое здание, увенчанное крестом²⁰. Крупным домом могла быть изображена господская усадьба, а небольшое здание, увенчанное крестом — возможно, часовня в промыслах, на месте которой позже построили Рубежскую церковь²¹. Такое изображение вполне согласуется с гипотезой о расположении господской усадьбы на месте будущих каменных палат Строгановых. Здесь же следует отметить, что все строения в Усолье показаны красной краской, тогда как одна из церквей и ограда Пыскорского монастыря, Ленвенская церковь, колокольня, апсида соборной (?) церкви и двухэтажный господский дом в Орле-городке, выстроенные в камне, показаны белой краской, что свидетельствует

17 *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII веке. Пермь, 1890. С. 173.

18 Цит. по: *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 131.

19 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 3. Д. 3305. Л. 71об (цит. по: *Шилов В.В.* Березниковско-Усольский историко-архитектурный комплекс: формирование, развитие, сохранение. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 68).

20 РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губерния. Д. 12с.

21 Архив ГИОКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 47. Отчет о проектно-изыскательских археологических работах в г. Усолье и пос. Ленва и составление археологической карты пригородной зоны г. Березники Пермской области в соответствии с планом заказчика (заключительный). Пермь, 1992. С. 6; Усолье: мозаика времен. / ред.-сост. С.М. Барков, М.Л. Соколова. Пермь, 2004. Ч. 1. С. 87, 90-91.

о том, что застройка Нового Усолья в конце XVII в. по-прежнему оставалась деревянной. Детальные изображения зданий (в частности, церквей и помещичьих домов) встречаются и на других чертежах, связанных с земельными тяжбами XVII в., даже если они не имели отношения к делу, потому изображения усольских построек можно считать достоверными.

Несмотря на малое количество источников можно прийти к выводу, что к концу XVII – началу XVIII вв. сформировалась трехчастная структура поселения: Верхние промыслы – Посад – Нижние промыслы. После постройки деревянной церкви, центр села переместился на церковную площадь, недалеко от которой на месте сгоревшего в 1680-1681 г. «Никитинского двора» была построена господская усадьба Г.Д. Строганова. Вокруг церкви располагался посад с жилыми домами, а господская усадьба находилась на берегу р. Кама южнее церкви. Верхние и Нижние соляные промыслы располагались вдоль берегов северной и южной окраин села, чтобы обеспечить транспортировку дров к варницам и погрузку соли.

В январе 1711 г. вотчина Г.Д. Строганова была переписана дьяком Сибирского приказа Алексеем Никеевым. Перепись зафиксировала, что с 1678 г. в Усолье не только уменьшилось число дворов с 176 до 160, но и существенно сократилась численность населения: «при писце 186-го году было дворов жилых 84 двора да 11 дворовых мест, а ныне те дворы и дворовые места впусе и теми дворами и дворовыми местами никто не владеет». Некоторые жители опустевших дворов были направлены «на вечное житье» в Санкт-Петербург или в другие населенные пункты строгановской вотчины, другие «взяты в салдаты», ушли в Сибирь или «сошли безвестно»; несколько человек жили в других дворах в Новом Усолье, в богадельне, либо у соляных промыслов в «дербени» (старое название избы без двора). Однако подавляющее большинство дворов пустовало из-за смертей домовладельцев и их семей (при том наибольшее количество смертей приходится на 1691, 1694-1697, 1702-1703 гг.). Количество действующих варниц Усолье в 1711 г. — 27 — было сопоставимо с общим количеством варниц во всех остальных вместе взятых городках и селах строгановской вотчины. Наличие соляных варниц в Орле-городке перепись не зафиксировала, что позволяет утверждать, что в центр солеварения переместился в Новое Усолье²².

Именитый человек Григорий Дмитриевич Строганов умер 21 января 1715 г., а его вотчины унаследовали вдова Мария Яковлевна их сыновья Александр, Николай и Сергей Строгановы. Братья в 1722 г. были возведены в баронское достоинство, за что они «в знак усердия к Богу и благодарности к Государю положили свое обещание соорудить три святыя храма», Александр — в Устюге Великом, Николай — в Нижнем Новгороде, а Сергей — в пермских вотчинах²³.

Во второй четверти XVIII в. Новое Усолье становится центром солеварения в Прикамье. В село из затопленного Орла-городка полностью перемещается управлен-

22 РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1497; Оп. 5. Д. 2119.

23 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 288. Л. 376-381 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 24).

Рис. 1. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губерния. Д. 12с. Карта, представленная межевщиками князем Г.В. Тофужкиным и подьячим Г. Бирилевым в Новгородский приказ 10 ноября 1696 г. и показывающая фактические результаты межевания спорных земель по речке Лемве, выполненного в соответствии с требованиями Г.Д. Строганова. Фрагмент.

Рис. 2.

ческий аппарат, что предопределило рост численности населения, интенсификацию застройки и формирование уникального архитектурного комплекса. Храм «каменного строения» был заложен «неподалеку от старой каменной же часовни на берегу Камы», его строительство было предположительно завершено в 1729 или в 1731 г. (свидетельства об этом были утрачены в одном из многочисленных усольских пожаров). Одновременно теми же каменщиками производилось строительство каменного дома Строгановых, предназначенного для размещения канцелярии. Поскольку после смерти Григория Дмитриевича его сыновья совместно владели движимым и недвижимым имуществом, скорее всего, дом строился за общий счет баронов Строгановых. Ввиду того, что планировка подклета и первого этажа не предусматривала жилые помещения, некоторые исследователи предполагают, что мог существовать еще один жилой деревянный этаж (аналогичный дому Строгановых в Нижнечусовских городках), сгоревший в пожаре 1737 г. Однако в донесении баронов Строгановых об ущербе от произошедшего пожара сгоревший деревянный этаж не упомянут²⁴.

²⁴ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 282/291. Л. 285 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 1).

Первоначально к каменной Спасской церкви была устроена деревянная звонница, ее в 1737 г. уничтожил пожар, после чего началось сооружение каменной колокольни. Скорее всего, строители колокольни — соликамские каменщики Рязанцев, Котельников и Кожин — не участвовали в возведении Спасской церкви и дома Строгановых, о чем свидетельствует иной, упрощенный декор колокольни; с оформлением дома Строгановых и церкви схож лишь жучковый орнамент. Выбирая место для колокольни, определяя ее архитектурные формы и высоту, зодчие учитывали ее центральное место в ансамбле. Колокольню-восьмерик изначально завершал деревянный фонарь с высоким шпилем²⁵, аналогичный Меншиковой башне (1701-1707 гг.) в Москве и Петропавловскому собору (1712-1723 гг.) в Петербурге²⁶. Постройка колокольни явилась завершением целого этапа в создании усольского архитектурного комплекса (рис. 2).

Возникшие проблемы, связанные с ведением общего хозяйства в рамках крупного промышленного и заводского комплекса, привели к разделу вотчины между Александром,

25 РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д.1533а. Л. 4.

26 Косточкин В.В. Чердынь, Соликамск, Усолье. М., 1988. С. 135.

Николаем и Сергеем Григорьевичами Строгановыми. В 1740 г. братья разделили между собой имущество в Москве, после чего приступили к подготовке разделов Пермских владений. 20 мая 1747 г. был подписан отдельный акт, получивший название «вотчинного», в соответствии с которым на три части были разделены строгановские земли, «обретающиеся» горные заводы и рудники в Прикамье²⁷. Спустя два года произошел так называемый «соляной» раздел. Соответствующий акт, подписанный в 1749 г., представлял собой подробную инструкцию поверенным для фактического раздела рассольных труб и варниц на три равные части, в зависимости от их состояния и качества рассолов, а также крестьян и варничных работников в зависимости от их квалификации (трубники, циренщики, кузнецы, повара и др.)²⁸. Известно, что на момент раздела в Новоусольских промыслах было 40 рассолоподъемных труб, 45 варниц, 25 соляных амбаров, которые обслуживало около 3500 человек²⁹. Кроме того, разделению подлежали «... протчие анбары, также кузницы и конюшенные ... и построенные наши дома, в которых живут прикащики, и канцелярии и челядинные и работничьи избы»³⁰.

После разделов строгановских вотчин 1747 и 1749 гг. Новым Усольем примерно в равной части владели братья Александр, Николай и Сергей Григорьевичи Строгановы, что создавало предпосылки для дальнейшего дробления вотчины и появлению новых владельцев Новоусольских соляных промыслов. Вследствие династических браков в 1757 г. часть вотчины Александра Григорьевича перешла к Голицыным, в 1763 г. — Шаховским (Шуваловым, Бутеро-Родали). В результате продаж часть вотчины Николая Григорьевича в 1773 г. отошла Всеволожским, часть в 1778 г. — Лазаревым. Наконец, в 1784 г. Лазаревы купили остаток вотчины Александра Григорьевича.

Как уже упоминалось, селение неоднократно страдало от огня. В XVIII в. пожары случались в среднем 1 раз в 12 лет. В 1737 и 1768 гг. село выгорало из-за неосторожного обращения с огнем, в 1753 г. — в результате поджога, а точные причины возгораний 1756, 1771 и 1775 гг. пока остаются неизвестными. Обывательское строение располагалось преимущественно на небольшом участке между Верхними и Нижними промыслами (небольшое количество варничных работников проживало в избах при промыслах), плотность застройки была достаточно высокой, потому быстрое распространения огня неудивительно. Кроме того, «в Усолье ... не было больших улиц, кроме тесных проулков»³¹. После первого пожара XVIII в. рядом с Нижними соляными промыслами были учреждены две слободы Капустная и Пермская для переселения в них промысловых рабочих из Посада³².

27 Акт вотчинного раздела 1747 года // Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 9-21.

28 Акт раздела соляных промыслов 1749 г. // Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 10-23.

29 *Волегов Ф.А.* Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 32-33.

30 Акт раздела соляных промыслов 1749 г. // Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 12.

31 К-в. П. Извлечение из летописи о церквях села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 575.

32 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 288. Л. 376-381 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 25).

Следовательно, в конце 1730-х гг. происходит постепенное усложнение трехчастной структуры села (Верхние промыслы – Посад – Нижние промыслы). В Посадской части постепенно формируется административный центр (здесь концентрируются господские, «прикащичьи» дворы), а вокруг Нижних соляных промыслов возникают «рабочие» слободки.

В этот период происходят изменения и в застройке промысловой части. Несмотря на то, что все промысловые строения по-прежнему оставались деревянными, в их составе появились новые сооружения, а конструкции некоторых старых были усложнены. Вокруг рассолоподъёмных труб стали устраивать башни-клетки «с машинами» в пристроенных «избушках». Машины приводились в действие двумя запряженными лошадьми³³, поэтому в промыслах стали строить господские конюшни. Солеварни все также оставались черными, но теперь к ним стали пристраивать лари «для держания рассола», чтобы на случай поломки машины при варнице был запас рассола³⁴. Вывариваемая соль складировалась в амбары на берегу Камы. Одинаковые названия рассолоподъемных труб, варниц и амбаров свидетельствует о существовании варничных комплексов, в которые были объединены все строения, необходимые в технологической цепочке производства соли. Появление в промыслах кузниц было вызвано необходимостью частого ремонта циренов в варницах.

В Новом Усолье размещался административный аппарат каждого владельца села (сначала только баронов Строгановых, а затем и Голицыных, Шаховских, Лазаревых, Всеволожских), что предопределило рост численности населения и пространственное развитие поселения. «Тщанием» промыслового приказчика вдовы Александра Григорьевича Строганова — Марьи Артемьевны — Яковом Дьячковым 21 июля 1752 г. была заложена деревянная Владимирская Богородицкая церковь. Храм был расположен между Посадской частью и Верхними соляными промыслами и получил название Рубежского. Вскоре вокруг него выросла Рубежская слобода.

После очередного пожара 1753 г., причиной которого был поджог дома крестьянина Ивана Судейкина, по сообщению «Летописи о церквах села Нового Усолья» «образовались правильные большие улицы и переулки»³⁵. Такое утверждение позволило пермскому архитектору А.С.Терехину предположить, что в Усолье раньше, чем в других городах Урала сложилась регулярная планировка³⁶. В течение года после пожара каменная Спаская церковь была отремонтирована и «по прошению» Строгановых освящена 9 июля 1754 г. уже в качестве соборной церкви, тогда как собор в Орле-городке был упразднен³⁷.

Во время следующего пожара 20 февраля 1756 г. сгорела деревянная Богородицкая церковь в Рубежской слободе. Спустя год на месте сгоревшей церкви было начато

33 Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневниковых записок путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб, 1772. С. 83.

34 Милованов. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1856. Кн. 1. С. 44.

35 К-в. П. Извлечение из летописи о церквах села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 576.

36 ГАПК. Ф. р-1785. Оп. 1. Д. 186. Л. 8-8об.

37 ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Л. 5об-6.

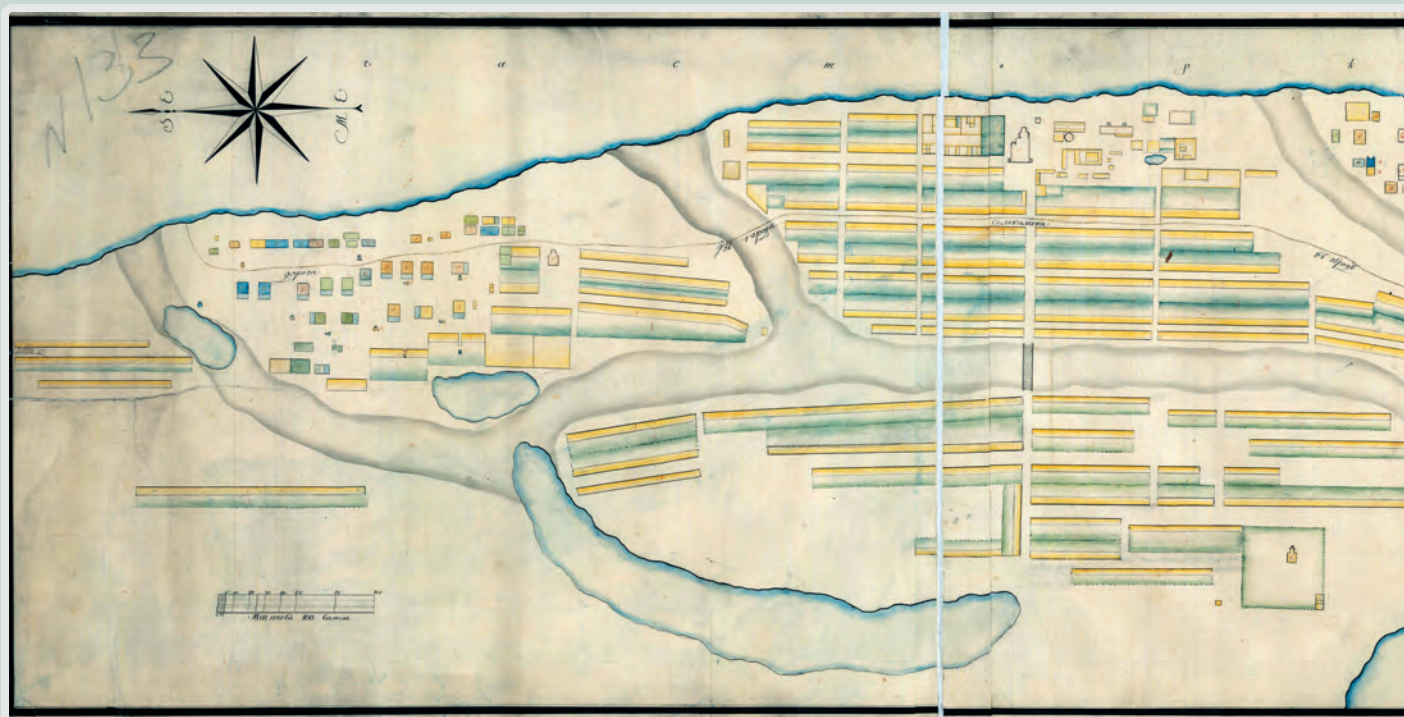

Рис. 3. РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Д. 133. Л. 2. План, представляющий села Нового Усолья, церковному, промысловому, господскому и обывательскому строению. Начало 1780-х гг.

строение Рубежской каменной церкви. Архитектурная доминанта Верхних промыслов была возведена лишь в 1774 г., а в 1791 г. над папертью была сложена колокольня, еще более обогатившая силуэт ансамбля³⁸.

В 1768 г. в Новом Усолье случился очередной пожар: загорелся дом Григория Сереброва и при сильном ветре огонь распространился на весь Посад и Капустную слободу. В 1771 г. от пожара пострадали Нижние соляные промыслы: сгорел набатный амбар, «костаренная изба с сеньми» (костаренная — возможно, та, где собирались костари, т.е. игроки в кости и другие азартные игры) и два припасных амбара на берегу р. Кама. 13 июня 1775 г. «в самый благовест к обедне» вновь «запалилось село Усолье» — накануне вечером некий Недубровский варил пельмени, а «оставшиеся после них небольшие головни брошены были женой его в отход, искра от искры расплодилось и дошли до стены огнем, и так утром, как сказано, дом загорелся»³⁹. Огонь разнесло ветром, и Посадская слобода с Нижними соляными промыслами «обращены были в пепел»⁴⁰. Именно во время этого пожара была повреждена «палатка» под крыльцом каменного дома Строгановых и сгорела деревянная господская усадьба.

38 К-в. П. Извлечение из летописи о церквях села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 576.

39 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 288. Л. 376-381 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 14-16).

40 К-в. П. Извлечение из летописи о церквях села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 577.

Нужно отметить, что свободные от застройки площади между промыслами и жилыми районами существовали, хотя и не были велики. Во время пожара в промыслах 1771 г., огонь не перекинулся на обывательские дома, тогда как во время пожара 1775 г. пострадал не только Посад, в котором находился дом Ботыгина, но и производственные районы. Полои — заливные места и проливы, стоящие только в половодье — между жилыми слободками также не являлись надежной преградой от огня: в 1768 г. огонь перекинулся на Капустную слободу.

Во второй половине XVIII в. село продолжает разрастаться, вокруг Верхних и Нижних соляных промыслов оформились новые слободки — Пихтовская, Ларьковская («на Вшивой горке»), Запотымская («За прорвой»), Козья, Лаишевская или Чигиринская, Покровская, Орловская, «Богородская пониже промысла» (Камская), в которых преимущественно проживали рабочие промыслов. В начале 1780-х гг. (до 1784 г.) южнее села, «в лугах» была построена каменная Ивановская часовня, вокруг которой также оформилась слобода⁴¹. Если каменные постройки возводили на высоких, незатопляемых местах (на верхнем плато), то рабочие слободки размещались в болотных низинах, малоприспособленных для жилья.

В 1778-1780 гг. на окраине Капустной слободы «ижданием» барона Александра Николаевича Строганова и «старанием» его управляющего Ивана Седова была

41 ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 374. Л. 1; ГАПК. Ф. 678. Оп. 1. Д. 68. Л. 1об.

построена кладбищенская Никольская церковь. Перенос сюда кладбища был обусловлен запретом Екатерины II производить захоронения умерших на территории населенных пунктов, а также недостатком места при соборной церкви⁴².

Все эти изменения в планировке и застройке села отражены в самом раннем (из известных ныне) плане Усолья, создание которого было приурочено к покупке И.Л. Лазаревым в 1778 г. (рис. 3) Новоусольских промыслов Г.Н. Строганова. В каждой слободке села застройка велась вдоль прямых улиц, которые, тем не менее, не везде были разделены переулками. Правильные прямоугольные кварталы были только в Посаде — самой населенной слободе, которая являлась и географическим, и административным центром села. Через нее проходила «дорога из города Солькамска в город Казань» — участок Сибирского тракта, именно здесь на небольшом участке берега Камы были сосредоточены административные, культовые и торговые постройки. Обывательские строения были выстроены вдоль улиц, а в глубине кварталов располагались огороды. Большинство кварталов на плане показаны без разбивки на домовладения, за исключением тех, где есть господские дома. Источник отражает и гидрографическую ситуацию в Н.-Усолье: здесь показаны не только береговая линия р. Кама и круглогодично существующие озера, но и «полои, в которые весной от разлития Камы заливают вода». Самым крупным водным объектом в Новом Усолье было Подвальное озеро. Кроме него существовало еще несколько озер: два в районе Верхних соляных промыслов, одно севернее Подвального озера (фиксирующее северо-западную границу поселения), и по одному в Посаде и на южной оконечности села. Несмотря на обилие водных объектов, в Усолье существовал только один мост — через Капустинский полой; он соединял Посадскую часть с Капустной и Запотымской слободой⁴³.

Полные сведения о количестве дворов в конце XVIII в. в Новом Усолье отсутствуют, но совмещенные разновременные сведения о численности дворов дворовых служителей, варничных работников и посадских крестьян в разных частях владельцев села (за исключением части барона Александра Николаевича Строганова), свидетельствуют, что в селе было не менее 900 дворов⁴⁴.

Застройка села преимущественно была деревянной, каменное строительство продолжилось в Посаде и Нижних соляных промыслах. В начале XIX в. рядом с каменными палатами Строгановых «без всякой крепости» был достроен дом Лазаревых, возведена ограда с торговыми лавками вокруг собора и в промыслах построена Покровская часовня.

Регулярная планировка была закреплена на плане села, составленном в 1809 г. и утвержденном губернатором К. Модерахом (рис. 4). План был составлен после крупного пожара, в результате которого выгорело все село, кроме двух небольших слобод (Камской и Пихтовской) и Нижних соляных промыслов. Крупнейший в истории

42 ПСЗ. Собрание I. Т. XIX. СПб, 1830. № 13724. С. 409. РГИА. Ф. 796. Оп. 57. Д. 359. Л. 1.

43 РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Д. 133. Л. 2.

44 ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 68. Л. 35; ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 139. Л. 28-28об; ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 133. Л. 15об-45; ГАПК. Ф. 177. Оп. 3. Д. 374. Л. 43об; ГАПК. Ф. 678. Оп. 1. Д. 68. Л. 26об.

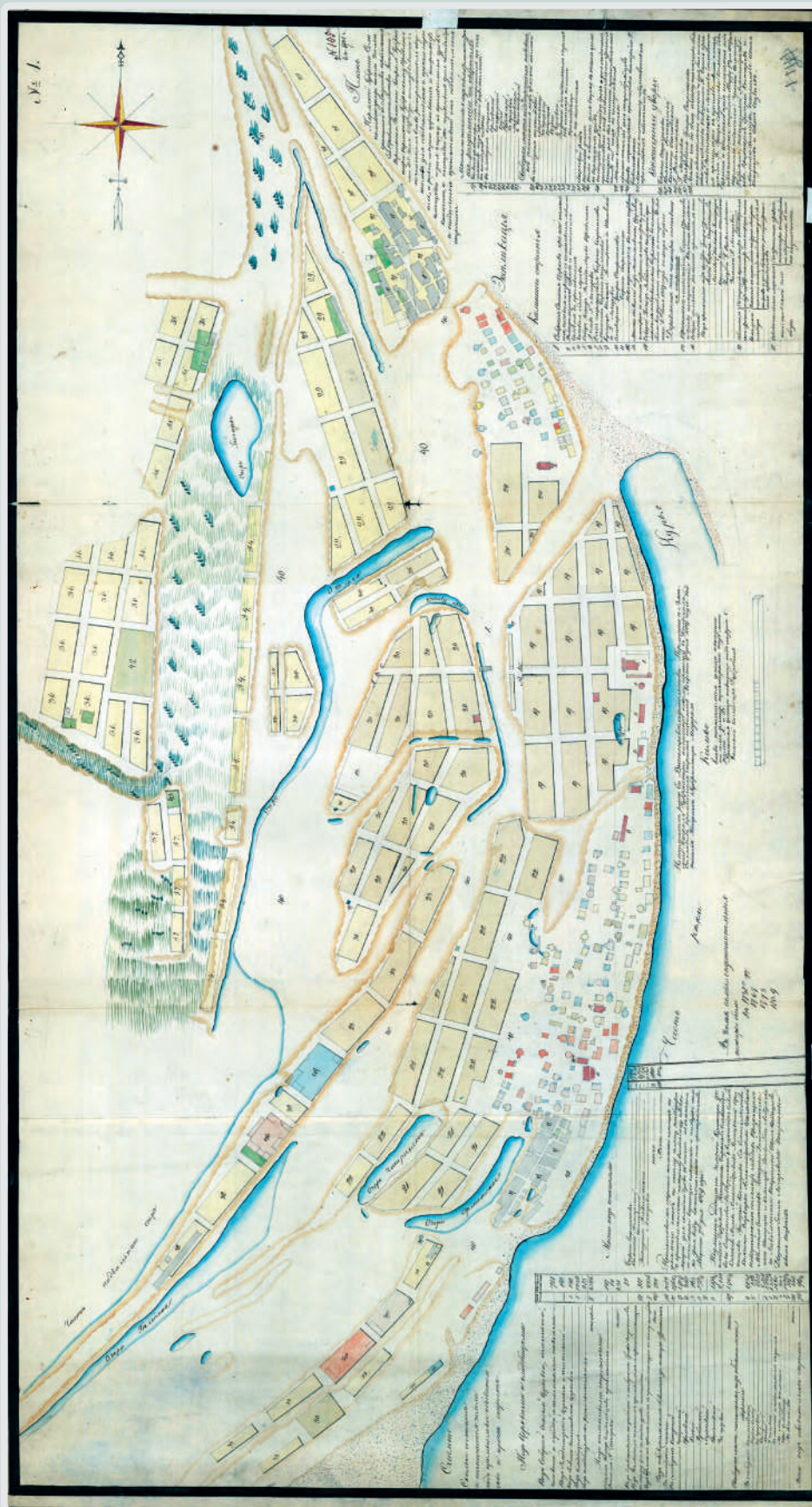

Рис. 4. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1834. План Пермской губ. Соликамского у. на село Усьолье, составленный по предложению пермского губернатора в 1809 г. на выделение кварталов для обывательского строения для церковных и торговых площадей.

Усолья пожар «всех поразил своим превосходством пылающего огня», его следы зафиксированы археологами практически на всей островной части поселения.

6 июня 1809 г. «вдова Каменьчиха пировала, да из пистолета стреляла, сначала запалился от стрельбы свой сенник, а потом нарочитым восточным ветром раздуло огонь и на все Усолье»⁴⁵. К сожалению, имя вдовы Каменьчихи история не сохранила. Мы знаем лишь, что в то время она была не вдовой, а женой голицынского надзирателя Ивана Третьякова, «женщиной распутной во всех отношениях»⁴⁶. В результате пожара обгорели Спасский собор с колокольной, пострадала Рубежская церковь: «огонь входил только в паперть церковную и сторел здесь пол, но самая церковь спасена от огня силою Всевышняго», Никольская церковь в Капустной слободе выгорела полностью, как и 8 домов церковного причта, убыток владельцев села оценивался в 522 829 руб.⁴⁷.

Табл. 1. Недвижимое имущество, сгоревшее во время пожара 06.06.1809 г.⁴⁸

Владелец	Рассолоподъёмные трубы	Солеварни	Соляные амбары	Кузницы	Конюшни	Господские дома	Обывательские дома
Г.А. Строганов	2	3	3	-	-	5	176
С.В. Строганова	4	4	7	1	1	13	230
С.М. Голицын	5	3	4	-	1	14	155
В.А. Шаховская	5	2	4	1	2	7	132
В.А. Всеволожский	4	3	4	1	1	17	155
Е.Л. Лазарев	4	2	4	3	2	6	167

По предложению Пермского и Вятского Генерал-Губернатора Карла Модераха после пожара был составлен план с. Усолья «с назначением вновь расположенных кварталов для обывательского и прочего строения, а равно мерою церковных и торговых площадей и для впуску к промыслам дров каналов, и площадей ж нужных для складки дров и отделения промыслового от обывательского строения»⁴⁹. К сожалению, подлинник плана Усолья 1809 г. не сохранился, но известно несколько его копий, составленных для нужд управляющих Строгановых и Лазаревых⁵⁰.

«Прожект кварталов» окончательно закрепил планировочную структуру села и сложившиеся слободы — Посадскую, Капустную, Чигиринскую, Орлинскую, Козью, Рубежскую, «За прорвой» (Запотымскую), Ларьковскую и Пихтовскую, в которых

45 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 288. Л. 376-381 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 27).

46 РГИА. Ф. 880. Оп. 1. Д. 238. Л. 111-112, 322.

47 К-в. П. Извлечение из летописи о церквях села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 578; ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Л. 7об.

48 Сост. по: ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 165. Л. 1-2, ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Л. 7об.

49 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1834.

50 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1834, РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Д. 57, РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Д. 137. Л. 1-3, ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 33, ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 419.

вновь были распланированы кварталы. Особенности рельефа — поселение находилось на низком берегу реки, прорезанном старицами Камы — предопределили специфику планировки. Кварталы центральной (посадской) части имели правильную прямоугольную форму, а в других, прорезанных полями и озерами — трапециевидную, треугольную. Согласно новому плану ширина улиц и переулков в посадской части села должна была составлять 10 саж., в остальных слободах — 7-8 саж. Несмотря на то, что Камская слобода (южная часть села, примыкающая к Нижним промыслам) не пострадала от пожара, было определено расселить ее жителей, а саму слободу оставить под промысловую площадь. Участок, назначенный под строительство приходской Никольской церкви, был отведен на месте сгоревшего храма. Православное кладбище было перенесено из разросшейся Капустной слободы на западную окраину села, а неподалеку от него возникло старообрядческое кладбище.

Незастроенное пространство южнее промыслов было назначено под кварталы образованной после пожара слободы «у часовни» (*Ивановской — Ю.Б.*), а на высоком коренном берегу Камы на «свободных и под застроем не бывших местах» были учреждены слободы: «за отной и Подвальным озером», «на Малом Камне», «при кладбище» и «на Богомолке». Новые кварталы были распланированы и на не застроенных ранее местах в некоторых существовавших слободах (*Пихтовской, Ларьковской, «За прорвой», Капустной и Козьей*), прежде всего, по берегам покоев.

В начале XIX в. произошло смещение русла Камы — река отступила от северной части села. В связи с этим вывозить соль с Верхних промыслов стало затруднительно, что подстегнуло развитие Нижних промыслов. Кроме того, что они занимали большую площадь, их застройка была существенно теснее: здесь располагалось более 110 промышленных объектов, расстояние между некоторыми из них было всего по несколько сажень. Кроме каменных кузниц, в 1809 г. в Нижних промыслах были заложены каменные солеварни барона Г.А. Строганова, графа А.С. Строганова и княгини В.А. Шаховской и «магазин барона ж Григорья Александровича Строганова»⁵¹.

В 1810-1830-х гг. жилая часть села была отстроена заново, а пострадавшие от пожара каменные дома и церкви были отремонтированы и перестроены. По мнению известного историка архитектуры В.В. Косточкина, это время является «золотым периодом» в архитектурной истории Усолья⁵².

В первую очередь были отремонтированы соборная и Рубежская церкви. В последней теплый храм был освящен через несколько месяцев после пожара — 13 сентября 1809 г., а холодный — в честь Владимирской Богоматери 28 мая 1812 г. Соборная церковь ремонтировалась и перестраивалась в течение 17 лет после пожара. Кроме ремонта интерьеров, сразу после пожара была разобрана южная часть паперти, где располагалось крыльцо. 26 августа 1826 г. храм был освящен священником Рубежской церкви Василием «уже не во имя Нерукотворенного образа Спасителя, а в честь

51 ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 33.

52 *Косточкин В.В.* Чердынь, Соликамск, Усолье. М., 1988. С. 120.

его славного Преображения на Фаворе»⁵³. Одновременно проводился ремонт каменного правления: была заменена сторевшая тесовая кровля, а в центре восточного фасада было устроено новое деревянное крыльцо, ведущее в верхний этаж.

В первой четверти XIX в. на набережной Усолья и вдоль улицы ей параллельной возводятся дома Строганова, Голицына, Лазарева и других владельцев промыслов. Фасады этих домов были решены в стилистике классицизма. Автором многих строгановских построек считается крепостной архитектор Трефил Тудвасев. По его проектам в Посаде были построены чертежная и архив (здание известно как контора сользавода) и господский дом для проживания Строгановых во время приезда в Усолье⁵⁴.

Голицинский каменный дом с флигелем на набережной севернее собора был «заложен в 1815, а строением кончен в 1818 году при управлении Г. К. [остарева] и М. Ч. [икова]»⁵⁵. Стилистически сходный с ним особняк был построен вскоре на той же улице на границе с Рубежской слободой. В 1818 г. была «докладена каменная аптека»⁵⁶ при промысловой больнице Голицыных.

В 1810 г. в юго-западном углу соборной площади был построен господский дом Лазарева (через несколько десятилетий его приобрел торговый крестьянин И. Кузнецов). В 1830 г. было, наконец, завершено строительство его же каменной сользаводской конторы (на месте разобранного после пожара каменного господского дома). Постройка, выполненная по проекту крепостного архитектора Ивана Матвеевича Подъячева, является фланкирующим элементом южной стороны береговой застройки посадской части села.

Каменная Ново-Никольская церковь на месте сторевшей деревянной была построена в 1813-1820 гг. Ввиду частых наводнений перед строительством была сделана земляная насыпь «от 4-х до 7-ми четвертей»⁵⁷. Авторство проекта храма приписывается А.Н. Воронихину (А.С. Терехин, В.Г. Лисовский, В.В. Косточкин) либо И.М. Подъячеву (А.М. Раскин, О.Б. Терешина). На наш взгляд, вряд ли Г.А. Строганов поручил разработку проекта крепостному архитектору Лазаревых. Кроме того, в вотчине Григория Александровича было построено несколько ротондальных церквей со сходным декором фасадов, например, в с. Богоявленское и Нердве⁵⁸.

На плане 1809 г. архитектор предусмотрел новую улицу, перпендикулярную Каме, открывающую вид на церковь с реки. Нижние промыслы получили не достававшую им вертикаль. Выделение церкви в застройке, четкий, графический силуэт и высокий шпиль колокольни делали ее неотъемлемой частью приречной панорамы

53 К-в. П. Извлечение из летописи о церквах села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 578.

54 СКМ. Ед. хр. 3000/11.

55 Головачанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005. С. 190.

56 Цит. по: Архив КЦОП. Ф. 7. Оп. 32. Д. 57. Л. 4.

57 К-в. П. Извлечение из летописи о церквах села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 579.

58 СКМ. Ед. хр. 3000/11. Л. 21; ПГКУБ им. А.М. Горького. Инв. № 255 069.

Усолья. Так было завершено создание «речного» лица города с вертикальными доминантами центра, Верхних и Нижних промыслов.

В 1820-1830-х гг. на общие средства владельцев села вновь осуществлялся ремонт холодного храма и паперти соборной церкви. В июле 1821 г. приглашенный нижегородский каменщик Белоногов и его помощники разобрали старую и выложили полукруглую паперть со стрельчатыми окнами⁵⁹. Вскоре ремонта потребовала и колокольня — в ее шпиль неоднократно ударяли молнии, и, в западной стене образовалась трещина «от слуховых окон колоколенных в них до фундаменту»⁶⁰, а сама колокольня накренилась. Необходимость возведения лавок вокруг соборной колокольни, в качестве контрфорсов обсуждалась в переписке управляющих соляными промыслами с 1834 г. Скорее всего, окончательное решение об их сооружении было принято весной 1835 г., тогда после очередной бури увеличилась трещина в стене. В 1837 г. за счет владельцев села «лавки около колокольни построены по необходимости для поддержания, но довольно не твердого, здания колокольни в виде контрфорсов»⁶¹.

О рядовой застройке поселения в этот период известно куда меньше. Она по-прежнему оставалась деревянной и не всегда соответствовала «проекту» кварталов 1809 г., — жителям не было удобно застраивать низины, ежегодно подтопляемые полями. Хотя в центре села — в Посаде — обывательские дома всегда возводили вдоль прямых улиц и переулков. Там же на рубеже 1830-1840-х гг. был построен единственный каменный обывательский жилой дом. По сведениям, полученным от усольских старожилов, дом якобы был построен купцом Кузнецовым для сдачи в аренду.

Только в середине 1830-х гг. был выстроен мост, соединяющий островную часть села с коренным берегом. При том, что устроен он был через самую широкую часть Подвального озера, и соединял обывательские дома Г.А. Строганова в Низовской (выделившейся из Капустной) и Богомольской слободе, а не в районе узкой оттоги, как было запланировано планом⁶². Возможно, строительство моста обусловило выбор места для возведения в конце 1830-х гг. «громадной больницы» Лазаревых на Богомолке. Промысловая больница была построена по типовому проекту, такие же госпитали были в других крупных поселках, принадлежавших Лазаревым (в Чермозском, Полазнинском и Кизеловском заводах).

Верхние промыслы были вновь отстроены в 1810-1820-х гг., развитие Нижних промыслов продолжилось на основе застройки, сложившейся после пожара 1775 г. Большинство зданий по-прежнему оставались деревянными и с неизменными конструкциями, поскольку улучшения требовали больших издержек, что было не выгодно в условиях крепостного труда. Некоторые усовершенствования в устройстве варниц и труб произошли благодаря их управляющим Г.Ослоповскому и И.Поздееву,

59 Шилов В.В. Березниковско-Усольский историко-архитектурный комплекс: формирование, развитие, сохранение. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 150.

60 Цит. по: ГАПК. Ф. р-1785. Оп. 1. Д. 86. Л. 44, 48–49.

61 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 13. Д. 8899. Л. 195.

62 СКМ. Ед. хр. 3000/11. Л. 50.

но большинство из них «выгоды и пользы ... кроме лишних издержек, не имели»⁶³. Изменилась планировка варниц, хотя они и оставались черными, вместо одного в них стало два-три помещения, с циреном в каждом; лари стали возводить как отдельно стоящие сооружения. Некоторые лари стали разделять на два помещения, одно для рассолов хорошего и второе — низкого качества. При этом, теперь они предназначались не столько для хранения запасов рассола на случай поломки трубы, сколько для отстаивания примесей из рассолов, добытых на бóльшей глубине. Новшества применялись в основном на Верхних промыслах, отстроенных после пожара 1809 г., здесь же впервые получили применения паровые машины. В большинстве случаев каменные здания (материальные магазейны — амбары, кузницы и черные варницы) возводили именно в Нижних промыслах на месте ветхих, поскольку застройка здесь была плотнее, а риск пожара выше. Фасады промышленных построек были решены в стилистике классицизма, как и гражданские здания, возведенные в этот период⁶⁴.

Соляные промыслы были самой пожароопасной частью села из-за способа выварки соли и большого количества дров. Практически все свободные от застройки места в промыслах использовались под дровяные плотбища. Одной из противопожарных мер был вынос оттуда на территорию слободок конюшен, обеспечивающих работу рассолоподъемных «машин». В 1818-1824 гг. на территории конюшенного двора Г.А. Строганова в Низовской слободе построены три деревянные конюшни, сарай для хранения экипажа, флигель, а также каменные флигели (в одном проживал конюший, во втором хранилась конная упряжь) и «магазейн» для хранения фуража. Наверняка, конюшенные дворы остальных владельцев имели схожую организацию.

Меры противопожарной безопасности, принятые в 1809 г., оказались недостаточными, через 33 года Усолье загорелось вновь. Пожар, начавшийся в 10 часов утра 9 мая 1842 г. от дома промыслового работника Г.А. Строганова — Ивана Иванова Варанкина в Чигиринской слободе, был последним крупным бедствием в истории дореволюционного Усожья. Проведенное расследование показало, что причиной возгорания явилось неосторожное обращение с огнем — поставленная малолетней дочерью хозяев Ксенией перед иконами свеча упала «на лежащее в том углу на столе белье»⁶⁵. По поднятой тревоге сбежали жители села, но, когда подвели пожарные трубы, огонь уже охватил весь дом, а так «как он находился в тесном соединении с другими домами, ... то пламя быстро перебралось на соседние дома»⁶⁶.

Пожар продолжался трое суток и «12-го же [мая] поутру у большого залива остановился, истребив у всех владельцев строения, рассолоизвлекательные трубы, магазины с солью, также хлебные и прочие магазины с припасами, солеварные дрова

63 Любарский В. О солеварении на Пермских промыслах // Горный журнал. 1825. Кн. 1. С. 125.

64 СКМ. Ед. хр. 3000/11. Л. 38-41.

65 ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 867. Л. 356-356об.

66 *Новокрещенных Н.Н.* Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб, 1889. С. 149.

и прочее, что было в среднем и нижнем отделении Новоусольских промыслов»⁶⁷. Всего сгорело 424 дома, 23 каменные лавки, 44 варницы, 30 рассолоподъемных труб, 21 (либо 22) рассольных ларей, 35 магазинов, 1 паровая машина, 4 столярни и 4 кузницы, а также 11 судов, стоявших на Каме. Пять глав собора обгорели, но интерьеры храма удалось спасти «содействием протоирея Пономарева». Деревянный шпиль колокольни и фонари под ним сгорели, а самый большой колокол весом в 400 пуд. упал и разбился, пробив все перекрытия. Обломками колоколов была завалена часовня в церковной ограде⁶⁸.

Сильные повреждения каменных зданий в центре села потребовали их реконструкции. Видоизменился восточный (обращенный к Каме) фасад общей каменной канцелярии. В верхнем этаже проббили два проема и соорудили к ним деревянные пристройки с винтовыми лестницами. Колокольня после ремонта утратила первоначальное завершение: шпиль уже не восстанавливали. Вместо этого был увеличен пятый ярус с прямоугольными проемами, увенчанными треугольными сандриками, и надстроен барабан, завершенный луковичной главкой. Отремонтированная часовня была завершена куполом с главкой на высокой шейке, а не шатром, как раньше. Стены канцелярии, часовни, колокольни и собора были оштукатурены, а кирпичный декор отныне не выделяли краской. Вокруг Владимирской церкви выстроили каменную ограду, а входы в храмовую часть с северной и южной стороны выделили тосканскими двухколонными портиками⁶⁹.

После пожара 9-11 мая 1842 г. управляющие внесли изменения в принципы планировки и застройки села. Вновь были распланированы Пихтовая слобода (8 кварталов), Ларьковская слобода (11 кварталов), Запотымская слобода (2 квартала), Ивановская слобода и Капустная слобода (21 квартал). В Рубежской слободе дома севернее Владимирской церкви предписали сломать ради безопасности промысловых строений в случае пожара, а южные кварталы слободы причислить к Посаду. В каждом квартале назначалась главная улица шириной в 10 саж. и переулки той же ширины; исключениям являлись улицы, вдоль которых располагались конюшни, их ширина должна была составлять 15 или 17 саж. Указан был и рекомендованный размер усадьбы вдоль улицы — от 15 до 25 и более саж. Форма кварталов во вновь распланированных слободах была скорректирована за счет изменения ширины существующих улиц и создания новых. Ширина Главной улицы (сейчас — ул. Преображенская), проходящей через все село к собору была увеличена до 20 саж. Соборную площадь увеличили, а рынок с нее перенесли к Подвальному озеру, где по обеим сторонам моста, соединяющего Капустную слободу и западную часть села, были выстроены на ряжах корпуса торговых лавок. Поскольку управляющие всех владельцев считали

67 ГАПК. Ф. р-1785. Оп. 1. Д. 186. Л. 27.

68 ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Л. 9об-10; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 288 (цит. по: ГАПК. Ф. р-2142. Оп. 1. Д. 23. Л. 29), *Новокрестьянских Н.Н.* Чермоозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб, 1889. С. 150.

69 БИХМ. КП-512, КП-68; ГАПК. Ф. ф-60п. Оп. 60п. Д. 492.

главной причиной быстрого распространения пожара скученность строений, треть всех домов планировалось вынести в западную, незастроенную часть села — на высокий коренной берег. В качестве меры, предупреждающей будущие пожары, были запрещены крытые дворы, устройство деревянных бань внутри села, кварталы между обывательскими строениями и соляными промыслами превращены в промысловые площади. Ввиду того, что село разрасталось в западном направлении, кладбище было вновь вынесено за его пределы села, а прежнее оставлено незастроенным⁷⁰. С целью улучшения сообщения между слободами и преграждения покоев, мешавших будущей застройке, управляющие Новоусольскими промыслами договорились о возведении за общий счет земляных плотин через Капустинский, Ларьковский и Рубежский пологи, Пихтовую канаву⁷¹.

В 1845 г. завершился раздел селитебной земли и обмена «чрезполосностями». Тогда же геодезистами, представляющими собственников села, создан «План на село Усолье», отражающий новые градостроительные требования. При его составлении была скорректирована принадлежность кварталов к слободам. В западной части села (рядом с частично застроенной Богомолкой) были учреждены слободы «Малой Камень» и «Большой Камень». Рубежская слобода, несмотря на первоначальные решения управляющих, все же была сохранена, а в Ларьковской слободе спланировали не 11, а 15 кварталов (новые оказались в низинах)⁷².

Небольшое количество сохранившихся планов селитебной части Усолья второй половины XIX в. не позволяют определить время завершения перестройки села в соответствии со Строительным уставом. Темпы застройки Усолья после пожаров иллюстрируют следующие цифры. В 1855-1856 гг. в селе помимо 3 каменных церквей и 18 каменных зданий, было уже 1197 деревянных жилых домов, в которых проживало 7690 владельческих людей⁷³. Известно, что график переноса обывательских домов не всегда соблюдался. Управляющие, имевшие право в таком случае обратиться в земскую полицию, предпочитали вести переписку с взаимными обвинениями, что не способствовало скорейшему сносу ветхих домов⁷⁴. Все же изменения планировочной структуры села позволили предотвратить в будущем распространение пламени во время пожаров 1848 и 1866 гг.⁷⁵ и сократить убытки владельцев села и Новоусольских соляных промыслов. Некоторые решения оказались неудачными или так и не были воплощены в жизнь. В частности, несмотря на строительство торговых лавок вдоль моста и перенесение Черного рынка, торговлю продолжали вести на Соборной площади. В результате в конце XIX в. от рыночной площади у Подвального озера

70 ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 827.

71 ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 837. Л. 47-69.

72 РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1840.

73 Милованов. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1856. Кн. 1. С. 4.

74 ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 827. Л. 297-298об.

75 ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 25. Л. 12; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ч. 1. Д. 998. Л. 37-38; *Новокрепленных Н.Н.* Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб, 1889. С. 158-159.

не осталось и следа⁷⁶. Другое решение управляющих — строительство церкви в западной части села для стимулирования переселения сюда жителей плотно застроенных слобод, — все же было реализовано, хотя и не так, как предполагалось изначально. Сроки неоднократно сдвигались, а разработанные архитекторами Шаповаловым и Туневым проекты не были реализованы⁷⁷. Каменная кладбищенская (а не приходская) церковь была построена только в 1861-1865 гг. по проекту архитекторского ученика Трефила Тудвасева⁷⁸.

Развитие застройки восточной (особенно промышленной) части села продолжало зависеть от водной артерии, обеспечивающей бесперебойную работу соляных промыслов (по Каме сплавляли лес к варницам, а вываренную соль в Нижний Новгород). В течение всего XIX в. русло Камы продолжило уклоняться к левому берегу, управляющими даже была образована специальная комиссия для исследования причин изменения речного русла. Кама настолько ушла к левому берегу, что приходилось расчищать от песка бывшее русло «для образования протоки воды» в весеннее время к Верхним промыслам⁷⁹. Несмотря на это, во время паводков село часто подтопляло, потому на полях было установлено больше плотин. В местах, где риск подтопления был особенно высок, возвели сооружения для укрепления берега.

В середине XIX в. Нижние промыслы активно застраиваются и расширяются. В результате участок, расположенный южнее Посада вдоль Пермской слободы, получил название Средний участок, или Средние промыслы, а застроенная во второй четверти XIX в. бывшая Камская слобода — Нижние промыслы.

После отмены крепостного права, в начале 1860-х гг. группа служащих С.Г. Строганова и И.Я. и Я.Я. Лазаревых посетила солеваренные Германии и Австрии. Определившись с наиболее технически совершенным предприятием, руководители поездки оставили «молодого технолога» Николая Ивановича Глушкова для снятия подробных планов с варниц. Первая белая варница, подобная германским, была построена на Новоусольских промыслах Г.А. Строганова в 1866 г. Такие варницы в Усолье называли Баварскими, хотя они по типу были ближе Розенгеймским. Н. Глушков не просто повторил немецкую варницу, но усовершенствовал ее с учетом особенностей Прикамья⁸⁰. Одновременно механиком Г. Обергом проектировалась белая варница «по образцу увиденных им в Германии» для промыслов Лазаревых, но управляющие следили, когда Строгановы достроят и испытают свою варницу⁸¹. В 1860-1870-х гг.

76 ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1860, УИАМ. КП 27/1.

77 ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 827. Л. 295, 314об.

78 *Варнакова О.Н.* История одного строительства. Кладбищенская церковь села Усолья конца XIX века // Княжеский род Голицыных в Усолье. Литературное краеведение. Коноваловские чтения. Пермь, 2005. Вып. 5-6. С. 39.

79 ГАПК. Ф. 716. Оп. 3. Д. 1872, 1873.

80 *Загаевский К.* Черные и белые варницы в Усолье // Горный журнал. 1883. Кн. 4. № 11. С. 181; Усолье: мозаика времен / ред.-сост. С.М. Барков, М.Л. Соколова. Пермь, 2004. Ч. 1. С. 170, 181, 191.

81 ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1402. Л. 7, 40об.

совершенствовалось устройство и черных варниц. Создание двуустных варниц (устья находились под чреном для топки) способствовало экономии топлива на 40-50%. Конструкции амбаров, ларей и рассолоподъемных башен оставались прежними, за исключением того, что конные машины при рассольных башнях постепенно вытесняли паровые.

В конце XIX в. Кама в районе Нового Усолья полностью отклонилась к левому берегу, остались только две небольшие протоки, ведущие к Верхним и Нижним промыслам. В районе Посада береговая линия отступила на 450 саж, или 960 м.⁸² При этом увеличился Капустинский полой, сливающийся в Низовкой слободе с Гнилым озером у конюшен, в Ларьковской части появилась новая прорва. Полой, ранее отделяющий Посад от Нижних (Средних и Нижних) промыслов исчез, взамен его около кузниц образовалось небольшое озеро⁸³.

Верхние промыслы, отрезанные от воды более полувека, сокращали свое производство. Сравнить развитие промышленных участков в Усолье в этот период позволяет «План Усольских и Ленвенских соляных промыслов Графа С.А. Строганова и прочих Гг. владельцев, состоящих в Пермской губернии, Соликамского уезда». Согласно источнику, в Верхних соляных промыслах находилось 44 строения (14 рассольных труб, 10 варниц, 6 ларей, 10 соляных амбаров, а также 4 паровые машины, караульни и распорядительные избы, мастерская). В Средних и Нижних промыслах — 154 (31 рассольная труба, 9 ларей, 17 варниц, 20 соляных амбаров, а также припасные и известковые амбары, караульные избы, кузницы, паровые машины и другие вспомогательные строения). Даже учитывая, что площадь Средних и Нижних промыслов была в несколько раз больше, нельзя не отметить высокую плотность застройки⁸⁴, которая, однако, не всегда была показателем производительности промыслов.

На рубеже XIX-XX вв. на Усольском солеваренном заводе С.А. Строганова под руководством горного техника Николая Павловича Тунева начался второй этап модернизации. Н.П. Тунев разработал проекты Натальевской и Похвальской варниц, механической откатки соли, позволявшие удешевить производство. После реализации проекта механической откатки промысловые сооружения С.А. Строганова были соединены рельсами с вагонетками, благодаря чему рассол поступал из трубы сразу к варницам, а вываренная соль из варниц — в амбары⁸⁵.

Конструкции рассолоподъемных башен оставались теми же, за исключением того, что в условиях использования каждым из владельцев села паровых машин отпала необходимость пристраивать к башне конную машину. Огромные соляные «магазинны», расположенные вдоль берега, на фотографиях начала XX в. изображены такими же, как и на рисунках начала и середины XIX в. Застройка промыслов была

82 ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 305.

83 УИАМ. КП 27/1.

84 ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 305.

85 *Дьяконов М.* Новоусольские соляные промыслы // Горный журнал. 1902. Т. 1. С. 48; ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 73; ГАПК. Ф. 716. Оп. 2. Д. 853.

хаотичной из-за необходимости близкого расположения сооружений одной технологической цепочки (трубы – лари – варницы), а система желобов и рельсов с вагонетками не добавляла ей упорядоченности⁸⁶.

Составленные в январе 1908 г. планы Верхнего, Среднего и Нижнего промыслов свидетельствуют о постепенном затухании солеварения. Промышленники все большее внимание обращали на соседние Ленвенские промыслы. В Верхних промыслах находилось всего 25 сооружений (тогда как за несколько десятилетий до этого 44): 9 соляных амбаров, 1 «разряд» (вероятно, административное здание), 6 солеварен, 1 ларь, 6 рассольных клеток и 2 паровые машины, еще 1 амбар и 2 солеварни. Тем временем, в Средних и Нижних промыслах было 60 сооружений: 20 амбаров, 2 «разряда», 12 солеварен, 5 ларей, 7 рассольных клеток, 6 «запасов» (припасных и хлебных амбаров), 1 изба, 4 кузницы, 1 дымная труба и 2 водокачки. Кроме того, 3 солеварни и 2 рассольные клетки не действовали, их планировали разобрать⁸⁷.

Соотнесение известных чертежей промыслов позволило уточнить функциональное назначение и принадлежность некоторых руинированных (в настоящее время) зданий, располагавшихся в Нижних промыслах. Здание, известное как «Амбар хлебный Строгановых» (ул. Спасская, д. 5), расположено на месте Александровской солеварни С.А. Строганова, назначенной в 1908 г. к разборке. «Административно-промышленное здание Шуваловых» (ул. Спасская, д. 5а) действительно использовалось для административных нужд; на «Плане Усольских среднего и нижнего промыслов» здание изображено в каменном исполнении и названо «разрядом». «Производственное здание Нижних промыслов» (ул. Спасская, д. 5б) в действительности являлось солеварней А.П. Шувалова. Расположенная неподалеку «Варница Никольская» (ул. Спасская, д. 11), вопреки закрепившемуся в литературе мнению, принадлежала не Шуваловым, а Голицыным⁸⁸. Каменная «Контора сользавода Голицына» (ул. Богородская, д. 3) не изображена ни на одном плане, хотя при кладке здания использовался кирпич с клеймом «КГ» (аналогичное клеймо стоит на кирпичях усадьбы Голицыных, построенной в 1815-1818 гг.).

Окончательному упадку солеварения в Усолье способствовал случившийся 17 июня 1909 г. пожар в Нижних и Средних промыслах. В результате него «обгорело пятьдесят два... здания, сгорело до 10 000 кубов солеваренных дров и масса различного заводского материала»⁸⁹. Убытки исчислялись суммой более миллиона рублей⁹⁰. После пожара Абамелек-Лазаревы уже не восстанавливали производство соли в Новоусольских промыслах. В 1915 г. по случаю смерти С.М. Голицына было прекращено солеварение на его промыслах.

86 БИХМ КП-1621. Ф. Солеварение. О. 2. П. 9.

87 ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 319.

88 ГАПК. Ф. 279. Оп. 5. Д. 305, 318, 319.

89 ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 848. Л. 2.

90 Адрес-Календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 г. Пермь, 1909. С. 123.

Застройка жилой части села продолжалась в соответствии с проектом кварталов 1845 г. Большая часть распланированных кварталов была застроена, за исключением нескольких участков в подтопляемых низинах в Ларьковской части, бывшей Ивановской слободе и вдоль берега Подвального озера. Жители постепенно заселяли западную часть села, так, в 1870-х гг. севернее Богомолки (вобравшей в себя Прядильную слободу) возникла Покча. В 1845 г. на этом пространстве планировали создать слободы «Малой Камень» и «Большой Камень». Вообще конец XIX — начало XX вв. отмечены тенденцией укрупнения слобод, да и сами слободы нередко стали называть «частями». К Капустинской части были присоединены Козья и Запотымская слободы, Низовая часть объединила Пермскую, Покровскую, Чигиринскую, Орлинскую и Ивановскую слободы. Границы Посадской, Рубежской и Ларьковской частей совпали с границами одноименных слободок. Пространственное развитие села продолжилось, в 1903 г. севернее Покчи упоминается слобода «Под камнем», и в западной части — «На глинках»⁹¹ (рис. 5).

Сложилась осевая улица, связывающая восточную и западную часть села, доминирующая в застройке Спасо-Преображенская церковь (в 1875 г. собор был упразднен) с колокольней должна была просматриваться от кладбища, в противоположном конце села. Восприятию, однако, мешал устроенный дальше торговой площади в центре главной улицы бульвар. Большое внимание уделялось благоустройству: на улицах в Посадской слободе были деревянные тротуары, в центре села при господских домах, конторах, домах управляющих и служащих Новоусольских промыслов разбивали сады, например, за домом, построенным для архива и чертежной (с 1890-х гг. — правление графа Строганова), при каменном господском доме Строгановых, правлении Шуваловых и господской усадьбе Голицыных в Посаде, доме управляющего С.А. Строганова в Капустной слободе. В ограде Спасо-Преображенской, Рубежской и Никольской церквей в 1880-1980-х гг. были высажены деревья.

Прибрежная линия застройки состояла из каменных домов и контор, ориентированных на реку. Площадь при Спасо-Преображенской церкви являлась торговым центром села, границы площади определяли выстроенные деревянные ряды: скобяной, кожевенный и кривой (последний имел изгиб в месте завершения квартала), торговали и в каменных лавках при колокольне, нижний ярус которой использовали под склады⁹². На улицах, фланкирующих торговую площадь, преобладали жилые дома и магазины купцов и торговых крестьян. Здесь в конце XIX – начале XX вв. средствами местных купцов было построено еще несколько каменных зданий. Рядом с домом Брагина был возведен двухэтажный полукаменный дом Мальцева (поставлен на государственный учет как памятник с наименованием «Дом жилой» (библиотека земская). На бывшей улице Богородской купцом М.И. Жаковым рядом с двухэтажным деревянным жилым домом Кузнецова, купленным у Лазаревых, был построен

91 УИАМ. КП 27/1, ГАПК. Ф. 279. Оп. 3. Д. 267.

92 ГАПК. Ф. р-8. Оп. 1. Д. 116. Л. 844.

каменный магазин. На противоположной стороне улицы был возведен полукаменный двухэтажный жилой дом Попкова. В соседней усадьбе проживали А.И. и М.М. Воронины, на средства которых уже после 1895 г. рядом с жилым домом построили каменный магазин⁹³.

В 1894 или 1895 г. соликамским купцом И.И. Тарасовым была открыта первая частная типография в Усолье. Первоначально она размещалась в арендованном доме, но вскоре Иван Иванович обзавелся собственным — двухэтажным на набережной, рядом с усадьбой Голицыных⁹⁴. Еще один каменный дом в Усолье был построен в Капустной слободе у въезда Посад. Одним из первых его жителей упоминается некто Черных, с 1910 г. здесь жил настоятель Спасо-Преображенской церкви, потому он стал известен как «дом жилой священнослужителя». Застройка Посада, где преобладали двухэтажные каменные или полукаменные оштукатуренные дома, чистые улицы, зеленые насаждения, резко контрастировала с другими слободами, в застроенными одно-, реже двухэтажными деревянными домами усадебного типа⁹⁵.

Последний строительный проект, реализованный в дореволюционном Усолье, — строительство комплекса зданий земской больницы. Поскольку Новое Усолье являлось крупнейшим населенным пунктом Соликамского уезда, в 1881 г. за счет земства здесь был открыт фельдшерско-санитарный пункт, а в 1887 г. — приемный покой. В 1893 г. на окраине села на берегу Камы был построен холерный барак, который использовали для приемного покоя на 5 кроватей, но в условиях того, что Усолье являлось центром врачебного участка, где оказывали медицинскую помощь жителям окрестных населенных пунктов, одного барака было недостаточно⁹⁶. Во время эпидемий больных принимали во владельческих больницах, но за лечение каждого больного земство платило заводууправлениям по 50 коп. в сутки, потому в начале XX в. очевидной была необходимость строительства больницы. В 1905 г. уездное земство определило стоимость будущих больничных построек в Усолье суммой 28 000 руб. Подходящим местом для строительства комплекса была определена территория заброшенного православного кладбища в западной части села между Богомольской и Покчинской слободой. К этому времени на его территории на средства усольского купца Миронова были построены двухэтажный деревянный жилой дом с надворными постройками, а за счет управляющих Усольскими соляными промыслами — пожарное депо. Пермская Духовная Консистория не возражала насчет строительства на месте упраздненного

93 Историко-архитектурное наследие Пермского края: Каталог-справочник / под ред. А.Б. Киселева, В.А. Якиной. Пермь, 2011. С. 244-248.

94 Головачанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005. С. 199, ГАПК. Ф. р-1666. Оп. 1. Д. 716.

95 Панорама Капустной слободы с колокольни Никольской церкви. Нач. XX в. // Усолье: мозаика времен. / ред.-сост. С.М. Барков, Т.Б. Соколова. Пермь, 2010. Ч. 3. С. 41.

96 Журналы XXIV очередного Соликамского уездного земского собрания с докладами Управы и комиссий, сметой и раскладкой на 1894 год, отчетностью Управы за 1892 год с приложениями 1893 г. Пермь, 1894. С. 133-134, 277; Журналы XXVIII очередного и XVII и XVIII чрезвычайных Соликамских уездных земских собраний. Пермь, 1898. С. 157, 196.

кладбища, поскольку оно не использовалось более 50 лет, а ограждения и памятники не сохранились⁹⁷.

2 июля 1910 г. была торжественно произведена закладка главного корпуса больницы, его строительство завершили в октябре 1910 г. Больница была рассчитана на 18 коек и имела 7 палат, операционную (в эркере) и предоперационную, перевязочную, кабинет для врача, ванную, комнату для прислуги. Перестройка дома Миронова была завершена в конце августа 1911 г. В первом этаже помещались больничная кухня, комнаты для склада припасов, прислуги, квартиры смотрителя, склада белья, во втором — «ожидальная комната», кабинет врача, перевязочная и три комнаты под аптекой со складами. Покойницкая также была построена в 1911 г., здание было крыто железной шатровой крышей с куполом и крестом, что позволило некоторым исследователям предположить, что здание являлось часовней. Кроме того, были возведены отдельные здания бани и «прачешной». Службы были устроены из служб дома Миронова, во всю длину которых был устроен навес. Усадьба была огорожена высоким забором с двумя воротами. Кроме того, в 1909 г. земством было куплено здание бывшего пожарного депо в северной части усадьбы, с целью устройства в нем ветеринарной амбулатории. На территории усадьбы одновременно с земской больницей было построено отдельное здание для заразного отделения при ветеринарной амбулатории⁹⁸. Главный корпус являлся центром ансамбля, фасадом он выходил на центральную улицу, связывающую западную и восточную часть села, а учитывая, что больничный комплекс был построен на возвышенном месте, выделялся в окружающей застройке⁹⁹.

Село при этом переживало упадок — соляная промышленность не выдерживала конкуренции с солью из южных провинций Российской империи, а попытки модернизировать производство не увенчались успехом. Застройка западных окраин не являлась показателем увеличения числа дворов и населения, а свидетельствует об увеличении площади усадебных участков. Число дворов с середины XIX в., напротив, сокращается. Если в 1850-х гг. в Новом Усолье насчитывалось 1 327 дворов¹⁰⁰, то в 1910-х гг. — 1 195¹⁰¹ (даже меньше, чем до пожара 1809 г.). Крупных строительных проектов в Усолье не было реализовано из-за экономических трудностей.

Развитие планировки и застройки дореволюционного Усо́лья определялись, прежде всего, экономическими обстоятельствами. Строительство в сочетании с природными факторами способствовало формированию уникального культурного

97 ГАПК. Ф. 478 Оп. 1. Д. 4. Л. 30, 37об., 137об, 220-221об. Л. 226об.

98 Журналы XXX чрезвычайного, XXXXII очередного и XXXI чрезвычайного Соликамских уездных земских Собраний во всеми приложениями, 1911 г. Соликамск, 1912. С. 692-696.

99 БИХМ. КП-1178.

100 Военно-статическое описание Российской империи. Том XIV. Часть 1. Пермская губерния. СПб., 1852. С. 98.

101 Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишере с Колвой / под ред. П.В. Сюзева. Пермь, 1911. С. 25.

ландшафта и трехчастной архитектурно-планировочной структуры города: Верхние промыслы – Посад – Нижние промыслы в окружении слобод, существенно отличающейся от планировки и структуры исторических городов-крепостей Прикамья (Чердыни и Кунгура), но имевшей сходство с планировкой Соликамска, вызванное одинаковыми производственными функциями.

В своем первоизданном виде историческая часть Усолья не сохранилась. В 1951 г. институт Гипрогор разработал новый проект планировки города в связи с предстоящим затоплением Молотовского (Камского) водохранилища. Результатом этого проекта стало переселение большинства людей из исторической части города на возвышенную материковую. Вместе с переселенцами перевозились и их дома, в результате чего на территории города остались только каменные здания. Уровень подъема воды в результате затопления водохранилища оказался ниже проектного, что позволяло использовать островную территорию для хозяйственных целей вплоть до середины 1980-х гг. К настоящему времени там сохранился центральный ансамбль, состоящий из культовых и гражданских построек в стилистике барокко и классицизма. Частично сохранились каменные производственные и складские постройки Нижних промыслов, находящиеся в большей части в руинированном состоянии.

Очерк старой усольской топонимики

В очерке представлены названия основных географических объектов усольского края: рек и речек, возвышенностей, населенных пунктов, хозяйственных угодий как бытующих ныне, так и известных в прошлом.

Топонимический материал имеет особую ценность для описания того или иного региона. Известно, что именно в топонимике запечатлены сведения об истории освоения края, об особенностях природно-географических условий, об основных занятиях жителей. Помимо этого, топонимы следует рассматривать как яркое проявление народного речевого творчества, ведь любое географическое название, чтобы закрепиться в памяти, должно быть ёмким, экономным и в то же время чрезвычайно информативным, говорящим.

Подробное описание особенностей географических названий составители сборника считают важным и прежде всего потому, что многие из этих названий уже ушли из жизни и забыты, как забыты и заброшены в крае многочисленные в прошлом выселки, хутора и деревни. Поскольку основной описываемый материал получен из издания «Список населённых пунктов Уральской области», из архивных источников¹⁰², читателям не стоит удивляться сохраненной в очерке старой административной

102 В качестве источников сведений о местных названиях, кроме рассказов коренных жителей и издания «Список населённых пунктов Уральской области», Т.І. Верхнекамский округ (Свердловск, 1928), использовались сведения, отраженные в фондах ГАПО (ГАПО. Ф. 111, оп.1, д. 2250), РГАДА (РГАДА. Ф. 1278, оп.2, д.3314 «а», л. 52-52 об.).

терминологии, уже не бытующим ныне понятиям (типа выселок, хутор, сельсовет), а также несоответствию современных и былых административных территорий. Границы нынешнего Усольского района неоднократно менялись (особенно в XX веке): в 30-х годах здесь был введен Лёнвинский район, в 40-х — Березниковский (Камско-Березниковский), в 60-х годах XX века Усолье вообще находилось в подчинении города Березники. Поэтому составители специально оговариваются, что анализируемый топонимический материал отражает регион Усо́лья не в нынешнем его состоянии, а усольские земли в их недавнем историческом прошлом. Лингвисты давно пользуются понятием «топонимический регион», под которым обычно понимают область с более или менее однородной археологической, культурно-экономической общностью; границы такой области редко совпадают с административно-территориальным делением. Немало названий собрано и от старожилов района, которые по памяти воспроизводили особенности топонимического ландшафта Усольского района. Таким образом, в очерке он воссоздан по материалам 30-х годов XX века (отдельно основные названия представлены в списке старой усольской топонимики в конце книги). Большую помощь составителям в описании топонимики оказали краеведы: В.А. Цыпуштанов и Г.И. Веревкин. Особая признательность составителей профессору Пермского государственного университета Е.Н. Поляковой, чьи критические замечания и полезные советы по возможности были учтены.

Задача очерка — лишь самая общая характеристика особенностей усольской топонимической системы; нет сомнения, что полный её анализ требует особого научного труда. Составители лишь представили основные группы географических названий, привели известные версии их происхождения (в том числе и «ненаучные», бытующие в народной среде: народные топонимические предания и легенды имеют свою культурную ценность, «приписывают» месту особый смысл).

При оценке усольской топонимики важно учитывать, что она, как и в целом пермская топонимика, «формировалась на основе ... русского, пермских (коми-пермяцкого, коми-зырянского, удмуртского), угорских (мансийского, хантыйского) и тюркских (татарского, башкирского) языков»¹⁰³.

В усольской топонимике немало названий, так или иначе восходящих к этнонимам (т.е. образованных от слов, называющих те или иные нации и народности). Примером может служить название реки Зырянка, деревни Зырянка, деревни Зыряна (или Зырянова) Рассохинского сельсовета при реке Гижга, а также выселка Ощепковского сельсовета при реке Семёновка — Зырянка (или Зыря) (от *зыряне* — название коми народа). Эти названия достаточно известны в Прикамье и фиксируются не только в Усольском, но и в Кочевском, Кудымкарском, Ильинском и Сивинском районах.

Говорящими являются названия деревни Вогулка Романовского сельсовета при реке Яйва, деревни Вогуль Романовского сельсовета при реке Уньва и притока

103 Полякова Е.Н. Об отражении в пермской топонимии результатов взаимодействия разных языков». — В сб.: Межкультурная коммуникация. Пермь, 2004, с.3.

реки Яйва Вогулочка. Эти этнонимические названия хранят память о прежних обитателях края *вогуличах, вогулах* (старое название манси). Опосредованно именование финноугорского племени *чудь* использовано в названии выселка Чудинов Верх-Кондасского сельсовета при реке Чёрная (другое название выселка — Сергиевский; название Чудинов восходит к фамилии, которая образована от древнерусского имени Чудин, в свою очередь мотивированного словом *чудь*). Сходным образом (от прозвища Пермь — коми-пермяк или коми-зырянин) названа деревня Пермькова Абрамовского сельсовета при реке Быгиль.

Кроме финноугорской этнонимии, в составе местных топонимов (особенно в гидронимах — названиях рек, а также в названных по реке населенных пунктах) встречается разнообразная финноугорская лексика. Как указывает А.С. Гантман-Кривошекова¹⁰⁴, название деревни Вижай близ села Новое Усолёе связано с названием реки Вижай, которое переводится условно как «священная река» (возможно, с рекой были связаны религиозные обряды). Название реки Пельмоз (или Пельмос) буквально переводится как «коровье ухо». Древнее слово «ва» («вода» — из финноугорского языка-основы) фигурирует в названиях типа Язьва (вероятно, в связи с мансийским яс — русло), Яйва (возможно, в связи с яй — мясо), Уньва (вероятно, в связи с унь — много; так могла быть названа полноводная река), Посва (из пос — «теплый»), Сылва. Последнее название буквально переводится как «пойменная вода» и является примером активности одного и того же гидронима в разных территориях Прикамья (точно так же реки с названием Юсьва известны и в Юсьвинском, и в Карагайском районах). Ещё один достаточно активный в крае топонимический финноугорский (коми-пермяцкий) компонент — слово шор, то есть «ручей, источник»; ср. удмуртское шур — «река». Он является свидетельством сравнительно недавнего финноугорского прошлого края и использован в названии реки Ыджит-Шор (переводится как «большой ручей»), деревни Бушкашор (Абрамовский сельсовет), Палашер (деревня Романовского сельсовета при реке Уньва), реки Чира-Шор (Щекинский сельсовет).

Название села Пыскор содержит элемент -кор. Он (нередко в другом звуковом выражении — кар) обозначает «городище, укрепленное место» и чрезвычайно активен в пермской топонимике: Кудымкар, Искор, Редикор, Майкор. Коми-пермяцкое происхождение имеют и названия реки Выр-Вож, деревни Ош-Вож (Кузнецовский сельсовет), где использовано также частое в уральской топонимике слово вож — «приток, ответвление». Последняя названа так, вероятно, по речке (сочетание ош-вож переводится как «медвежий ручей, источник», то есть ручей, где видели, а возможно, когда-то убили медведя; подобные названия часты и в современной коми-пермяцкой гидронимии).

Кроме коми-пермяцких, очевидны и мансийские элементы усольской топонимии. Так название реки Сырья содержит мансийское я — «река» (в Прикамье оно

¹⁰⁴ В очерке использованы этимологические версии происхождения топонимов, изложенные А.С. Гантман в её работе «Откуда эти названия?» (Пермь, 1973).

использовано в составе целого ряда названий северных рек типа Лупья, Мысья, Унья). Прибалтийско-финское происхождение имеет название деревни Кекур Рассохинского сельсовета при реке Галя (а также деревни Верхкондасского сельсовета при реке Кекурка). Среди финноугорских названий встречаются и достаточно необычные образования. Так своеобразна судьба названия речки Быгиль (и названной по реке деревни Быгель Зырянского сельсовета). В прошлом оно звучало как *Быгыль*. Это слово известно в составе двойного коми-пермяцкого изобразительного сочетания *быгыль-быгыль* — подражательного обозначения ходьбы мелкими шагами. Поскольку слово имело нерусское происхождение и неясную внутреннюю мотивировку, оно широко варьировалось. По свидетельству Г.И. Верёвкина (г. Березники), в переписной книге Кайсарова и речка, и деревня называются Бегиль. В начале XVIII века укрепилось и долгое время бытовало название деревни по реке — Быгиль. Когда в 1940 году здесь было организовано подсобное хозяйство азотно-тукового завода, при изготовлении для него печати была сделана ошибка и на ней было нанесено название «Быгель». Изготовление печатей тогда было делом хлопотным, к тому же началась война, и стало не до печатей. Так и возникло два названия: жители деревни использовали форму «Быгиль», а работники подсобного хозяйства писали «Быгель» (в деловых документах райисполкома и других учреждений употреблялись оба названия). В 1965 году был организован совхоз «Быгельский». Постепенно форма «Быгель» прижилась и укоренилась, была зафиксирована в справочниках административно-территориального деления и на картах области.

Не все субстратные (взятые от других народов) названия унаследованы из прошлого края, некоторые перенесены в Усолье в результате внутренних миграций в Прикамье. Такова в частности судьба топонима Покча (слобода в селе Новое Усолье): *«Строгановы в Усолье переселили жителей Покчи Чердынского района. Усольские, видимо, сначала как-то обособленно жили, а когда их разделили, дома построили для жителей между домами покчинцев, вот тогда вроде как поспокойнее стало, а то всё покчинских колдунами считали»*. (г. Березники, зап. от Верёвкина Г.И.) Само название Покчи ученые связывают с марийским пакча — «огород». Можно предполагать и «миграционное» происхождение названия деревни Кокшары (или Кокшарова) Рассохинского сельсовета. Оно нередко встречается в Прикамье и связано с прозвищем Кокшар и с образованной от него фамилией Кокшаров, которую носили выходцы с реки Кокшенги Архангельской области.

Топонимика Усо́лья хранит немало загадок, и одна из них — тюркские элементы в составе названий. Можно предполагать использование в качестве самостоятельного названия затемненного древнего слова, вероятно, тюркского происхождения, в названии деревни Ик (Ык) Верх-Яйвинского сельсовета. Специалисты по топонимике обнаруживают компонент «ик» в составе, например, башкирской гидронимии и считают его родственным тюркскому слову юг — «река». Тюркское происхождение, судя по всему, имеет слово Урай в названии выселка Малый Урай при реке Тазмер, деревни Урай Чертижинского сельсовета. Тюркский характер очевиден и для ряда топонимов,

созданных от имен собственных (типа названия Шарапова — деревня Абрамовского сельсовета, в котором, возможно, использовано восточное имя Шарап, образованное от слова шараф — «слава, достоинство»).

Названия географических объектов, данные предшественниками пришедших в край русских, постепенно подвергаются русификации. Достаточно большой пласт производных названий использует русские топонимические средства — суффиксы -к(а), приставки за-, компоненты *Усть-*, *Верх-*: река Кекурка, деревня Сороковского сельсовета при реке Гижга, деревня Загижга (бытует и собственно русское неофициальное название этой деревни с приставкой *за-* Зарека), Верх-Кондас, рабочий посёлок Усть-Зырянка (или Кривец, Богословка) Веретийского поселкового совета, деревня Усть-Кондас Таманского сельсовета при реке Кама, деревня Усть-Пыскорка Пыскорского сельсовета при реке Пыскорка. Однако самая большая в количественном отношении группа усольских названий населенных пунктов — это традиционные для Русского Севера названия, в которых в качестве топообразующего средства использовано окончание родительного падежа со значением принадлежности -а. Это деревни Анисимова (Лубянский сельсовет), Баскакова (Зырянский сельсовет, при реке Зырянка), Аникина, Кузнецова, деревня Быкова Верхкондасского сельсовета, деревня Бортева (или Починок Орловский) Зырянского сельсовета при реке Лёнва, деревня Абрамова (или Аврамова) Пыскорского сельсовета, деревня Завьялова Троицкого сельсовета. В основе всех этих названий лежат типичные русские фамилии — Аникин, Кузнецов, Быков, Абрамов, Завьялов и другие. Таковы же названия Ерёмина — деревня Абрамовского сельсовета (а также деревня Пыскорского сельсовета при реке Пыскорка), Евсина — деревня Троицкого сельсовета, деревня Вяткина Ощепковского сельсовета (слово известно и как название хутора Троицкого сельсовета при реке Извер).

«Процесс становления русских фамилий в Прикамье совпал с событиями активного его заселения русскими»¹⁰⁵. Процессы активного заселения края в XVI-XVII вв. во многом объясняют и обилие собственно русских усольских топонимов. Именно в это время происходит образование пермских фамилий, и образовывались они либо из календарных имен (Абрам — Абрамов, Аника — Аникин), либо из прозвищ. В основе многих усольских топонимов скрыты неканонические имена и прозвища. Так деревня Кропачева Абрамовского сельсовета, вероятно, названа по человеку, носившему прозвищное имя Кропач — «кто обновляет поношенную одежду»; деревня Кучина близ с. Новое Усолье — по жителю Куча, названному так скорее всего за свою неповоротливость, деревня Палехова Троицкого сельсовета при реке Удъбишная — от прозвища Палех, которое мог получить погорелец. Деревня Чупина Абрамовского сельсовета при реке Быгиль названа по фамилии Чупин, которая в свою очередь образована от прозвища Чупа «грязнуля, неряха», деревня Русина (Русинова) Рассохинского сельсовета при реке Кондас связана с прозвищным именем Русин — «человек с русыми

105 *Е.Н. Полякова*. К истокам пермских фамилий. Пермь, изд-во Пермского университета, 1997. С. 6.

волосами», деревня Суханова Зырянского сельсовета при реке Зырянка — с прозвищем Сухан, то есть «худой, тощий»¹⁰⁶. Среди отфамильных и отпрозвищных названий есть и указание на место, откуда прибыл основатель места (деревня Балахонцы Зырянского сельсовета от балахонец, выходец с Балахны).

Кроме фамилий и прозвищ, в таких названиях могли быть представлены и старые формы общерусских имен: деревня Опросинино (или Толокнова — деревня на берегу реки Яйва) из фамилии Опросинин, образованной из старого мужского имени Ефросин; деревня Першина Троицкого сельсовета (от народной формы имени Перфилий Перша). Скорее всего с устаревшим именем Редя (возможно, вторичным) связано название деревни Редиска (Редийская) Таманского сельсовета (она впервые упоминается в 1625 году). Вероятнее всего, имя Редя имело коми-пермяцкое происхождение (оно восстанавливается в частности из названия чердынского села Редикор — «городище Реди»). Деревня позднее стала называться Редиска вследствие народной («ложной») этимологии.

Приведенные выше названия могли указывать на первожителеев тех или иных населенных пунктов. Эта же информация запечатлена в названиях с формантом *-ичи*: Абрамичи (или Абрашичи) (деревня Пыскорского сельсовета при реке Пыскорка), Ионичи (или Мыс) (деревня Абрамовского сельсовета), Калиничи (или Черных) (деревня Зырянского сельсовета), Силичи (или Силаева — от имени Сила) (деревня Ощепковского сельсовета при реке Пельмес), Харитоновичи (или Леменная Гарь) (деревня Зырянского сельсовета), Яраничи (деревня Троицкого сельсовета — от Яраня — простонародная форма имени Герасим), Боричи (деревня Зырянского сельсовета).

Имена первожителеев и владельцев мест представлены не только в названиях сравнительно крупных населенных пунктов. Название выселка Вагин Курень (или Вагин Мыс) Кондасского сельсовета при реке Шварёвка указывает на принадлежность его некоему Вагину, вероятно, выходцу с реки Вага, выселка Богатырёво Сороковского сельсовета при реке Уньва — Богатырёву, выселка Баранов Мост Ощепковского сельсовета — Баранову, выселка Воронин Пыскорского сельсовета — Воронину. Возможно, бывшие хозяева отмечены и в названиях Володин Камень (деревня Зырянского сельсовета при реке Яйва), Сергиев Камень (или Камень) — деревня Пыскорского сельсовета при реке Кама. Впрочем, народная версия происхождения последнего названия связывает его с тем, что престольным праздником в этих местах был Сергиев день: «*В деревне-то местный праздник был Сергиев день, его как престольный отмечали*» (г. Усолье). Как и в других случаях в этих названиях часто использовались неофициальные формы имени: выселок Ощепковского сельсовета Олекин Мыс (или Степанко-Игнашкин) от Олека — Алексей (или даже Алетий, Александр). По имени могут быть названы и некоторые водные объекты. Так, название места для рыбалки

¹⁰⁶ Данные о происхождении фамилий извлечены из указанной работы Е.Н. Поляковой (К истокам пермских фамилий. Пермь, изд-во Пермского университета, 1997).

на Кондасе Ионина старица хранит память о рыбаке Ионе: «Старица на Кондасе была, рыба в ней водилась. Называли её Ионина старица. Иона, старик такой у нас жил. Рыбачили там на лодках, но рыбы привозили только на еду, больше не брали» (г. Усолье, зап. от Богатыревой К.Д., 1928 г. р.). Название выселка Ощепковского сельсовета Семёновка (или Мельницы) и речки Семеновка также объясняется старожилками тем, что здесь в свое время жил человек по имени Семен: «Реки от нашей деревни далеко были. Кондас мимо Ощепково протекал, Семёновка была, небольшая речушка. На ней раньше мельница стояла, его, мельника-то, говорят, Семёном звали» (г. Усолье, зап. от Пепеляевой М.Н., 1927 г. р.).

Нередко топоним, указывающий на имя прошлого владельца (а это особенно было характерно для названий небольших хуторов), закреплялся в форме на *-ский* (*-ской*): Федотовской, Федяевской, Терёхинский (выселок Рассохинского сельсовета при реке Сергач), Сергиевский (выселок Верх-Кондасского сельсовета при реке Чёрная), Семёновский (выселок Рассохинского сельсовета при реке Уньва), Леонтьевский (выселок Рассохинского сельсовета при реке Фотянка), Линовский (починок близ деревни Ерёмина), Кириловский Починок (деревня Верх-Кондасского сельсовета). Впрочем в 20-30-е годы XIX в., во время массового создания хуторов, создавались и выселки с более современными названиями типа Культура (хутор Троицкого сельсовета при реке Уньва).

Большую группу усольских названий составляют топонимы, в основу которых были положены апеллятивы — слова, называющие те или иные географические понятия (родники, возвышенности, места, занятые лесом той или иной породы, отведенные под те или иные разработки и прочее). Это деревня Рёлка Берёзовского сельсовета (*релка* в народных говорах — «возвышенное место между двумя оврагами»), выселок Родник Ощепковского сельсовета, выселок Ключи (или На Семёновке) Ощепковского сельсовета, хутор Кордон (или Первомайский посёлок) Лёнвинского поселкового совета при реке Лёнва (*кордоном* в Прикамье часто называют дом лесника в лесу), слобода Посад села Новое Усолье (*посадом* называли в прошлом поселение вне черты города). Название пересыхающего залива Курья в селе Новое Усолье образовано от слова *курья*, которое в пермских говорах имеет значение «залив реки на месте старого русла»¹⁰⁷.

От географической лексики образованы названия типа Большая Сутяга (деревня Чертижинского сельсовета) (из диалектного *сутуга* — сырое, топкое место), деревня Городище Верхкондасского сельсовета (*городище* — высокая гора, обычно при впадении рек, где некогда было поселение), выселок Селище Щекинского сельсовета при реке Галя (*селище* — оставленное поселение). Деревня Рассохи Рассохинского сельсовета при реке С.-Кондас названа так оттого, что *рассохой* в русских говорах называется каждая из двух речек в месте их слияния. Озеро Отнога в селе Новое Усолье, разделяв-

107 Здесь и далее в анализе отапеллятивных названий использованы данные словаря Е.Н.Поляковой «От «араины» до «яра». Пермь, изд-во Пермского университета, 1988.

шее Запотым, Капустную и Ларьковскую слободы, названо от народного определения *отногой* узкого длинного залива (с этой моделью связано и название грибного места Занога в районе деревни Крутовки). Выселок Слудский Верхкондасского сельсовета при реке Уньва получил название от слова *слуда*, как и частые в Прикамье названия типа Слудка, слово указывает на высокую, поросшую лесом гору с крутыми склонами, Деревня Шоломень (Верхний и Нижний) Романовского сельсовета названа народным географическим термином *шоломень* (гора округлой формы; слово находится в родстве с древнерусским названием шлема «шелом»). Пересыхающая протока на территории села Новое Усолье получает жутковатое название Прорва, которое соответственно и комментируется: *«Первое русло Камы было, а дальше была Прорва. По левой руке Пихтовка была, по правой Ларьково, между ними вода проходила. Эта Прорва была очень глубокая, Там много ребят утонуло. Вот ищут, ищут, нигде не могут найти. А одна старушка говорит: «Возьмите медный таз, хлебушка, икону, и свечку зажгите, и на воду. Где этот таз будет крутиться, там и искать». Его, этот таз, от берега отпустить, и он сам по себе поплывет и придет на то место, где погиб человек. Соседский парень утонул, вот таким образом его и нашли. Это было второе русло Камы. А сейчас Кама течёт уже по третьему руслу»* (г. Усолье, зап. от Бабиной В.Н., 1928 г. р.). На самом деле название связано с географическим термином *прорва* — место, где вновь образовался проток реки. Этот же смысл, по мнению Е.Н. Поляковой, имеет и название Прорыв (деревня Ощепковского сельсовета при реке Кондас).

Специфическое местное название возвышенности *стрелка* «мыс между двумя оврагами или рекой и её притоком» лежит в основе названия Стрелка (*«Холмы никак не называли, а вот Стрелками которые называли. Они от поля как-то там начинались и в логу кончались. Так и говорили: иду, мол, на Стрелку»* — г. Усолье, зап. от Пепеляевой М.Н., 1927 г. р.). Деревня Сгорки Берёзовского сельсовета на реке Сырья названа по наличию в ней крутой горы: *«Около этой деревни дорога была, проклятое место, машины всё время переворачивались, крутуща гора была, щас-то этого уже нет, там дорогу-то сделали, да всё грамотно, с трубами, а слово «Сгорки» так и осталось»* (г. Усолье). Апеллятивы легко становятся названиями и небольших географических объектов. Так поле Пасека в окрестностях деревни Липова названо потому, что когда-то на нём была размещена пасека (*«В сторону Липова стояла пасека, сейчас это поле так и называется — Пасека»* — Щекино, зап. от Кузнецовой В. И., 1960 г. р.).

Отапеллятивные географические названия могут повествовать о самых разных сторонах именуемого словом объекта. Во многих из них содержится указание на особенности местного рельефа. Рабочий посёлок Веретье (Веретия) Веретийского поселкового совета при реке Зырянка назван по наличию в этих местах *веретий* — гряд возвышенностей среди болотистой местности. Говорящие названия имеют деревня Гора близ села Новое Усолье, деревня Закаменная (или Закаменна) Романовского сельсовета при реке Яйва, Каменска гора — возвышенность в окрестностях Усолия, откуда открывается красивый вид на реку Кама (*«Где деревня Камень, там Каменска гора называлась, гора-то высокая, рельеф-то у неё каменный, порода скальная»* — г. Усолье,

зап. от Бабиной В.Н., 1928 г. р.), Камень — деревня Пыскорского сельсовета при реке Кама. Здесь слово *камень* выступает как народное название большой горы с отвесными склонами, крупного скалистого возвышения. Эти же особенности рельефа отмечает и название возвышенности Коврижка (*«Горка, как каравай, оврагами окружена, около деревни Камень, там революционеры собирались, маёвки делали»* — г. Усолье).

Своеобразно название возвышенности в районе Усоля Адамова Гора. Березниковский краевед Г.И. Верёвкин объясняет его следующим образом: *«Вот сейчас где мелькомбинат, тут была Веретие, а в километре от неё Адамова Гора. Сейчас всё там заселилось, там лагерь стали строить, Березники. А со времён Ермака там городище было, я ещё городище это помню, валы помню. Говорили, что два жителя Веретьи, брат и сестра, поехали туда и построили там домик, а поскольку они жили как Адам и Ева, место стали звать Адамова Гора»*.

Обилие песчаных почв мотивирует названия типа Камские пески (так называется излучина реки Кама со стороны села Новое Усолье), Пески (старое название рынка рядом с собором в Усолье: *«Под собором рынок назывался Пески, на Песках торговали. С подводами на лошадях приезжали деревенские. Сено привозили возами, мясо тушами, творог кринками, четвертями»* — г. Усолье, зап. от Бабиной В.Н., 1928 г. р.). Эта же особенность запечатлена в названиях Песчанка (или Песьянка) (деревня Абрамовского сельсовета), Песьянки (неофициальное название одной из улиц Усоля: *«Конец Усоля называли Песьянки, там стоял маленький домик, нынче улица Свердлова. Там везде был желтый песок»* — г. Усолье, зап. от Бабиной В.Н., 1928 г. р.).

Многие названия особым образом фиксируют в себе те или иные характеристики места. Деревня Гляден Усть-Игумского сельсовета при реке Усолка была названа за то, что с возвышенности, на которой она находилась, открывался хороший обзор. Можно предполагать, что за свои свойства были названы Озеро Гнилое на территории села Новое Усолье, озеро Дикарь, также расположенное на территории села Новое Усолье, деревня Студёная (или Клименская) Кузнецовского сельсовета. По наличию крутых скатов была названа деревня Крутовка (теперь это название закрепилось и за гарью: *«Грибы мы собирали в Заногге, так гарь называлась, ещё была Крутовка, Зеленишник был, это всё гари были, покосы. Крутовка это ещё и деревня была, потом из неё все уехали»* — г. Усолье, зап. от Суворовой Е.П., 1913 г. р.). Речка Крутой лог в районе Кекура получила название по месту её нахождения: *«В Кекуре речка в логу протекала небольшая, её просто речка называли, а раз протекала в глубоком логу, стали называть Крутой Лог»* (г. Усолье, зап. от Борудской А.А., 1926 г. р.). Довольно мрачное название, намекающее на свои особенности, носит лес за Новостроем — Погибелка: *«Ближе к деревне Барановка лес очень большой был, его Барановской и звали, на Новострое был большой лес, Новостроем называли. А ещё дальше Погибелка была. Чаща чащей, лес такой здоровый. Потом его весь вырубил. Елки такие были, не обхватишь, а небо как дыра вверху»* (г. Усолье, зап. от Пепеляевой М.Н., 1927 г. р.).

Неоднозначно название деревни Нагая. По версии В.А. Цыпуштанова, она названа так потому, что стояла в открытом, продуваемом месте: *«Деревня стояла*

не на возвышенности, а кругом поля, вот её всю продувало, потому и Нагая». Естественно, что возникают и другие объяснения столь необычного названия: «Была у нас деревня Нагая, а так-то она Карандашово называлась. Нагой назвали, потому что тут такой случай был. Шёл по деревне поп, а из бани ему навстречу бежит баба нагая, вот и прозвали деревню-то Нагая» (г. Усолье, зап. от Борудской А.А., 1926 г. р.). Остроумное предположение о возможном происхождении этого топонима высказала Е.Н. Полякова: поскольку слово *кара́ндаш*, лежавшее в основе более старого названия, имеет тюркское происхождение, можно предполагать использование и в более позднем названии тюркского слова — этнонима одного из тюркских народов *ногай*.

По своим физическим свойствам названы омут Бездонка (в протоке озера Отноги села Новое Усолье). По приметной черте — наличию моста — названа деревня Мостовая (другое название Борихина) Верхкондасского сельсовета. Старожилы указывают, что существовало две Мостовых: «Рядом с речкой Мостовой, на горе, у нас деревня была, называлась Верхняя Мостовая, а нашу деревню Борихино ещё называли Нижняя Мостовая. Эта речка впадала в Уньву. В деревне Верхняя Мостовая был мост хороший построен, а больше нигде в наших местах мостов не было» (г. Усолье, зап. от Борудской А.А., 1926 г. р.).

Многие названия края народное мнение связывает с историческими событиями. Так название села Таман (в прошлом Таманское) местные жители чаще всего соотносят со словом *атаман*: «Вот, говорят, атаманское село было, так и пошло, там ещё баржи грабил Кирьянов что ли, до сих пор Кама кости людей-то пограбленных вымывает, как раз напротив церкви» (д. Таман). Как утверждает В.А. Цыпуштанов, Таманское существовало задолго до завода, по преданию ещё со времён единоборства с пугачёвцами, и название села происходит от диалектного «таман» (атаман), что характеризовало крутой нрав селян. Заметим, что фонетический облик слова Таман выдает его явно тюркские корни.

Деревня Сороковая (или Сорокова) получила своё название из-за того, что на Усольской дороге она была населённым пунктом, где была устроена вторая по счёту ямская станция: «Раньше через двадцать вёрст ямы ставили, станции ямские, по Усольской дороге, Сороковая-то вроде как вторая яма была от Усо́лья, вот и назвали Сороковая» (г. Усолье).

По народной версии деревня Разим Усть-Игумского сельсовета при реке Яйва берет свое начало от имени Степана Разина: «Разим-то, дак это вот Разин был, Стенька Разин, он где-то тут в пещере схоронялся» (д. Разим, зап. от Лоскутовой М.). Другие толкования топонима воспроизводят сведения о некогда жившей здесь женщине по имени Расима: «Какая-то здесь руководила раньше царица или кулачка, не знаю, по названию Расима, но только это вовсе не от Стеньки Разина» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). Лишь топонимисты-исследователи соотносят это слово с географическими названиями, где скорее всего использован активный топонимический формант –им, известный в мансийском языке (он фигурирует в распространённых на Урале словах-названиях типа Висим, Волим).

Особые группы усольских топонимов отмечают характерные черты здешней природы. Это названия, связанные с миром животных: Лосинново (деревня Чертижинского сельсовета), деревня Хомяки Троицкого сельсовета при реке Черемшанке, выселок Курица (или Турлаев) Ощепковского сельсовета при реке Кондас, деревня Петухи при реке Петуховка. Если дикие животные в названиях упоминаются редко, то топонимы с «птичьей» тематикой явно лидируют: выселок Чижи (или Загигинский) Сороковского сельсовета, выселок Селезни (или Патрушев Мыс) Ощепковского сельсовета при реке Патрушевка, озеро Гагары (или Гагарье озеро). Последнее название местные жители относят к старице Камы: *«Озеро Гагары было здесь. Тут под ним полый был, весной вода большая заходила, потом под мосты уходила. Это первое русло Камы было, дальше была Прорва. На Гагарьем озере очень много рыбы было: караси, щуки»* (г. Усолье, зап. от Бабиной В.Н., 1928 г. р.).

Кроме указанных, орнитоморфные («птичьи») названия получили населенный пункт Коршун, хутор Гуси (или Одина) Троицкого сельсовета, поселок Орёл (или Орёл-Городок). С последним названием (вероятно, в силу чрезвычайно высокой значимости в русской культуре символики орла) связаны многочисленные легенды. Чаще всего в них упоминается орел, гнездившийся в этих местах: *«Рос дуб, на дубе сидел орёл, потому так и назвали Орел»*; *«Орёл вот был на том берегу, потом на этом, там какая-то птица орёл была, и кто-то из воинов, из охраны Ермака, вроде её убил. Здесь убил-то»* (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.); *«Раньше был Кергедан, а на этом берегу стояла часовня, возле этой часовни стоял тополь, где гнезвился орёл, в честь того орла место назвали Орёл. На том берегу места-то мало, низменное, а здесь хорошо, высоко»* (п. Орёл, зап. от Бабушкиной А.И.). Несколько иной сюжет записан в посёлке Орёл от Шангина П.И.: *«Раньше Орёл был на левом берегу Камы, посёлок Кергедан назывался. Предание гласит, что орёл прилетел на пепелище и ветку на эту на правую сторону перенёс. И поскольку этот берег повыше, чем тот, люди стали строиться здесь, и он получил название Орёл»*. Похожих народных версий, в которых священная птица выступает своего рода знаком божественной отмеченности места, много. *«Орел был на той стороне Камы, потом птица орел прилетела и первый дом где, там и села. Там Орлин был, не Орел на той стороне. А когда птица сюда прилетела и села — больше людей тут стало»*; *«Ермак проходил когда в наших местах, орел кругом летал. Этот орел летал, летал над Ермаком-то, он присел, вот тут-то. Поэтому это место назвали Орлом»* (п. Орел). От топонима Орел образованы названия речки Орловка, дороги («Орловская дорога — это в Огурдино из Нового Усолья»). С другой птицей связывается в народе название деревни Кокуй Щекинского сельсовета при реке Ольховка: *«Над деревней кокушки летали. Вот они летают, кокуют, кокуют, Кокуем деревню-то и прозвали»* (с. Щекино, зап. от Кузнецовой В.И., 1960 г. р.). Фактически же в названии скорее всего представлено старое русское слово кокуй, которое использовалось для обозначения девичьего кокошника, а в ряде мест — хороводных игрищ на Ивана Купалу.

Многие названия подмечают местные особенности растительного мира. Главная достопримечательность края — березы. Эта черта природной среды отражена в назва-

нии города Березники (раньше — поселка Веретийского поселкового совета при реке Кама), села Берёзовка на реке Сырря, деревни Березова Ощепковского сельсовета. Особое отношение к березе мотивирует и название Берёзовый мыс: *«Есть Березовый мыс. Берёзовый — от берёз, наверно. У нас вот в огороде берёзу бурей сломало, и в колодце вода тоже плохая стала. Говорят, берёза водяную жилку держит»* (г. Усолье).

Кроме берез, в названиях упоминается липа (деревни Щекинского сельсовета Большая Липова и Малая Липова при реке Чира-Шор), пихта (слобода Пихтовка в селе Новое Усолье), кедр (деревня Кедрово; в свое время название Кедрово носил даже организованный здесь колхоз). Объясняя название, местные жители напрямую соотносят его с кедром: *«Кедрово деревню назвали, что кедров в округе много было. У нас даже в огороде два кедра было. И многие в своих огородах кедры садили. Каждый год с одного кедра по мешку шишек набирали»* (г. Усолье, зап. от Тетерлевой Ф.С., 1950 г. р.). Название Кедрачи до сих пор носят некоторые грибные места: *«У моего деда дед еще садил кедрачи. Мы вот за грибами ходили за кедрачи, дак так и говорили: «За кедрачи пошли»* (г. Усолье, зап. от Тетерлевой Ф.С., 1950 г. р.).

Из других названий, отражающих местную растительность, отметим слово Рябиновка (деревня Берёзовского сельсовета при реке Котлянка), название деревни Осинник (Кузнецовский сельсовет), выселка Смородинка (или Смородинник) Сороковского сельсовета, деревни Сосняг (Романовский сельсовет), выселка Ива (или Вялкова Гарь), Кондасского сельсовета, речки Черемшанка близ села Новое Усолье (*черемша* — дикий чеснок). Любопытное толкование дают местные жители речкам Ножовка и Ольховка: *«В деревне Кокуй две речки: Ножовка да Ольховка. По берегам Ольховки в основном растёт ольха, а по берегам Ножовки — осока, у нас её ножовкой и называют»* (с. Щекино, зап. от Кузнецовой В.И., 1960 г.р.). С названием деревьев связан и топоним Полом, деревня Лубянского сельсовета при реке Кама: *«Полом, вот лес-от вывалило, наломало много лесу-то, поэтому Поломом-то и назвали»* (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

Особенности хозяйствования в крае отразились в названиях типа Усть-Усолка (или Плясуново) (деревня Усть-Игумского сельсовета при р. Яйва), Новое Усолье, Старое Усолье (островная часть современного г. Усолье). Само слово *усолье* в пермских говорах нередко по смыслу близко к слову *соль*: *«Дай мне-ка усолье, суп-от у тебя бессольный»* (Карагайский р-н). Вероятно, слово применялось для обозначения многих мест, где находились выходы соли. В крае знают Усолье Камское (город Соликамск), Усолье Рождественское (горный город Дедюхин), Усолье Троицкое (село Лёнва), Усолье Усть-Зырянское (село Усть-Зырянка, некогда располагавшееся на левом берегу устья реки Зырянка), Усолье Зырянское (село Зырянское на правом берегу реки Зырянки). Естественно, что создавшая славу всему краю соляная тема фигурирует и в более современных названиях (железнодорожная станция Усольская, пристань Усольская Веретийского поселкового совета, железнодорожная станция и пристань Лёнвинского поселкового совета Солеварни).

Помимо «соляной» темы, названия фиксируют места добычи руд: деревня Круглый Рудник Дурыманского сельсовета, выселок Рудник Пыскорского сельсовета,

место сбора грибов Зарудня: *«У нас Зарудня была. Рудники раньше какие-то были, что ли, я уж не помню. По грибы мы всегда туда ходили. А рядом была деревня Кургановка, потом Чижы, Заполье»* (г. Усолье, зап. от Лоскутовой А.П., 1932 г. р.).

Хозяйственная тематика представлена в названиях, где упоминаются поля, места разработок, пашни. Места пожаров или *гари* (выжженные и предназначенные для посева или выгоревшие участки леса) упоминаются в названиях Круглая Гарь (выселок Берёзовского сельсовета), Гаревая (деревня Ощепковского сельсовета), Гари (деревня Верхкондасского сельсовета), Новая Гарь (выселок Берёзовского сельсовета при реке Ыджит-Шор), покосов Долгая гарь, Кокуйские гари, Коминские гари.

В названии Пальники (Пальникова) (деревня Троицкого сельсовета) также упомянуты места пожаров леса, с которых и начиналось раньше освоение пашни. Впрочем, местные жители объясняют смысл названия иначе: *«В деревне Пальники раньше углежоги были, уголь палили»* (г. Усолье). Память о том, что когда-то на месте полей был лес, хранят и названия Чертёж (деревни Чертижинского сельсовета и Таманского сельсовета при реке Кама), Чертежинская Казарма (деревня Петуховского сельсовета). Названные этим «книжным» словом во многих местах Прикамья географические объекты на самом деле связаны с «черчением» леса (обдиранием коры для последующей подсушки деревьев, после чего лес и сжигался, а удобренное золой и пеплом место использовалось под посевы). Деревня Семянники Абрамовского сельсовета также названа вследствие разработки леса (из *семенник* — оставленный на вырубках под семена участок леса).

По отнесенности к полям названы Заполье (или Ржаково) (деревня Сороковского сельсовета), Запольская (деревня Абрамовского сельсовета). *Новины*, или вновь разработанные поля, фигурируют в топонимах Нижние Новинки (деревня Новинского сельсовета при реке Кама), Средние Новинки (также деревня Новинского сельсовета). Деревня Белая Пашня близ села Новое Усолье названа, по словам жителей, из-за того, что на этом месте много выходов белого камня: *«Вот опять камни с пашни убирают, каждый год убирают, чтобы пахать было удобно. У нас с полей всё уберут, а как весна, опять все поля белые, камни повылазят, откуда только и берутся»* (д. Б. Пашня, зап. от Мелехина Н.).

Хозяйственная деятельность обитателей края отразилась также в названиях типа Бревенник (выселок Петуховского сельсовета при реке Выр-Вож), слобода Капустная и улица Капустинская в селе Новое Усолье (*«В капустной слободе, говорят, раньше много капусты родилось»* — п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). Память о добыче луба (липовой коры) закреплена в названиях Лубники (деревня Шишкинского сельсовета), Лубяная (Лубянский сельсовет).

Немало в Усолье названий с религиозной тематикой: село Никольское- Булатово, выселок Троицкий Таманского сельсовета при реке Кондас, село Троицкое (или Георгиевское) Троицкого сельсовета. Один из районов посёлка Дедюхино носил название Никольщина. Старожилы помнят особое отношение к выходцам из этого района: *«Я сама из Никольщины, это район такой, а почему так, не знаю, вот мы ходили через*

завод, через солеваренный, и дедюхинские-то как вроде презирали Никольщину-то: «Ой, там девки такие, никто замуж не возьмёт». Даже частушка пелась: «Ох, Никольщина моя, чем ты разукрашена: лентами-портянками, девками-засс..нками» (п. Дедюхино, зап. от Устюговой З.С.).

Кроме именованя населенных пунктов по находящимся в них церквям и часовням, церковные названия давались улицам (улица Соборная — от Спасо-Преображенского собора до Успенской церкви в селе Новое Усолъе, ныне улица Спасская; часовня Покровская, или Покрова Пресвятой Богородицы, села Новое Усолъе, Никольская часовня, или часовня Спаса Убруса XVII в. села Новое Усолъе; впрочем, она называлась также Спасская). Интересна судьба названия слободы Богомолка в селе Новое Усолъе: «Ручей бежал, вот он озерцо сделал, оно и зимой не застывало, его даже святым считали. К этому озерцу из разных деревень приезжали, кто с коленом, кто с головой — всё лечились. Однажды даже приехала барыня одна, в шубе. Народ отогнали, она вся в исподнем зашла в озеро, обмылась, озеро-то богомольное было. Отсюда видно и пошло — Богомолка да Богомолка, слобода-то» (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.).

Дальнейшее образование названий осуществлялось как уточнение ранее данных. Так «спутники» больших деревень получали определение Малый — Малая Романова (деревня Романовского сельсовета при реке Яйва), Малая Суханова (или Старая Суханова) (деревня Зырянского сельсовета при реке Лёнва), Малая Чупина (или Малый Мыс) (деревня Абрамовского сельсовета). Так могли называться и более мелкие объекты, например, поля: Маленькое поле — Большое поле (соответственно по названиям полей могли быть позднее названы и концы смежных с ними деревень). Во избежание путаницы нередко рядом с одним названием создавалось еще одно. Так, рядом с Большой Сутягой (деревня Чертижинского сельсовета) известна Малая Сутяга, или Шиши. Не всегда эти названия выступают в паре: Большие Села — неофициальное название села Верх-Кондас Верхкондасского сельсовета при реке Уньва, Большие Комиссары — название деревни Троицкого сельсовета, Большая Кучина — деревня Троицкого сельсовета, Большая Липова — деревня Шекинского сельсовета, Большие Усенцы — деревня Троицкого сельсовета при реке М. Гижга.

Пространственные координаты указаны в названиях типа Верх-Кондас (село Верх-Кондасского сельсовета при реке Уньва), Верх-Лёнвинские Гари (деревня близ села Новое Усолъе). Обычно компонент *верх-* указывал на нахождение объекта сверху по течению реки или на возвышенности: деревня Верхние Новинки Новинского сельсовета при р. Кама, Верхняя Мостовая («Рядом с речкой Мостовой, на горе, у нас деревня была, называлась Верхняя Мостовая, а нашу деревню Борихино называли Нижняя Мостовая. В деревне Верхняя Мостовая был мост хороший построен, а большие нигде в наших местах мостов не было» (г. Усолъе, зап. от Борудской А.А., 1926 г. р.). Особенности расположения отмечают и названия типа Низ (слобода в селе Новое Усолъе: «В Усолъе-то еще Низ был, слобода на низине, её всё время топило» — п. Орёл,

зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.), Одина (или Гуси) (хутор Троицкого сельсовета), Одина (или Шиши — деревня Троицкого сельсовета); слово *одина* в пермских говорах используется обычно для названия одиноко стоящего строения).

Ряд названий демонстрирует цветовые характеристики. Таково название деревни Белая (Шишкинский сельсовет, при реке Кондас), деревни Романовского сельсовета при реке Яйва Белая Пашня. Любопытна история названия покоса Красное. По рассказам старожил, он был назван по нахождению на нем столба красного цвета: *«Был у нас покос, Красное место-то называлось, когда мы в Дедюхине жили. Другой раз спрашивают: «Где у вас покос?» — «У Красного столбика». Тётка мне рассказывала, что, когда стали гонять Колчака, у нас с севера потянулись баржи с награбленным, богатые люди хотели смыться с добром, а когда прижали колчаковцев в Перми, проход по Каме был отрезан. Чтобы баржи не попали в руки красным бойцам, решили они своё добро спрятать. Рассказывали, что они своё добро спрятали там, где красный столбик. Я когда вырос, заинтересовался, что это за столб такой красный. Подхожу к этому столбику, а он не такой, как кварталные столбики в лесу, металлический и отлит идеально, шестигранник, сверху такая полукруглая сфера. Но он был уже тогда не красный, а зелёный, со временем медь окислилась. Спрашивается, почему из цветного металла, лесники бы так не растранижились. Есть ещё такая версия: справа по Каме видно было пыскорский храм, слева кирпичный завод, и раньше медеплавильный завод тут находился. Возможно, какая-то деталь тут была отлита и поставлена, вот, мол, мы вернёмся когда-то, и тут клад-то и найдём»* (г. Березники). В названии, как видим, отразились самые разнообразные культурные коннотации красного цвета.

Прозвища и самоназвания

Как и в целом на севере Прикамья, широко бытуют на территории Усолья особые формы прозвищных названий жителей. В деревнях обычное дело, когда жена более известна не по фамилии, а по имени мужа: Яшиха, Мишиха (*«Особенно раньше по фамилиям никто не называл, по мужу всё, например, Александра Мишиха, если муж Михаил, а даже просто Мишиха, Яшиха. Фамилии — они нужны больше для почтальона»* — г. Усолье, зап. от Тетерлевой Ф.С., 1950 г. р.).

Для образования названий жителей конкретного населенного пункта используется обычно формант *-ата (-ята)*: кекурята, киршинята, епишата, быковята (жители Кекура и рядом стоящих деревень Киршина, Епишина, Быкова). Жителей Ощепково назовут ощепята, Гунино — гунята. Стоит отметить, что этот же суффикс используется и для создания антропонимов и патронимических прозвищ (по отцу или деду), и для образования нередких в крае родовых прозвищ типа Соболята (*«А детей у нас звали по породе. У нас порода была — соболята. Дедушку нашего Сободем звали. Вот нас всех маленьких соболятами звали. А маму — Шура Соболиха. Вот другие-то семьи не помню, своих только»* — г. Усолье, зап. от Тетерлевой Ф.С., 1950 г. р.).

Суффикс *-ана-* (вариант общеизвестного *-ане-*) встречается в названиях типа орляна (жители посёлка Орел), борихана, мостовляна, наговляна: «Нас местные жители называли борихана, из Мостовой — мостовляна, из Нагой — наговляна» (г. Усолье, зап. от Борудской А.А., 1926 г. р.). Лидируют в таких названиях слова с суффиксом *-ец-* (*-иц-*): кокуйцы, липовцы (жители д. Липова), коминцы, рассохинцы и прочие. «Нас называли кокуйцами, а там ещё коминцы были, петуховцы, липовцы, высоковцы, кокшаровцы, трезубовцы, рассохинцы» (Щекино, зап. от Кузнецовой В.И., 1960 г. р.). Относительно редки образования с суффиксом *-чан(е)* (жителей деревни Вогулка называли *вогульчане*). Немало названий по месту жительства возникло из определения-прилагательного: жители Романово — романовские, Зуево — зуетские, Кедровки — кедровские, Ощепково — ощепковские, Шварёво — шварёвские, Расцветаево — расцветаевские, Лемино — лёминские, Устиново — устиновские.

Нередки на территории Усолья прозвища жителей тех или иных населенных пунктов, которые содержат иронические оценки. Как правило, они строятся на обыгрывании тех или иных фактов, связанных с населенным пунктом, особенностей в хозяйствовании, природно-географических черт местности. Так жителей села Усть-Кондас называют **векшееды** («Они, говорят, хорошими охотниками были» — п. Орёл, зап. от Шанина П.И.). По этой же схеме создано прозвище любителей ухи, которыми когда-то считались жители исчезнувшего в результате разлива реки Кама горного города Дедюхин, — **ухоеды** (жители Дедюхино — п. Орёл, зап. от Коробейниковой М.Д., 1924 г. р.).

Жители п. Лёнва носят прозвище **водохлёбы**. («А вот был раньше красивый пруд, за ним перестали смотреть, пруд-то то ли пересох, то ли затянуло его — вот и назвали водохлёбами». (п. Дедюхино, зап. от Устюговой З.С.) Жители Тамана считались **помыльниками** («таманцев помыльники звали» — п. Турлавы, зап. от Кожиной А.И., 1925 г. р.). Сходное прозвище **мыльники** носят и жители посёлка Пыскор («Мыльники — это так пыскорских звали» — зап. от Куторева В.Ф. 1924 г. р., п. Орёл). Впрочем более известно прозвище пыскорцев **ухорезы** («В Пыскоре раньше-то опять жителям надрезали уши, поэтому их ухорезами прозвали» — п. Орёл, зап. от Шанина П.И., 1928 г. р.). Другое истолкование клички: «Пыскор — ухорезы, они дрались и, бывало, в драке уши отрезали» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.). Заметим, что шуточная угроза **я те уши отрежу (и ж..пу почию)** распространена в пермских говорах и применяется для характеристики непослушного.

Жители села Новое Усолье носили ироническое название **стрижи**. «Стрижи — крепостные Строгановых, теперь усольчане. Строгановы рабочим голову наполовину стригли, чтобы не спутать своих с лазаревскими, вот и называли стрижами. (п. Орёл, зап. от Шанина П.И., 1928 г. р.) Другое истолкование намекает на распространенность в селе стрижей: «Стрижами звали усольчан, там всегда много стрижей прилетало» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.).

Жители усольского села Усть-Кондас за свою приверженность животноводству иронически назывались **хвостоломами**: «В Усть-Кондасе опять хвостоломами звали народ-то, все скотоводами были, ведь когда корова идти не хочет, ей хвост заворачивали

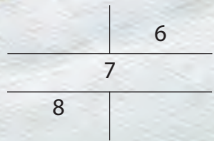
бараном» (п. Орёл, зап. от Шанина П.И., 1928 г. р.). Лёнвинцы слыли **мокрогузами**: «Мокрогузами звали жителей села Лёнва, их топило постоянно» (п. Орёл, зап. от Куторевой В.Ф. 1924 г. р.). Та же тема обыгрывается и в оценке жителей деревни Балахонцы — **мокроподольники**: «Вот по ту сторону было Легино, возле него Балахонцы что ли, и их мокроподольниками звали, потому что их каждую весну затопляло, как весной вода разольётся, они все плавают» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.). Жители посёлка Орёл получили прозвание **морковники**: «Орлинцы — морковники, потому как в Орле моркови много сеяли раньше» (п. Орёл, зап. от Езовой А.Н., 1928 г. р.). Приведенное объяснение смысла прозвища особенно частотно: «Морковь в Орле очень была хорошая, до затопления. Раньше березниковский рынок был, так там они торговали, их ждали, когда привезут морковь орлинскую, она шибко сочная была. У них остров такой был за Камой, угодье, где морковь разводили, с образованием Камского моря его затопило, промысел-то, видимо, захирел. Орёл-от уехал, а остров-то остался, и до пятьдесят четвёртого года существовал, там коров пасли, срубы делали, рыбу там, стерлядей, держали в этих срубках, и там же морковь разводили. Морковь-то не очень большая была, но как правильный треугольник, и цвет такой ровенький» (г. Березники, зап. от Верёвкина Г.И.). Любовь орлинцев к моркови истолковывается и несколько иным образом: «Жителей Орла морковниками звали, и вот почему. Бабы садили морковь и делали из неё чай. Бурлаки брали этот чай с собой, они ведь до самого Нижнего Новгорода ходили» (п. Орёл, зап. от Шанина П.И., 1928 г. р.). «Морковная» слава орлинцев закрепились и в частушках: «В городке-Орле на Каме быстро прозвища дают, я морковь совсем не ела, а морковницей зовут» (п. Орёл, зап. от Езовой А.Н., 1928 г. р.).

Жители горного города Дедюхин, затопленного в свое время в результате строительства Камской ГЭС, назывались, по некоторым сведениям, **дедюхинские майоры**: «Дедюхинцев майорами называли, так и говорили — дедюхинские майоры» (г. Усолье, зап. от Цыпуштанова В.А.). Возможное объяснение столь необычного прозвища — свидетельство жительницы п. Дедюхино Устюговой З.С.: «Помню, у нас тут латышши охраняли соль в гражданскую войну, и самое высокое звание у них был майор. Так и привилось — дедюхинских майорами прозвали».

Наделение своих географических соседей шутливыми прозвищами — общепермская черта. **Векшеедов** (а также **щепоедов**) можно встретить и в Чердынском, и в Красновишерском районах, а жителей некоторых селений Гайнского района называли за пристрастие к тем или иным огородным культурам **гороховиками** и **огуречниками**. Смысл бытования такого рода прозвищ в стремлении к самоидентификации, к осознанию особенностей присущего той или иной местности уклада жизни.

Что касается особенностей усольской топонимики в целом, то можно отметить структурное разнообразие названий, активное использование для их создания элементов других языков. Весьма вероятен в усольской топонимике «тюркский след», который еще требует своего исследования. Ярко бросаются в глаза обилие и разнообразие отантропонимических названий. В этом наглядно проявляется особенность района, на территории которого в разное время существовало значительное количество населенных пунктов с небольшим числом жителей.

ГЛАВА II.

Семейная обрядность

В настоящей главе приведены сведения по традиционной для Усолья семейной обрядности: реконструкция свадебного и похоронного обрядов, описание обряда проводов в армию, сведения о разнообразных обрядовых элементах родинного обряда и об обрядовой практике, связанной с детьми (представления о детских болезнях, способы лечения болезней, приметы на рождение детей и прочее).

Свадьба в Усолье

Не бываючи, замуж хочется...

Усольская пословица

В семейно-бытовой обрядности брак занимает особое положение. В отличие от других обрядов (родильного, погребального) бракосочетание является наиболее разработанным культурным и эстетизированным комплексом. Речь идёт не только о внешнем оформлении ритуала, где создание семьи разворачивается в целое представление с огромным количеством ролей и сложной драматургией. «Окультуренным» выступает и внутреннее наполнение обряда, главная цель которого — стимулировать новую жизнь, санкционировать перевод молодых в новый социальный статус.

Бракосочетание прошло долгий путь становления. Органически усвоив христианство и официальную традицию, процедура заключения брака не утратила основ древних языческих культов. Главная идея здесь — представление жизни бесконечным движением по кругу: каждый раз, умирая, окружающий человека мир находил силы к воспроизведению самого себя в прежнем облики. Живя в согласии с природой, не вычлняя её из своего сознания, древние народы считали возможным оставаться полноправными партнёрами окружающей действительности в решении едва ли не главных вопросов бытия: рождения и смерти. Посредником процесса переговоров выступали обрядовые процедуры. Ритуализованные предметы, действия и речь персонажей были инструментом в руках человека, с помощью которого он воздействовал на мир, регулировал основные параметры жизнотворчества.

Как и любой другой обряд, бракосочетание оформлено как структура элементов с реально-материальным и символическим содержанием. То и другое тесным образом переплетались и в сознании язычника оставались неразделёнными. Что касается мифологической основы, более древней, всем проявлениям жизни природы человек

находил аналоги в самом себе. Моменту прорастания зерна, брошенному в почву, соответствовал акт оплодотворения живого существа. Он осмысливался как смерть того, что делало рождение невозможным и одновременно был формированием нового, наделённого потребностью к воспроизведению (перерождение зарытого в земле семени). Символически дублируя два основных начала, человек стремился пробудить плодоносящие энергии природы. Неслучайно до сегодняшнего дня в глухих деревнях Прикамья, желая обеспечить хороший приплод корове, невеста в фартуке несёт в хлев остатки свадебного обеда. На повышение плодородия земли была направлена повсеместно распространённая процедура «горку мазать», заключающаяся в масленичных катаниях «новожёнов» с горы. Праздники с их участием были одним из способов народной магии плодородия. И в символическом, и в реальном планах свадебный обряд стремился, следовательно, вызвать к жизни саму жизнь.

Идея перехода человека во взрослую жизнь. В стремлении регламентировать социальное поведение традиционная культура использовала отработанный механизм: чтобы родиться, теперь уже в новом качестве, необходимо устранить старое. Катание родителей молодых на назёмных санях — символический способ показать окончание их власти с рождением новой семьи. Воплощая категорию смерти, невеста на свадьбе не должна была говорить, ей платком или шалью закрывали лицо (прообраз современной фаты, по мнению специалистов, восходит к маскам погребального ритуала); после «сдачи красоты» девушку некоторое время обязывали ходить в черной косынке. Процедуры устилания сеном или соломой пола в доме жениха, пострижение или подпаливание волос молодожёнов вполне вписывались и в комплекс родильной обрядности (в старину под роженицу клали пучок травы, при крещении с четырёх сторон головы человека выстригают по пряди волос).

Таким образом, с бракосочетания начиналось активное вхождение человека в мир, в общество. Ритуализованные процедуры приобщали «новожёнов» к традиции, что обеспечивало им органичное переживание многомерности окружающей действительности. Для женатых мужчин и замужних женщин церемониал, фиксируя границы жизни в наиболее чистом её проявлении, одновременно устанавливал каждому необходимые для этого жизненного этапа социальные роли, новые по сравнению с прежними. Участники обряда возвышались в глазах соплеменников (на Русском Севере, например, «полным» именем — именем-отчеством — величали только после венчания).

Формированию усольского обряда в том виде, в каком он сохранился до наших дней, способствовало заселение этой территории представителями разных этнических групп. Освоенные предками современных коми-пермяков и древними вогулами земли начали интересовать русских довольно давно, но массовые миграции русского населения происходят в XV-XVII вв. Это было связано и с открытием торговых путей через Верховья Камы и Печору. Особенно выросло число осёдлого населения за счёт крестьян из Новгородской, Вологодской и некоторых других северных губерний, что связано с деятельностью солепромышленников Строгановых.

Представленные в сборнике материалы свадебной традиции Усолья, которые собирались с 80-х годов прошлого века, позволяют реконструировать свадебный обряд, в целом соответствующий севернорусской свадьбе. Он предстаёт как череда обязательных эпизодов: сватовство, просватанье, посиделки (в Усолье часто их называют посиденок), обручение, девишник, отъезд к венцу, застолье в доме жениха после венчания (так называемый «приезжий стол»), собственно свадебный пир (или «большой пир»), окончание свадьбы (или «пирожный стол»). В усольской традиции фиксируются и специфические эпизоды, например, «орешник» (композиционно оформленный эпизод между просватаньем и посиденком, целиком отведённый для холостой молодёжи, с играми и угощениями).

В основу представленного в издании описания обряда положены устные рассказы носителей традиции. Фрагменты этих сообщений выстроены по основным ключевым эпизодам свадьбы, включены также привязанные к этим эпизодам тексты песен. Кроме полевых записей составителей, в издание включены материалы, хранящиеся в Пермском областном краеведческом музее, в фольклорном архиве Пермского гуманитарно-педагогического университета, материалы студии «Веретие» г. Березники. Записи сравнительно недавнего времени показывают хорошую сохранность песенной и игровой традиций усольской свадьбы (несмотря на близость района к крупным индустриальным центрам). Прекрасные тексты записаны составителями от Павлы Андреевны Елькиной, Лидии Федоровны Мазихиной, Анны Ивановны Куклиной (жительниц д. Поселье), Екатерины Ивановны Фоминой (п. Лемзер), Анфисы Матвеевны Мониной (п. Зырянка), Анны Ивановны Шишкиной (с. Берёзовка), Екатерины Сергеевны Мелехиной (д. Загизга), Марии Васильевны Костоусовой, Зои Петровны Шестаковой, Евгении Федоровны Ситниковой (жительниц с. Верх-Кондас), Ирины Степановны Бакулиной (д. Кекур).

Свадебные правила

Неписанные правила не позволяли младшей сестре выходить замуж раньше старшей. «Сзади хомут не надевают», — так говорилось о девушке, которую берут замуж раньше старшей незамужней сестры (п. Ленва); «Из-за большой малая в замуж не выходит» (с. Щекино, зап. от Мальцевой А.М., 1925 г. р.).

Особенно смотрели за тем, чтобы жених и невеста во всем соответствовали друг другу. «У меня кавалер, с которым я дружила, четыре года мы дружили, богатый был. Полюбила его богатого, а мы — бедные. Ну, маму заели: «Не по себе дерево нашла. Он её засмеёт, просмеёт». Его Ваней звали, я говорю: «Ваня, давай попустимся — меня дома заели, не по себе, мол, дерево нашла». Он маму как-то поймал: «Настасья Фёдоровна, пошто дочь-то браните?» А я, правду сказать, сколько раз ему изменяла: придём в клуб, кой парень подойдёт, я с тем парнем уйду незаметно. С Ваней ходили всё по старой дороге, а коему изменяю, всё по новой дороге идём. Вот раз идём. Три лога к нам идти

в Шварёво-то. Третий лог, как спускаемся к дому — он из логу с такой бадужиной идёт: «По которому дать-то?» Я вышла: «По мне». Он бадог бросат и парню говорит: «Яша, ты же знаешь, что она занята?» — «Знаю. Ну, я её спросил, она разрешение дала». — «Пока я её не бросаю, никто к ней не подходит, мол, моей и будет». Потом все, его в армию взяли. Писал он мне, Ваня-то, я еще Мише вот читать давала. Вот однажды читаю: «Вот встречу, дак скажу Мише-то: «Дивья тебе в баню-то готову?» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.; слово *дивья* здесь использовано в значении 'стыдно').

«Если девка брезговала парнем, ниже его себя считала, то парень лапоть мочил в лужу и бил девку-то. Отцы-то говорили про таких, что вообще надо их садить в лужу, мол, она хорошая, да девка, парень плохой, да парень» (п. Лёнва).

Правила устанавливают время проведения свадеб. «У нас на двадцать первом году девушки замуж не выходили, какой-то там переломный период считают» (д. Разим, зап. от Лоскутова М.); «В мае не велели жениться: всю жизнь, говорят, будешь маяться, всю жизнь будешь юным. В июне велят, ну, а потом ещё в октябре» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «В говинье свадьбы не делали, только в промежговенье. До поста всё, ну, там после Покрова чаще-то свадьбы играли, чтобы молосное можно было есть, после Рождества могли делать» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Сватовство и просватанье, рукобитьё

Своеобразной ярмаркой невест в Усолье были встречи у иордани — крещенской проруби для свячения воды. «Вот Крещение когда, крестят воду. В Крещенье мама поехала на реку. Специально женихи выбирают невест в это время на реке, на иордане. Папа маму тоже так выбрал на реке, увидел её, у её крестик ткой стоял на одежде, мол ищет жениха, и приехал по её. Потом мама всё говорила: «Меня отец на речке высватал». А папа опять рассказывал: «У тебя были ботинки такие, вот я запомнил». Раньше на реке больше выглядывали невест» (п. Шемейный, зап. от Литвиновой А.А.).

О сватовстве парень предупреждал и родителей, и свою будущую невесту. «Раньше познакомятся, сын говорит: «Мама, папа, мне вот эту надо, я с ней познакомился». Если знакомые парень с девкой, парень скажет: «Завтра папа с мамой придут тебя посвататься» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.) Сватать отправлялись с особыми сборами. «Сватать пойдут из-за стола. Уж обязательно отец, мать, сам жених, братья сядут, поедят, помолятся да пойдут сватать» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). По дороге загадывали, каким будет результат: «Собака встречу попала — хорошо, если кто парой гуляют, попали встречу — тоже хорошо, а один человек попал, да ещё старуха, — ой, плохо, молодым житья не будет» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Сватать ходили обычно несколько раз, на первое сватовство чаще всего сватам могли отказать: «В один день пришли, потом на другой день пришли, на третий, ну, меня

сшибли с ума-то» (д. Кекур, зап. от Старковой Е.А.). «Если невеста не *дорóжилась* (*дорожить* — вести себя высокомерно), сваты-то на два-три раза ходили, а если по знакомству, так одного раза хватало: мать, отец сначала придут, потом парень с ними идёт» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Это уж когда парень и девка незнакомы, тогда и ходят на два-три раза» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.). Сватались обычно отец и мать жениха, «они могли два-три раза ходить и поначалу жениха не брали с собой» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). Жених мог со сватами и не ходить: «Я позаочь пошла, он без меня договорился, меня приехали, высватали без его, я его и не знала» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

О предстоящем сватовстве старались особенно не рассказывать. «Сватались, дак никому не сказывали, не хвастали, день через два только все узнавали — вот эту девку, мол, просватали» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Тайком всё делали, приедут, лошадей привяжут за дом, чтобы никто не видел, тогда сватают» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Всякое бывало, вот наши-то ребята узнали, что сватать меня приехали из чужой деревни, сватовщикам оглобли сломали, лошадь выпрягли» (п. Шемейный, зап. от Литвиновой А.А.).

Пришедших в дом невесты сватов отличало особое поведение. «Сватовщики приходят, двери закрытые, они двери откроют и тут же закроют, и вот пятками стучают. А уж хозяйева знают, пришли, мол, сватать» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Вечером стук в дверь, мама пошла открывать: «У вас товар продажный есть? Мы пришли покупать». Это говорили через пóлы двери. Сваха говорит: «Можно пройти?» Мама: «Дак вы чё, свататься? Ну, проходите». Сваты: «Нечего проходить. Мы пришли за делом, свататься». Я ушла в спальню, мне мама говорит: «Выходи, невеста, что спряталась?» Бутылку вина они с собой принесли, мне ватрушку, кренделей дали. Жених с месяц по меня ходил, я всё не шла: другой кавалер был» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

Как пришли сваты, говорят: «Мы пришли не беседы вести, а пришли дело сводить. Мы пришли вашу невесту смотреть». Посадили сватов за стол, и мамонька давай чаю наливать, а тятенька его опять: «Нет, мы от тебя, сватья, чай пить не будем. Мы только будем от невесты пить. Пускай она наливает и выйдет». Я вышла, им наливаю и так испугалась — у меня блюдечко трясётся, не могу наливать-то, а тятенька за своё: «Всё, Миша, наша будет. Вишь, как руки трясутся». Первый-то раз я им отказала поподчистую: «Никаких слов я не даю, я подумаю, с подружками посоветуюсь, — говорю опять. — Едьте, ту сватайте, мимо которой проехали». Жених тогда ответил: «Никуда я не поеду. Приехал по тебя, тебя и возьмём». Да и тятя тоже: «Не пойдёшь за этого, я тебе не то что новые, старые лапти ковырять не буду». Я и согласилась, но сказала: «Я до тех пор не пойду замуж, докуль у меня не будет шелкового платья и постели». Жених сразу: «Всё будет» (п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

Другой формой сватовства был приход отца жениха с его старшей сестрой. «Свёкр заходит со старшей сестрой жениха со словами: «Двери-те нам дозволите открыть или сами откроете?» Папа говорит: «Открывайте». Они тогда сразу прошли впе-

рѣд, в ногах стали, богу помолились и говорят: «Мы пришли не беседы вести, не сидеть, а пришли дело сводить». Я тогда поняла всё, стою и дрожу» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Сваты старались при входе в дом для удачного исхода не ступать на голый пол. «К невесте заходят, под ноги себе платки стелют, чтобы по этим платкам пройти. Это в первый раз батистовые платки стелют сами себе. И чтобы хоть одной ногой как вступить на платок. Это мать стелит или крёсна жениха» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). Считалось, что «дело в гору пойдёт», если сватовщики заходили в дом родителей будущей невесты и находили их отдыхающими на печи (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Разговоры сватов носили подчеркнuto иносказательный характер. «Сватовщики заходят, говорить начинают: «Здравствуйте». — «Здравствуйте». Не проходят сразу за матицу, нельзя, говорят: «Мы пришли не посидеть, мы пришли поразговаривать, за добрым делом, за просватаньем. У вас есть курочка, у нас петушок». — «Добро пожаловать, пожалуйста, проходите», — родители ответят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Заходят: «С добрым словом, со сватаньем. Ваша дочь нам понравилась. Мы хотим сына женить, будете, нет согласны»? — «Если молодые согласны, то мы не против». По лавкам тогда сватовщики сядут, за матицу-то не переходят» (с. Щеккино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Сваты не садятся, стоят у дверей, а потом их пригласят пройти, сесть, до матицы всё» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Чтобы повезло в сватовстве, сваты стучат о порог: «Зайдут, у порога встанут и не садятся, стучают пятами о порог» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Сваты пятами стучат и говорят: «Наш покупатель — ваш товар» (с. В. Кондас, зап. от Елькиной М.М., 1921 г. р.). «Пятами у порога колотили, чтобы невеста быстрее шла замуж, не садятся, пока их не пригласят: «Садитесь за столы, на лавки ли» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Сперва сваты стояли, а как согласие дадут, так садятся. «Пришли мы свататься, откажете, не откажете. Откажете, дак мы уходим» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). Ещё тут скажут: «Пришли-де не посидеть, не побеседовать, а пришли за добрыми делами — за сватаньем». Потом уже садятся на лавку перед матицей, говорят: «У нас есть женишок, пришли свататься» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Когда сватались, говорили, что, мол, лиса к вам забежала» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.); «У нас есть петушок, у вас курочка. Наш петушок хочет взять вашу курочку на свою улочку» (п. Шемейный, зап. от Литвиновой А.А.); «У нас бычок, а у вас телочка», — так говорят сваты, когда в дом заходят и снимают шапки» (д. Игнашино). Начинали беседу родители жениха: «Вот мы пришли к вам за большим делом, у вас есть курочка, у нас петушок, так как бы нам вот это место соединить вместе, посадить их на один шесток» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.); «У вас кутька, у нас петушок, нельзя ли их свести в одно место?» — «Можно и свести», — отвечают родители, если согласие дают» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). Разговоры в первое сватовство содержат отговорки родителей

невесты. «Первый раз придут и говорят: «У вас есть курочка, у нас петушок — надо познакомиться, наш сынок одно што посылат за вашу дочь». Отец-мать у невесты отвечают: «Мы ничё не знаем, ничё не знаем, у нас того нет, другого нет, третьего тоже, свадьбу делать не на че, ничё не знаем, да и девка у нас молодая, да и не обязательно ей ещё». Поговорили, родители жениха-то: «Ну, ладно, подумайте, мы придём на следующий раз». Конечно, надо наговаривать, стараться, с полу соломинку никто даром ведь не поднимет. А если из другой деревни приедут на лошади ночью, когда уходят, скажут: «Потом мы опять придём» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Непросты (и нередко противоречивы) предписания сватам вести себя в доме в начале сватовства. «Сваты в доме невесты матицы не переходили, а то невесту не отдадут. Садилась за матицей, на лавку у стены. Сперва стояли, а как согласие дали, дак сядут» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.); «Сваты за матицу если пройдут, невеста замуж не выйдет» (с. Романово). В других случаях сваты для успеха должны были зайти за матицу: «Мы не сидеть пришли, а за добрым делом, за сватаньем». — «Дак проходите сюда, за матицу, и будем разговаривать» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.); «Сваты обязательно за матицу проходят, если по-за матице, дело может не состояться. А невеста во время переговоров сидит на кухне» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.).

Второе сватовство проводили, если дело «подаётся», уже с женихом. «Во второй идут с женихом, уже вместе с ним» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.) «Во второй раз сватать идут — девка долго дожидает жениха, если согласна идти-то, а не согласна, так убежит куда. Сватам, сам ведь знашь, если девка понравится, так они отстают, и снова ещё раз едут сватать» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «На лавку сядут, на продольную, разговор начнут. Во время сватовства родители-то сами промеж себя разговаривают, а молодой-то уйдет в комнату, там у неё руки просит. Если она согласна, то выходят вместе» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«В сватовство парень сидит, ничего не делает, разговоры только отец с матерью ведут, а если парень с девкой знакомы не одинова, дак отец с матерью скажут: «Наталья Николаевна, выйди, скажи, руку дай жениху. Если вы знакомы, то сядь, поговори с ним». А если незнакомы, то говорят: «Выйди, познакомься». Это ещё до *скатёрки* говорят. Девка выйдет, скажет: «Здравствуйте», — и сядет возле жениха. А если незнакома, то выйдет, подаст руку да и назовётся, потом уже разговаривает» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.; *скатеркой* называют момент, когда родители невесты, выказывая согласие на брак, стелют на стол скатерть и устраивают совместное со сватами застолье). Отец с матерью наговаривают, всё расписывают: «У нас всё хорошо, живём в достатке, обижать не будем», — посидят так, поговорят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Меня как сватали, Миша мой молчит, сидит, всё тятенька отвечат: «Будете жить — всё заведёте. Вы думаете как? Мы тоже с кружки, с ложки, так же и вы с кружки, с ложки будете наживать всё. Немножко дайте потачку-то». Сам ведь знаешь, валят, дак на сарафан сулят, а вы..бут, дак остальной подклад выдерут»

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Если невеста отказывалась, могли отдать ее силой. «За этого жениха не пойдешь, я тебе не то что старые, новые лапти ковырять не буду», — вот чего отец-то мне сказал. А я до замужества и валенок-то не нашивала, все в лаптях ходила. Раз силком отдают, я вышла посередь полу: «Папа, отдаешь меня замуж? Без шелкового платья ни за что не пойду и без постели». Жених встал и говорит: «Все будет». — «Че, ты привезешь, что ли?» — «Привезу». — «А я на твою постель не лягу с тобой». Спорили, спорили, и отдали» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Если девка не согласна, скажет, мол, не пойду, и всё. Родители-то: «Корова не идёт, ей хвост ломают». Так же и девке можно наломать, накрутить волосы-то. Волосы обмотни круг руки, да и всё, дак волосы-то длинные, два, а то и три раза круг руки-то обмотнутся» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.).

«Во второй ли, в третий ли раз, если невеста согласная, уже жениха ведут со сватами» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Рукобитье будет. На сватовство в рукобитье-то приходят, дак надо сразу за матницу перейти, чтобы невеста не убежала» (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Т.С., 1928 г. р.). «Когда с женихом сватать идут, невесту прячут. Жених со сватами к столу ближе подходит» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Согласие дадут — вино пьют. Жених с невестой берутся правой рукой — отец или мать им снизу руки-то разбивают, потом вино пьют, от жениха которое привезли» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Если идёт невеста, ей велят руку дать жениху, а родители руки разнимают. Родители жениха руки-то разоймут, потом вино начинают пить» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). Проведение рукобитья варьировалось: «Руки давали старики у жениха и невесты. Они руки давали: свекровка и свёкр дают родителям невесты. Встанут друг напротив друга и дадут. Руки дали, никто их не разбивал, так пожали, да и всё» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.); «У невесты били по рукам через стол. Родители встанут друг напротив друга, схватятся руками-то, мать его моей матери даёт, отцы тоже возьмутся, поручкаются, всё через стол делают» (с. Шекино). «По рукам родители били. Руки отцы разбивают, потом матери» (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Т.С., 1928 г. р.). «Если высватали, дак руки давали сватовша́, старики как у жениха-то. Они дают руки свекровке и свекру. Друг напротив друга встанут и дают: «Рады взять вашу невесту, будем теперь сватовьями» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Все под матицу встанут: папа с мамой, свёкр со своей сестрой, вот так как-то схватятся все одновременно и разбивают. Миша их руки-то рознял: «Всё, ты моя». Меня поцеловал и всё» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Согласие невесты также обставлялось особыми формами. «Невесту вызывают — пойдёт, не пойдёт. Невесту прямо при сватах спрашивают: «Согласна, не согласна. Если согласна, то дай руку жениху» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.); «Если молодые согласны были, дак ещё спросят жениха-то: «Берёшь?» — «Беру». Потом невесту спросят: «Идёшь?» — «Иду» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.); «Девку-то спросят — ну, чё, как ты, мол, согласна идти или нет? Она скажет: «Согласна». — «Если так, дай жениху руку», — мать-то скажет.

Девка руку-то даст, сама убежит на кухню, а жених остаётся, сядет опять на место, потом опять уже отец, мать сойдутся с руками-то, а жених руку разнимат снизу. Выходят среди полу, руку возьмут, приходит мать у жениха, мать тоже руку возьмёт, через мужские руки-то всё делают, а жених приходит и разнимает, снизу ударяет. Руки разнимут, помолятся, встанут по местам, по лавкам, а мать будет стелить уже скатёрку. Богу помолятся, сядутся, мать сейчас на стол скатёрку стелет, приносит ковригу хлеба, солоницу, самовар поставит. Когда скажут, мол, мать, пойдём стелить скатёрку, девка за её сцапается на кухне-то и заревёт:

Родимая мамонька, не стели жо-ка ты скатёрочку,
Не запросватай меня, молодёшеньку.
Чем я тебе да наскучила?
Или хлеба-соли много скушала?
Али широки полы я у тебя приутопала?
Или много я у тебя платищев принóсила?

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Это самое первое причитание невесты. Мать с кухни пойдёт: «Хватит, хватит больше, хватит, — девке-то, — это ведь о покойнике только долго-то причитают», — возьмёт хлеб, соль и тогда уже всё» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Это в просватанье-то скатёрочку стелили и хлеб на стол ставили» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). «Если молодые знакомы крепко — только руку приложат — один раз придут, будут говорить: «Нас парень понудил, мол, мама, пойдите, посватайтесь, ну, мы и давай идти, как вы, отдадите или нет?» А отец и мать тогда и скажут: «Ну, да, чё, оне уже без нас познакомились». Мать тогда никакую скатёрку не стелет, ничего, сядут только, поговорят, когда свадьба или без свадьбы» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Как по рукам ударили, девушка-сирота в кути, где она находилась с самого начала обрядовой процедуры, начинает причитать:

Уж вы гряньте-ко, громы сильные,
Дуньте, ветры да вы буйные,
Да распахнись-ко, мать сыра земля,
Да распахнись-ко, сваны белые,
Встань-ко, стара моя матенька,
На свои благоверные ноженьки,
Погляди на меня, на молодёшеньку.
Не придёт она да не благословит меня,
Нету у меня родимой мамоньки.
Да со чужими-то со сватеничками
Далеко туда в церковь ехати
Да во белу церкву венчатися.

(д. Мыслы, зап. от Малининой М.Н., 1903 г. р.). Это же причитание исполнялось невестой-сиротой и на девичнике.

«Если дело сойдётся, невеста из кухни придёт с вином, на стол поставит, чем богаты, то и принесут» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.). «Если согласны, так и за стол посадят, уже приготовят всё на столы, кормят сватов-то» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.); «Сваты-то с вином тут приходят, пропивать будут невесту» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.); «Вино на стол несли от жениха, его пили, когда согласятся» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). Сваты ставят на стол бутылку и говорят: «Бутылка наша — невеста ваша» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.); «Вот когда ко мне сваты третий раз приехали, я девок позвала, и четыре *братанника* (двоюродные братья) были, крёстный с крёстной, они-то двоём были. Тогда говорят: «Ну, чё, невеста, неси, чё есть». Я пива принесла, бражки, вина. «Ну, дай руку ему». Я чё, согласна была, дак дала. Он меня подтянул к себе, поцеловал, и всё. Потом за стол сели» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Пьют женихово, а со стороны невесты на стол тоже чего ставят, там мясо, грибы, закуски всякие» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.); «Обязательно в просватанье пельмени стряпают» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.); «Вот посватали, все, тут самовар поспел, мать посадила сватов за стол, они сели, давай чай пить. Как дело-то обернётся в лад, чаем-то тогда обязательно угощают. Давай на стол делать всё, а невеста всё на кухне, всё не выходит. Мама начала наливать, свёкр сразу отвечает: «Сватьюшка, мы от тебя чай пить не будем. Мы кого приехали сватать, от того и будем, пускай она идёт, наливает, пускай невеста поит» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«В сватовство девку-то никогда не садят на поперечну лавку, только на эту, на продольную. Она оттуда заходит вдоль окна, а выходит около лавки вдоль половиц, кругом. Когда просватают, она зайдёт вдоль половиц и выходит вдоль половиц, кругом-то не ходит уже» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Как руку дадут, уже сват и сватьей называют, тогда уже не на имя, никак уже больше не называют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Именно с этого момента, когда дали руки, свекор и свекровка называются сватовьями (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.).

Заканчивалось сватовство тем, что назначали срок уговора, если невеста была высватана, договаривались о приезде в дом жениха для знакомства с хозяйством. «Пойдут сваты из избы-то: «Ну, ладно, мы приедём на уговор, когда у нас всё будет» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). На уговоре решали, когда посиденок, когда обрученье, когда к венцу ехать (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Третий раз приходят сваты — уговариваются, в какой день свадьба, сколько гостей, о приданом» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Отец с матерью дают согласие, когда, к примеру, через месяц свадьбу делать» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.).

«Как высватают, отец съездит к жениху, хозяйство посмотрит» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Пока не проверит всё у жениха, его хозяйство-то, дак не просватывают, не сговариваются ещё. Обманывали ведь. Возьмут родители

жениха, кадочку вверх дном поднимут и насыпят зерно, как будто у них полная изба, полно хлеба. Ну, а отец приедет, всё посмотрит» (с. В.-Кондас, зап. от Костюсовой М.В., 1919 г. р.). «Смотрины делали, имущество проверяли. Это отец невесты делал» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

Время после сватовства ещё не было временем окончательного решения о браке. «Раньше могли и перебить невесту-то, уже засватанную. Другой жених заранее уговорит ее: «Приеду перебивать». Поехал, а матери велел тулуп взять и шаль. Всё, приехали, говорят: «Мы идём на перебой, у нас договорённость». А родители всё равно за тех отдают. Ну, жених и говорит девке: «Проводи хоть в сени-то». А она в чём была вышла, и сама не знала ведь, а он её в тулуп и шаль и увёз» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Пришли сваты-то, меня и посватали, по рукам сбили, а тут он пришёл на перебой, пришёл, шапку назад ещё повернул, к косяку сел: «Вот, мол, мы договорились уже давно, если любишь меня, так выходи». Я из кути-то к нему и вышла, а за того не пошла, за кого отдавали» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Вот перебили, невеста-то и бежит с вином — отдавать, сколько израсходовали, жениху-то первому тащит в обрат. Вино-то отдала, как вроде отказалась уже» (с. В. Кондас, зап. от Костюсовой М.В., 1919 г. р.). «Если вино выпили, а невеста передумала, отказалась, то своих родителей отправляет с вином обратно к жениху. Покупают, сколько выпили, и отдают» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.).

Орешник и посиденок

Вечерами от просватанья до дня свадьбы, как правило, занимались не только приготовлением приданого невесты. За шитьём девушки осваивали весь песенный репертуар свадебного обряда. С этой целью в дом приглашали того, кто хорошо знал обряд, и он посвящал подруг невесты во все тонкости песенного сопровождения свадьбы.

Яблочко к яблоньке катится,
Жених ко невесте припадает,
Жених у невесты выпрашивает:
— Ах, жинушка-Зинушка, кто тебе мил?
Ах, жинушка-Зинушка, кто тебе мил?
— А мил мне милёшенек Феденька,
А мил мне милёшенек маменька,
Ещё мне милёшенек батюшко.

(г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«Как сосватают, тут к невесте девчонки ходили, готовили одеяло, полотенце, тут и спевались. «Как по сням-сеничкам по новым» - эту песню пели вечерами, когда девке приданое готовили. Выйдут все из-за стола в круг и поют тогда»:

Как по сням-сенечкам,
По новым сням косятчатым,
По новым сням косятчатым
Тут и ходила-гуляла

Да молодая наша боярыня,
Да молодая наша боярыня
Свет Наталья Ивановна.
Она ходила-гуляла
Да своего мужа будила,
Да своего мужа будила:
— Да вставай, мой ласковый,
Пробудись, приветливой,
Пробудись, приветливой
Свет Иван-от Иванович.
Отвязался наш добрый конь
От столба, столба дубового,
От столба, столба дубового
Да от колячика серебряна.
— Не тужи, моя умная,
Не тужи, моя разумная,
Наживём мы с тобою железный тын,
Наживём с тобою железный сад,
Сад со калиной, сад со малиной,
С чёрной ягодой смородиной,
Наживём с тобой наследников
Свет Лексея Ивановича
Да Андрея Ивановича.

(с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

Частичный вариант приведенной песни содержит образ мудрого мужа:

С-по сеням было, сенечкам,
С-по сенечкам,
Да с-по новым сеням косятчатым
Тут и ходила-гуляла
Да молода наша боярыня
Да свет же Зоя Петровна.
Уж и ходила-будила
Да своего мужа — боярина
Серафима Петровича:
— Уж ты встань-ка, мудрый муж,
Уж ты встань-ка, приветливый,
Отвязался твой добрый конь
Да от столба, столба дубового
Да от колечика серебряного.
Да он сповыломал железный тын,
Да он сповытоптал зелёный сад,

Сад со калиной, со малиной,
Со чёрной ягодой смородиной.
— Не тужи, моя умная,
Не тужи, моя разумная,
Да наживём с тобой железный тын,
Да наживем с тобой зелёный сад,
Сад со калиной, сад со малиной,
Со чёрной ягодой смородиной,
Да наживём с тобой наследничка
Да свет Владимир Серафимович,
Что второго наследничка
Да свет Олега Серафимовича.

(с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г.р., Нечаевой А.Д., 1938 г.р., Ситниково
вой Е.Ф., 1941 г.р.).

Ой вы, сени, мои сени
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решётчатые.
Переходы-переброды
Наши частенькие.
А и, знать-то, нам по сенечкам не хаживати,
А и, знать-то, нам по сенечкам не хаживати,
Да молода дружка
За ручку не важивати.
Выходила молода
Да за новые ворота,
За новые, кленовые, за решётчатые,
За новые, кленовые, за решётчатые,
За решётчатые да мелкоклетчатые,
Выпускала сокола
Да из правого рукава.
На полётике соколику наказывала:
— Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко,
Сколь высоко и далёко
На родиму сторону.
На родимой на сторонке
Грозен батюшка живёт.
Он грозен-грозен, сударь милостив,
Он грозен-грозен, сударь милостив,
Сударь милостив,
Нисколёшенько

Мой-то батюшка
Не жалостив.
Не велел он мне, младой,
Ходить по воду одной.
Я не слушала отца,
Пошла по воду одна,
Пошла по воду одна
Да полюбила молодца,
Зовут Ванюшею да пивоварушею.
А пивовар вино варил,
Да зелено вино курил.
Зелено вино курил,
Хороших девиц напоил.
— Добро пожаловать, девицы,
На поварню на мою,
А на моей-то на поварне
Много пива и вина,
Много пива и вина,
Сладкой водочки.
Уж мы водочку выпьем,
Графин разобьём.
У нас пьяница чужая, винограденная,
Винограденная да целоваденная.

(с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г.р., Нечаевой А.Д., 1938 г.р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г.р.).

Невеста в песнях прощается с родным домом:
Последний разочек по сенечкам похаживаю,
Последний разочек я маменьку за ручку поваживаю,
Последний разочек коровушке сенушко дам,
Последний разочек к папоньке подойду
Да за шейку обниму,
Последний разочек с вами я, родители, посижу
Да на вас погляжу.

(г. Усолъе, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«Между просватаньем и посиденком целая неделя была, девки тут собирались, и спали, и ели. Шили тут на машине придано» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Девка начинает реветь. С просватанья ревела неделю целую, бабы ходили, смотрели. Вечерами-то о стол хрупат, не шьёт ничё, а подруги тут же сидят, шьются» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Кого силом отдают, те и причитают, а кого нет — у тех и девишника нет» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «До посиденка проходит неделя, тут жених в гости ходит один раз в неделю. Для него

стряпают пельмени, будет гармонист тут, чаю попьют, пельмени поедят и гуляют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Вот перво посиденок делают, первую вечёрку-то, тут жених с гостями собирается, парней-то немного, а вот в орешник, тогда парней да девок назовут холостых» (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

«На неделе после сватовства посиденок делали: просватали числа десятого, а свадьбу назначили числа двадцатого, вот тут в неделе как раз посиденок и делают. Невеста сюда только подружек приглашала» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Посиденок делали только про девок да про ребят, а пожилых-то людей здесь не было» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «На посиденок холостые только приходили» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «Жених приводит товарищей своих, невеста — подруг, женатые не допускались, и у жениха родителей тут тоже не было, только молодёжь» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Кто приходит на вечер, того встречали песней «Не было ветру». Эту песню уж в каждом разе пели: в посиденок, в обрученье. Эта «встреча-то» поётся в каждом разе» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«До обрученья посиденок был: отец, мать приедут, жених, девки тут пельмени стряпают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Пельмени стряпали, помню, и друг дружке передавали за столом на вилке: молодые — гостям, и они — молодым вилкой в пельмень, и гостю отправляют, потом он делает то же самое и жениху отправляет. Это на посиденок» (д. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

На посиденке все гости за столы сядут, девушки запоют про жениха. Эту же песню жениху исполняли и в обрученье.

Среди было царства да всё Московского,
Да среди государства Московского.
Да там стояли столы-то да дубовые,
Да принадле́рганы да скатерти да всё шелковые,
Да принаставлены да ествы да всё сахарные,
Да принаставлены да вина да всё румяные.
Да за столами жо да за дубовыми
Да сидят гости названные.
Да за столами жо да за дубовыми
Да сидит жених со невестою.
Да жених держит на коленях золотые гусли,
Да на гуслях он всё наигрывает,
Да как жить наказывает:
— Да живи да на чужой стороне,
Да у чужого свёкра-батюшка,
Да у чужого свёкра-батюшка,
Да у чужой свекровки-матушки,
Да у чужой свекровки-матушки,
Да утром вставай ранёшенько.

— Да я жила во своей воле у матушки,
Да во своей воле у бабушки,
Да просыпалась жо да я позднѣшенько,
Да ложилаь спать ранѣшенько.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

«Отстоловали, девки гулять начинают, гармошка есть — играют, а жених с невестой сидят за столом, это в посиденок. Жених приходит, приносит там чего-нибудь, раньше были орехи, семечки, конфеты, он это приносит. Семечки он не принесёт, а принесёт орехи, позорно семечки брать. Он орехов возьмёт два-три килограмма. Тут принесут тарелки, на одну положат конфеты, на другую орехи, вот это называется орешник — это в посиденок-то. Жених с невестой ходят, тут всех, кто сидит, угощают. Это в орешник. Молодые, неженатые всё собирались. Девочек холостых тут зовут пять-шесть подруг, парень своих друзей позовёт. Девки кто сидит, кто семечки, орехи грызёт, кто в игры играет. На посиденок-то больше играли — «Ко столбику», а то «Муром» опять играли, а невеста с женихом не играли, только танцевали на посиденок-то» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «В игре «Муром» у кого-нибудь из игроков ведущий возьмёт мелкую вещь, потом по кругу ходит и делает вид, что кладёт мур в ладони каждому участнику. Оставит предмет только одному, после чего выйдет на середину круга и крикнет: «Мур». У кого из игроков в руках оказался предмет, выходит на середину, целует ведущего и занимает его место» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«На этой вечерине могли в «Перстень», «Амур» играть и «Кругом со жгутом» ещё играли» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). В игре «Перстень» участвовали исключительно незамужние подружки невесты. В ожидании заветного «перстенка» — маленького колечка из рук «водимы», все девушки рассаживались по кругу, сложив на своих коленях ладони «в лодочку». С первыми звуками песни «водима» по часовой стрелке начинала движение внутри круга. Сложенными в лодочку ладонями, девушка проводила между ладоней каждой участницы игры и незаметно для «голёвой», стоящей в центре круга, одному из игроков опускала кольцо. По окончании звучания песни «голёвая» должна была угадать нового владельца «перстенка». Если попытка оборачивалась успехом, игрок и «голёвый» менялись местами. Игра возобновлялась.

Пал, пал перстенёк
В калину, в малину,
В черную смородину.
Очутился перстень
У сына, у дворянина,
На правой на ручке,
На левом мизинце.
Гадай, гадай, девица,
Угадай, красавица.

(д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

В «Селезня» играли на посиденок. Взявшись за руки, игроки вставали в круг. Холостые «селезень» и «утка» становились друг от друга через два-три «воротца», образуемые участниками поднятыми вверх руками. Пробегая в каждое из них, «селезень» должен был догнать и поцеловать убегающую от него «утку». После этого девушка и парень выбирали новую пару.

Селезень утку ловит,
Селезень серу ловит.
Ходи, утица, домой,
Ходи, серая, домой.
У тя семеро детей,
А восьмой селезень,
А девятая сама
Садоводица была.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г. р.).

«У нас все ребята любили песню «Женитьбу». Ну, раз я женюсь, давайте песню сыграю «Женитьбу». В «Женитьбу» (или «Бояра») на посиденке играли не только холостые «невесты и женихи», не препятствовалось участвовать в игре замужним женщинам и женатым мужчинам, один-два года состоящим в браке. Напротив ряда парней выстраивался ряд девушек. Обе шеренги крепко держали друг друга за руки чуть выше локтей. Под собственный аккомпанемент бояра начинали движение в сторону боярок и наоборот, каждая сторона разыгрывала всё то, о чём пела в куплетах (показывали сапоги, пальто, часы и, наконец, невесту с женихом).

— Княгини, да мы до вас пришли,
Молоды, да мы до вас пришли.
— Бояра, да вы зачем пришли?
Молоды, да вы зачем пришли?
— Княгини, да мы невест смотреть,
Молоды, да мы невест смотреть.
— Бояра, у нас невест-то нет,
Молоды, у нас невест-то нет.
— Княгини, у вас на возрасте,
Молоды, у вас на возрасте.
— Бояра, дак вам которая нужна?
Молоды, дак вам которая нужна?
— Княгини, да Катеринушка нужна,
Молоды, да свет Ивановна.
— Бояра, да мы её не отдадим,
Молоды, да мы её не отдадим.
— Княгини, да мы придём и уведём,
Молоды, да мы придём да уведём.
— Бояра, да мы на суд подадим,

Молоды, да мы на суд подадим.
 — Княгини, да нам судья-то родня,
 Молоды, да нам судья-то родня.
 — Бояра, да покажите жениха,
 Молоды, да покажите жениха.
 — Княгини, это что ли не жених?
 Молоды, это что ли не жених?
 — Бояра, да покажите нам пальто.
 Молоды, да покажите нам пальто.
 — Княгини, это что ли не пальто?
 Молоды, это что ли не пальто?
 — Бояра, да покажите нам часы,
 Молоды, да покажите нам часы.
 — Княгини, да это часы да не часы?
 Молоды, да это часы да не часы?
 — Бояра, да покажите сапоги,
 Молоды, да покажите сапоги.
 — Княгини, да это что не сапоги?
 Молоды, это что не сапоги?
 — Бояра, да сапоги-то без подошв,
 Молоды, да сапоги-то без подошв.
 — Княгини, да к свадьбе новые сошьём,
 Молоды, да к свадьбе новые сошьём.
 — Бояра, да открывайте ворота,
 Молоды, да открывайте ворота.
 — В нашем полку убыло, убыло.
 — В нашем полку прибыло, прибыло.
 — В нашем полку плакали, плакали.
 — В нашем полку плясали, плясали.
 — В нашем полку прянички, прянички.
 — В нашем полку пиво пьют, пиво пьют.
 — В нашем полку булочки, булочки.
 — Оставайтесь, дурочки, дурочки.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

Ещё играли «Столбиком». Стоит парень у столба, к нему подходит девка: «У столба или у колодца?» Если у столба, парень встаёт на место девушки, а если у колодца, девка спрашивает: «На сколько тонешь?» — «На двенадцать метров», к примеру. Девка его двенадцать раз целует и занимает место у столба. «В булавку» ещё играли. Девка ходит, булавку незаметно в ладони парню должна положить, потом берёт «невесту» и водит, а та должна угадать, у кого в руке булавка. Водящая помогает: то коленкой «невесту» подденет, то на ногу наступит около парня с булавкой-то. А потом то же делает

парень, только он уже девкам булавку кладёт, а «жениха» водит» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Наиграются, давай плясать под гармонь, песен-то на посиденок много не пели. «Кандриль» плясали, это уже в советско время пошли «Вальсы», «Енька», «Полечка», «Краковяк», «Танго», «В ту степь». Кто из ребят пойдут «Кандриль», так жениха-то спрашивают: «Можно Павлу Андреевну пригласить?» — «Пожалуйста», — скажет» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Ещё «Тройку» пляшут. Один парень двух девок приглашат» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Вот пляшут все, тут мать, отец свободны, дак придут, пить подают: «Сватья, пей, сватья, пей». А молодые-то тут сидят, не пьют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«На посиденке папа волю дал: «Парни, чё хотите с девками, то и делайте» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.) «Вот тут парни-то разойдутся. Как заканчивается вечеринка, парни девок ловить начнут и садить к себе на коленки. То кольцо отберут, то булавку и потом отдают, преж к себе на коленки посадят. Вещь отобрал, повел с собой девку и на коленки посадил, там уже предмет отдал» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Раньше по-старинному в посиденок девкам холки хлопали. Утром, вот сёдне посиденок, а на завтра утром, значит, на утре, надо всем расходиться, тут парни будут девкам холки хлопать. Один парень сидит, а два парня девок хватают, положат ему на колени книзу животом, голова и ноги болтаются, складки на оном месте разглядят и ладошкой давай, это парни девок-то, да так больно, прямо синяки, а другой опять снимет галошу с ноги да галошей по заднице, даже ходить потом девка не может. Прямо при всех. Девки бегают, визжат, а их ловят, ничё не говорят, только хлопают, девки визжат да кусаться ещё будут» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

В посиденок ко столу выходила уже не мать, а невестина крестна. «Выйдет, стола поворотит, невеста в кути и запричитает. Бойкий жених не даст реветь, быстрёхонько прибежит за занавесь, сядет рядом и начнет успокаивать».

Не выходи, не выходи, родимая хрёстнушка,
Середь столов во новой горенке
Не ворочай, не ворочай стола дубовые,
Не просватай, не просватай меня, молодёшеньку.
Посмотри-ка, посмотри-ка, родимая хрёстнушка,
На Пресвятую да Богородицу:
Склонила, склонила она головушку
На правую да на сторонушку,
Она жалеет меня, дитяще.
Не пожалела меня родима мамонька
Да Полина Ивановна.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

«Всё закончили, пошли жениха домой провожать, все девки провожали, невеста уже не ходила, дома оставалась» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «На-

плясались, девки пойдут жениха провожать домой, потом приходят к невесте. Гости погуляют, тоже домой уходят. Спать жених пошёл, девке правую руку дал, простился, поцеловал её в щёку и ушёл. Все уедут, невеста ложится с девками спать. Девки её в серединку положат, меж собой» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Между посиденком и обручением бывает дня два-три. В эти дни девки сидят, готовят всё ко свадьбе: то шьют, то стряпают, покупают всё. А жених тут не приходит уже, песни не поют, только девки шьют, вяжут, приданое готовят. Тихо девки сидят, вечеруют, ну, если жених и приедет, посидит, уйдёт домой. Жениху тут невеста рубаху подарит, накануне обручения, а он дарит невесте платье, туфли покупает ей, венцы, кольцо на руку. Поедут оба к венцу в дарёном» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Против чистого зеркальца,
Против чистого немецкого
Тут белится-румянится
Молода красна девица.
Она белится-румянится,
С братом в гости собирается:
— Я теперь не поеду с тобой,
А теперь ночи тёмные,
По рекам переходов,
По морям переездов нет.

(с. Берёзовка, зап. от Сидоровой В.И., 1905 г. р.).

Обручение

Своеобразной генеральной репетицией самой свадьбы можно считать события, предшествующие её первому дню. Предваряя саму свадьбу, обручение настраивало на праздник, в сжатом виде содержало те обрядовые формы, которые впоследствии будут реализованы в свадебном пиру у невесты и особенно в доме жениха: песни, игры, магические процедуры. «У девки один день пируют, а у парня могли и три дня пировать» (с. В.-Кондас, зап. от Костюсовой М.В., 1919 г. р.).

Накануне обручения у невесты в доме пол устилали соломой, а в день свадьбы у жениха в доме нет (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Обязательной процедурой накануне обручения было посещение девушкой бани, заплетание одной косы: «Вот завтра обручение, а сёдне они баню истопят. Девка в баню сходила, и мать ей косу плетёт, ничё не поют тут. В баню-то просто с девками идёт, как будто и не невеста вовсе, а косу потом мать и плетёт, одну тут ещё плетёт, плетё наоборот закидывает и вплетает ленточку» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.); «До обручения мать невесте косу плела, в одну косу вверх плетёми» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Ещё до приезда жениха в доме невесты собиралась её родня. Тем, кто приходил, невеста причитала. «Причитат: «Не прогневайся, родимая хрёстнушка», причитала

всем одно и то же, только имена меняла в причете, кто придёт, тому и причитает» (д. Момино, зап. от Моминой А.М., 1910 г. р.).

Пример причитания крестной матери:

Не прогневайся, родимая хрёстнушка,
Анфиса Михайловна,
Что не вышла тебя да не встретила,
Во слезах тебя да не увидела.
Не пожалела меня, молодёшеньку,
Не заступилась за меня, горемычную,
Что отдают меня да замуж.

(д. Момино, зап. от Моминой А.М., 1910 г. р.).

На обрученье приезжал со своими родителями жених, также родственники, которые живут поближе (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «В посиденок к невесте приходит только молодёжь, а вот в обрученье девки уже только песни поют, холостых совсем нет, всё парные только, парами всё приходят, вся родня: муж, жена, и вдовые есть. Девки-то тут уже на стороне сидят, песни поют про тех, кто гуляет, вот кто приходит, про тех песни и поют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «На обрученье молодежи нет, только песельники, песни поют которые, вот только они: четыре девки да баба у меня-то были. Тут все гости ещё такие: папины, маминны, ихние» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Девки по пять-шесть человек за стол сядут, песни поют про всех гостей, про жениховых, про невестиных, ещё смотрельщиков набьётся полна изба, везде: и на полати, и на печь, и у голбца. Пиво тут для них варили, пять корчаг делали» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.).

Как подъехала свадьба, пока кучера распрягают лошадей, гости заходят в дом. У крыльца их встречают с подносом отец и мать невесты, на подносах пиво и вино «парой стоят». На крыльце девушки гостям поют «Встречную» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «К дому невесты подъедут, девки выносят хлеба каравай, пивко выносят. Встречают всю свадьбу» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Как подъедут, девки выходят на крыльцо и вот тут прямо поют, у крыльца прямо вся свадьба выходит, поют «Не было ветру». Тут уже гостей мать с отцом встречают с вином, всем гостям подают, пока всех вином не угостят, песню не прекращают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Не было ветру, не было ветру —
Вдруг наваяло, вдруг наваяло.
Не было гостей, не было гостей —
Вдруг наехали, вдруг наехали.
Полна ограда, полна ограда
Карет золотых, да карет золотых.
Ой, полна повити, ой, полна повити
Хомутов и уздов, хомутов да уздов.
Ой, полная конюшня, ой, полная конюшня

Коней вороных, коней вороных.
 Полная зала, полная зала
 Гостей дорогих, гостей дорогих.
 Ой, расступилась, расплакалась
 Наша умная свет Натальюшка:
 — Ох, подломили залу, ох, подломили залу,
 Залу новую, залу новую,
 Ой, новую залу, ой, новую залу,
 Гостиную, гостиную.
 Ой, да разбили, ой, да разбили
 Чару золотую, чару золотую.
 Ох, тут расплескалась, расступилась
 Наша умная, наша разумная:
 — Ох, кто мне состроит, ох, кто мне состроит
 Залу новую, залу новую,
 Ой, новую залу, ой, новую залу,
 Гостиную, гостиную?
 Ох, кто мне сольёт, ох, кто мне сольёт
 Чару золотую, чару золотую?
 — Не тужи, умная, не тужи, разумная
 Свет Натальюшка.
 Не тужи, умная, не тужи, разумная
 Свет Николаевна.
 Я те сострою, я те сострою
 Залу новую, залу новую,
 Ой, новую залу, ой, новую залу,
 Да гостиную, гостиную.
 Я те солью, я те солью
 Чару золотую, чару золотую.

(с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р., Шестаковой З.П., 1934 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р., Кукшиновой М.Ф., 1915 г. р.). Песня (ее могли исполнять и во время приезда жениха в день венчания) фиксируется в массе вариантов:

Не было ветра, не было ветра — вдруг наваяло.
 Не было гостей, не было гостей — вдруг наехали.
 Полная ограда, полная ограда коней вороных,
 Полная прихожа, полная прихожа кучеров молодых,
 Полная зала, полная зала князей и бояр,
 Полная гостиная, полная гостиная княжецких жён.
 Ой, подломили, ой, подломили залу со гостиною,
 Ой, растопили, ой, растопили чашу золотую.
 Золоту чашу, золоту чашу со финистрами.

Тут расплакалась душа-девица:
— Кто мне построит, кто мне построит зало новое, со гостиною?
Кто мне сольёт, кто мне сольет чару золоту,
Золоту чашу, золоту чашу со финистрами?
Выискался один господин по имени (имя) да свет (отчество):
— Я тебе построю, я тебе построю зало новое, со гостиною,
Я тебе солью, я тебе солью чашу золоту, со финистрами,
Я тебе спою, я тебе спою соловья во далёком саду.

(с. Усть-Кондас, зап. от Барсуковой А.И., 1915 г. р.).

«Когда гости приезжают за невестой, родители выйдут и встречают вином, на подносе держат две стопки. «Милости просим, заходите», — говорят гостям. Тут песню поют, пока всем гостям не подадут, всё поют «Не было ветру». Жених, гости заходят, их приглашают за стол. Сначала дружки заходят, потом тысяцкий заводит жениха» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.) «Всем подают вино, пиво. Подают мать и отец невесты, наливают каждому гостю сначала вино, потом пиво. Каждый гость два стакана пьёт. Отец подаёт, мать наливает» (с. Романово). «Ещё тут пели «Из поля, поля», это пока нужные слова дружка не скажет, жених стоит, ждёт с гостями вместе» (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

Из поля, поля,
Широкого раздолья
Дружка едет.
Дружка скок на крылечко,
Дружка бряк за колечко:
— Дома ли хозяин?
Есть ли у вас невеста?
Есть ли жениху место?
Есть ли коням место?
Так хорошо.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

«В дом первыми входят дружки, говоря прибаутки: «Как бы на каблучок не вступить да титечку не своротить». Чё попало наговаривают. Первый заходит дружка, а за ним поддружье. Красная ленточка у дружки, у поддружья голубая или розовая. Заходят, шапки снимают. За ними жених идёт, а потом родители и все остальные» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «У дружки ленточка бантом сделана на груди, на булавку прикальвают. В дом-то важный заходит» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «Дружки первые в дом заходят, за ними жених с тысяцким, потом мать с отцом, свахи идут перед родителями» (с. Романово).

«Приезжают, наряд невесте везут, обутки на ноги, платье, это вперёд дружки привозят. Невесте отдают с прибаутками. Девку спрятали, там одевают её, оболокают, жениху не показывают, в кути всё делают» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Подружки тоже ревут, а невеста их платком мажет, вот они будут невесту одевать,

ботинки, дак она да туфлём-то по спине бьёт, то по башкам да каблуком, девки-то визжат, это когда одевают невесту-то, к обручению готовят, дак тогда она их и бучкает» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Перед свадьбой жених покупал невесте какого-либо материала. Вот она в обручение, невеста, должна быть обязательно в платье из жениховой материи. А невеста жениху дарила рубашку. Он обязательно в ней должен был быть» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

«Тут ещё на невесту цветы наденут, а в девишник не надевают. Их уж больше-то в свадьбу одевали» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). В деревне Разим в обручение на невесту надевали ленты: «Всю лентами увешают, на голову, на плечи булавками прикалывают. Эта невеста по деревне так бегаёт до свадьбы, в косе лента» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

В Усольской свадьбе детально разработанным является ритуал вывода невесты «пред столы». Обрядовую процедуру совершали в обручение и в день венчания с той разницей, что в первом случае невесту из *кутного угла* (места перед печью за перегородкой) выводил отец (в день свадьбы девушку выводили мать или крёстная). «В дом зайдут, тут за столом сидят две девки, место-то они не дают, не выходят, а жених-то придёт, их поцелует да денег им даст, они тогда выйдут, место освободят» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Гости раздеваются и ко столу. Не садятся ещё здесь, жених с тысячком всё стоят, пока невесту не приведут. Все стоят: и свахи, и гости. Жениху поют: «Зачем, сокол, ты один в саду», «Не во тереме не во каменном»:

Не во тереме-то не во каменном,
Эх-хе-хе, да не гусельцы лежат.
Некому во гусельцы играти,
Свет Анатоля-то дома не случилось,
Миколаевича да не пригодилось.
Он у тёщи-то да за столами,
У невесты-то за блинами.
Тёща зятя подивила:
— Уж ты ешь-то, мой зятюшка, досыта,
Уж ты пей, мой зятюшка, допьяна,
Уж ты иди да не шатайся
Да во чёрные грязи не валяйся.
Невеста-то неучёная,
Не выйдет, тебя да не встретит,
Домой-то тебя не приведёт, да не разует,
Под правую ручку-то не подхватит,
Постелю про тебя да не постелет,
Да правой ручкой не обнимет,
В уста тебя не поцелует.

(д. Мыслы, зап. от Малининой М.Н., 1903 г. р.).

Алая ленточка ко стеночке льнёт,
Молодой Владимир Верочку жмёт.
Он жмёт-пожимает, спрашивает:
— Кто тебе на свете, Верочка, мил?
— Мил мне папашенька, тятенька родной.
Алая ленточка ко стеночке льнёт,
Молодой Владимир Верочку жмёт:
— Неправду ты баешь, небыль говоришь,
Небыль говоришь, моё сердце гневишь.
— Мил мне милёшенек Владимир-молодец.
Владимир-молодец Николаевич.

(д. Малые Кузнецы, зап. от Осокиной А.П., 1914 г.р.).

Во кресле он валяется
Во кресле он валяется,
Всё женой похваляется:
— У меня жена умная,
Жена умная пригожая.
Мимо пройдёт — уважит меня,
Слово молвит — накормит меня.
Это толь не жена у меня,
Это толь не голубушка
Свет Ирина Геннадьевна!

(г. Усолье, зап. от Чупиной К.С., 1910 г. р.).

В обрученье про жениха, единственного сына в семье, исполняли песню «Вылетал соловей»:

Вылетал соловей
Да из зелёных лузей,
Ай люли, да ай люли,
Из зелёных лузей.
Вылетал соловей
Да наговаривал,
Ай люли, да ай люли,
Да наговаривал:
— Ещё кто да с женой
Да во совете живёт?
Свет Иван да свет Иванович,
Ай люли, да ай люли,
Свет Иван да свет Иванович.
— Спороди мне сына,
Да ясна сокола,
Свет Андрея да свет Иваныча,

Ай люли, да ай люли,
Свет Андрея да свет Иваныча.
Отдадим мы его
Да в Петроград обучать,
Ай люли, да ай люли,
В Петроград обучать.
Да не ради учения,
Ради чести-хвалы,
Ради похвальбы,
Ай люли, да ай люли,
Ради похвальбы.
Чтоб при полке
Да был полковничком,
Ай люли, да ай люли,
Да был полковничком.
Чтоб при людях
Был хорош человек,
Ай люли, да ай люли,
Был хорош человек.
Чтоб при доме
Был хозяином,
Ай люли, да ай люли,
Был хозяином.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г.р.).

Про жениха из семьи, где много сыновей, пели песню «Вниз по реке»:

Вниз по реке-реке
Шёл с-по быстрою,
Ой, шёл-прошёл
Что сереб корабль на золоте,
Что сереб корабль на золоте.
На этом корабличке,
На этом корабличке
Молодой добрый молодец
Свет Данила Андреевич.
С-по бережку бережком шла,
С-по бережку бережком шла
Молодая боярыня
Свет Настасья Петровна.
Она шла, мужа звала,
Она шла, мужа звала
Что своим зычным голосом,

Что своим зычным голосом:
— Стой-постой, воротись,
— Стой-постой, воротись
Из пути, из дороженьки,
Из веселья, из раздолья широкого.
Я тебе радость скажу,
Я тебе девок рожу.
— Ох, я для этого не ворочусь,
Из пути, из дороженьки,
Из раздолья широкого.
— Ох, я тебе радость скажу,
Я тебе сына рожу
Свет Андрея Ивановича.
— Ох, я для этого-то ворочусь
Я из пути, из дороженьки,
От веселья великого.
Дочь у меня будет гостья-гостьюшка,
А сын хозяином в доме.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г.р.).

Потом невесту выводить станут под песню «Выводили да нашу умную».

Выводили нашу да умную
Выводили нашу да умную,
Выводили нашу разумную
Да свет Марию Ивановну.
Выводил её да родный тятенька,
Он-то велел Богу молиться,
На все стороны поклониться,
На особину да свет Ивану Николаевичу.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

Отец за платок выводит. И жениха из-за стола выводят, тут они и встречаются. Тысяцкий жениха выводит, чтобы кругом обойти, за платочек ведёт жениха перед отцом матерью невесты и сватьей. На серёдку пола выводят. Ко столам ближе ставит жениха, лицом к кути, невеста тогда из кухни-то и выходит. Её выводит родной отец. Встретились, друг другу кланяются: жених перед невестой, тысяцкий перед отцом невесты, — и так три раза друг другу кланяются. Потом берутся за руки: отец берет руку тысяцкого, жених — невесты. Жених целует отца и невесту, а затем их целует три раза тысяцкий. Потом жених берёт невесту за платочек, и они идут за стол: тысяцкий ведёт жениха, жених за платочек невесту» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

«Свадебжане жениха заводят, дружка его ведёт, а мой-то папа меня вывел и дружке передал, а дружка меня опять жениху передаёт, тоже песня поётся: «Выводили нашу умную» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «На обручение невесту

выводит крестная» (д. Вогулка, зап. от Половниковой П.А.). «Мать невесты пойдёт в кухню и за руку выведет дочь» (с. Романово). «Девки опять запоют: «Выкатается скатный жемчуг». Эту песню поют, когда невесту выводят, отец её приводит и с руки на руку передаёт. Из кухни папа девку-то за платочек выводит, девка двумя руками держится за платок. Её жених ждёт, встречает её как, тятенька поставит рядом, и жених за платочек берётся, вот стоят, за платочек держатся и богу молятся, потом за стол пойдут.левой рукой платок-то держат, правой-то знамение делают, там два-три раза. Помолились, жених повел невесту вдоль лавки за стол, кто за столом сидит — выходят оттуда. Невеста заходит, и жених заходит за стол» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Известны и другие формы вывода. «Перед выводом невеста-то ещё в кухне сидит, шалью лицо закрыла. По её жених придёт прямо на кухню; у её платок носовой есть, жених берёт её за платок и выводит за стол, сколько-то перво отец выведет, потом уже жених выводит. Стол отодвинут, молодых-то за стол поставят, тут они и стоят. Невеста в розовой юбке и в розовой кофте, сатин такой раньше был, цветы на голове. Цветы красного, зелёного, желтого, белого цветов. На серёдке-то цветок побольше, к тряпочке пришит. Прямо на тряпочку и на волосы цветочки до ушей сделают» (д. Загижга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.) «На невесте в обрученье-то цветы из воска, как венец такой на голову-то оденет» (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

Молодых, прежде чем завести за стол, благословляют. «За стол заведут, ещё сидеть-то им нельзя. Стоят оне долго: сваха села и тысяцкий, а молодые всё стоят» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

В обрученье, когда невесту с женихом тысяцкий заводит за стол, поют про жениха. Пока поют, все гости стоят за столом и жених с невестой тоже стоит.

Во саду было, во садичке, да во садичке,
Да во зелёном да виноградничке,
Да во зелёном да виноградничке,
Да тут-то частом мелком теремочничке,
Да что мелком теремочничке.
Да тут-то ходил-гулял добрый молодец,
Да тут-то ходил-гулял добрый молодец
Да свет Иван-от Иванович,
Да свет Иван-от Иванович.
Он чесал свою буйную голову,
Он чесал свою буйную голову
Да дорогим своим рыбьим гребешком,
Да дорогим своим рыбным гребешком
Он чесался-приучесывался,
Он чесался-приучесывался,
Своим кудерцам наказывал,
Да своим русым да наговаривал:

— Да прилегайте, мои русые,
Да ко моему телу белому,
Да ко моему телу белому,
Да к моему лицу румяному.
Да привыкай, моя умная,
Да привыкай, моя разумная,
Да ко моему уму-разуму,
Ко обычаю ко молодецкому,
Ко обычаю ко молодецкому,
Ко не здравью княженецкому,
Ко не здравью княженецкому.

(с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р., Шестаковой З.П., 1934 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р., Кукшиновой М.Ф., 1915 г. р.).

В некоторых вариантах песни отмечены дополнительные вставки:

...Привыкай, моя умная,
Ко моему уму-разуму,
Ко моему уму-разуму да молодецкому.
— Мне-ко ум-от твой, да ум твой не нравится,
Да за тебя замуж мне не хочется.

(д. Мыслы, зап. от Литвиновой Е.С.).

...Во саду было во садике, во зеленом винограднике.
Ходил-гулял добрый молодец свет Андрей свет Васильевич.
Он чесал буйну головушку золотым частым гребешком.
Русым кудрецам наказывал:
«Прилегайте, мои кудрецы, ко моему лицу белому,
Ко обычаю молодецкому по нраву княженецкому.
А мне ум твой по нраву пришёл,
Ко нраву твоему пригляжусь, живя,
Ко обычаю привыкать начну.

(п. Орёл, зап. от Чупиной К.С., 1910 г. р.).

«Все сели — девки молчат. Все садятся, а невеста встанет и говорит: «Кушайте, пожалуйста, не всем на имя, а всем вообще». Говорит всем гостям, а гости кланяются ей: «Спасибо де, спасибо». Потом начинают есть. А раньше-то ещё навеличивали: «Мамонька, Пелагея Никитична, кушайте, пожалуйста. Тётьенька, Софья Павловна, кушайте, пожалуйста», — и каждому кланяешься, а сейчас спрямили уже. Тут песни начали петь про тысяцкого, свах, все сели, а молодые всё стоят, как только невеста скажет, мол, кушайте, тогда и сами садятся. Есть начинают, тогда скатёрки со стола-то и снимают, кладут их к себе на колени. Молодые из одной кружки-рюмки пьют, голыми руками не брали, только платочком рюмку брали: жених платочком возьмёт, попробует, а потом ей даёт. И еду так же» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).
«Тут величать гостей начнут. Перед тем как величать-то, девки к каждому подходят,

спрашивают: «Какие у тебя ребята, как величать?» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.) «Тут опять девки-то запоют: «Тысяцкий, воевода».

Тысяцкий воевода, ой, воевода,
Ой, раньше воевал городами, ой, городами,
А теперь он воюет головами, ой, головами.
Он и Машу берёт с головою, ой, с головою,
Он с русою со косою, ой, со косою,
Он с ленточкой со алою, ой, со алою.
У него же жена да гордая, ой, да гордая,
Свет Мариюшка, ой, спесива, да спесива,
Александровна величава, ой, величава.
Она пеша к обедне не ходит, ой, не ходит,
Она летней порою в коляске, ой, в коляске,
Она зимней порою во санках, ой, во санках.
Пара коней у неё вороные, ой, вороные,
Кучера-те у ней молодые, ой, молодые.
Саночки у неё дубовые, ой, дубовые,
Все запятнички холостые, ой, холостые.
Все-то кони у ней вороные, ой, вороные,
Кучера-то у ней молодые, ой, молодые.

(с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р., Шестаковой З.П., 1934 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р., Кукшиновой М.Ф., 1915 г. р.). Эту же песню исполняли и перед отправлением молодых к свадебному венцу. Вариант песни содержит детализированное описание застолья:

...Валентинушка её родила, ох да, родила,
Да за столы-те, да столы-те становила, ой да, становила,
Ой да, столы-те, столы дубовы,
Да за столешоньки да за кедровы, ой да, за кедровы,
За вилочки да булатны, ой да, за булатны,
За ножички да за хрустальны, ой да, за хрустальны,
Ой, за скатёрочки да шиты-браны, ой, шиты-браны,
Всё-то за ествы за сахарны, ох, за сахарны.

(с. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.).

После нее заводили песню про дружку:

Дружки вы дружища,
Да молодое подружище,
Иван-от Иванович
Да Пётр Николаевич.
Чтоб вам, дружки,
Больше не езживати,
Наших девок не целовывати.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П. А., 1908 г. р.).

После песни тысяцкому и дружке давай уже свахам петь: «Переезжие свашеньки». Поют свахам со стороны жениха и невесты одновременно.

— Переезжие свашеньки,
Да вы куды, свахи, ехали,
Да вы куды, свахи, ехали?
— Да уж мы ехали-ехали,
Да уж мы ехали-ехали
Мы лесами-те тёмными,
Мы лесами-те тёмными,
А мы полями-те чистыми,
А мы полями-те чистыми.
— А вы чем леса дарили?
— А уж мы дарили-дарили,
А уж мы дарили-дарили
Уж мы лисицами-куницами.
— Да вы куды, свахи, ехали,
Да вы куды, свахи, ехали?
— Да уж полями-те чистыми,
Мы полями-те чистыми.
— Да уж вы чем поля дарили,
Да уж вы чем поля дарили?
— Да мы пшеной белояровой,
Да мы пшеной белояровой.
— Да вы куды, свахи, ехали,
Да вы куды, свахи, ехали?
— Да мы лугами зелёными.
— Да уж вы чем луга дарили,
Да уж вы чем луга дарили?
— Да уж мы дарили-дарили
Да мы цветами лазоревыми,
Да мы цветами лазоревыми,
Да травами шелковыми,
Да травами шелковыми.
— Вы куды, свахи, ехали,
Вы куды, свахи, ехали?
— Да во село мы заехали,
Да во село мы заехали.
— Да уж вы чем село дарили,
Да уж вы чем село дарили?
— Да уж мы дарили-дарили
Да мы поклонами низкими,

Да мы поклонами низкими.
Да уж мы ехали-ехали
Да мы во терем заехали,
Да мы во терем заехали.
— Да уж вы чем терем дарили,
Да уж вы чем терем дарили?
— Да уж мы дарили-дарили
Да удалым добрым молодцем,
Да удалым добрым молодцем
Свет Иваном Васильевичем,
Свет Иваном Васильевичем
Да со красивой со девицей,
Да со красивой со девицей
Свет Натальей Ивановной.

(с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р., Шестаковой З.П., 1934 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р., Кукшиновой М.Ф., 1915 г. р.).

Вариант:

Переезжая свашенька, Евдокия Григорьевна,
— О, куда, сваха, ехала?
Уж я ехала-ехала,
Я лесами-те тёмными.
— Уж ты чем леса дарила?
— Уж я дарила-дарила
Лисицами, куницами.
Переезжая свашенька, Евдокия Григорьевна.
— О, куда, сваха, ехала?
— Уж я ехала — ехала,
Я лугами зелеными.
Уж ты чем луга дарила?
— Уж я дарила — дарила
Я травую шелковою.
Переезжая свашенька, Евдокия Григорьевна.
— О, куда, сваха, ехала?
— Уж я ехала-ехала
Я полями-те чистыми.
— Уж ты чем поля дарила?
— Уж я дарила-дарила
Я пшеной белояровой.
Переезжая свашенька, Евдокия Григорьевна.
— О, куда, сваха, ехала?
— Уж я ехала-ехала,

Во высок терем заехала.
— Уж ты чем терем дарила?
— Уж я дарила-дарила Алексеем Ивановичем.

(с. Берёзовка, зап. от Белкиной Е.Г., 1908 г. р.)

Приводим вариант еще одной песни, записанной в п. Пыскор от Самодуровой Е.В. 1903 г. р., Хомутовой А.П., 1903 г. р., Соловьевой А.А., 1897 г. р.

— Переезжие свашеньки,
Да перелётные пташеньки,
Вы куда, свахи, ехали?
— Да уж мы ехали, ехали.
Уж мы ехали, ехали,
Да мы к невесте заехали.
Мы невесту-то дарили,
Да уж мы дарили, дарили.
Уж мы дарить-то дарили
Да мы поклонами низкими,
Мы поклонами низкими.
— Да переезжие свашеньки,
Переезжие свашеньки,
Да вы гордые, спесивые,
Вы гордые, спесивые,
Да молодые ловливые.

Девки-то далёконько сидят, в углу, смотрят, наблюдают. Пропели они, потом садятся гости, вот какие гости есть, тому такую песню и поют, например, гостю женатому с детьми, женатому брату с детьми «Грановитые палаты». «Вот у кого есть ребёнок и приходит на обрученье, тем поют, например, брату, если у него были дети, тогда пели «Грановитые палаты построенные». А он и рад, пляшет» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Ещё хороводная песня пелась «Как по сеням, сеням, да по косятчатым». Там перепевают уже всех семейщиков, всех, кто в семье есть» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Грановитые палаты,
Грановитые палаты,
Построённые, построённые,
Середь городу они,
Середь городу они
Становлённые, становлённые.
Как во этих во палатах,
Как во этих во палатах
Будет князь-боярин,
Будет князь-боярин
Как с-по имени Пётр Алексеевич

Со своею со женою,
Со своею со женою
Со боярыней вечер-душечкой
Анной Ивановной.
Мало-мало посиделось:
У её головушка, у её головушка
Разболелась, разболелась,
И сердечико, и сердечико
Затужило, затужило.
К утру свету она, к утру свету она
Сына породила, сына породила.
Бегут мамоньки, бегут нянечки
Со с вешшами, со вешшами,
Одна мамонька, одна нянечка
Со дитяю, со дитяю.
Вам не надо ли дитя,
Вам не надо ли дитя,
Дитя милое, дитя милое,
Во с-по имени Алёшенька,
Вот Иванович?
Ох, как же нам не надо,
Ох, как же нам не надо
Дитя милое, дитя милое?
Нам при молодости лет
Да для забавушки,
Нам под старости лет
Для заменушки.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.)

Грановитые палаты становились,
Грановитые палаты становились.
Как во этих во палатах,
Как во этих во палатах будет свадьба.
Развесёлая компания,
Развесёлая компания — будет свадьба.
Как на эту на свадьбе,
Как на эту на свадьбе будет князь-боярин,
Во с-по имени Александрович,
Да во с-по имени свет Иванович
Со своей невестою,
Со своей невестою, со боярыней,
Во с-по имени Настасьюшки

Да во с-по имени Алексеевны.
Грановитые палаты,
Грановитые палаты становилися.
Как во этих во палатах,
Как во этих во палатах будет свадьба.
Бегут нянюшки,
Бегут нянюшки с питиями,
Бегут мамушки,
Бегут мамушки со свечами,
А князь — боярин с боярынею
Грановитые палаты,
Грановитые палаты становилися.
Как во этих во палатах,
Как во этих во палатах была свадьба.
Бегут нянюшки с питиями,
Бегут мамушки со дитями,
А молодая-то княгиня,
А молодая-то княгиня со здоровьем.

(с. Усолъе, зап. от Мишариной (Бородулиной) А.С., 1904 г. р.).

Чьё это поле, это поле не гороженое?
Ох, чья это, чья это вдова во беседе одна,
С-по имени Катерина Ивановна?
Ох, нету у неё дружка милого,
Оставил он ей, оставил он ей малых детонек.
Ох, кто их будет кормить и поить, одевать-обувать,
Поить и кормить, обувать-одевать и воспитывать?

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г.р.).

«Девки-то меж ног держат кружку с вином, как горло перехватит, так отпивают и дальше поют. Гости едят, а им поют. Да ещё подают девкам мужики-то пьяные, на вилочках подают там со стола: «Девки, нате». Деньги дают. Про кого песню споёшь, к тому с блюдом подойдёшь и говоришь: «Пожалуйте». Гость-то деньги и даёт. Сначала пели жениховым гостям, потом невестиным, кому-то успеешь спеть, а кому-то нет. Гость встанет да благодарит: «Благодарю де, хорошие девушки, за песенки». А девки-то отвечают: «Не стоит благодарить, а стоит пятёрочкой одарить», — и девка тут с тарелочкой сразу подбегает: «Пожалуйста». А вот в тот день, когда к венцу поехали, тут запоют: «На море галица купалася» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Вы поешьте-попейте, бояра
Вы поешьте-попейте, бояра,
На большие припасы не надейтесь,
Ох, не надейтесь.
Сторона-то у нас не богата,

Ох, не богата.
Всё гусей-лебедей не родится,
Ох, не родится.
Верушка Аннушку родила,
Ох, родила.
За столы же, столы-те становила,
Ох, становила.
За столы-то, столы-то за дубовы,
Ох, за дубовы,
За скатёрочки-то шиты-браны,
Ох, шиты-браны,
За яствы-яствы за сахарны,
Ох, за сахарны-те,
А за вилочки-ложечки буланы,
Ой, да за буланы,
А за рюмочки да за хрустальны,
Ой, да за хрустальны.
Вы поешьте-попейте, бояра.

(д. Кокшары, с. Берёзовка, зап. от Шмикина А.И., 1919 г. р.).

Когда стояли за столами, это пели боярам.

Частичный вариант песни:

...За столы-те, столы дубовы,
Ой, за столешенки да за кедровые, кедровы,
Ой, за скатерти да за шиты-браны, ой, шиты-браны,
Всё за ествы да за гарны, за гарны,
Всё за ножечки да за укладны, за укладны,
Всё за вилочки да за булатны, за булатны.

(с. Берёзовка, зап. от Сидоровой В.М., 1917 г. р.).

Когда невесту с женихом заводят за стол, после песен про молодожёнов исполняли боярам:

Ой, город-от стоит, ой, город-от стоит,
Да город каменный.
Ой, в этом городе, ой, в этом городе
Да сила войско стоит.
Силою силён, да силою силён
Да свет Алексей.
С волею волён, ой, с волею волен
Да свет Иванович.
Ой, хочет воевать, ой, хочет воевать
Да всех людей в полон забрать,
Да забрать-заполонить, да забрать-заполонить

Хорошу девицу-душу.
Ой, взмолилася она, ой, взмолилася она
Родимому тятеньке:
— Ой, тятенька родной, ой, тятенька родной,
Уж ты выкупи меня,
Ох, отдай за меня сто рублей, ох, отдай сто рублей,
Отдай за меня да тысячу.
— Ох, милое дитя, ох, милое дитя,
Да нынче годы не таки.
Ох, нынешний народ, нынешний народ
Да несговорчивый.
Ох, денег не берут, да денег не берут
Да нам откуп не дают.
Просят у меня, ой, просят у меня
Да милу дитятку себе
Да свет Натальюшку Николаевну.

(Зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

Приезжали, собирались
Тридцать три голубка.
Собирались, соезжались
Тридцать три молодца.
Один-то голубок
Он не пьёт и не ест
И не пурхается.
Он тоскует и горюет
О голубке своей.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.
Я свидаюсь не свидаюсь
На травах, на муравах,
На зелёных травах.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.
Я свидаюсь не свидаюсь
За дубовым за столом,
За столом, за столом,
За изюмным пирогом.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.

(д. Рёлка, зап. от Кузнецовой Е.Е., 1903 г. р.).

После этой песни пели про свекра и свекровку «Через матушку Волгу-реку».

Через матушку Волгу-реку,
Через матушку Волгу-реку
Тут шли-прошли сватовщики,
Молодые обручельщики.
Впереди идёт милой свёкор,
Впереди мила сына ведёт,
Позади — милу сношеньку.
Ведучи, им наскazujeвает,
Ведучи, наговаривает:
— Не гляди, сноха, в Волгу-реку,
Заглядишься да упадёшь.
— Уж я упаду не упаду,
За тебя не схватаюся,
Я схватаюся-поймаюся
За родимого тятеньку.
Через матушку Волгу-реку,
Через матушку Волгу-реку
Тут шли-прошли сватовщики,
Тут шли-прошли сватовщики,
Молодые обручельщики.
Впереди идёт милой свёкор,
Впереди мила сына ведёт,
Позади — милу сношеньку.
Ведучи, им наскazujeвает,
Ведучи, наговаривает:
— Не гляди, сноха, в Волгу-реку,
Заглядишься да упадёшь.
— Уж я упаду не упаду,
За тебя не схватаюся.
Я схватаюся-поймаюся
За родимую мамоньку.
Через матушку Волгу-реку,
Через матушку Волгу-реку
Тут шли-прошли сватовщики,
Тут шли-прошли сватовщики,
Молодые обручальщики.
Впереди идёт милой свёкор,
Впереди милого сына ведёт,
Позади — милу сношеньку.
Ведучи, им наскazujeвает,
Ведучи, наговаривает:

— Не гляди, сноха, в Волгу-реку,
Заглядишься да упадёшь.
— Уж я упаду не упаду,
За тебя не схватаюся,
Я схватаюся-поймаюся
За своего друга милого.

(д. Левино, зап. от Малининой А.С., 1917 г. р.).

Эту же песню исполняли и перед венчанием в доме невесты.

Текст отмечен и в других вариантах:
Через матушку Волгу-реку
Мощёны мосты калиновые,
Переклады рябиновые.
Наперёд едут друженьки,
Позади едут свашеньки,
Во серёдке — удалый молодец,
За собой красну девицу везёт.
Ведучи, наказывает:

— Не гляди-кося в Волгу-реку... — далее по тексту.

(с. Берёзовка, зап. от Сидоровой В.И., 1905 г. р.).

Песня в обручение про свекровку и свёкра.

В одном из вариантов отмечается обращение к реке:

Через матушку Волгу-реку
Да мощёны мосты калиновые,
Да переклады рябиновые.
Да тут никто не прохаживал,
Да никого не проваживал.
Тут и шёл-прошёл милый свёкор,
Свёкор-от батюшка,
Милый свёкор-от батюшка
Свет Василий-от Фёдорович.
Да по праву руку мила сына ведёт.
Да по леву руку — милую сноху,
Да по леву руку — милую сноху,
Да милу сношку-невестушку.
Ведучи, ей наказывает,
Да седучи наговаривает:
— Да не гляди, сноха, в Волгу-реку:
Да заглядишься ты — упадёшь.
— Да уж я упаду не упаду,
За тебя не схватаюся.
Я схватаюсь не схватаюся

Да за родимого батюшку
Да за Степана Петровича,
Да за родимую матушку
Свет же Анну Романовну.
Расступись, мать-то водушка,
Да сонеси свёкра-батюшка,
А меня, молодёшеньку,
Да на родиму сторонушку
Да ко родимому батюшке,
Ко родимой ко матушке.

(с. В.-Кондас, Усольский район, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р., Нечаевой А.Д., 1938 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

По сеням было, сеням
По сеням было, сеням,
По новым было сеням.
Туту ходила-гуляла
Родная мать Мария Ивановна.
Во руках она носила
Ужо да бел калач-калач,
Во другой руке носила
Воскояровы свечи.
Она ставила свечи-свечи
Да перед чудны образа-образа
Пред святителем Божьим Лукой,
Пред святителем Божьим Лукой:
— Святитель Божий Лука,
Защити моё дитя-дитя,
Да чтоб им совет да любовь.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г.р.).

«Каждому гостю в обрученье-то песню пели особую, начинают с жениха, потом тысяцкому, потом свахам (ее крестная и его, каждой отдельную песню пели), потом про дружек пели. Тысяцкому навеличают «Тысяцкий — воевода», свахам — «Переезжие свашеньки», «Розан» пели дружкам. Дружки должны быть холостыми» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Песни девки сначала тысяцкому, потом свахам поют — «Свашеньки, вы, свашеньки». (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Свахам жениха пели «Уж ты, свашенька, свашенька». За столом стоят невеста, сваха, мать. Сваха его стоит рядом. У невесты его сваху всё величают, а вот у жениха когда все соберутся, тогда уже невестину сваху посадят на почётное место» (с. Романово).

Хрестная сваха беяна, ой да, беяна
Хрестная сваха беяна, ой да, беяна,
Ой да, она белые полотно белила, ой да, белила,

Ой да, на Дунай-реке колотила, ой, колотила.
Ой, всё по Наташеньке сваха снаряживалась, ой, снаряживалась,
Ой, всё приданое сподобляла, ой, сподобляла,
Ой, свет Николаевна да сподоблялась, ой, сподоблялась,
Ой да, по свахе наряжалась, ой, наряжалась.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

В обрученье свахе, которая стелила постель, исполняли песню «Невестина сваха беляна»:

Невестина сваха беляна,
Она три года по мосту ходила,
Белые холсты потаскала,
Невесте приданое собирала,
В кованые сундуки клала,
Замком запирала.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

Уж ты сваха ты свашенька?
Уж ты сваха ты свашенька,
Молодая, хвастливая.
Уж ты сваталась, хвасталась,
Уж ты сваталась, хвасталась:
У меня крестник — милой сын.
У него дом — широкий двор,
На семи верстах выстроен,
На семи с половиною.
У него ворота точеные,
У ворот столбы каменные,
Подворотня решётчатая.

(д. Городище, зап. от Пономаревой А.С., 1913 г. р. и Чекменевой В.М., 1913 г. р.).

В обрученье и в день приезда жениха в дом за невестой величали крестного отца:

По столу, столику дубовому,
По столу, столику дубовому,
По блюду, блюду серебряному
Плавают чарочка в сладком меду,
В сладком меду со мадерою.
Кто за эту чарочку примется?
Кто за налитую возьмётся?
Взялся-принялся один молодец,
Ясный наш месяц Сергей-удалец,
Сергей-удалец свет Михайлович!
Сам изопьёт и жене подаёт:
— Пей, жена, кумушка, лада моя,

Свет ты, Ирина Геннадьевна!
 — Нет, я не кушаю, я не пью,
 Речей твоих умных послушаю.
 Мало спалось, во сне виделось,
 Будто у нас середь широкого двора
 Выросла травушка шелковая,
 Выросла травушка шелковая,
 Ковыль-трава порошенная,
 Розой цветами усыпанная.
 По той ли траве-мураве
 Протекала реченька медовая,
 Протекала реченька медовая,
 Садам, калиною порошенная.
 Свет мой, Серёженька, ясен ли мой сон?
 Радость ли не радо-, не радостен —
 Что нам сулит, да сулит нам он?
 — Я тебе, душенька, сон расскажу,
 Сон расскажу, на словах разложу.
 Широкий тот двор — наша жизнь широка,
 Речкой медовой вся порошена.
 Травонька шелковая — вся наша родня,
 Наша родня — вся твоя и моя.
 Розовы цветочки — дети у нас,
 Садик калиновый — предки у нас.

(п. Орел, зап. от Чупиной К.С., 1910 г.р.).

Вариант песни:

...Выросла травонька шелковая,
 Расцвели цветочки аленькие, васильковенькие.
 Аленькие светики — гости при нас,
 А васильковиньки — дети при нас.

(Д. Пыскор, зап. от Имотьевой А.К., 1928 г. р.).

В ряде случаев варианты отличаются лексическим составом:

...С-по блюду, блюду серебряному,
 Ой, с-по меду, меду с-по патошному,
 Ой, плавала чарочка в сладком меду,
 И в сладком меду и со патокою.
 Ой, никто за чарочку не примется,
 Ой, взялся-принялся один господин,
 С-по имени Иван-от Иванович.
 Ой, сам изопьёт и жене подаёт:
 — Ой, пей-ко, жена, кушай, барыня моя,

Ой, свет Наталья да Николаевна.
— Ох, нет, не хочу, мне не хочется,
Вообще не хочу, не желается.
Сёднешней ноченькой мало спалось,
Ой, мало спалось, много виделось во сне,
У нас, как у нас на широком дворе,
Ой, выросла травонька шелковая,
А расцвели светики аленькие,
Ох, аленькие да василовенькие.
Протекла речушка медвяная.
— Шелкова травочка — ествы у нас,
Ох, медвяна речушка — песня у нас,
Аленьки цветики — дети при нас...

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Еще один вариант окончания песни:

...Кушай, жена, кушай, барыня моя,
Ой, кушай, Елена Ивановна.
Уж этот сон я те сам расскажу,
Ой, сам расскажу, на словах разложу:
— Речушка медвяна — жизнь то наша,
А древечко сахарно — счастье у нас,
Травушка шелкова — гости при нас,
Ой, цветики аленькие — дети у нас
По имени.... (*величают*)

(г. Усолъе, зап. от Пономаревой А.П.).

Богатым гостям в обрученъе пелась песня «Как у нас в Россиюшке»:

Как у нас во Россиюшке,
Как у нас во Россиюшке,
Как у нас всё во новой Москве,
У нас во новой Москве
Да появилась богатина,
Появилась богатина.
Да что богата богатина.
Он в дому-дому
Он из гривны на гривну ступает,
Он из гривны на гривну ступает,
Да он рублём ворота отворяет,
Да он рублём ворота отворяет.
Да он руки широки накрывает,
Он ещё по гривну подаёт,
Он другим расподавывает,

Чтобы нищи-убоги молилися.
— Да помолилися, нищи-убоги, за меня,
За меня, да за богатину,
За меня, да богатину,
Да за мою жену милую,
За мою милу любимую,
Да за моих малых детонек.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

В обрученье и перед отправлением молодожёнов в церковь исполняли песню «Розан, мой розан, да виноград зелёный» (в первом случае пели холостым парням, во втором дружке, который чаще всего тоже был холостым).

Розан, мой розан, да виноград зелёный,
Да кто у нас холостый, да кто у нас пригожий?
Розан, мой розан, да виноград зелёный,
Иванович хороший, Иванович пригожий,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
По горнице ходит да чулок не марает,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
Да по сеням-то ходит, сени колыбает,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
На крыльцо выходит, да ясно солнце всходит,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
К реченьке спускался, да конь-от подбегался,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
На коня садился, да конь-от веселился,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
Веточкой-от машет, а конь-от под ним пляшет,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
По улице едет да на небо смотрит,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
Чей такой хороший, чей ты, неженатый?
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
Он с-по лесу едет да песни распевает,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
По полям-то едет, пшёны вырастают,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
По лугам-то едет, луга зеленеют,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
К речке подъезжает, реченька играет,
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
К дому подъезжает, маменька встречает,

Розан, мой розан, да виноград зелёный.
— Ты ли, мой сыночек, да ясный соколочек,
Розан, мой розан, да виноград зелёный,
Где ты, сынка, побыл, где родных пообъел?
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
— Был я у невесты, был я у хорошей.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г. р.).

Вариант:

Розан, мой розан, да виноград зеленый,
Кто у нас хороший, да кто у нас пригожий?
Да Иван-от хороший, Иванович пригожий.
Он по сениям ходит, да каблук не ломает, да чулок не марает.
На крылечко входит, да красно солнце всходит.
Да с лесенки спускается, конь-от подвигается.
На коня садится, да конь-от веселится.
По деревне едет, все его люди видят.
По полям-от едет, травы расцветают.
К дому подъезжает, маменька встречает, сыном называет.
— Где ты был, сыночек, мой ясный соколочек?
— Был я у невесты, был я у хорошей.
— Чем тебя дарила да чем тебя кормила?
— Дарила платочком да шелковым чулочком...

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.)

В песне нередки замены деталей описания:

...Мамонька встречает.
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
— Где ты, сын, гуляешь, да дома не бываешь?
Розан мой, розан, да виноград зелёный.
— Был я на лужочке, у девушек в кружочке.
Розан, мой розан, да виноград зелёный.
Да был я у невесты, да был я у хорошей.

Вторая песня холостому парню была «Как по нынешним, по новым родилося»:

Как по нынешним, по новым родилося,
Как по нынешним, по новым родилося,
Родилося, родилося, много ягод было во саду.
Уродился один яблочек,
Наливной да жёлто-сладкий пряничек,
Да удалой да добрый молодец.
У тебя уж, у молодца,
У тебя невеста выросла,
Всё приданое налажено,

Всё камнем придавлено,
Золотым замком заперто.
Пора тебе, молодой человек, да жениться.
Женись-ка давай, молодой удалец
Свет Андрей Иванович.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г.р.).

«У кого много ребят, тем поют: «Ох, с-по реке, реке, что прошел де пароход». Перво в песне-то девок величают, потом всех сыновей пропойт» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «В обрученье про невесту не поют, про неё только в посиденок пели, матери, отцу поют только в свадебный день, когда поедут, а в обрученье-то им тоже не поют. В обрученье поют только гостям. Кто в гости придёт парами, им и поют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Как провеличали, жених с невестой всех гостей начинают приглашать ко стакану. Жених с невестой стоят, подают вино, на подносе держат две стопки, приглашают всех парами, начинают с родителей. В это время поют «Чарочку»:

Чарочка-чара серебряная,
На золотом блюдечке поставленная.
Ой, кому чару пити, кому выпивати?
Ой, пить-то чару мамаше с папашей,
Ой, им на здоровье, на здоровьище,
Ой, им-то во здравие великое.
Ой, ура! Ой, ура!
Выпить чарочку пора!

(с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р., Шестаковой З.П., 1934 г. р., Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р., Кукшиновой М.Ф., 1915 г. р.).

Поют сначала у невесты родителям, потом у жениха родителям, потом невестиным гостям, потом жениховым. Жених с невестой стоят и приглашают, невеста поднос держит, а жених подливает, гости-то сами подходят, выпивают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Свет Аннушка да свет Ивановна,
Собрала всех да свет да Ивановна.
Собрала тётушек и дядюшек,
Всех кумушек и подруженек.
Она садила за единые столы,
Сама садилась выше всех,
Думу думала крепче всех.
— Ещё как мне свёкра назвать?
Свёкром назвать — рассердится,
Тятенькой назвать — не хочется.
Ещё как мне свекровушку назвать?
Свекровкой назвать — рассердится,

Мамонькой назвать — не хочется.
Ещё как мне деверя назвать?
Деверем назвать — рассердится,
Братчиком назвать — не хочется.
Ещё как мне золовушку назвать?
Золовушкой назвать — рассердится,
Сестрицей назвать — не хочется.
Ещё как мне суженого назвать?
Суженым назвать — рассердится,
Николенькой назвать — не хочется.
На гордую есть плёточка,
На спесивую есть шелковая.
Я убавлю спеси-гордости,
Я прибавлю ума-разума.
Назову свёкра тятенькой,
Назову свекровку мамонькой,
Назову деверя братчиком,
Назову золовушку сестрицей,
Назову суженого Николаем-молодцем,
Николаем-молодцем Алексеевичем.

(д. Ощепково, зап. от Малининой А.С., 1906 г.р.).

Подруженька, пей,
Подруженька, пей,
Да меня не пропей.
Ох, пей, пей-пропивай
Ты платье с себя.
Его ты пропьёшь
Да друго наживёшь.
Ты его пропьёшь
И меня пропьёшь.
Ты меня пропьёшь,
Да не выкупишь.
Пропьёшь, да не выкупишь.
И не выкупит Иван-молодец,
Ох, не выручит, не выручит Петрович.

(д. Левино, зап. от Малининой А.С.. 1917 г.р.).

Эту песне обращали также к матери:

Маменька, пей,
Родненька, пей,
Да меня не пропей.
Пей-пропивай,

Пей-пропивай,
Да ты подшальник-от с себя:
Ты его пропьёшь,
Ты его пропьёшь,
Да другой наживёшь,
А милу дочь пропьёшь,
Милу дочь пропьёшь —
Тебе век не нажить.
Век не выучить её,
Век не выкупить её.

(д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Н.С., 1928 г. р.).

Вечёр Надюшка Николаевна
Мало посидела, мало посидела.
У ней головушка да разболелась,
У ней сердячилько затужило.
К утру-свету она дочи породила,
Да во с-по имени Наталью,
Да во с-по имени Николаевну.

(с. Усолье, зап. от Мишориной А.С., 1904 г.р.).

«Песни пропели, и тогда женихово вино пьют, он его привозит с собой, и тогда поют «Чарочка, чара серебряная». Жених с невестой держат на подносе вино, и про кого поют «Чарочку», те подходят к молодым. Чарочку пьют и на поднос кладут деньги». (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Чарочка-чара серебряная,
Ой, на золотом блюде поставленная.
Ой, кому чару пить, кому выпивать?
Ой, пейте чара,
Ой, выпивайте чара
Мариюшке
Да с Александрюшкой,
Михайловне
Да со Петровичем.
То не лист, не трава
Да расстилается —
Ихна буйная головка
Приклоняется.
Ура! Ура! Ура! Ура!
Да выпить чарочку до дна.

(зап. в пос. Таман).

«Женихово вино пили после «Розана», всех гостей призывают жених с невестой, держат стопки, сначала поят родителей, потом остальных, и всем поют «Ча-

рочку» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Жениху и невесте поют, навеличивают «Чарочка моя, ой, серебряная» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1930 г. р., Давыдовой А.А., 1937 г. р.). «Когда пропивают, сначала поят отца, мать, потом сестёр, братьев, подруг. Начнут водить ко стакану, поют: «Ой, тятенька, пей» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.). «А дальше молодые садятся. Девки тут ещё могли пропеть и невесте «Ой, пошла, потекла наша винная река» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «В доме дворового (это если жених идет «на дом» к невесте) тоже этак же, только не как у невесты пропивают, а как у жениха. Вот он держит поднос с двумя стаканами: с брагой и с самогоном. Все свадебжане по одному подходят и пьют, с браги начинают, самогоном заканчивают. Выпивали, ставили, потом заново наливали в эти же стаканы и другим подавали» (д. Трезубы, зап. от Леонтьева И.В., 1937 г. р.).

Ой, пошла-потекла наша винная река,
Ой, дошла-дотекла до Дуная до реки.
Ой, кто бы меня за Дунай перевез,
Ой, я бы тому за перевозну бы дала.
Ой, со правой руки золотой перстенёк,
Ой, со правой ноги сафьян башмачок,
А со буйной головы — с перепелами венки,
А из русой косы — алу ленточку,
Алу ленточку — дивью красоту.

(д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г.р.).

Ой, тятенька, пей,
Ты меня не пропей,
Ой, пей-пропивай
Да коня со двора.
Ох, ты его пропьёшь —
Ещё лучше наживёшь,
А меня пропьёшь —
Меня век не наживёшь.

(с. Березовка, зап. от Кошечевой М.И., Бухариновой А.П., Мальцевой В.Е.).

«Всем гостям девки песни поют. Гость скажет: «Эту мне не надо, пойте другую». Гостю споют другую, а он: «Дорогие девушки, красны красавицы. Благодарю вас за песенку». — «Не стоит благодарить, надо одарить». Одаривать надо обязательно. А потом дружка: «Куда вам денежки? Румяна надо?» — «Надо». — «Ленты надо?» — «Надо». — «Ах, тогда я вам добавлю». Сколько гостей, для всех отдельные песни» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Песни пели, родители на стол тарелку поставят, кому поют, тот денежку кладёт на тарелку. Ещё бабы под порогом стоят, смотрят: «Мало, мало кладёшь, не будем петь» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «А тут ещё припоют «Не пора ли, сватовья, догадаться». Две девки идут с тарелкой, собирают денежки. «Не меньше десяточки кладите». — «Нету». — «А если мы начнём шарить-

ся?» — «Давайте». — «А где?» — «А вот здесь». — «А, дурак ты бестыжий» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Тарелка стоит, девки деньги выколачивают. Спели про кого, тут и говорят: «Пётр Кузьмич, догадайся, за шитой кошелёк спохватайся. В куть ко девушкам норовися, серебро на ребро становися». Достают и кладут — кто сколько» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Все мы песенки перепели
Все мы песенки перепели,
У нас в горлышках пересохло.
Не пора ли, сватовья, догадаться
За шелковы кошели приниматься?
В кошельях серебро шевелится,
Серебро на ребро становится
Да всё к девушкам норовится.
А ведь девушкам денежки надо
На шелковы да на ленты,
На новые да на платья.

(д. Шварева, зап. от Шваревой А.В.).

До приезда гостей на обрученье всю еду закрывали полотенцами (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «На обрученье посередине стола положен хлеб, всё закрыто полотенцами, и когда за стол сели, полотенца убирают и начинают кушать» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Ложками ничего не хлебают, только вилочками, суп на обрученье не варят, только мясо жареное, значит, всякие салаты, фрукты, колбаса, помидоры, напекут розанцы, вакли, прянички, конфетов разных, всяких, холодец варят, рыбу, но рыбного пирога нет, он только на самой свадьбе, когда от венца приедут» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «У невесты есть должно быть меньше, чем у свекровки, у свекровки их должно быть больше, там пять-шесть, чтобы перевысить как» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «За столом-то не просто так сидят. У невесты женихова родня ближе за столом-то, а если у невесты гуляют — невестина родня. Подружки были только на просватанье» (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Т.С., 1928 г. р.). «Жених с невестой тут же за столом сидят, невеста только коренную подружку посадит возле себя» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.). «Вот в обрученье молодожёны поужинают и до вечера следующего дня уже ничё не едали» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Девки, которые песни поют, только после гостей за стол садятся» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

«Вот все поели, гости стали из-за стола выходить, полотенца-то с колен снимают и всё, что не съели, опять закрывают полотенцем. Выйдут, тут уж девок сажают за стол, тоже ись. Гости-то скажут: «Спасибо». Кто из них на улицу идёт, мужики курить. Девки поедят, тогда со столов убирают всё, приходят гармонисты, и все пляшут, *под турáком*-то (т.е. в состоянии легкого опьянения) плясать начнут, девки там, мужики — вся компания, под гармонь, под частушки. Пока пляшут, девки-то поедят, со сто-

ла уберут, стол чистый, дак опять наладят свежую закуску, пиво поставят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Невесте-то в обручение нельзя плясать» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.).

«Обручение прошло, гости жениховы все уходят, кто далеко живёт — остаётся. А наутро, кто остался, дак видят, как невеста ревёт, пока за ней жених не приедет. Мать расчасывает девке волосы, плетёт косу, причитают тут. А когда невесту повезут, её приходили проводить, даже и не свадебжана. Пирог там едят, вино пьют» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

Девушник, девушки, ходить пироваться, шиться

Девушник в традиции — комплекс обрядовых процедур с просватанья до дня венчания. Основными событиями этого времени были приготовление приданого для невесты, ритуальные причитания девушки-невесты, обрядовые игры холостой молодёжи. Девушником также именовали канун или утро дня венчания, включавшие такие особо важные для невесты ритуалы, как переплетение волос и прощание с лентой-*красотой*, своеобразным символом девичьей жизни, последнее посещение девушкой родительской бани.

«Как просватают, невеста ревёт, девки шьют и песни спевают, учат их, парни тоже чё-ко делают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «На девушниках невеста три вечера причитала, это всё вперёд посиденка, когда её высмотрят, у неё вечером просватанье делают и три вечера собирают девок» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). «С девушника невеста начинала причитать. Вот посиденок, дня через три после этого невеста начинала причитать, девушки-то бывают, она и плачет» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «На девушнике сидят, поначалу без столов. Потом невеста посреди стола усядется, подруги рядом, а гости вокруг, весь дом засажен, только невеста за столом сидит, стол-то там, где икона стоит, и она за столом» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Невеста сидит, причитает, ещё подружку обхватит, с ней причитает, и так с каждой» (д. Игнашино). «Невеста обхватывает подружку, об стол вместе хрупаются, подружка об ей ревёт, и так с каждой, сколько есть» (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Н.В., 1928 г. р.). «Девка ревёт, о стол руками колотит, дак до того дохлещет, все руки в кровь, иные даже столешницы ломали» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Потом ещё подруги полотенце вытянут, а невеста через полотенце плачет, причитат. Девки полотенце-то за края держат, а сами посередине комнаты стоят, полотенце растягивают. Невеста под порог плачет, на это полотенце наваливается, тушей его задевает, а руками-то лицо захватывает» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Невеста плачет, парни тут же сидят, не смеются, не шутят, все серьёзно, сидят на лавках, столов тут ещё нет. Места для парней нет, так они к девкам на колени садятся. Невеста при всех пластатся, потом уже попляшут, погуляют. И невеста тоже погуляет» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.).

Мамонька моя родимая, чё же я тебе наскучила да,
Хлеба-соли да у тебя много скушала,

Широки полы приутопала да много платьев у тебя принёсила?
Отдаёшь ты меня да за чужого да чужовничка.
Да как я буду с ним жить, да я ему незнакомая?
Мама, лучше ты бы меня отдала за папу:
Батюшка да нам знакомый.
А ты меня отдаёшь за чужого мужика.
Как я буду за чужим-то жить?

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г.р.).

Ох ты, мамонька моя да родимая,
Зачем же ты да меня отдаёшь?
За кого же ты меня отдаёшь?
Что я у вас, хлеба много съела
Или пол протоптала?
Ох вы, пыженьки вы подруженьки,
Ох, придите вы да разговорите
Мою маменьку да родимую
Да моего родного тятеньку.
Пусть они вдумаются, пусть они вернутся.
Неохота уж мне-ту замуж идти-то,
Ведь я у мамоньки ведь до росы-то высыпалася,
А у свекровки-то не знаю, как наживуся.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г.р.).

Если невеста уходила в дом к жениху, во время причитания колотила о стол руками. Оставаясь с мужем жить в доме своих родителей, причитала, но до стола уже не дотрагивалась. «Отец уберет его на повить: «Ниче, в свой дом идешь».

Причитание отцу:

И чего же это я у вас, милы мои родители,
Пол белый протоптала,
Хлеба-соли много скушала?
Сейчас уйду и в гости к вам ходить не буду,
Весь стол я у вас прохлопала,
Весь пол я у вас протопала,
Хлеба много чего съела,
Всё я вам мешалася,
Много на меня перебрали,
Много платий износила,
Папеньке надоела.
Чем ты меня ненавидишь?
А вы, подруженьки,
На что на меня рассердились,
Чем моя вам косынька надоела?

Больше мне с вами не хаживать и не игрывать.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г.р.).

Как все званые гости собирались, невеста садилась за стол с девушками и начинала «выть плачу». «Поднимайтесь, ветры буйные» невеста причитала, если у нее не было ни отца, ни матери.

Поднимайтесь, ветры буйные,
Да всё со всех-то четыре стороны,
Да всё со пятою, со восточною.
Да содуйте да всё:
Да снежки белые, да всё жёлтые пески —
Со матушки, матушки, да со могилушки.
Расступись-ко, мать сыра земля,
Да раскройся-ко, да гробова доска,
Распахнитесь, распахнитесь, да белы саваны,
Отойдите-ко, да ручки белые,
От ретивого да от сердечика.
Встань-ко, моя родима мамонька, мамонька,
На свои на ножки резвые,
На башмачки да на сафьяновые,
На чулочки да на бумажные.
Ты смой-ко, моя родима мамонька,
Со бела лица да мою ржавчину,
Повернись-ко да птицей-ласточкой,
Птицей-ласточкой, ласточкой,
Да сизой касаточкой, касаточкой.
Прилети-ко, родима мамонька,
Ко своему да тёплу гнёздышку
Да ко переднему да к уголочiku.
Выйди-ко, да родима мамонька,
Посередь горенки да посередь новыя.
Погляди на свою дочку милую,
Сколь она у тебя кручинная
Да сколь печальная.
Благослови, благослови меня, родима мамонька.
Да мне твоё благословение, благословение —
Да великая да оборонушка.
Мне с твоим да благословением
Под златой же венец ехати,
Да Закон Божий принятьи,
Да крест чудесный целовати.

(с. Березовка, зап. от Сидоровой В.И., 1934 г.р.).

«А приданого у невесты если ещё нет, дак ходят две-три девки целую неделю, готовят, а если всё готово, девки придут вечером, посидят так, песен попоют» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В, 1919 г. р.). «Пироваться-то девок специально звали, вместе шиться надо было, ещё холщовое всё шили: и квашенник, квашёнку закрывать, и подойницу, тоже одеяло стежили» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «Свадебную пару шьют за неделю до свадьбы, за день ее можно сшить» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Невеста для жениха обязательно рубашку вышивала» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Ещё ведь вот салфетки вышивали, буквы ставили на них, это опять на столы в свадьбу сделают: все знают, кому где сесть, на салфетках буквы-те нашиты» (п. Орёл). «Жених цветы на голову приносил накануне, сёдне бы принесёт, — завтра свадьба. Цветы разные были: желтые, розовые, зелёные — на тряпочку нашивались, на проволочку ли прикалывались» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Жених невесте ещё подвенечно мыло возил, его хранили, когда глаза заболит, так им велели умываться. Мыло-то в ящике хранили, жених когда ящик везёт, так вот в ём и хранили» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Головной убор, обувь, зеркало и платье или на платье отрез — все это со стороны жениха заранее было для невесты» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Невесте жених еще правилко дарит. Весло такое маленькое, загребать через Каму, когда корову доить поедут. Орёл-то раньше на другом берегу был, потом остров стал, вот скотину на лето туда и перевозили: никого нет, созлого, волка. Утром и вечером доить ездили. По пять, шесть девок с одного борта и у каждой свое весло. А загребает кормчий» (п. Орёл).

В усольской традиции широко варьировались предсвадебные обрядовые процедуры, связанные с невестой. Например, в д. Сороковая, д. Гунино, д. Загизга невесте *раздёргивали* косу в вечер перед днём венчания, в д. Поселье расплетение волос девушки происходило утром до приезда жениха в свадебный день. «Невеста ревела в девишник, а уж когда за стол встанет, не ревет. Ещё невесте косу расплетали, вот, примерно, завтра за стол встать — сёдне расплетают» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «За стол все сели, подружки-то, поели олашки, в масло помакали, потом надо уже дарить красоту» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Мать заплетёт косу-то ещё раньше, а за стол сядут, тут мать пирожок небольшой сделает, на стол поставит, подружки сядут, девки-то, косу расплестать. Она не даёт, на руку наматывает волосья-то» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Девка косу на руку наворачивает, а подружки-то ленточки отбирают, руки невесте разжимают, тут реву, шуму. Это до бани всё. Девки ленточку отбирают, а невесте жалко красоту-то свою» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Представление о крайне эмоциональном эпизоде свадьбы даёт следующий рассказ об отнимании косы. «Меня за стол поставили: косу-то надо отдавать, расплестать, с косой-то ведь не пойду замуж-то. Вот я и запричитала: «Вы, подруженьки, на что на меня рассердились, чем вам косынька моя надоела, больше мне с вами не хаживать и не играть». Разревелась, вся обида прошла. Девки сели за стол, я заревела, папе все выпричитывать тут стала: «Я у вас пол белый протоптала, хлеба много съела, чо

ли»? Я причитываю, а тут девкам-то шепнут: «Хватит ей причитать, отнимайте косу-то у её, не пойдёт же она с косой замуж-от». Девки начинают отнимать косу. «Раз велят нам косу у тебя отнять, дак отнимем», — так я ведь им руки все искусила, исцарапала. Я их кусать, руки в крови, всё равно отнимают. Опять же кусаю их щёки-те: «Вот остаётесь в девках, а я замуж выхожу, вот чтоб за мной выходили сразу». Реву, причитаю, сама на стол падаю, а девки-то в это время у меня косу отымают, а косу-то на кулак я намотала, не отдаю: «Всё равно, папа, хоть ты меня силом отдаешь, а я с им жить не буду». Тут они навалились, одна держит, две другие расплетают. Вот косу-то расплели, я вся в волосах, а ведь ещё смотрельщики — все пришли смотреть, чего за девичник у Кати-то. Смотрельщики-то ещё всё песню поют» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Во время расплетания косы невеста царапала и кусала подружек, которые раздёргивали косу, хлестала каждой из них лентами по глазам, била туфлями по голове, а под конец одаривала всех *красотками* (ленточками). «Я лентами-то хлестала, прямо по глазам хлестала, кому больнее, та быстрее замуж выйдет, а никто не сказал ничего. А потом всем давали ленты-то, маленьким ребятишкам давали даже, маленькие тряпочки» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Иной раз невеста туфлем с ноги девчонок бьёт, мол, первой замуж выйдет, которой попадёт от невесты, когда косу-то расплетают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Снимет туфель и первую попавшуюся подругу ударит каблуком-то по лбу. Мол, которую ударят, скорее других выйдет замуж» (п. Орёл, зап. от Кылосовой Е.Ф., 1932 г. р.). «На девичник я любой подружке могла стукнуть каблуком по голове, чтоб замуж шла» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.Н., 1928 г. р.).

Присушися-ко ты, моя миленькая подруженька,
А не оставь меня при нужде, при бедности,
При печалюшке да при горести,
А ты-ко расплети да свою косыньку,
Она у тебя да большая, она у тебя да длинная,
А от рассыпалась-ко моя трубчатая коса
По единому по волосёнышку.

(д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Да вы садитесь, да вы садитесь, мои кумушки,
Да вы садитесь, да вы садитесь, мои подруженьки,
Да всё возле меня, на лавочку,
Да супротив меня, на скамеечку.
Да вы расчешите, вы расчешите, мои кумушки,
Да приступите, приступите, мои кумушки,
Да ко мне крупчатой косе.
Возьмите, возьмите ножички булатные,
Они булатные, отлитные,
И обрежьте, обрежьте, мои кумушки,

И обрежьте, мои подруженьки,
Свои ручки, ручки белые
На моей-то крупчатой косе.
Ой вы, ножички булатные, булатные, отлитные,
Как от отца-матери отымаете?
Да приходи, приходи, родима мамонька,
Да расчеши, расчеши мои русы косоньки,
Да не обрежь, не обрежь, родима мамонька,
Да свои ручки белые.
Да на кого же падут, падут очи ясные?
Всё на тятеньку родимого.
Благословляй, благословляй, родимый тятенька,
Родна дитя раздать дивью красоту.

(с. Березовка, зап. от Мухольновой М.И., 1908 г. р.).

Не расплетай-ка, не расплетай-ка моей косы,
Во моей-то во плетёной, во плетёной косе
Два ножичка да два окладных,
Две сабельки-то булатные.
Подрежешь ты свои ручки белые,
Замарашь своё платье цветное.
Нет у тебя да родимого тятеньки,
Нет у тебя да родимой маменьки,
Снарядить-то тебя некому,
Снадобить-то тебя некому.
У меня же, молодушеньки,
Есть тятенька да есть маменька.
Снарядили-то меня басенько,
Снадобили-то меня ладненько.

(с. Березовка, зап. от Мухольновой М.И., 1908 г. р.).

«Ленты из косы себе забрали девки-то, подруги-то невестины» (д. Кекур, зап. от Старковой Е.А.). «Которую ленточку выплетали, весили на божницу. Другие дарили девкам, тысяцкому, свахам, дружкам, только родителям невесты не давали» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Перед баней дома ленточку расплетут и на стену её повесят» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «В девишник у меня всю косу ленточками извязали, всяких двадцать лент навязали. Вот я, например, назвала четырнадцать девок. Мне в косу надо четырнадцать ленточек ввязать, в каждый плетешок по ленте, а концы-то спускают, это чтобы до одной развязывали, каждой чтоб. Я всяких лент навязу, они все по ленточке забирают, косу-то отнимают когда. Ленточки-то ещё на блюдо положат, невеста причитает потом какой подруженьке: «Возьми мою дивью красоту», — той и отдаёт ленту. Всем по ленточке дала, а ребятам носовые платки: «Всё, нету меня. Ревите, вытирайте слёзы». Расплели, а в косе одну

красоту оставили, одну как ленточку, потом её вешают перед Богом, девичью красоту как отдают. Косу сняли всю, расплели, я вся в волосах, коса большая была, всё причитаю. Мама подошла, волосы-то разделила пополам: «Всё, Катерина Ивановна, милая дочь, разняла я тебе волосы, так всё прямой ряд и носи, косу не плети больше, плети две косы и *кокуру* (сложенные в пучок косы) делай. С этой (с правой) стороны коса его будет, это твоя, чего не так, дак он тебя за косу-то свою дёрнет». Так до сих пор две косы круг гребенки завиваю. Мама я ничё, мама только сказала ещё: «Жалко, конечно, мне тебя» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Покатилась дивья красота,
По мостам, мостам дубовым,
По лесенкам мелкоступчатым.
Погляди-ка, родима матушка,
В подкутне окошечко
На мою на дивью красоту.
Куда придётся дивья красота?
Как ко белою берёзке —
Житьё будет доброе,
Как ко горькой осинушке —
Житьё будет горькое,
Как ко яблони кудрявой —
Житьё будет хорошее.

(с. Череповское, зап. от Наумовой К.И., 1899 г.р.).

Первый-то я листочек скину,
Да тебя-то я, дивья красота, не покину,
Да второй-то я листочек скину,
Да тебя-то я, дивья красота, не покину,
Третий-то я листочек скину,
Да тебя-то я, дивья красота, не покину...
(Перечень до двенадцатого листа).
Да двенадцатый листочек-то я скину,
Тут тебя я, дивья красота, да покину,
Тут тебе житьё-бытьё да вековечное,
Да вековечное, бесконечное.

(д. Полесье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.; под листьями имеются в виду листы Евангелия, в которое невеста кладёт ленту-красоту).

«Косу мелконько заплетут и перед баней начинают расплетать, тут ещё песню поют «Подойди-ко, родимая мамонька». Первый узелок мать сама развязывает, а невеста тожно и ревет. Мельконько коса-то заплетена, каждая девка идёт и по плетешку расплетает, а потом в баню поведут» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Косу маленько заплетут, а перед баней расплетают. Первый узелок-то мать развяжет, а потом уже остальные» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.).

Подойди-ко, родимая мамонька,
Расплети-ко ты мою косу,
Развяжи-ко ты мою алу ленточку.

(п. Шемейный).

«Начнут расплетать, невеста косу рукой захватит, не даёт, приговаривает тут, причитает. Девки-то навалятся, силком маленько расплетут. Одна расплетёт, другая маленько, так все по очереди. Все расплетут, волосы-то с этого времени уже не заплетают, так только подвяжут и всё, потом у жениха уже две косы сделают. С этого времени невеста так и ходит с распущенными волосами. Девишник накануне свадьбы был, с распущенными волосами девушка недолго ходила» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

«Косу распустят, волосы ленточкой метровой перехватят у затылка, так и ходить заставят» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Невеста в этот день с распущенными волосами дома сидит, с девишника так с распущенными волосами и ходит, до свадьбы всё» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.) «На самом девишнике только косу расплетут, но две косы ещё тут не плетут. Расплетут, волосы в узел собирают и одевают *ококошник*, это уже женская одежда, как *ококошник* одели, со стола убирают деньги, там ведь на девишник приходят, чего-то приносят, вот это и убирают. Теперь уже жених умывает невесту, и тогда садятся обратно за стол и пьют чай или там по стопочке ли» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Важной процедурой обряда была баня для невесты. Готовили её особым образом, так, например, когда баню топили, невесте нельзя было ворошить угольки — муж бить будет (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Т.С., 1928 г. р.); «Баню топят, дак головешку о головешку не стучат — тогда муж бить не будет» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.).

В местной традиции посещение девушкой бани могло проходить в вечер перед обручением, накануне венчания и в утро свадебного дня. В зависимости от этого особым образом оформлялась и сюжетная линия обряда. «Вечером на девишник ещё в баню сводят» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «В девишник в баню водили, на полотенце. Помоют, невеста придёт к отцу, а назавтра уже свадьба» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «В баню невеста ходит, это когда девишник, вот тогда ее и водят. Сперва в баню, потом уже и ревёт она» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «В баню невесту на полотенце ведут девки — это когда свадьба, как сёдне, дак вот баню-то топили, да девка-то ревёт, на полотенце её в баню ведут, полотенце подмышками кинут и так поддерживают, в баню ведут. Просто так вели — в бане невеста не мылась, ниче» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Невесту подхватят за руки, под локоть, и ведут в баню» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). «Девку в баню на полотенце ведут, она там не моется, только придёт, печку разломат да в обрат, ну, так не ломат, раньше каменки были, так только кирпичи покидает да и всё. В одежде зайдём в баню-то, попляшем ещё» (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

В других местах невеста в бане мылась вместе с подругами (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.), или её мыли подруги. «Невесту-то моют, она сама *строшная* (т.е. подневольная), дак не моется» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «В предбанке подружки стоят, песни поют, а какая из них моет её» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Если невеста беленькая, так беленькая подружка и моет её, не каждая» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.).

Пойди-ко выйди, пойди выйди-ко, родимая сестрица,
На прекрасное на крылечко.
Да посмотри-ко, да посмотри-ко ты, родимая сестрица,
Да во все четыре стороны.
Не восходит, не восходит ли да солнце красное,
Не пора ли мне да молодёшенькой
Да расставаться, да расставаться
Да со святой косой, да дивьей красотой?

(д. Поселье, зап. от Ельникой П.А., 1908 г. р.).

Отдаёт, отдаёт меня родимый тятенька
Не в порушко да не во времечко,
А средь лета-то, да лета тёплого.
А подержал, а подержал же бы ты меня,
Родимый тятенька,
А и первый год да (в)место строшницы,
А и во второй-от год да (в)место наложницы,
А и третий год вместо милой дочери.

(д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Невеста в бане ходила не по голому полу, а по веникам (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Т.С., 1928 г. р.) «Принесли в баню два веника-близнеца, одним попарили, другой выбросили, потому что потом в другую баню идти» (д. Зыряны, зап. от Ужеговой Т.Е., 1930 г. р.). «Дружок веников в бане не развязывали. Один веник положат, невеста на него встанет, затем другой протянут, она на его переступит. По голу полу-то невеста в бане не шла. За тот веник станет невеста, за другой станет, подружки-то говорят: «Мойся, усок, промывайся, усок, дадут тебе завтра мяса кусок». Невеста ничего не говорит» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «Принесли невесте пару веников, разрезали. Одним веником невесту попарили, а другой выбросили, это, чтобы, говорят, двойники были. А у меня, слава богу, двойников не было, пять девок родилось» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «В бане приговаривают ещё. Чтобы нигде мужик с работы не задерживался, слова говорят: «Печка-матушка, зови его скорей, домой води». В бане помыли, вот теперь пойдём жениха звать будущего-то. Печку сколько-то затопят, бросят головёшку, и всё. В печку смотришь, головёшку стучишь и говоришь: «Головёшечка-матушка, нигде не задерживай моего мужа, не своди его, нас не разводи» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Спасибо вам, мои подруженьки,
Спасибо вам, мои голубушки.
Истопили, истопили про меня да тёплу банюшку,
Тёплу банюшку да тёплу парушку.
Вот помыли, помыли меня да попарили, попарили,
Вот смыли, смыли с меня честну красоту.
Улетела моя да честна красота
Она в дымное да окошечко
И в потолочное да бревёшечко.
Прилетело две старицы-богородицы,
Ох, они взяли мою честну красоту
На свои ручки белые,
На свои-то да персты злачёные.

(д. Малые Кузнецы, зап. от Осокиной А.П.).

«Из бани невесту тоже подружки ведут, она причитает: «Мне ходу не будет» (д. Кекур, зап. от Старковой Е.А.). «Домой придут, невеста встанет в двери, ей сразу пить подадут, мать принесёт квасу» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «В избе после бани невеста садилась за стол с подругами и начинала причитать, била руками о стол, на плечах у неё было полотенце» (п. Дедюхино, Устюгова З.С.).

«После бани ещё играли с парнями, никак особо-то тут не снаряживались» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «На девешнике парни пляшут, а жених сидит, ничего не делает» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Как из бани придут, гуляют девки и ребята: женатых-то там нет, парами не приходят, ведь это девешник. На девешнике в разны игры играли: «В булавку», «В кольцо», колечко прятали (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.).

Закатайся, красно солнышко,
По домам пошли мил-подруженьки.
Посидите, милы подруженьки,
Со мной, с молодёшенькой,
На моём на парадном крылечике.

(д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г.р.).

К венцу, за стол вставать

В д. Поселье зафиксирован обряд прощания невесты не только с подружками, с косой, но и с крыльцом, двором, полем и лесом. Делала это девушка утром в день венчания, перед расплетением косы. «Наутро после обручения в день свадьбы должен быть девешник. Девки приходят утром и тут девешник-то и делают. Стол делают. Девка сама умылась, оделась и идёт, за стол садится, девки тут с ней рядом садятся, кругом, начинают песни петь. С девичеством невеста прощается, до венчания это, до прихода гостей, перед тем как жениху-то приехать *за столы*, как называется, дак вот она уже утром уходит и прощается с солнцем, на природу выходит с девчатами, в поле уходит

или в ограду, чтобы население не видело, как она прощается. «На все четыре стороны поклонюсь», — девушки-то поют, невеста молчит, плачет и кланяется на все четыре стороны, тут припевают ещё: «И лес, прости, и поле, и реченька», — невеста-то под каждое слово кланяется» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Сначала девки-то её поведут за полотенце на крылечко, она на крылечко выйдет и заревёт, запричитает: «Вышла же я на красное да на крылечико», — потом ещё со двором, с полем, с лесом там могла прощаться. Полотенце подмышками, она руками хлопает по коленкам и причитает, её под полотенце держат, потом поведут её обратно под полотенце и за стол поставят.

Вышла я на красное да на крылечико
Да посмотрела я на все четыре стороны,
Что восходит да красное солнышко,
А что пора да мне расставатися
Со голубушкой да трубчатой косой,
Со хорошею да дивьей красотой.
Ох, подружки да вы мои голубушки,
Отходила я с вами да отплясовалась,
Отходила я с вами да отплясовалась,
Отгуляла, отгуляла со своей да дивьей красотой.
Чё же да я вам да наскучила?
Чё же я вам да плохо сделала?
Вы на меня да чё же осерчали?
А я да с вами никогда не ругалася,
Всё ходили вместе да,
Чё же сейчас да это-ко?
Отходила я с вами, подруженьки, отплясовалася,
Отгуляла я с вами да такая молоденькая.
И ничё не знаю, ничё не видела, никого, ничего.
Шибко мне было обидно: да выхожу-де нелюбя.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г.р.).

Отсидела, отсидела я да на красном крыльце,
Отплела, отплела да я трубчату косу,
Вывязала, вывязала да алы ленточки.
Пусть достаётся крылец сестре (или подружке),
Пусть она сидит да красуется,
Пусть она сидит да любится,
Пусть плетёт трубчату косу,
Пусть она вяжет алы ленточки,
А я отсидела на красном крыльце.

(д. Малые Кузнецы, зап. от Осокиной А.П.).

Поставят за стол, она ещё как девушка, у её одна коса, косу вчера плели, мать плетёт косу или крёстна. Вот седне обрученье, а вчерася мать плела косу кверху. В де-

вишник тут красоту-то и отдают, тут народ уже сидит, смотрит, как она красоту отдаёт. За столом сидит, двумя руками хлопает по столу, у её в руке тряпочка, слёзы-то утирать, вот она этой тряпочкой-то девок мажет, платком-то сопливым, да ещё наклонится, да окусит опять кого, девки ивкают — больно ведь. Где попало кусает: за грудь, за щёку. Вытрет сопли, слёзы и девок-то мажет: «Ох, подружки да вы мои, голубушки, отходила я с вами да отплясовалася». Все сидят, невеста прихлapyивает, а девки сидят, а потом они возьмут, дёрнут, садись, мол. Она сядет тогда, с имя разговаривает, а потом отдохнёт и опять станет причитать, то матери, то отцу: «Мамонька моя, родимая, чё я тебе да наскучила». Причитает, чё выдумат, то и говорит, потом опять девки песню запоют, она опять станет причитать. Невеста всё опричитала, там матери, отцу, потом девка одна, сестрянка, встаёт, а девка на руку себе косу возьмёт, накрутит и к затылку руку приложит, так всё падают. Подружка станет опять, на неё навалится, за руку берётся, а невеста не даётся. Тут другая, третья навалится, у девки косу-то и отнимут, она тогда слезами-то и заревёт. Косу расплетают за столом, и начинают расплетать подруги. Тоже все родные косу-то расплетают, погладят сначала, потом помаленьку косу раздёргивают, по очереди, тогда же и дарят её за столом-то. Когда расплетают, каждый подойдёт, погладит, кто прядь потеряет, кто и подарочек тут же положит. Которы ленточки-то выплетают, те невеста девкам дарит, у её много если ленточек есть, она каждой по ленточке даст, это уже сама невеста. Со словами дает: «Поднесу я тебе дивью красоту». Поднесёт ленту на тарелочке девке-то да ещё на полотенце её положит, так с тарелочки и дарит, другой девке так же дарит и тоже с тарелочки.

Поднесу же я свою-то дивью красоту
Я к подружке ко своей любимой.
Покрасуйся да ты, моя подруженька,
Да во моей-то дивьей красоте,
А что моя-то дивья красота
Украшенная да сбереженная.
Сберегла я свою дивью красоту
Я от ветру да я её от вихорю,
Я от злых людей, да супостателей,
Супостателей да осмеятелей,
Не давала я да дожличку канути,
Не давала я да злым людям да слово молвити.
Сберегла я свою да дивью красоту.
Я от всех её сберегла,
Подружка моя любимая,
Полюбуйся моей красотой.
Береги ты свою дивью красоту.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Ещё одна была лента особая. Её на иконе держали, из косы-то эту ленту не выплетали. Эту ленту крёсна дарила, заране купит её, голубую ли, синюю, как красота

называется, красивая. Вот невеста встаёт из-за стола, возьмёт на руки с иконы эту ленту, на средний палец сделает её и говорит, причитает про Псалтырь, про двенадцатый листочек, а книги тут ещё самой нет, только слова причитают. Когда честная девушка была, причитала хорошее, а вот если нечестная: «Ой, подружки вы мои, голубушки, не сберегла я свою дивью красоту».

Подружки вы мои, голубушки,
У меня дивья красота да нехорошая,
Я давала ветру дунути,
Я давала злым людям да слово молвити.
Она у меня нехорошая.
Девки, вы так не делайте,
Не позорьте вы сами себя,
Не губите, не пачкайте дивью красоту.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Везде ты у меня да натаскалася, натаскалася,
Везде ты у меня да наволочилася, наволочилася.
И в окошечке дымном да засушилася,
И в окошечке дымном да засушилася.
Не сберегла я, да молодёхонька, молодёхонька,
Не сберегла я, да зеленёхонька, тебя, да дивья красота.
Подруженьки мои, да вы голубушки,
Так вы не делайте, как я сделала.
Я не сберегла, не сберегла
Да не сохранила, не сохранила свою дивью красоту.
Я не сохранила, не сберегла да проступилася
Со чужим-то супротивником Иваном Алексеевичем.
Так вы, подруженьки, не делайте, как я сделала.

(д. Ощепково, зап. от Малининой М.А., 1923 г.р.).

Если такое уже начнёт причитать, то и в двенадцатый листочек в церкви-то эту красоту не кладет, не положено. Отпричитала, эту ленту на икону опять возвращают. Как сказала про двенадцатый листочек, тут девишник-то и заканчивается, с этого момента невеста больше не ревет. А поедут к венцу, эту красоту крестна берёт к себе и там, в церкви, в двенадцатый листочек её скинет, в Псалтырь-то положит» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Самую широкую ленту из косы невеста отдавала крестной, которая, прежде удостоверившись в непорочности своей воспитанницы, клала красоту между двенадцатой и тринадцатой страницами Библии, потом эту же ленту крестная мать увозила в церковь.

Я первый листок проброшу, проброшу —
Тебя, дивья красота, да не положу.
Я второй листок проброшу —
Тебя, дивья красота, да не положу...

(причитает до шестого листа)

Шестой я листок проброшу —
Тут тебя, дивья красота, да положу.
Тут тебе место, место да местице, местице,
Тут тебе житьё да бытьё вековечное,
Тут тебе житьё да бытьё вековечное,
Вековечное да бесконечное,
Вековечное да бесконечное.

(д. Ощепково, зап. Малининой М.А., 1923 г.р.).

Под причитание «Ты прими, прими, да Богородица» невеста вешала красоту на икону. Если девушка, выходя замуж, оставалась девственницей, красоту крепила в верхней части иконы посередине, таким же образом только в нижнюю часть иконы прикалывала красоту «нечестная» девушка.

Ты прими, прими, да Богородица,
Ты мою да честну красоту.
Она честным да честнёхонька,
Алым да алёхонька,
Алым да алёхонька,
Белым да белёхонька,
Побеля снегу белого.

(д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С.. 1937 г.р.).

Ты прими, прими, Богородица,
Мою-то же да честну красоту.
Ой, честным она у меня честнёшенька,
Алым-то она алёхонька,
Она у меня алёшенька, алёшенька.
Побеляя, побеляя она маку алого, алого,
Побеляя, побеляя снегу белого, белого,
Посиззя, посиззя она у меня сизой, сизой касаточки.
Сберегла же, сберегла же свою честну красоту
От вьюги, да от вьюги-падеры,
От слечи-то да слечи мокрой,
От дождя да от часа мелкого.
Не давала, не давала ветру дунути,
Слова молвити да речи закинути.

(с. Березовка, зап. от Сидоровой В.И., 1924 г.р.).

По рассказам крестьян, невеста, которая скрывала свою «порочность» и вела себя как «честная» девушка, не могла обмануть Бога: листочек в Библии, где оставалась красота после свадьбы, «становился мокронькой, да икона плакала».

«Красота — это лента такая, её перед свадьбой утром садят на икону. Утром невеста ленточку на тарелку положит. Держит ленточку на тарелке, другой рукой захва-

тит глаза и плачет. Она эту красоту на икону повесит, поедут когда венчаться, её с собой возьмут и там в церкви её оставят» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Когда приезжали по невесту, девушки всех свадебжан во дворе встречали песней:

Зелена калина, зелена калина
Да расстиляется.
Ой, зять у ворот, ой, зять у ворот
Увивается,
Ой, тесть-от во двор, ой, тесть-от во двор
Набивается:
— Вы отдайте моё, отдайте моё,
Моё суженое, Богом ряженое.
Ой, вывели ему, вывели ему
Да коня со двора.
— Это не моё, это не моё,
Моё не суженое, моё не ряженое.
Ой, зять у ворот, ой, зять у ворот
Увивается,
Ой, тесть-от во двор, тесть-от во двор
Набивается:
— Отдайте мне моё, отдайте мне моё,
Моё суженое, Богом ряженое.
Ой, вывели ему, вывели ему
Да корову со двора.
— Ой, это не моё, ой, это не моё,
Моё не суженое, Богом не ряженое.
Ой, зять у ворот, зять у ворот
Увивается,
Ой, тесть-от во двор, тесть-от во двор
Набивается:
— Отдайте мне моё, отдайте мне моё,
Моё суженое, Богом ряженое.
Ой, вывели ему, вывели ему
Анну Алексеевну.
— Ой, это моё, это моё,
Да моё суженое, моё ряженое,
Богом решённое.

(с. Березовка, зап. от Белкиной А.С., 1929 г. р., Шишкиной А.И., 1919 г. р.).

Приезжали, собирались
Тридцать три голубка.
Собирались, соезжались
Тридцать три молодца.

Один-то голубок,
Он не пьёт и не ест
И не порхается.
Он тоскует и горюет
О голубке своей.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.
Я свидаюсь не свидаюсь
На травах, на муравах,
На зелёных травах.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.
Я свидаюсь не свидаюсь
За дубовым столом,
За столом, за столом,
За изюмным пирогом.
Дымно в поле, чадно,
Дымно в поле, чадно.

(д. Рёлка, зап. от Кузнецовой П.А., 1903 г.р.)

«Как только косу расплели, мать идёт благословлять невесту: ей пополам волосы-то разделит, по сторонам распустит. Невеста на столе лежит, мать придёт, благословит: платком-то по голове погладит, чё-то принесёт ей, там деньги ли, какую-нибудь обнову, материал подарит, сама тут же поплачет. Поймаются одна за другую, за голову мать-то её обнимет и падут на стол, и плачут, потом мать её погладит, подарок отдаст, а сама на кухню уйдёт. Потом благословляют. За стол ставят и благословляют все: отец, мать, сестры, братья, там подружки, гости — все ходят благословляют. Я сижу за столом, приходят, меня гладят, мне-ко дают деньги, подарки, гладят по голове платком. Невеста за столом сидит, тут подружки сидят, девки песню запоют: «Поди-ко, выйди, родима мамонька». Девка-то причитает. Она за столом сидит, а так прямо через стол по голове погладят платком, дадут ей деньги, какие-то подарки — всё это прямо на стол, а подружки-то подбирают. Отец, мать первыми начинают благословлять. Отец погладит, достаёт подарки, а девка-то ему: «Благослови ты меня, родимый тятенька». Каждому эти слова-то говорит: «Братик, благослови, и сестра, благослови». Сначала отец, потом мать, брат, сестра, крёстна, потом, может, там ещё какая родня есть, и они благословляют, подружки-то за столом сидят, дак они погладят платком. Деньги-то или там материал сестра ли подруга подбирают. Эти деньги невеста берёт сама себе на зимнюю обнову.

Ой, вон идёт родимый тятенька,
Да вот берёт, берёт родимый тятенька,
Ой, вот берёт родимый тятенька
Да за праву руку, за златы перстни,

Ой, за праву руку, за златы перстни.
Да вон повёл, повёл родимый тятенька,
Ой, вон повёл родимый тятенька
Да за стола, стола дубовые,
Ой, за стола, стола дубовые.

(с. Березовка, зап. от Сидоровой В.И., 1934 г.р.).

Не прошу у тебя, родимая мамонька,
Да хорошее светлое платьце
И дорогого платка,
В трубчату косу алых ленточек.
А прошу у тебя, родима мамонька,
Я позаочно благословеньице, благословеньице.
Ох ты, мамонька да родимая,
Не вставала да не пришла,
Ты меня не увидела.
Не благословила, не благословила
Ты меня, молодёшеньку,
А мне под злат да венец ехати,
Крест-распятье да целовати.
Не прилетела да птичкой-ласточкой,
Сизокрылой да касаточкой.
Ты не села на передне-то окошечко.
Ох ты, тётенька да родимая,
Ты Пелагея да Ивановна,
Благослови меня,
Благослови меня, да молодёшеньку,
Вместо мамоньки да родимой.
Мне твоё-то да благословеньице, благословеньице
Оно вперед да пригодилось.
Мне под злат да венец ехати,
Крест-распятье да целовати.
Благослови, благослови меня,
Родимый тятенька,
Да позаочным да благословеньицем, благословеньицем.
Подойди-ка ты ко переднему да окошечку,
Погляди да на меня, да молодёшеньку.
И не прошу же я у тебя,
Да родимый тятенька,
И красиво да цветно платьце,
А прошу я у тебя,
Да родимый тятенька,

Твоё велико да благословеньице.
Подойди-ка, да родимый дяденька,
Да Василий-от Иванович,
Благослови меня, да молодёшеньку,
Вместо тятеньки моего родного.

(д. Малые Кузнецы, зап. от Осокиной А.П.).

Пойди-ко выйди, пойди-ко выйди, родимая мамонька,
Да благослови, да благослови родную дочь.
Мне, мамонька, да с твоим благословеньицем
Во Божью церковь ехати,
В церковь ехати, да Закон Божий принятьи.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Как невеста благословилася, её опять поставили перед иконой, девки полотенцем-то подвязали, вот она встала, крестится и причитает: «Ох, со всеми же я простилася, ох, уж со всеми я благословилася». Это в девишник перед тем как ехать венчаться, все уже отревелися, красоту отдали, это уже последние слова. Девки тут взяли меня, подняли: «Давай прощайся с отцом». Тогда невеста-то и запричитает: «Ох, со всеми же я простилася, ох, уж со всеми я благословилася».

Со всеми я простилась,
Со всеми я благословилась,
А с одним токо я не простилася,
Не благословилася —
С родным с отцом.
Благослови ты меня,
Родимой тятенька,
Своим позаочным благословеньицем.
Мне с твоим-то благословеньицем
В Божью церковь ехати
Да Закон Божий принятьи
Со чужим-то со чужевничком,
Со своим со обручником,
Вот с Иваном Ивановичем.
Как я с ним буду жить,
Да как я к нему пристануся?

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Расступитесь, да люди добрые,
Дайте мне пути-дороженьки.
Недорослая да в поле травонька,
Незрелая да в кусте ягодка,
Недозрелая да свалилася,
Недозрелая да свалилася,

Ко сырой земле да приклонилася, приклонилася.
Подержали бы меня с годик времечки,
Первый-от годик бы вместо строшницы,
Другой годик вместо наложницы,
Третий годик вместо родной дочери.
И не подломила бы я у вас сени новые,
Сени новые да с коридорами,
Не посадила бы тебя, родимый тятенька,
Белым лицом да во черну грязь.

(д. Малые Кузнецы, зап. от Осокиной А.П.).

Всё закончили, девку убрали, стол на место, девка уйдёт на кухню, там девки все с ней, гладят ей платье, приданое в ящик собирают, в каждый угол ящика кладут деньги, там по рублёвке, потом приданое на замок закроют и ключи отдают крёстные. Девки тут всё сидят, потом встанут за столы, девок накормят, а невесту нет, она всё сидит на кухне, а то уйдёт, маленько отдохнёт на койке, с девкой уходит, невесту-то одну уже здесь не оставляют. Девок накормили, они стали ладить на столы. Стряпки готовят, на тарелочки разлаживают, а девки всё разношивают. Невеста сидит на кухне, пока девки накрывают на стол (жарят там розанцы, вакли да прянички), всё накрывают на столы и полотенцами закрывают. Чё наставят, то и закрывают: хлебушко-батюшко тут придёт, нарежут, вилки, ложки — всё закрывают, салаты, бутылки. Еду только перед приездом жениха закрывают полотенцами, а больше нигде не закрывают. На столы накрыли, невесту обмоют, оболочут — всё сделают. Она рубаху жениху дарит накануне обрученья, а жених опять платье ей дарит к венцу-то. Вот она в дарёном-то и поедет. Жених ещё ей туфли покупает, венцы ещё да кольцо на руку. Вот невеста едет к жениху, цветы и подшальник оденет, а если зима, дак шаль. Цветы восковые налажены, там всякие фигурки, синие, красные и розовые, всякие цветы налажены. Жених дарит ещё духи, мыло, туфли, платье, цветы. Вот невеста всё оденет, сидит на ковре и под ногами ковёр, и девки все сидят рядом, все разговаривают, жениха ждут» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Жених цветы купит, наденут их там на волосы-те распущены, потом косыночку, специальные были такие косыночки, углом такие продавались» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Невесте и жениху на голое тело ещё под одежду одевали пояс церковный, чтобы не исколдовали» (п. Орёл). «Чтобы невесту не сглазили, на фату на лоб вешали бусинку или украшение или рисовали чего на лбу. Чтоб взгляд бросали туда, чтоб не сглазили невесту. Ещё иголку в подол втыкали» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д. 1918 г. р.). В д. Поселье невесте на грудь под одежду привязывали пряник, завернутый в целлофановый пакет: «За пазухой у невесты был спрятан большой пряник, этот пряник был особый, им молодая кормила жениха ночью, чтобы жених пуще любил. Пряник этот баба стряпала дома, без начинки, из белой муки, на масле и яичках, сверху маслом помазанный, сметаной. Пряник всё время венчания у неё на груди был привязан, под одежду. Вот от венца приедут, спать будут ложиться,

так молодая жениха-то и кормит этим пряником. Да ещё подвязывали нитку шерстяную, испряденную, толстую на тело, это от колдунов да еретников» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Особым образом готовили к венчанию и жениха. «Ехать к венцу надо было из-за стола. Вот парень оделся, побрился, помылся, натуфорился-надушился, всё как молодушка делает, в баню тоже ходит загодя. Жениху рубаху дарит невеста, к венцу-то ехать, вот он её оденет, ещё визитку, это такой костюм, пиджак с карманами, её тоже оденет, в туфли деньги положит, зимой — в валенки» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Вместе с женихом в дом невесты собирались его родственники и самые близкие друзья, которых, как правило, в местной традиции назначали на роль тысяцкого, свах, дружек и подружьев. «Дружке с правой стороны ленточку прикалывали, брали красные, синие, только не черную. Зимой тёплая шапка, летом без шапки. Дружка с ленточкой, а подружье нет, он возрастом ещё не вышел» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Дружке красивый бант такой сделают из ленточек» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Дружка хоть женатый, хоть холостой парень, ему ленточку розовую привяжут и знают, кто дружка, с левого боку метровую такую сделают» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «У дружек бантами все ленточки извязаны, у жениха тоже ленточка на груди привязана» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Ленточками и колокольцами украшали жениха и его спутников даже в том случае, если жених шёл жить *на чужой пол*. «Дядя Санко ходил с дугой, на дугу колокольца навязал. В руке бабка несла дугу с колокольцами, я как *дворой* (жених, который после свадьбы переходил жить в дом невесты) дак, в дом как к невесте шёл. На саму свадьбу шли с колокольцами и свадьбу играли в доме невесты» (д. Трезубы, зап. от Леонтьева И.В., 1937 г. р.).

Как только жених и его спутники появлялись возле дома невесты, родственники девушки закрывали двери. «Жених приедет, шофера приедут, двери перед ними закроют. Они возьмут да с петель её сорвут» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). «Перед приездом жениха отец-то, мать невесты у окошка сидели, смотрели: «Ой, скоро свадьба, с колокольцами приехали». Сразу бегут, двери держат, чтобы приезжие не зашли. Жених подъезжает к дому, поезд останавливается, сват говорит: «Ой, свадьба приехала». Тысяцкой, сваха, две или одна, да дружки, жених, больше никого нет, их встречают отец и мать у порога, песен не поют. Тысяцкой берёт жениха, ведёт в избу. Вот жених с крёстным идёт, постукаются в косяк, это крёстный, жених-то ничего не касается, не положено. Крёстный, он как тысяцкой будет, он с тобой, он и стучит. Стоят у двери, сейчас поднос с вином, с пивом ли, тут стоят отец, мать, с подносом стоят, с вином встречают уже. Двери тут открывают и впускают, сперва жениха с крёстным через порог пустили, только их одних, и двери закрыли. Вошли жених с тысяцким, им сразу подают вино, ничё не говорят, только: «Пожалуйста». Они маленько попробуют и проходят сразу в комнату. Каждый из своей рюмки пьёт и сразу в комнату, за стол, тысяцкой жениха ведёт вдоль по полу, проходят за стол ото дверей, по солнышку пройдут и встанут возле стола, сперва жених встанет, потом крёстный,

тут уж на скамеечке лежит коврик, жених с крёстным стоят, потом уж гости с их стороны заходят, все помаленьку идут: две свахи да два дружка, да ещё отец с матерью жениха, если в чужой деревне, то ещё пуховая сваха шла. Вот зашли, выпили, тысяцкий обвёл жениха вокруг стола, и стали к окну, под матицу. Все около лавки, которая вдоль половиц идёт, от окошка до дверей, стоят, ничё не говорят, вот тогда тут и запоют про тысяцкого «Тысяцкий воевода». Пока поют — все стоят, потом запоют другую «Зачем, сокол, один за столом». Спели, вот тут все садятся за стол, девки тоже сидят, только отдельно, их пять, вот они и поют. Это пока все стоят, пока все гости не пришли, все стоят, и девки поют. Потом все сели. С одной стороны стола жениховы гости сидят, с другой — невестины» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Зачем, сокол, зачем, сокол, ты один за столом?

— Я не один, я не один, не один за столом.

Ещё много со мной, ещё много со мной и князей, и бояр,

Ещё много со мной, ещё много со мной — князь-от тысяцкой,

Ещё много со мной, ещё много со мной, ещё свашеньки.

Будет пора, будет пора я не один,

Будет со мной, будет со мной душа Анфисушка

Свет Михайловна.

(д. Момино, зап. от Моминой А.М., 1910 г.р.).

Песни нередко варьируется:

— Зачем, сокол, ты один за столом?

— Я не один, не один за столом.

Ох, есть со мной князь-от тысяцкой,

Есть со мной, князь-от свашенька,

А только-де нету лебёдушки,

Только-де нету Натальюшки,

Только-де нету Николаевны.

— Ой, где ей не быть, где ей быть-спобывать?

Где ей служить?

— Ей служить у меня.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Жених приехал за невестой к воротам, спятились, давай кричать: «Сами откроете или нам позволите»? Папа-то мой крикнул: «Открывайте». Они открыли двери, заходят, а девки песню поют «Не было ветру». Спели песню, гости разделись, сели за стол» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Невеста на кухне, когда жених приезжает. Он входит в дом, его молодёжь встречает, раздевает и садят за стол, ставят жениха с гостями за стол» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.).

«Невеста сидит на кухне, накрыта на лицо шалью, ничего не работает, когда жених приезжает» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). Стараясь на будущее наладить отношения с супругом, невеста из-за шторы наблюдала за женихом в момент его появления в доме, по первому впечатлению гадала о жизни в замужестве.

«Невеста обязательно должна до прихода жениха выглядет его в окно» (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). «Невеста сидит на кухне снаряжённая, когда жених заходит, ей велят: «Выглядывай его скорей, выглядывай» (д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., 1923 г. р.). «Невеста увидит жениха вперёд — сама командовать в доме будет» (с. В.Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Ещё говорили, мол, жених смурной зайдёт, ну, как девке-то покажется сначала, так смурная жизнь и будет, мой-от весёлый зашёл, так за ним и прожила» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

В доме, прежде чем заполнить невесту, жених должен был выкупить место в присутствии всех собравшихся односельчан или найти спрятанную невесту. «Во время свадьбы меня прятали: как Миша приехал, меня девки-то спрятали, посадили возле кадочки, закрыли. Я сижу, Миша как искать, а папа с мамой уже середь полу стоят, ждут, когда жених невесту найдёт, потом уже крёстная выведет её» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Утром со свадьбой придёт жених, тут место выкупать заставят» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Деньги давай», - девки-то тут кричат» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Жених целует девок за столом, место выкупает» (д. Загизга, зап. от Лопачевой К.А., 1933 г. р.). «Где жениху-то ставать с невестой-то, столовать-то, ехать-то под венец-от, тогда вот на это место меня посадили, пацанку. Жених пришел, руку мне даёт, меня еще поцеловал и мне гребенку подарил, я тогда встала, вышла, он место и занимает, садится» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Вот жених приезжал в дом за невестой в церковь везти, дак его заставляют выкупать её» (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). «С женихом приехали тысяцкой, сваха, дружка наговаривает тут, расхваливает жениха-то. У дружки ленточка бантиком приколот. Тысяцкий вино наливает, жених держит поднос со стаканами. Брага, пиво, вино в трёх стаканах на подносе подносит. Выкупают как место. Тысяцкий и дружка деньги дают» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.).

«Как жених в дом зашёл, его и гостей за стол посадят. Невеста на кухне. Потом тысяцкий выводит жениха на середину избы, а из кути невесту выводит её крёстна. Невеста с кухни выйдет, со всеми поздороваётся. Платочек крёстна передаст жениху. Из-за стола жениха выводит тысяцкой, а невесту ведёт хрёстна; и тот, и другой ведут за платочки. Выйдет невеста с кухни, они поздороваются, потом платочек дадут друг другу и за стол. Тысяцкий за платочек поведёт жениха уже за стол, за ним невеста. Молодые стоят, все усядутся, и тогда тоже сядут» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1914 г. р.).

Выкатался с камушек жемчуг,
Да выводили да нашу умную
Да свет Натальюшку свет Николаевну.
Да выводил её родимый тятенька
Да за праву да за рученьку,
Да становил её середь горницы,
Да передавал с руки на руки
Ивану-от Ивановичу,

Да заставлял Богу молиться,
Да на все четыре стороны наклониться.

(д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.)

«Вот за столы встанут, тогда крёстна выводит невесту. Жених был в переднем углу, крёстна поставит невесту к столу, а потом жених с тысяцким выходят из-за стола за платочек, и они заводят невесту. Жених идёт за тысяцким, забирают невесту и по солнышку идут за стол» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.) «Жених придёт, так невесты-то нет, она в кухне за шторкой. Жених в дом зашел, его сразу крёстна за стол поставит. Он постоит, а потом крёстный его из-за стола выведет обратно, к кухне ближе, встанут, а там уж невесту выводят к нему. Если жениху разрешат, он невесту прямо с кухни может вывести, платочек дашь ему ещё, он за платочек выводит. Невесту крёстна так немного выведет из кухни. У неё цветы одеты. Они встретятся, поцелуются три раза. Свекровка берёт жениха за платочек, жених за платочек невесту, так и заводит за матицу. Затем крестна их за стол заводит. Они встанут, там крестная, невеста, жених, тысяцкой, крестна встанет возле невесты, а тысяцкой возле жениха» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «За невестой приехали, жениху поют, тысяцкому поют. Жених опять за столом стоит. Тысяцкий выводит его. Девку мать с отцом выводят, невесту, за платочек. Жених опять из-за стола — тысяцкой выводит, и опять на серёдке пола, вдоль кути заходят и по лавочке дольной выходят» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Меня папа вывел за носовой платок. Ещё скажут: «Молись Богу на все стороны», — я наклонюся, милому на особицу. Тятя меня сразу передаёт за носовой платок, дружке передает, а дружка опять жениху меня передает за платок, тут песня поётся «Выводили нашу умную». Папа тут уходит на кухню» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «А как от матери от родной из кути-то брат родной невесту выводит, а так и отец может выводить. Он как выведет, посереде пола поставит, а жених выходит из-за стола, за руку девку берёт, за носовой платочек, и заводит за стол. Идёт первым ко столу жених, за столом спятится и пропустит невесту вперёд в уголок, вот и окажется на правой стороне, она как на левой. Рядом с женихом тысяцкой встанет, рядом с невестой крёстна стоит, после тысяцкого дружка стоит. Родители тут на стол таскают» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.) «Отец выводил невесту за руку жениху со словами: «Береги, храни, люби» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

«Когда две песни спели, жениха обратно из-за стола выводят, тысяцкой всё, ведёт с той стороны, с которой заходили прежде, кругом стол не обходят, вывели тут, встали, невесту выводят. Её тоже вдоль половицы ведут. Жениха ведут со стороны стола, где лавка идёт, вдоль окна, а невесту ведут с кухни, её ведёт крёстна и ставит вдоль по полу. Крёстна маменька выводит под песню «Выводили да нашу умную». Вывели, поклонились, помолились. Молодые-то маленько поклонились, богу помолились, тогда надо уже за стол садиться. Жених тут берёт её за платочек и ведёт за стол. Тысяцкий ведёт жениха, жених — невесту. Поведут за платочек за стол, молодых-то ведет тысяцкой жениха, жених — невесту, а крестна у невесты-то идёт сама, особо. Тысяцкий

заводит за стол, с ним жених, потом невеста, крёстна, дружка, подружье — все стоят, так по порядку все» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Жених-то от невесты с правой стороны стоит. Первый стоит тысячкой и дружка, тысячкой обязательно старый, богатый. У нас крестного ставили тысячком, а дружок-то сам по себе, вот с которым он парнем бегал, на него-то красные ленточки надевали, потом уже жених стоял, дальше невеста стоит, а за невестой садят крестну или мать, потом уже все сёстры. И за столом так же стоят. Сначала жених с невестой, потом рядом с женихом тысячкой, потом дружка, потом за невестой крестна или мать родная, там сестры или тетки и все остальные гости. Родители жениха-то тут не садятся, а если у их родителей, так невестины не садятся» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.). «Жених с невестой стоят за столом, за платочек держатся» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «За столом молодые не говорят, молчат всё» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.) «Рассаживают тут гостей чем дороже: сначала жениха с невестой, потом гости жениха, невесты, а кто не так близок, тех вообще низко сажают, хотя они за тем же столом сидят, но уже подальше от молодых. Самый дорогой гость — крестный жениха и крестная» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Свекровка сядет с невестой, а мать невесты не садится, она только всё тут на столы подаёт. Её посадят в ряд уже у жениха» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Все гости садятся, сначала жениховы, а потом невестины. А потом, как начнут выпивать первую стопку, садятся и молодые» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Пирог поставят, дак тысяцкий, он возле жениха стоит, наливает, это крестный жениха. Жених держит поднос с пирогом, а тысяцкий пиво наливает да подаёт, а невеста стоит, по избе-то по залу не ходит» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Потом три ествы выносят гостям-то, только три. Холодец обязательно, а третья ества — кисель. Молодые не едят, а гости три ествы поедят, выходят из-за стола» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Только три ествы должно быть у невесты: пирог, холодец, икра грибная» (д. Зыряны, зап. от Ужеговой Т.Е., 1930 г. р.). «Вывели к жениху, тут три ествы приносят: мясо жарено, холодец, выпить. А невеста с женихом и в рот не берут. Они стоят здесь всю еду, все сели, а они стоят, все три ествы стоят. Там ведь всё быстрехонько, только пропоют про свах, про тысяцкого да про дружек, и все садятся, кроме молодых» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Песни пели тут те же, что в обрученье» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Вот про дружку пели «Дружки вы дружища, да молодое подружище», «Уж ты, дружка, ты, друженька», свахам поют, сперва про крестну «Крёстнова сваха беляна, ой, да беляна». Потом запоют про жениховых свах «Переезжие свашеньки, да перелётные пташеньки».

Ой, город-от стоит,
Ой да, городками,
Ой да, в этом городе,
Ой, в этом городе,
Ой да, сила войско стоит,

Ой, силой, ой, силой,
Ой, волен-уволен
Свет Михаил да Александрович.
Он хочет воевать,
Всех людей забрать,
Всех людей забрать
Да полонить
Хорошу девицу да Екатерину Ивановну.

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г.р.).

Уж ты, дружка, ты, друженька,
Не ходи, не ходи в куть за занавесу,
Не ходи в куть за занавесу.
Не ступай, не ступай девкам на ноги,
Не ступай девкам на ноги.
Не засвечивай, не засвечивай свечушки,
Не засвечивай свечушки.
Не подпаливай, не подпаливай русы волосы,
Русы волосы Настасьеньки.

(с. Березовка, зап. от Сидоровой В.И., 1934 г.р.).

Девушки ходили выяснять, у кого из гостей со стороны жениха много детей,
тому пели «Ой, по реке, по реке».

Ой, по реке, по реке,
По реке что прошёл
Пароход по серебряной реке.
Как на этом корабле
Молодой удалец
Свет Александр Петрович.
Пешим бережком шла
Молодая боярыня
Свет Александра Иванна.
Она пела, звонко кричала:
— Стой-постой, милый друг,
Воротись, обернись
Да с раздолья широкого,
Да с веселья великого.
Я тебе радость скажу,
Я тебе дочь рожу
Свет Натальюшку.
— Я из-за этого с дороженьки не вернусь
И с веселья великого не вернусь.
— Стой-постой, милый друг,

Ой, воротись да с раздолья широкого,
Да с веселья великого.
Я тебе радость скажу,
Я тебе сына рожу
Свет Николушку.
— Для этого я ворочусь
Из пути, из дороженьки,
Из веселья великого,
Из раздолья широкого.
Сын-от будет хозяин в дому.

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Паре, у которой не было детей, пели «Долго оне, долго оне»:

Долго оне, долго оне
Остаются одне, остаются одне.
Поедет, поедет хозяин,
Подъезжает он к ограде своей,
Спрашивает у лакеев своих:
— Долго ль жена, долго ль боярыня моя
Свет Наталья Ивановна?
Ох, если она на лавке сидит,
Пускай она забавляется.
Если она в Божью церковь ушла,
Пускай только Богу молится,
А если она в своей спальне спит,
Не ходите, её не будите.
Я сам схожу потихохоньку,
Разбужу её помалёхоньку,
А встань-ка, жена, встань, боярыня моя, —
Опять её сгоряча.
— Явился твой хозяин (величают)
Сизый павлин, сам господин,
Сизая пава, сама госпожа.

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Пока они это поют, молодые стоят за столом и держатся за платочек. Они стоят, ничего не говорят, не садятся, а потом три ествы принесли, поели, и свахи закрывают всё полотенцами, это как знак, надо, мол, выходить из-за стола, все тогда выходят. Тут ещё свахи приносят *крояны* — это пряники такие, конфеты — в больших узлах приносят, всё это сыплют на тарелку, а дружка тут же большим платком закинет тарелку и все *крояны* возьмёт себе, это пока все едят. Девки выкупают у дружки *крояны*, а дружка: «Не дам». Каждая девка подходит и целует его тогда. Дружка выходит из-за стола, жених-то стоит пока ещё, куда не выкупят, надо же девкам же одевать-то зна-

чит, а дружка ещё дорожится, ещё, мол, та не поцеловала, друга не поцеловала. Каждая подходит, хватает его, целует, он имя высыпает конфеты, в подол ли куда, крояны-те. Опростался, тарелку отдал» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Дружке пить подают девки, он берёт за шею каждую, целует её и в стакан деньги кидает» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.).

Ты, Петрович, кошелися,
Серебро-добро, шевелися
Да всё ко девушкам подкатися.
Ичкановские девки — сладкоежки:
Да всё на пряники, на орешки,
Всё на сладкие да на конфетки.

(д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Н.С., 1928 г.р.).

Не пора ли, сватовья,
Догадаться, догадаться,
За шелковы кошели да собираться.
А всё в кошелях серебро да шевелится,
Да всяка девушка норовится,
Да уж не девушкам деньги надо,
Отдай им на шелковы на ленты.

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Как дружка-то перецелует девок — всё, тысяцкий выводит молодых и становится среди полу. Тут на невесту пальто, подшальник одевают. Тысяцкий тогда уже молодых вдоль полу ставит, потом уже повёл жениха, а он невесту. Жених пошёл, тут же денежки положил под ковёр, на котором сидел, так жених за место плотит, на лавке ковёр лежит, ну, там половик, одеяло ещё есть, на голое не садятся жених с невестой-то. На пол стелют имя половик и на скамью. Жених деньги под половиком оставляет, а мать сразу, как уехали, ковёр загибает и деньги себе берёт» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Как девку повели из избы-то, жених под клеёнку на столе положил денежку. Мать-то у меня посмотрела: «Наталья-то жить бедно будет, жених-то мало положил, пять рублей всего» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Где жених с невестой сидели, там под скатеркой денежки оставляли отцу и матери невесты. Вот только молодые из-за стола выйдут, родители сразу за стол садятся и денежки-то берут. Это как выкуп жениха за невесту» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «Вот как одевать девку-то поведут, так уже против солнышка выходят из-за стола-то» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Из-за стола свахи выходят, потом невеста, потом жених. Идут уже не за тысяцким. Чтобы семья большая была, стол должны замкнуть кругом» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.) «Выведут, мать у невесты последнее блюдо опрокидывает, тарелку на тарелку положит и поставит на стол закрытое» (с. Щекино).

Важной процедурой перед отъездом из дома невесты было благословление молодых. Именно с этого момента они получали право называть приобретённых

родителей родственными именами. «Как только вывели, жених и невеста в ноги родителям падают, а те их благословляют. Мы с Мишей оба падаем имя в ноги, а они нас благословляют иконой и караваем хлеба. Тут ковёр стлался, что у нас, то и у них, папа с мамой на ковре стоят и благословляют. Папа сначала раз обнесёт, потом мама иконой, по голове как крестит, а у нас головы ещё должны быть вместе. «Давайте живите, любовь да совет вам. Родителей почитайте, Михаил, нас называй папой, мамой, и ты, Катерина, их родителей называй папой и мамой». И этот каравай хлеба нам отдают, чтобы мы с Мишей кушали его» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Благословляют иконой, икона со свечой. Они наклонятся, их крестом (крест-накрест) стучают: «Бог благословляет да я». Отец первый благословляет, мать вторая, потом хлебом. Молодушка-то хлеб и эту икону с собой берёт» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Когда благословляли, чтобы голая рука не была, заворачивали ее в рукав» (д. Уньва, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). Жених с невестой, склонившись, стоят перед родителями. Позади них стоит дружка. Он через жениха и невесту подает сначала икону, потом хлеб для благословения. Если икона была из невестиного дома, то невесту благословляли первой, если из женихова, то наоборот (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Перед выходом молодых благословляют отец и мать. Молодые перекрестятся и падают родителям в правую ногу, на колени встанут и в правую ногу как кланяются, лбом задевают, жених и невеста вместе всё. Отец платком погладит, то же делает и мать. Жених и отцу и матери делает, перекрестится, падёт, встанет, опять перекрестится и опять падёт. И девка тоже. А если отца нет, тогда крестные падают, мол, крестна, благословляй» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Вот благословили, начинают оболочать. Оболокают когда, всё наденут: шаль, шелковый подшальник, цветы, пальто, большушшу шаль — вот оденут когда всё, только тогда девки поют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Из-за стола встанут, сперва его оденут, потом её одевали, они так всем кланяются. Три раза их обходили, там ведь надо шаль, да платок, да пальто тоже надо одеть. Сначала мужика одевали, пальто оденут, потом шапку его, потом так же невесту одевают» (с. Березовка, зап. от Бухариновой А.П.).

«Одевают, так уж нас рядом ставят. Зимой шалью этак нас кругом обмотали (кругом обнесли) и одели, потом шапкой жениха тоже нас обнесли и тоже одели. Затем обнесли вокруг молодых пальто невесты, затем пальто жениха. Жених с невестой стоят, крестна моя обносит их пальтом, да и встряхивает его. Три раза обнесёт, а потом на невесту пальто-то одеват. Эдак кругом нас обматывают, оденут и поведут нас, поют ещё «Ох, жарко, камню на огне» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Девки оболочаются, их снаряжают к венцу-то тоже и поют: «Жалко, не жалко камешка на дворе» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«С девками тут прощаюсь, целую их и опять же кусаю щеки-то им: «Вы остаётесь в девках, а я в замуж выхожу, вот вам, чтобы вам выходить за мной сразу». Когда

меня поведут, папа с мамой уже на нашем месте сидят, мы оба поклонимся им, тогда поют «Мамонька родима, тятенька родимой, пошла я». Они оба отвечают: «С Богом, давайте с Богом, любовь да совет вам». Мама ревет, и папа ревел, а я ему: «О, силом отдавал, а сейчас заревел». Он и пуще ещё заревел. Невеста тут тоже: «Ох, моя мамонька плачет», — причитает. Икону невесте в руки отдают, а она жениху передает, а он в карман ложит. В церковь берёшь ещё полотенце, мыло, косоплётку, и держит всё это крёстная. У иконы это водой опрыснут и отдают это невесте в руки, а она отдаёт всё это жениху: «Это ваше полотенце, ваше мыло, а косоплётка — ей в косы вплетёшь». Молодых поведут, тут песню запоют: «Мамонька, вдоль по горенке ведут» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Как повели невесту, запели: «Не оброни трой золоты ключи» (с. Романово). «Светлая хрёшенка, позабыла ты золоты ключи» — это свадьба выходит вся, невесту повезли, тут и поют её» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Невесту одели, повели, девки запели «Милую дочь со двора повели». Невеста тут скатёрку со стола поволокёт, девки закричат тогда уже: «Погости, наша дорогая гостья», — до того поют, пока в кошёвку не посадят» (д. Поселъе, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

- Мамонька, вдоль по горенке ведут.
- Ох, не плачь, мила дочь, я тебя не отдам.
- Мамонька, с-по сеням ведут.
- Не плачь, мила дочь, я тебя не отдам.
- Мамонька, с-по крылечикику ведут.
- Не плачь, мила дочь, я тебя не отдам.
- Мамонька, дружки вожжи берут.
- Не плачь, мила дочь, я тебя не отдам.
- Мамонька, они-де ехать хотят.
- Ох, не плачь, мила дочь, с Богом поезжай.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1921 г. р.).

Милую дочь, милую дочь
Со двора повели.
Ой, бросила ключи,
Кинула ключи
Вдоль по лавочке.
— Ой, я тебе, маменька,
Ой, я тебе, тятенька,
Не орешница.
Я тебе, мамонька,
Я тебе, тятенька,
Не ключница.
Ой, ключница, ключница я
Свёкру-тятеньке
Борису Ивановичу.

Орешница, орешница я
Свекровке-мамоське
Марье Петровне.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

От во моя мамоська плачет, плачет,
От моя родная причитает, причитает,
Ко бережку да припадает, да припадает:
— Ох, на что я тебя, дитячко, родила,
Смертной час принимала,
Горьку чару выпивала?
Ох, думала, мне будет замена —
Добрым людям-то замена.

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1920 г. р.).

— Светлая хрешенка,
Позабыла, позабыла ты золоты ключи
От кованых от ящичков.
— Не забыла, не забыла я трое золоты ключи,
А забыла, а забыла волю батюшкину
Да негу матушкину.

(д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Ох, жарко не жарко
Камню на огне.
Ох, жалко не жалко,
Ох, жалко не жалко
Отцу-матери.
— Ох, мамоська, по сеням ведут,
С-по крылечичу ведут.
— Не плачь, милое дитячко, не плачь,
Я тебя не отдам.
— Ох, мамоська, мамоська,
Во карету садят.
— Не плачь, милое дитячко, не плачь,
Я тебя не отдам.
— Ох, мамоська, мамоська,
Да дружки возжи берут.
— Не плачь, милое дитячко,
Я тебя не отдам.
— Ох, мамоська, мамоська,
Да они ехать хотят.
— Ну так с Богом поезжай.

(п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

Выводили невесту из избы под песню «На море галица купалася»:

На море галица купалася,
Всем людям девица низко кланялася,
Села на лавочку, расплакалася,
Бросила ключи, кинула ключи
Вдоль по лавочке.
Я тебе, тятенька, не орешница,
Я тебе, мамонька, не ключница,
Орешница я свёкру-тятеньке
Ивану Алексеевичу,
Орешница я свекровке-мамоньке
Лизавете Васильевне.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Когда невесту выводили, она ухватила скатерть на столе и поволокла за собой, вся посуда — на пол, девушки только успевали ловить, тут они и запели:

— Погости, погости, наша дорогая гостья, гостья.
— Рады бы я погостила, погостила,
Да не гостят мои гости,
Да не гостят мои гости,
Не стоят мои кони вороные.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

К саням невеста, сваха, жених и тысяцкий шли молча. Только песню «Ох, жарко не жарко» девушки спели, дружка три раза:

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.
Садитесь в сани, едемте с нами

Сказал и поехали в церковь (п. Лемзер, зап. от Фоминой Е.И., 1920 г. р.).

«В церковь только дружки, тысяцкой, молодые и две свахи ездили, больше никого не надо. Вот поехали к венцу, дружка говорит, когда из-за стола все на улицу выйдут. Девки невесту провожают, а еёный отец с матерью садятся за стол, все вышли, отец с матерью сели за стол, они не провожают, не смотрят даже в окошко, все выходят — они сидят. На улице-то две пары, две лошади стоят рядом, две кошевки для молодых-то, прямо у самых у дверей, у крылечка. Дружки стоят, караулят, смотрят, как заходят жених с невестой в сани-то, кони стоят рядом, с этой и с той стороны, на этой стороне — пара с женихом, на той — невеста со свахами. Кошевки-то с колокольцами, в санях сено, одеяло положат, обычное холщовое. Тысяцкой своего крестника ведёт, проходят через первую кошевку во вторую. Тысяцкий идёт, за платочек ведёт жениха на вторую лошадь, прямо в первую кошевку встаёт, за ним жених, потом идут оба уже во вторую кошевку, встанут в неё и стоят. Всё подошли, потом уже сваха берёт невесту и за платочек ведёт к первой кошевке-то, там, где тысяцкой с женихом топтались-то, ведёт закрытую, и тоже встают в неё» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.)
«Тут невеста ещё раз простится с девками-то, песня-то уж закончилась. Целует их,

кусают опять. Каждая девка идёт ко мне целоваться, я тут их и кусаю. «Катя, ты не кусайся». — «Да нет, нет, поцелую, да и всё». А сама так тяпну, что до крови» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.)

«Дружки впереди далеко-далеко. Все встали, тысяцкий с женихом, рядом в кошевке сваха с невестой. Стоит тысяцкий сзади на санях, а невеста в середине на санях, а дружка впереди, лицом к невесте, говорит: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Все ли готовы?» Тысяцкий отвечает: «Все готовы. Аминь». Дружка опять продолжает: «Все ли готовы, все ли справны?» — «Аминь». — «Спасибо на амине, на добром слове, садитесь в сани да поехали с нами». — «Аминь», — тысяцкий последний раз скажет, тогда перекрестятся, сядут и поедут. У дружки кучер, сам-то он лошади не касается. Аминь ведь душу спасает, Мать Пресвята Богородица причащает. Тогда уже все сели и поехали» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Дружка, вот во дворе садятся когда, он каждую лошадь по холке хлопнет, ходит вокруг и хлопает, у него свеча в руке. Это когда уже в церковь-то уезжать надо» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.). «Дружка ходит вокруг лошади, каждую по холке рукой хлопает: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас». Даже в армию пойдёшь, дак и то благословляют лошадь-то» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У. К., 1914 г. р.). «К венцу поедут, тысяцкий вокруг лошадей ходит с иконой, со свечой, три раза обойдет, прежде чем поедут» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Дружка круг коня оббежал и говорит: «Аминь, аминь». Три раза оббежал и говорит: «Ну, Степан Николаевич, благословясь», — и вожжи дернул» (д. Володино).

«Не благословь, дак колдун всю свадьбу в волков может обернуть, все волками убежат. Если никто не возвратит, дак так и бегают по лесу, говорили. Чтобы вернуть их, надо такого же человека, и обязательно найти след волков. Он как найдет, сразу их vorочат. Вот в Усть-Игуме волка убили, у него под шкурой одежда. Он бегал, бегал, и никто его не остановил, он все волком так и бегал, изотлела под шкурой одежда-то уж» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«В церковь-то сначала едет дружка, за ним невеста с крёстной, без жениха, потом жених с тысяцким, а там уж больше нету никого — три лошади парами. У крёстной если есть мужик, он садится с крёстной рядом, а невеста садится к им на колени, а обратно из церкви-то она уже сядет к мужику на колени, к жениху-то. Впереди едут дружка с поддружьем и проводник, потом в кошёвке невеста с крёстной, свахой как её, и тоже с проводником, а там едет жених с проводником и тысяцким. У каждой пары свой проводник. Едут, поют «Сверху судёнышко бежало». Едет к венцу, вот платок, в который ревела, слёзы утирала невеста, вот этот платок невеста рвёт и на перекрёстках куски-то платка бросает» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Первая лошадь — дружкина. Тысяцкой, жених и свахи с девкой на коленях едут вместе» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Сверху судёнышко бежало,
Я на то судно вставала,
Я всем гребачам наказала:

— Вы гребите не гребите,
Меня молодую сноровите.
Дайте с тятенькой проститься,
Дайте на мать наглядеться.
Вон моя маменька плачет,
Ко бережку припадает,
По дитятку причитает:
Дитятко моё милое,
Я же тебя да родила,
Смертный час принимала,
Горьку чарку выпивала.
Думала, слуга-замена —
Добрым людям да замена.
Моё горе горькое обманулось,
Моё горе горько обмануло.

(д. Левино, зап. от Фотеевой А.В., 1907 г. р.).

«На обручение было пятнадцать человек, а за невестой приехал только дружка да две свахи, там сестрёнка у него да одна сестра, и два дяди, только пятеро было, жених шестой. Нас тут спарили, чтобы парами везти. Ихние кони вперёд, наши позади идут. Ихних три лошади было, наших две. На свадьбу, вот у меня папа много гостей созвал, у нас большая родня, а у их нет. Вот я на свадьбу-то и не должна превышать ихних гостей, я должна ниже их и должна звать не парами, чтобы один лишний как с моей стороны, а у его все пары. Вот он привёз пятнадцать человек, а у меня тридцать человек, остальных дома оставляю, там папа навывбирал, кому ехать-то, остальные остались» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Свадьба с колокольцами в дуге едет, две лошади вороные, колокольцы брякают, старухи тут выйдут, платочками машут, кланяются» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.).

Во время венчания молодых пуховые свахи доставляли приданое невесты в дом жениха. За проделанную работу каждая из них получала вознаграждение в виде бутылки вина и рыбного пирога. «Как жениховы гости приходят, крёстная невесты собирает багаж, ставит на повозку и уезжает в дом жениха, перед молодыми увозят багаж-то» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Гости приходят, собирают багаж жениховы крестные, ставят на повозку, на санки сундук и уезжают перед ними, перед молодыми-то. Как молодые поедут в церковь, так багаж-то и повезут» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Пуховая сваха ехала на сундуке с приданым, ехала вперёд всей свадьбы и сидит задом наперёд. Везла узелок с вином. И могла взять с собой что-то для шуточных игр на второй день. Морковку, другие овощи для ряжения на второй день» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Вот к дому подъедут, сваха с приданым во дворе дома сидит, ни за что не даст приданое уносить, и чё только не наговорила. И брагу ей выносили, и все ей выкуп давай и всё, некуда деваться, все равно заносить: «Не один день делалось, не один

день ткалося». Тут уж и деньги ей клали (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «А у нас опять было и такое, вот сундук с приданным привезут, водку просят, мол, у сундука четыре угла, четыре бутылки и поставь. Делать нечего, четыре бутылки вынесут, а сваты-то хитрые, сундук на другой бок поставят, опять четыре угла, опять вино давай, дак вот пока все углы не выкупят, сундука не отдадут» (с. В.-Кондас). «В дом зайдут, тогда уже подклет начинают готовить, когда постель постеляют, вот тогда рыбный пирог и вино, привезут уже всё это от невестиной матери-то, это пока молодые в церковь ехали, в это время вот рыбный пирог-то и ест *пуховая сваха* (сваха, отвечающая за приданое — пух) на кровати жениховой, да вино пьёт. На кровати пирог рыбный ела с тем, кто её вёз, стряпки тут же ели. На кровать пирог положат и с неё едят» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Пуховая сваха привозит бельё. Не крёстная, а пуховая, та, которая заведует всем приданным твоей молодухи. Она молодых отправит венчаться, лошадь возьмёт, там всё свезёт, ей покажут там, где-ка это место молодым. Она коечку и заправит» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Как сваха приедет, всё вытащит, уложит на этих сундуках-то. Вот постелили, пирог с собой, хлеб, вино, сидят, едят, пьют у жениха-то» (д. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Пирог едят на постели пуховая сваха, стряпки, которые помогали стряпать, конюх — муж свахи пуховой. Пирог обязательно надо весь съесть» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Пухова сваха постель вывозит и рыбный пирог. Ставит его на постель, и кто стлался, едят: сваха и кучер» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Постель молодым пуховая сваха готовила, отдельная комната была, как приготовит, в комнату уж никого не пускает. Закрывала её, пока молодые спать не приходили» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

В церковь свадебный поезд следовал без остановок, молодые и их сопровождающие старались предугадать будущее по встретившимся на их пути людям, предметам, пробегающему мимо зверью. «Как нас отправили, мы уж нигде не останавливались. Мы дак вот ехали, и вот подо мной лошадь обступилась, это уж к неладному» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Кошка встречу попала чёрная, говорят: «Несчастливая, не проживу». Если собака встречу — хвалили. Если пара попалась людей — тоже хвалят, а как один человек попал, да особо если пожилая женщина, то плохая жизнь будет» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Случалось и такое, что колдуны скрадывали дорогу, воровали её. Лошадь доедет до того места и никак не идёт. Говорят: «О, дорогу закрыли колдуны, лошадь никак не идёт». Ну, встанут тогда, дружка встанет, лошадь гладит: «Да что ты, Бог с нами». А колдуны-то тут рядышком, смотрят. Дружка возьмёт да и бросит куда-нибудь там скоко-то копеек, в сторону бросит, через дорогу-то. Колдун пропустит, а сам возьмёт да и пойдёт, подберёт. А иной раз вовсе и не колдуны дорогу-то закрывали. Вот поехала я венчаться, у нас была дружки лошадь, со свахами с невестой лошадь, там ещё была лошадь с женихом, да с тысяцким была лошадь, да парами ещё была, да с колокольчиками. Дорогу закладывали, возьмут мужики молодые, выпить-то охота, повалят дерево или приволокут, чтобы проехать нельзя было — выкупай невесту-то.

А дружка выкупает, а дружка-то знает это, у него деньги или бутылка. Он встаёт, пойдёт с ними договариваться: «Нет у меня ничего». — «Ничё мы не знаем, девка хорошая, мы вам даром её не отдадим». Дружка тогда достаёт деньги ли вино, они дорогу разделяют: «Пожалуйста, проезжайте» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Судя по полевым материалам, молодые могли следовать в церковь разными дорогами, причём каждый из них к венцу ехал из своего дома. «В церкву едут отдельно. Невесту в церкву из своего дома везут, жениха — из своего. К церкви подъехали, там уже встречаются и песни поют «Передаём мы молоду княжну с рук на руки». Под песню-то в церкву заходят вместе» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «В церкву приедут, сразу заходят, невеста и жених молчат, с невестой крёстна, а там тысяцкой да свахи. А родители невесты остаются дома. Дружки за лошадьми смотрят. В церкву пришли, молодых раздели, у невесты на голове-то большой платок был, ну, свахи да крёстны снимают всё. В церкви молодых куда поставили, там и стоят, в царские ворота водили, потом уже на их кольца одели. В церкву-то едут, кольца в кармане держат, потом их батюшке отдадут, он посвятит их и тогда только оденет, обвенчает. На указательном пальце носят венчальное, его туда батюшка одевает, на среднем носит вдовая, а на безымянном носит девушка» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Когда к церкви-то приедут, крёстна-то, сваха, возле невесты стоит, а там тысяцкой, крестный у него стоит. А когда по два человека: две свахи, два этих. Одна крёстна, а одна-то от отца или от матери сестра там. Женатые, не холостые стояли. И то свахи, и эти свахи» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О. С., 1918 г. р.). «Поп-то в церкви скажет: «Ты чего замуж-то идешь, по худу рожу да по большое брюхо?» — «Люблю его» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Вот если невеста под вуалем в церкви, это значит, она честная, а если она только под цветочками, то батюшка понимает, что она уже женщина. Он ведь даже о покойнице и то спрашивает: «Как её отпевать?» Он учитывает это» (п. Орёл, зап. от Саврасовой З.Н., 1924 г. р.). «Девка в библию ленту положит обязательно, если достойная была» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.А.). «Девичью красоту везут в церковь, и она в Евангелии остается, а потом через некоторое время её, видимо, выкупают, у нас вот она у мамы в иконе была, и эти свечи ещё, которыми венчались. Свечи-то были связаны этой лентой. Так и хранила их всю жизнь» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Во время венчания внимательно следили, чтобы венцы на голове ровно лежали («чтобы ровно жить»), по румянцу на лице, свечению венцов, горению свечей судили о будущем благополучии супругов. Чья венчальная свеча сгорит быстрее, у того и жизнь короче станет (п. Орёл, зап. от Заезжай А.П., 1921 г. р.). «Дружка говорил мне, что когда венцы надели, дак ты вся разгорелась, такое лицо у тебя, а у жениха синее-синее. Война. Не война, дак, может, живой бы был. Внук женился в Соликамске, дак невеста розовая была, а он тоже синий-синий — недолго и жил» (д. Володино). «В церкви на молодых ещё венцы оденут, глубоки-те шапки» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «До войны-то еще венчали, так вот венцы-то одевали обязатель-

но. И ещё примечали, которой паре жить, если жених вперёд умрет, на нем венцы-то огнём огнят, и потом раз — и темные. Сразу гаснет, никакого света нет уже» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Цветы у невесты были, она их просила у кого-нибудь, потом сама другой невесте передавала» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.). «Платье у невесты белое, цветы, уваль на загривок. Цветы восковые налажены: и синие, и красные, и розовые — всякие. Если батюшка будет одевать венцы в церкви, он у невесты всё это может снять, а потом, как поедут они обратно, опять цветы одевают, потом подшальник черный сверху оденут, если зима, да ещё большую шаль, а летом шелковый подшальник. К жениху невеста ещё едет с распущенными волосами» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Вот из церкви поехали, на первой лошади оба дружки, потом жених с невестой, их садят ко его и её крёстным на колени» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Обратно из церкви поехали, невеста садится к жениху на колени. Из церкви сразу к жениху ехали. Невеста едет в большой шубе из овчины, сверху сукном крыта, в шале, в валенках, молчит. Я когда поехала к венцу, крёстна и говорит: «Ты уж, Павла, ничё не говори жениху-то по дороге домой-то, если будешь говорить вперёд, будешь ему всю жизнь кориться. Пускай он тебе корится, хоть и говорят, жена мужу подчиняется». Ну, и вот, обратно еду, сижую, помалкиваю. Жених-то тоже молчит, у него ведь тоже крёстный наказывал, кто, мол, вперёд заговорит, тот всю жизнь кориться будет. Как только сели, дружка отдаёт жениху пряники, а жених на колени невесте пряники-то кладёт: пряники такие беленькие, с красными поясочками, как лодочка. Потом сказали: «Чё-то молодые у нас едут, а ничё не говорят»? Мне Степан-то тогда и говорит: «Павла Андреевна, ведь кушать хотите, я вот пряников купил, поешьте, пожалуйста». Я пощупала — пряников полно, я взяла в рот — мятные, хорошие» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «У невесты мать пирог из рыбы сделает, пошлёт его к венцу в церковь. Они обвенчаются, а как поедут домой, тут его и съедят вместе» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Приезжий стол

«Молодых встречают родители жениха, обсыпают их зерном, хмелем, траву под ноги кидают. Это чтобы жили в достатке — зерно-то. Невеста в дом жениха входит, пятой о порог стучит, это обязательно, чтобы хозяйкой в доме быть, и просит разрешения у домового: «Суседушко-братанушко, я хозяйка пришла, прошу меня любить и жаловать, поить меня и кормить и в обиду не давать. Суседушко-братанушко, прости меня, как я тебя привечаю, так и ты меня привечай». Потом уже невеста со всеми поздоровается. А как в дом-то заходят, молодые за платочек держатся» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.). Когда заходили в дом, нужно было невесте ударить правой пяткой о порог, чтобы впредь чувствовать себя свободной (п. Орёл). «Мне дядя, отца брат, сказал: «Когда в дом заходишь после венца, ступай всегда правой ногой и сильно стукни, потом говори, что, мол, в доме хозяйка! Такой должен быть

присказ». И точно — я была хозяйка, а не дед» (д. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). Когда невеста заходит в дом жениха, должна смотреть на потолок и считать половицы, чтобы жить и не бояться и чтобы невесты никто не боялся. Невесте нельзя перешагивать порог, обязательно надо постоять на нем (д. Разим). «Крёстна наказывала невесте: «Будешь заходить в дом к жениху, говори: «Не вы в доме хозяева — я буду хозяйка. Не я вас буду бояться — вы меня будете бояться». Это тихонько надо говорить, жених ведь рядом» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «Невеста на первую ступеньку встала и говорит: «Приехала хозяйка дому, *строшных* вон» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.). Невеста к жениху в дом входит, пятками о порог стучит: «О, я хозяйка в доме» (д. Мыслы), тут же целуется со свекровью, чтоб «верней» жить (с. Романово).

Обязательной процедурой встречи молодых в доме жениха было благословление молодых. Порядок ритуала был таков же, что и благословление в доме невесты, с той лишь разницей, что новоиспечённых супругов заставляли кусать каравай, которым и благословляли каждого из них. По откусанным кускам хлеба судили о предрасположенности молодых к работе, к семейному достатку, о характере будущих взаимоотношений между супругами.

«Свадьба в дом заехала к жениху, двери сразу закрывают с подворотней. Крестный раздевает невесту. Как к венцу-то ехать, тут крёстная мать девушку одевает, а крёстный жениха раздевает, у жениха-то» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «Тут уже благословляют молодых. Они головы друг к другу склоняют, их иконой колотят крест-накрест. Икону держат не голой рукой, она в лопоть завёрнута» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой З.Е., 1929 г. р.). «Молодых в сенях встречают мать и отец с хлебом-солью. Тут же благословляют молодых: иконой стучают, хлебом колотят. Обоих благословляют. Оба наклонятся, и обоих стучают. На колени встанут, к ногам родителей наклоняются, и их тут благословляют. Сначала иконой колотят три раза, а потом ребром хлеба» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Родители жениха середь полу стоят. Сначала папа его, потом мама на ковре стояли, благословляли нас. Мы к им в ноги падаем. Нас благословляют иконой и хлебом. Мы стоим, склонили головы-те, они иконой стучают» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Вот нас благословляли, головы сделали вместе, и иконой так крест-накрест: «Будьте счастливы», — обоих сразу, икону поставили и сказали: «Эта будет ваша» (п. Орёл, зап. от Бабушкиной А.И.). «Нам каравай разломали, сложили его и в месте разлома заставили выкусить (и меня, и моего жениха). Много кусить, дак много жить, он тебя пуще будет любить. «Ты выкуси больше, чтобы он тебя любил, если он больше, ты его пуще любить будешь». Потом этот хлеб отдают жениху и невесте, чтобы они его ели (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Велят разламывать хлеб и кусать обе половины. Разломают хлеб и опять сложат, и велят жениху, потом невесте кусать в этом же месте» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Молодушке дают хлеб кусать, если молодущка здорово работать будет, то от хлеба откусит очень много, ленивая мало откусит. Остальным-то вина подают» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

«Мать поцелуются с невестой, а потом она ломает каравай прямо над головой и дает исть, сначала жениху, потом невесте» (с. Романово). «Молодых встречают хлебом на полотенце, *ерушник* (круглый хлеб, обычно из ячменной муки) разломают, чтобы оба куса закусить, чтобы богато жили» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.) «Благословляли молодых ерушником, стукали им по головам, а потом этот ерушник заставляли исть. Тот, кто больше откусит, тот хорошо жить будет» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«А там уж вина подадут. Мать с отцом стоят, один с подносом, другой с хлебом, на подносе стоят рюмка, стакан, хлеб и соль: «Отведайте, молодые». Вперед глотат жених, потом невеста, жена-то как курица, сначала из рюмки, потом из стакана, всё поочереды» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). В деревне Поселье молодых перед благословлением на подклете заставляли съесть рыбный пирог. «Свекровка пирог рыбный состряпат. Когда молодых привезут, их сразу ведут на подклет, туто около постели столик есть, молодых сперва накормят. Пирог стоит рыбный. Как приехали, жениха с невестой ведут, где они будут спать, туто столик есть, там уже пирог рыбный стоит, пирог этот им велят съесть: «Давайте закусите рыбного пирога, чтобы наелись досыта», — они пирог разрежут и тут на постели-то его едят, а потом ведут молодуху окручать» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Сразу после благословления молодых совершали обряд окрученья, так в местной традиции называли ритуальное заплетание волос девушки в две косы. «К нему приехали, народу-то в три ряда, ребята на полатах лежат. Вот сколько пришли невесту-то смотреть. Тут кричат: «Что сперва — невестой казать или сразу окручать?» — «Нет, нам невестой покажите». Тут меня завели сначала невестой. Миша за руку волок, столько народа. Вот ведь и говорят: «На человека три раза идут смотреть: когда родился, когда свадьба, когда помер» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Молодых заводят в дом, они встают за стол, сваха невесту берёт и уводит её на кухню за платочек. На кухне ей заплетёт косы» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Домой-то приехали, постояли посередь полу по-за матице, а крёсна разболокает их обоих, снимает всю одежду, потом невесту уведут в куть, окручивать как. Тут веночек снимает в кути-то, там ведь цветы налажены были (из бумаги их делают: розовой, зелёной, лиловой — густо так сделают), снимут и косынку черную наденут, сборники были, сборник наладят, сетку навяжут. Веночек на кухне остается, его к другой свадьбе припасают. Невеста ленточку золовке дарит, прямо на кухне, как окрутили, так и подарила. А если нет золовки, то эту ленточку в церкву отдают. Невесту-то окручивает женихова крёсна и ее крёсна, каждая по косе заплетут. На второй-то день молодушка в сборнике, а сверху косынку одевают черную. Вот ещё у старух самшуру с бисером видала» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «С распущенными волосами ведь к жениху невеста приехала, меня сразу на кухню, там заплели две косы» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Если девка плетёт ещё незамужняя, коса трёхплётка, она наверх перекидывает волосы, а жената уже по-другому плетёт, когда замуж выйдет, плетёть уже по-другому, плетёть снизу закидыват, и бабы так до сих

пор делают, на обратном пути коса-то. А когда хоронят, косы расплетают вообще, платок только одевают на голову, кос вообще не плетут. Когда замуж выдают, две косы делают, две ленточки, потом круг головы уложат косы-то, концы назад сделают, платок наденут, потом ещё другой платок оденут» (с. В.-Кондас, зап. от Симоновой Е.А., 1951 г. р.). «В доме жениха косы невесте плетут книзу — всё, она уже молодушка» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Привезли от венца, посадили невесту и начали окручать, вот это косу-то свахи и плетут, от жениха сваха и от невесты. Они не соревнуются, так разделят, окручат, косинку наденут. Пока косу-то плетут, жених стоит, смотрит на невесту» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Косу станут плести, невестина сваха и женихова. Шагать должны равномерно, чтобы одинаково косы были плетены. Кто если быстрее, так потом плохо будут жить. Надо, чтобы равномерно плели, чтобы одинаково было в жизни. Когда косы плетут невесте, примечают, если женихова вперёд заплетёт, то невеста парней носить будет, невестина сваха вперёд — молодушка девок принесёт» (с. Романово). «У невесты-то в доме жениха женихова крестна одну косу невесте плетёт, а другая крестна — другую. Если крестна вперед заплетёт, то будут мальчики, невестина мать ли крестна вперед заплетет — будут девочки. Там свекровка принесёт *кукосник* (кокошник). Потом его оденут, у нас уж так не делали, черную косынку трёхконечную только оденут. Девка-то все это время на кухне сидит, потом как окрутили, сразу моршень одели, косынку черную подвяжут» (д. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

«Невеста с распущенными волосами к жениху уезжает, а там у жениха хрёстная его заплетёт две косы, а её хрёстная косы уже не плетёт. Его хрёстная одевает платок, окручивает» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Женихова крёстная заплетёт невесте две косы, её крестная невесту уже не касается. Заплетёт, оденет платок — как окручивает» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Торопятся, которая вперед заплетёт. Если сваха женихова заплетёт, то молодуха должна рожать мальчиков, а если невестина, то первая должна родиться дочь. Косы запутывают, как бабы делают» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Ленточки развязаны, волосы разделены: моя хрёстна косу плетёт, его крёстна косу плетёт, и смотрят, которая вперед. Тамо кричат: «Чтобы она парня родила, женихова крёстна, веди скорей». Косы сделали, косынку надели, так-то у меня шарф розовый был, длинный, бантами вязали, а у жениха косынку одели» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И, 1921 г. р.). «Две свахи плетут косы-те: одна сваха жениха, другая невесты. Обе свахи стараются быстрее плести. Сваха, которая быстрее заплетёт, той дитя будет в доме указывать. Потом невесту обряжают, как обрядили, так она всю жизнь и должна ходить. Больше старались наколку и черную шелкову косынку одевать» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«На кухне невесте цветы снимали, две косы плетут, потом косынка была черная вязаная, ее одевают и к жениху за стол. Косынку-то на бумагу пристёгивают. Косынки сеткой связаны, густо. Ещё тут же сборник одевали. Перво сборник, потом косынку» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Косынку черную вечером на свадьбе одевали, ее потом хранили. Свахи-то тоже в косынках стоят черных» (д. Загигга, зап.

от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Нас в куть завели, свахи меня разболкли, все прибрали, посадили волосы окручать. Окручать-то стали крёсна моя и женихова сваха — одна косу одну плетёт, другая — другую. Невеста наклонится себе на колени, сидит, бабы плетут и песню поют «Во поле, поле зелена ель стоит». Ещё бабы-то кто-нибудь да поют «Во вечерошное время». Потом приходит ко мне свекровка, приносит косынку. Плели-то прямо в комнате, на глазах у всех, а гости разболкуются, сядут за стол, смотрят. Жених с тысяцким стоят за столом, а девку посадили на переднюю лавку. Все видят, а невеста кланяется, свахи плетут, им помогают. Косынку-то свекровка принесёт. Ей невеста в ноги упадёт. Она принесла и говорит: «Тебя благословляю, милая дочь». Я встала, перекрестилась, в ноги пала, поцеловала её, крёстну, и отдала косынку-то. Косынку-то, куда на вечер пойдёт баба с мужиком-то, оденет, ее завязывали на затылке и на плечах, так она свисала. Вот Троица или чё, кругом играем или пойдём куда, молодушка свекровку косынку черную одевает. Если на вечер баба с мужиком пойдёт, косынку одевает как молодушка. Если косынка шелковая, кокуру наделает. Косынка завязывается на затылке и так на плешь распускается. Девки-то не ходят в платках. Заплели, косынку одели, наколку — шамшура такая, проклятая, жених тут вышел из-за стола обратно, меня завёл, поставил за стол, чтобы люди посмотрели» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Во поле, поле зеленая ель стоит,
Под елью, елью там Андреевна сидит.
Да вот понравился ей свет Степан да Демитрович.
— Я взойду, Павла, ко тебе, да я взойду, сива, ко тебе,
Разделю косу я да трубчату твою,
Да разделю косу я да трубчату.
Во вчерашно-то время мне-ко мамонька плела,
А в теперошно-то время мне-ко свашеньки плетут
Да во две косы да с косоплётинками.

(д. Поселье, зап. от Елькной П.А., 1908 г. р.).

«Заплели, кокуру (уложенные в пучок волосы на макушке) забили, всё сделали. И мне наказали, как зайдёшь, за стол встанешь, пуще гляди, оглядывай все сразу, так обживёшься быстрее» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Жених придет на кухню, заберёт за платочек и выведет ко столу» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Невесту переоболкуют, выведут, жениха тут приведут, и в зеркало их заставляют смотреться: «Кого видишь? — спрашивают. — Как звать, величать»? Жених назовёт имя невесты. Она опять имя жениха должна называть» (д. Монино, зап. от Мониной А. М., 1910 г. р.). «Когда посмотрят невесту в доме жениха, посторонним отказывают, начинают столовать, скажут: «Званы — по местам, а незваны — по домам» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Ведро квасу, ведро пива, ведро самогону всем, кто свадьбу смотрел, отец вынес и подал. Тут смотрельщики-то все уйдут, а остальных будут кормить» (д. Трезубы, зап. от Леонтьева И.В., 1937 г. р.)

«За столом у жениха мясо жареное, варёное, рыба жареная, квас» (с. В.-Кондас, зап. от Сивцевой Т.И., 1925 г. р.). «Свекровке нужно перевысить, так не три ествы не сёт — ставит всё, что есть» (д. Зыряны, зап. от Ужеговой Т.Е., 1930 г. р.) «Тут холодец, хворост — розанец принесут, поросёнка, гуся принесут» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «На свадьбу-то ещё рыбу запекали, так голову-то наружу из пирога выставляли, а вот на кашу-то когда шли, обязательно приходили те, кто на свадьбе гулял, пирожком попроведать, вот там уже три рыбы пекли в пироге, одна рыба с головой и две без головы, это делали обязательно, чтобы голова родилась» (с. В.-Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.). «На свадьбу курники делали, пекли. Это пироги грибные. Когда в печь садили, дырки ещё делали, достанут, из них пар. А называли так грибы, они ведь по вкусу-то как мясо куриное» (с. Берёзовка, зап. от Сидорова В.Ф.).

Вся еда до начала обеда закрыта полотенцами, когда садятся за стол, полотенца убирают (д. Загизга). «Вот сели и стали исть, пить. Молодые садятся, им куклу из соломы и тряпок сделают, её и подадут, водиться как. Молодые куклу рядом с собой поставят в переднем углу, у иконы-то. Сидят они не на голом, чтобы богато жить. Когда они сидят за столом, на ноги ступают ещё друг другу, первый-то жених ступает, чтобы его воля была. Ещё локоточком придавливают, кто вперед локоть сделает, того воля и будет» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

«Вот все собрались, на стол-то стали носить, носить и исть. Едят молодые с одной вилки, жених кормит невесту. И тарелка у них одна, и стакан. Сидят они на коврике или одеяле» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Жених с невестой пьют из одной рюмки, едят из одной тарелки, но вилка-ложка уже у каждого своя» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Тут ложками ничего не едят, у жениха-то, только вилками всё: рыба жареная, да рыба солоная, да колбаса» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Начала да письни петь
Да веселье заводить.
Да где сударушка сидит,
Да где сударушка сидит
Да на меня верно глядит?
Полюби-ко, друг, меня,
Да буду слушать я тебя.
Ты куда меня нарядишь,
Я туда млада пойду.
На работушку нарядишь —
Работать не могу,
Работать не могу
Да гулять с миленьким пойду.
На угоре-косогоре
Да там робят толпа,
Девок выставка.

Я кого раньше любила,
Того высмотрела,
Того высватала.
Парень в Томском жил
Да в Красносельском служил,
Парень всё ко мне ходил,
Да парень всё вино носил.
Да согласилась вино пить
Да худу славушку терпеть
По всему селу да по широкому.
Про то все люди узнали
Да отцу-матери сказали,
Они начали журить,
Да они начали бранить.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Из-за леса, из-за гор
Как бежал дядя Егор.
Он на сивой на телеге,
На скрипучей лошаде,
Сапоги наростопашку,
На босу ногу пальто,
Топорищем опоясан,
Пояс за топор заткнул.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Где был сокол, где соколенка была,
Где был Иван, где была Марья?
Раньше они жили за бережком,
Нынче они за одним столом.
Пьют они, едят, забавляются,
Молодой Марьей похваляются.
Это честь-хвала на чужой стороне,
Чужа чужевничка у Ивана-молодца.

(с. Березовка, зап. от Бухариновой Т.А., 1898 г. р.).

Во время свадебного пира приезжали родители невесты. Собравшись все вместе, свадебжане начинали процедуру вождения ко стакану, символически закрепляя установившуюся связь между двумя родами. «Родители, родственники, невестины гости к жениху-то идут, их тоже встречают на крыльце, как и у невесты встречали гостей» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Родители невесты приедут только тогда, когда уже невесте косу заплетут в две. У меня по папу с мамой отдельно лошадь уходила» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Родители невесты привезут ящик: постелю, одеяло, подушки, простыней не было» (д. Кокшары, зап. от

Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «Невеста ещё должна прийти в дом и принести своё приданое, застелить своё бельё, повесить свои занавески, на кухне должна быть её посуда» (п. Орёл, зап. от Кылосовой Е.Ф., 1932 г. р.). «Из церкви приехали, там уж у жениха всё богатство повешано, шторы, занавески повешены, подклет налажен. Это всё пуховые свахи сделали» (д. Мыслы, зап. от Шварёвой М.М.).

Приехавших родителей невесты усаживали за стол. «На свадьбе розанцев надевали, на стол выставили. Первые дни не едят их ещё, только в саму свадьбу. На вилку нанизывают и начинают знакомиться за столом. Вот вилочку с розанцем передают другому кому и называют своё имя. Опосля уже друг друга сватами называют» (с. Берёзовка, зап. от Кошечевой М.И., 1936 г. р.).

«На свадьбе пуховая сваха берегла постель молодых, дружки отвечали за исход свадьбы» (п. Орёл, зап. от Гуляева Г.И., 1935 г. р.). «Дружки охраняют постель, чтобы не было подложено шерсти собачьей и кошачьей» (д. Вогулка, зап. от Половниковой П.А.). «Иной раз собачью и кошачью шерсть специально завязывали и в постель кидали молодым, чтобы жили плохо. Вот дружки-то постель и караулят, всё смотрят, чтобы шерсть не подкинули» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.А.). «Имение уже здесь невесты привезённое. У мужа уже заправлена кровать, все честь по чести. Уже смотрят, что привезла невеста, большой или маленький ящик» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Перед отправлением молодых на брачную постель начинали водить ко стакану. «Тут невесту за брагой посылают, всех ведь угостить надо. В подвале брага, така кадочка, невеста там зайдёт, и заставят её мешать. Одежда-то свадебная хорошая. Она будет мешать, черпать, а дружки-то придут, за руку-то её ухватят, да в брагу окунут, иной раз по пояс всю измочат» (с. Романово). «В брагу-то, кою мешают, ещё тенёта соберут с углов в подполе и бросят, так и мешают невесте» (д. Кекур). «Потом уж молодые за столом сидят с вином, к ним подходят все гости и кладут им на подклет. Это деньги на поднос за выпитое вино. Молодые сидят, а на подносе пара кружек, и к ним парами подходят» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). Ко стакану водили парами: мать с отцом, брата с женой. Молодые держали на подносе стакан пива и стакан вина, кого в песне навеличивали, тот подходил ко стаканам, пил и благодарил новобрачных.

Зайду ли я, зайду ли я
Зайду ли я, зайду ли я
На три города.
Посмотрю ли я, посмотрю ли я,
Кто тут пьёт.
Тятенька, пей, мамонька, пей,
Да меня не пропей.
Пей-пропивай, пей-пропивай
Да ты рубашку с себя.
Ты её пропьёшь, ты её пропьёшь
Да и выкупишь.
Ты меня пропьёшь, ты меня пропьёшь

И не выкупишь.
Выкупит не выкупит, выкупит не выкупит
Иван-молодец,
Выручит не выручит, выручит не выручит
Иванович.

(д. Монино, зап от Мониной А.М., 1910 г.р.).

«Дарили разное. Вот нам свёкр говорит: «Я вам дом благословляю» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). В деревне Трезубы расподача вина начиналась с распечатывания рыбного пирога. «Отец невесты выносил рыбный пирог на стол, пирог распечатывал, тогда начинали ко стакану ходить. Там тоже подавали, брагу, самогон, ко стаканам подходили парами. Подходили к подносу, а на подносе стоит четыре стакана: два с самогоном, два с брагой. «Пузыряно-то мать наливает. Пары сами подходят. Сначала родственники жениха, а родственники невесты здесь не подходят» (д. Трезубы, зап. от Леонтьева И.В., 1937 г. р.). «Когда невесту окрутят, за стол поставят у жениха, тогда и ко стакану водят. Там такой поднос, на него поставят брагу в кружке, пиво в стакане, стопку вина, вот и парами водить начинают. Жених и невеста держат поднос, а тысячко наливает в стаканы-то, а потом двое подойдут, три раза поклонятся, берут, пьют из одного стакана, делят вино, пиво, брагу. Первое вино, потом пиво, и последнее брагу берут с подноса-то. Вот мы бы сейчас с тобой жили вместе, вместе бы пошли. Молодые бы сказали: «Идите ко стакану». Мы бы пошли, три раза поклонились, и они тоже кланялись. Выпьют и говорят: «Тебе в первую ночь сына да дочь». Выпьют, поставят, а если всё не выпьют, жених поднос отнесет, чтобы выпили всё до доньшка. Ко стакану сходят, может быть, пар десять» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.). «Молодых ещё тут поздравляют, слова говорят: «Ура! Выпить рюмочку пора» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.):

Ура! Ура! Выпить рюмочку нам пора!
Ура! Ура! Выпить рюмочку нам пора!
А рюмочка Христова. Она откуда?
— Из Ростова.
Паспорта у нее нема,
Вот тебе будет и тюрьма.
Нет, ещё не всё.
Ещё пожелать вам немного осталось,
Чтобы в год у вас по ребёнку рождалось,
Будьте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому до хаты.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Ко стакану отводили, все гости садились за стол, в это время девушки пели жениху и невесте:

Русы волосы на плечиках лежат,
Добру молодцу жениться велят:

— Ты женись-женись, удалой.
У тебя невеста выросла,
Всё придано наготовлено,
Под коленочком задавлено,
Золотым замком заперто.

(д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

«Как наедятся, тогда уж спать валят молодых-то, а сами гуляют» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Стряпухи жениховы скажут: «Хватит молодым за столом-то, надо их на подклет вести, завтра молодушку мы рано разбудим, стряпать ей надо, а ты, Михаил, будешь пить готовить, подавать, угощать будешь. Не всё за вас будем готовить, и вы будете. Идите, ложитесь». Тут моя крёстная и его крёстная, его тысяцкий и мой тысяцкий нас и повели» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Пирог из рыбы, когда на подклет поведут, подают молодым. Поведут, тут гостям подают выпить, каждому. Молодые ещё сидят, а отец с матерью вино подают гостям, кому подали, тот денежку кладёт. Молодые слушают пожелания всякие: побольше детей. Потом молодых на подклет крестная провожает» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Перед подклетом к молодым подходят с красным вином на тарелочке, подают и наговаривают: «Живите долго, друг друга любите и уважайте» (п. Орёл). «Маленько посидели за столом-то, не дали нам попить, сразу спать увели на полати, на задни полати, за печь бросили. Валят на подклет-то крёстный да крёстна, за печь валят, на маленьки полати» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «На подклет ведёт крёстна, ведёт, ничего не говорит. Пуховая сваха бывает, которая постелю готовит, она и ведёт молодых-то, и крёстна ведёт» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «На подклет водили все свадебжане» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.); на подклет молодых провожает тысяцкой, свахи с жениховой и невестиной стороны (д. Загизга); сестра и брат (или двоюродный брат) (п. Орёл); родители жениха (с. В. Кондас); дружка (с. Щекино).

«Привели нас, посадили на койку: «Раздевайтесь, снимайте все до рубашки». Тысяцкие с невесты все снимают, бабы платье невесте залупают. Раздели нас и велели встать вместе на ковёр, нам сказали: «Встаньте». Мы оба встали, дружки за руки, за ноги взяли и на постель повалили. Каково мне было голой-то — они ещё за ноги взялись. Его бросили, меня бросили, закрыли да ушли» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Сваха пришла, постелю расправила, всё, а жених с молодухи всё снимает, а там под низом у неё юбка да кофта, а сверху платье. Я жениха разувала, у его в каждом валенке деньги, это жених сам кладёт. Невеста будет его разувать, деньги-то из валенок себе возьмёт, на зиму как» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «На подклете невеста разувает жениха. У жениха-то в сапоге деньги, эти деньги она берёт себе. И жених тоже невесту раздевает. Он тоже у нее туфель снимает, у неё уже денег-то нет» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В. 1919 г. р.). «Когда на подклет привели, жена будет снимать сапоги мужу. Из сапог деньги повалятся, их уж невеста себе бе-

рёт, это её собственность, хочет себе возьмёт, а хочет — в церковь их снесёт, чтобы Господь давал им счастье» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«Положили нас обоих спать, он лёг к стенке, потом я легла, а крёсна-то: «Ты, Степан, положи её на руку да обними её. Вот так, держитесь давайте, вы ещё молодые, ничего не знаете, не понимаете». Крёсна ведь нас водила да там сваха, руку ещё нам так растянула крёсна, положила меня на руку. Ну, сваха-то и говорит: «Спокойной вам ночи, будьте здоровы». И уходит» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Дружка на постелю спать валил, жениху на ручку валил и говорил: «С первой ночки сына да дочку». Потом уходил» (д. Щекино). «Крёсна ещё скажет: «До меня утром не вставать, приду, разбужу сама, и тебя разбужу, и тебя» (г. Усолъе, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Первая брачная ночь была насыщена множеством магических действий продуцирующего характера, шуточных розыгрышей. «Молодым ещё на полатах снег в туеске принесут, поставят, чтобы, дескать, не протухли» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.). «Под подушку полено положат» (п. Орёл). «Я вот пряником с груди мужика покормила, чтобы крепче любил» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.) «В первую брачную ночь жена три раза перелезала через мужа и говорила: «Мне рожать, а тебе мучиться» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.).

Участники свадьбы в первую ночь ходили слушать молодых. «Старшая сестра у Миши-то со своим мужиком сколько-то была на кухне, а потом в другу избу пришли, на печку легли, караулили нас. Тамока сестра с Васей караулили: «Щас мы точно поймем: честная Катя-то, нет». Они нас и караулили. Они самые первые ночью соскочили, там еще гуляют, пляшут, а они уже всё: «Может, сейчас корчагу ломать?» — «Нет, не трогайте, пускай поспят» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Дружки тут послушают ещё. Придут, их спросят: «Чё де, шевелятся?» — «Шевелятся де», — скажут» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Если нечестная девка, дак, бывало, простынь марали специально. Утром ведь ходила крёстная проверять» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Три ночи молодые ночуют сами, и гости три ночи гуляют. Первая ночь — золотая ночь, и весь месяц золотой» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Пока молодые спят, гости гуляют, гармонист ещё тут играет, все пляшут. «Когда б имел золотые горы» поют» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Гостям поют. Самому богатому тут споют «Плавала чарочка в сладком меду». За деньги ведь раньше пели. Ну, например, хоть там большая сватья или сватки большие да семейные какие-нибудь, паре пели-то, это уж обязательно» (с. Берёзовка, зап. от Кошечевой М.М.). «Стол не убирается, день и ночь стоит. Убирай да ставь, знай, салаты готовь да мясо жарь» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Большой стол

Утром будить молодых могли только взрослые женщины — «девкам строгонастроено это запрещали» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Тысяцкой со свахой ходили, будили молодых» (д. Кокшары, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.); «Дружки с тысяцким колотятся про молодых-то» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С.,

1925 г. р.); будили молодых дружки (с. Романово); «Утром по молодых приходили две свахи» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.). «Крёстна подымает жениха с невестой и смотрит ещё бельё: «Вставайте давайте». Жених уже приготовляет платье другое одеть» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«Пришли будить нас, крестны в стороне стоят, а дружки-то: «Ну-ко, вставайте, голые лежат, мы исть хотим. Не уйдём, чё думаешь, ты первый? Давай вставай, пошли пироги стряпать. Мы тебя не спать привезли, давай вставай, сегодня твоя очередь. Вчера мы тебя угощали, сёдня ты давай стряпать будешь». Крёстна мне платье приготовила, меня посадили, и крёстна одела на меня платье-то» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Молодые лежат до тех пор, пока их не разбудят дружки. Зайдут, кричат: «Ну-ка, вставайте, молодые. Вчера за вами ухаживали, а теперь вы ухаживайте. Давай, Павла, одевайся так, чтобы не опачкать ничего». Тут крёстна прибежала, давай одевать невесту-то, и пуховая сваха тут, ключи-то у неё, у пуховой свахи, а одежда вся в ящике. Уже сундук достанут, давай одевать: «Давай, Павла, вставай. Ну-ко, чё, молодые, чё-ко сделали, нет? Какое платье тебе одеть?» — «Тёмненькое». Юбку да кофту одевали, платок, фартук ещё, платок, назад концами вяжет, чтобы волосы не вылетели, наладит причёску из косы в косу и пошла» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Молодую-то наутре уже в *сборник* (головной убор замужней в виде чепца) одевают» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

«Свекровка утром из ковша побрызгает на молодых раза три, мол, вставайте, хватит спать (п. Орёл). «Невеста ещё умоется, своим полотенцем вытрется и повешает его к умывальнику. Мужик тоже встал, гости все соскочили с постели» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Кои гости попили да ночью на диване уснули, им опять лица сажей измажут. Потом будят: «На каком вокзале сидите? Куда едете?» А те со сна ничего не понимают, не знают, что сажей-то измазаны. На свадьбу ведь вроде ехали» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Шутили на второй день, сажей всех измажут гостей-то» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«В другу-то избу молодых завели утром, сразу: «Стойте на пороге!» Мы на пороге оба остановились. Ну, его сразу спросили: «Стирал её?» — «Когда стирать-то буду? У вас то тот, то другой бегаёт — караулите нас. Ниче не стирал». — «А, не стирал?» Сразу передо мной корыто погано появилось. Меня в корыто, Мишу на меня, и поволокли нас на улицу. Зимой на сумёт выволокли, и очутилась я на ём: «Не всё же ты на ней будешь, и она на тебе будет». А мне-то опять уж стыдно. Иной раз водой окатят сразу же» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Если зима, дак в снег тащат, молодых купать надо. Летом водой обливали» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Гости поволокнут молодых в снег, надо, мол, их сёдне вымыть, они де поганые. А жених молодуху-то никак не даёт в обиду, пристаёт всё время за её, никуда не отпустит. Свадебжане навалятся да всё спровдают, в снег-то всё приволокнут» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Утром обливают водой, прямо на полатах дружка и тысяцкий ополаскивают молодых, чистоту наводят» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Свадебжане

молодых прямо с повити сдернут, а то прямо снегу принесут туесок, на полати-то» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «Изваляют нас в снегу. Домой идём, нас не пускают, вдвоем надо заходить. Как зашли, с полатей корчагу раз перед нами, все заорали: «Изломал, лопнуло твоё всё перед нами». Хоть бы худеньку нашли, а то новёхоньку. «Раз честная, не пожалеем и новую. Ломайте!» — кричат. Тут опять: «Ополоснуть вас надо», — хлобысь на нас ковш воды, ополоснули, тут мы уж идём, переодеваемся в другой комнате. Как приготовились, тут опять хлеба корове надо дать. Я пошла в хлев, говорю: «Матушка-коровушка, знай другу хозяйку». И овечек поила, и поросёнка, с утра это всё. Овечкам тоже хлебушка дала, поросёнку, куриц накормила» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«В избу-то зашли, свекровка говорит: «Бежи-ко, милая дочь, корову доить». Я подошла тогда к свекровке: «Мамонька, благослови меня корову подоить». Она благословила, дала мне подойницу, воды налила, хлебушко дала и тряпку (титьки вытирать, дойки-те), иди, мол, подой корову-то. Я пришла к корове: «Господи, благослови, скотинушка-матушка, знай мои руки». И сразу подоила. Пришла, а молоко уж свекровка процедила. Потом квашенку месила, её ещё накануне поставят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Если утром невеста прокараулит месить, дак гости-то прибегут, всю квашенку растащат, всех тестом измажут» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.). «Утром ещё с квашенкой бегают и квашенку мажут на гостей-то» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

«Вот печь затопят, да трубу-то закроют стеклом, чтобы дым-то не шёл. Посмотрят в трубу — вроде всё светло, не забита, а дым нейдёт, весь в избу. Дак жених должен догадаться да на крышу слазить, стекло-то убрать. Невеста мучается. «Не хухняй молодушку, хороший хлеб испекла, будет жить». Весь хлеб исковеркают, переломают и в масло толкают, едят» (д. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1928 г. р.). «Тесто месить заставляют невесту, стряпать пироги. Если умеет делать, сделает. Ещё шутили: «Неправильно пироги испекла. Тесто-то не то» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «Пироги стряпала, такие большие, мушные сочни, толстые, защипывали их. Я сочни соскала, тесто нащипала, печку соскребла, помелом замела. Хлеб садить начала, а тут меня один окараулил, я лопату-то взяла, а он толкнул, у меня пирог на пирог. Он мне и говорит: «Ты не обижайся, Андреевна, над вами сегодня будут всяко фигуряться, а ты не держи обиды-то». Хлеб достали: «Где пирог-то у тебя, молодушка? Как сами спали, так и пирог сделала нам». Взяли тогда этот пирог, свекровка принесла *лџточку* (глиняная миска) с маслом растопленным, в пироге сделали ямочку, этого масла туда наклали, стоят, мачут и говорят: «Ну и молодые, хорошие какие, сколько нам масла нагоняли за ночь, сколько сѣдне масла-то нажали, да какое вкусное». От пирога тут отщипывают, мачут в масло и едят. Хлеб пшеничный, мяконький» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Молодушку хлеб заставляли пекчи, а мужики — тысячкой да дружка — ерушники были на столе, дак они прямо руками ломают хлеб-то испекшийся да жениху приносят: «Смотри, молодушка-то у тебя хлеб-от какой пекёт». А это они сами нарощно ломают» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

«Молодуха хлеб достаёт, его разрежут на четыре части — косячками. Гость приходит, косячок хлеба берёт, в масло его опустит и ест: «Это столько масла сёдне нажали молодые-то» (д. Гунино, зап. от Норинной А., 1913 г. р.). «На кухне мне полотенцем накрытые пироги дали: «На, поднесёшь перво-то отцу, матери (свекру и свекровке)». Я поднесла пироги, открыла: «Ох, батюшки, кукла куклой, да ещё друг на дружке!» Пирог-то как мужик, второй как баба, да ещё со всеми причиндалами. Они разломали пироги-те, а там в голове конфетка зашпиlena, в брюхе мясо малёхочко. «Чё настряпает, то и есть будем, чем и угощает, то и кушать будем», — родители отвечают. Куда деваться уж имя тогда? Раз я всё настряпала. Потом уже пирогами угощала невеста всех гостей: парами подзывали к подносу, там пироги, тут вилка, рядом вилка. Гости подходят, берут, деньги оставляют, а иной гость пирог изломает: «О, Миша, ну у тебя и невеста, пирог-от худущий, изломанущий». Смеялись, позорили, чуть не до слёз меня доняли» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Молодушка со свекровкой неудачу-то вместе достают из печи, поставят тут на стол, потом наломают хлеб-от. Молодых среди полу посадили, впереди чуть матицы, перед ними табуретку поставили. Хлеб на тарелку наломали, перед ними масло поставили в чашке. «Ешьте неудачу-то, вместе ночевали дак», — говорит свекровка гостям. Хлеб-то удача, а свекровка говорит: «Ешьте неудачу», — как молодые вместе ночевали. Молоды-то пригаркивать там начнут большую родню сначала: тысяцкого, потом всех гостей, всех парами пригаркивают: «Иван Иванович, Мария Ивановна, ну вот, пожалуйста». Свекровка пригаркивает: «Ешьте неудачу». Молодые величают, сначала отца да мать невесты, потом крестну да крестного, больших сперва-то, потом остальных. Сначала все с невестинной стороны, потом уже с жениховой. Те подойдут, неудачи помачут, потом другие. И все денежку оставляют, потом желают молодым: «Будьте здоровы, живите богато. Дай Бог вам всего хорошего». Сначала отца, мать, потом крестну, крестного, там больших-то, потом всех остальных. Сначала невестиных гостей зовут, потом жениховых подзывают. Те молодым счастья желают» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

Желаю вам счастья,
Многих лет жизни.
Скоко на любве ступеньков,
Столько вам сынков.
Скоко на болоте кочек,
Столько вам дочек.
Живите счастливо.
Ты, муж, жену почитай,
Как на церкви главу,
А ты, жена, мужа —
Как свою подошву.
Желаю вам счастья!

(г. Усолье).

«Молодушка хлеб выпекает, его свадебжане должны спортить, там толкнут молодушку, когда она хлеб-то садит. А они вовсе и забыли, что им будут каравай портить» (д. Трезубы, зап. от Леонтьева И.В., 1937 г. р.). В ряде мест впрочем такого испытания невесты не было: «на второй день невеста ничего не делала, все напекут соседи, кто приглашен на свадьбу, принесут и говорят: «Это молодуха напекла». А если невесту не очень надо, принесут сырое, так и поставят, на смех выставят ее» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

«К неудаче опять придёт кто другой, на подносе сделает как ребёнка, принесёт: «Уа, уа, скорее, молодушка, где-ко ты? Подбирай ребёнка-то, за ночь-то ишь чё наделали». Молодым-то показывает. Из соломы сделают да тряпок, будто ребёнок, подвязали платком и одеялом завернули. Ну, я чё, взяла да растрепала, там опять рямки да чего» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Куклу ещё делали. Из тряпок вот накрутят, накрутят, принесут, прямо на стол положат: «Вот де, матушка, привыкай, давай, учись (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

«Перед столом-то ещё, пока не сели, тещу и мать должны свадебжана на руках качать. «Вот такую невесту вырастили, вот такого жениха подарили!» — и качать» (п. Орёл). «Потом после неудачи все за столы садятся. Родители ествы носят» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Кормят гостей утром уже молодые, сами на стол ставят, а мать и отец уже садятся за стол» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). В Кондасе на второй день свадьбы невеста выносила шестнадцать разных каш (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Обязательно на свадьбу рыбный пирог пекли. Супы не варили, жаркое делали, фрикадельки мясные, пельмени» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «На столах ложки положены, вилок нет, там ещё пироги положены нарезанные, а перед молодыми-то в тарелке целый пирог стоит» (с. Щекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Здесь же принесут жареного *ососка*, велят жениху голову ему разломать, поросёнок-то как живой стоит: «Вот умеешь голову-то расколотить, дак умеешь с бабой спать» (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.). «Три ествы принесут тут на столы, вот молодые посидят за столом, эти три ествы съедят, им-то скажут: «Ешьте досыта» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Обязательно наливали чай. Всем чай наливают: «С законным браком!» Подарочек положат. Дарить невеста начинает: отцу — рубашку, матери — кофту или юбку, или фартук, платок можно. Невеста на жениха рубашку наденет и подпояшет его сама, кушаком ли, поясом. Дальше родня начинает дарить друг друга» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). «Больше всего невеста отрезыв дарила, мужчинам — рубашки, свекрови — короткие рубашки» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.). «Свекровке невеста платье дарила, свекру — рубаху, сестрам — подшальники-платки» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.).

За столом, чаще всего и оповещали свадебжан о честности невесты. «Честность невесты выявляла крёстна, это крёстнина работа. Утром крёстна тебя спросит: «Ты честная или нечестная?» Ещё сходит, проверит постелю» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Тут приносили, показывали простынки после ночи, честная-

нечестная невеста-то была» (п. Орёл, зап. от Пономарёвой Л.А., 1947 г. р.). «Вот проштрафилась девка, дак заставляют с красной тряпкой по деревне ходить, потом ещё дёгтем мазали ворота. А то с тряпкой-то свекровка выходила» (п. Орёл).

«На стол блины принесут, поставят. Вот жених возьмёт, целый блин съест, значит, честная невеста досталась. Иной опять возьмёт, блин выкусит да ещё на шею кому оденет, все уже знают, что девка-то ему уже того, нечестная досталась» (с. Романово). «На невестину крёстну одевали хомут, если была нечестная дочь, а на крестного одевали седёлку» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «Утром муж красное вино выпьет, если девка была хорошая, а если нет, то белое выпьет» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Если девка честная была, молодой сразу, как подадут пива стакан, он выпивает его и об пол разбивал — всем понятно. Если честная, потом уже жених падает матери невесты в ноги: «Мама, ты меня благослови». И поднесёт ей подарочки, за честную-то, там платье ли, платочек. Падёшь ей в ноги и скажешь: «Это за честность». Это прямо на самой свадьбе» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Тут теща приносит поднос с двумя рюмочками и бутылкой. Если невеста честная, жених выпьет и разобьет рюмку, если нет, ставит обратно. Тут же к теще бросались, хватали её, бросали на сани и тащили до колодца или в баню, холодной водой мыли, чтобы следующую дочь сохраняла, а если честная, жених рюмку разбивал» (п. Орёл, зап. от Пономарёвой Л.А., 1947 г. р.).

Важной процедурой во время свадебного застолья являлось подношение молодыми супругами вина всем присутствующим на торжестве. Свадебжане деньгами и разными другими подарочками благодарили молодых, шутками да прибаутками наставляли на благополучную жизнь в супружестве.

«Вот молодые выходят из-за стола и пить подают, отец с матерью за стол садятся, у жениха тоже садятся и мать, и отец, а молодые-то и угощают на подносе вином гостей» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «На место жениха и невесты обязательно родителей невесты посадят. Это как угощать вином начнут. Им ещё скажут: «Вы это место оберегайте и оставляйте его только для молодых, а то скрадут» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Невесту заставляют ходить пить подавать, на лавки все садятся, она ходит, подаёт пить брагу, пиво там» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Если в обрученье угощают молодых, то утром в свадьбу уже молодушка угощает, ходит, значит, снарядится во фартучек, угощает, и молодой с ней рядом, на подносах приносят все, угощают» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Молодые всем вина подают: на подносе держат пива стакан, браги стакан, вина стакан. Ко всем гостям по очереди подходят, те опять из каждого стакана должны сделать по глотку или больше. Из одного стакана, потом из другого и третьего. И так все по очереди из одной посуды. Пьют да кричат: «Горько!» Молодые целуются тогда уже, доливают там и подходят к другому гостю. Они сначала с подносом к отцу, к матери подходят, потом к остальным гостям, чтобы всех обойти. Гость выпьет и опять: «Горько!» тогда молодых-то и бросают на постель, дружки-то и бросают. Невесту на кровать повалят да на неё жениха бросят, все дружки *придичивают*

(придичивать— дурачиться), учили их, как целоваться надо. Там кричат: «Целуйтесь». Дружки пить еще подавали всем сидячим гостям, те опять выпьют, кричат: «Горько!» Молодым опять целоваться надо. Пьяные придичивают, квашенкой тут же всех мажут» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.).

«На смех молодых-то поднимали: «Вот девка, а будешь старухой», — говорили старые бабы-то во второй день» (д. Кекур, зап. от Старковой Е.А.) «Угощаются вот которые свидетели-то, дак они так жениха обсмеяли: «Когда она рожать-то будет, она ведь дома родит-то, тебе надо будет убирать, она вся в крови будет, её надо мыть». — «Буду мыть». Над женихом посмеялись, потом над невестой начинают: «А ты чего думаешь, он тебя будет всё на руках носить? Целовать, думаешь, будет? Пьяный придёт, дак как ты его встретишь?» — «Да чё, обниму да поцелую». — «Он тебе треуха даст». Всяко наговаривают. Это уж когда приведут, там уж девок-то нет, никого не стесняются: «Ты, мол, с его штаны снимешь, вот помянёшь наши слова месяца через два». Мне так было стыдно, всех стесняешься, родителей там, а они все наговаривают. Над женихом опять шутят: «Чего берешь невесту-то, косу ей плести будешь, пеленки сам стирать будешь, водится будешь»? Он опять отвечает: «Все сделаю сам, только её возьму». Потом к невесте: «А ты чего, как?» — «Нет, ниче делать не буду, все жениху оставлю». А жених-то опять: «Нет, по воду сходишь, самовар поставишь, шаньги настряпашь». Спорят тут» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Пили, пили, кто-нинабудь стакан об пол: «Ух, лопнула она у молодухи» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Тут уж начиналось колотило: тарелки, блюда, горшки, деньги сыпали, а невеста начинала мести» (п. Орёл, зап. от Пономарёвой Л.А., 1947 г. р.). «Когда невеста пол метёт, деньги бросают, кто копейку, кто рубль: «О, Миша, женился, лентяйка у тебя, пол мести не умеет, ли-ко чё сору-то у ней». И деньги тут шур. Миша-то мой: «Ну, че сор-то я подмету, все сам уберу». Он деньги собирает, а я мету. Гости опять кидают деньги-то: «А посмотри, после тебя сору-то столько же, сколько и после неё, ты тоже такой же, как она» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Веники-то набруснуют, намусорят, потом будут деньги бросать. Пошли, в сени охапку принесли, всё разбросали по полу, потом пляшут, деньги бросают, а молодые их собирают» (с. Шекино, зап. от Сидоровой О.С., 1918 г. р.). «Деньги из кармана достанут, на пол бросят и кричат: «Ой, молодые, деньги нечаянно выпали, собирайте, Степан, Андреевна, собирайте скорее». А на полу ведь сено, голый пол-то не бывает. Невеста собирает, а кто прилетит, фёрнёт — невеста опять собирает в подол, мужик ей тоже помогает» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Если невеста была девчонка, тогда гости бросали корчагу на пол, а в ней были деньги, мелочь всякая. Дак мне все пальцы обступали — они ведь топают, пляшут по этой корчаге, а там мелочи в сено насыпалось. На потолок бумажные деньги приклеивали. Намочат и к потолку. Веником их сметать нужно было» (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). «Крёстный горшок кидает с деньгами, а невеста запон одевает и собирает эти деньги, а там же сено. Она метёт, а кто ей и мешает» (д. Мыслы, зап. от Шварёвой М.М.).

«Тётки в избу собрались, корчагу на печь взвалили и ходят, обливаются. В дырку брага текёт, потому что нечестная невеста-то была, вот специально дырку-то и сделали. А если честная, старую корчагу возьмут и прямо с печки корчагу-то и ломают» (д. Быстрая). «У жениха спрашивают, мол, какая тебе девка попала? Если честная, значит, горшок целый бьют или тарелку ли там, а если нечестная, край ломают у посудыны, выносят бить уже надломленный. Среди пола это бросают, а молодуху заставляют мести. Если она честная, жених её обороняет, не даёт уже свадебжанам ковырять обломками-то посуды её. А если нечестная, невесту ковыряют обломками-то, а он не защищает её, она метёт, а её обломками-то, острыми кусками-то ковыряют, тычут куда попало» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Наутро молодухе-то ж...пу копали. Денег насыплют, а тебя заставят тут мести. Невесту заставят собирать, а сами ковыряются, ну, всё для шуток. Она собирает, а её сзади схватят и шуруют, свадебжане-то, этими копают, от горшков маленькими осколками, на шутке всё это было» (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.). «Корчагу-то новую ломали, если девка честная была. Потом на черепках-то гости все плясали» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Невеста как переспала с женихом, тогда горшки бить начинают, а если нечестная — не бьют горшки» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Е., 1941 г. р.). «Корчаги ломали. По полу хряснут, а невесту заставляют собирать, она соберёт, а гости придут да ногами всё распинают, снова собирать надо. Это тысячкой разбивает» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Кто колотит, кто пляшет. Всё поют «Из-за лесу, из-за гор, как бежал дядя Егор». Это всё навыворот поют после ночи-то. Ещё пели: «Ах, Дуняша Вдовина» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Ай, Дуняша, ай, Дуняша,
Ай, Дуняша Вдовина,
Ай, Дуняша Вдовина,
Пойдём, Дуня, в огород, в огород,
Пойдём, Дуня, в огород, в огород,
Чесноку-луку полоть,
Чесноку-луку полоть.
— Чесноку-луку полола,
Пальчик выставила,
Пальчик выставила.
Я кого раньше любила,
Я кого раньше любила,
Того высмотрела.
На угоре-косогоре
Там ребят толпа,
Там ребят толпа
Да девок выставка.
Одна девица маленька
Да на личико беленька.

Она пляшет — рукой машет
Да удалому молодцу.
Да у удала молодца
Разгорались глаза,
Разгорелось лицо,
Разгорелось, раздолелось.
Не понравилось Дуняше:
Не представился
Ни попам, ни рекам,
Да не покаялся
Своему дружку да Пелагеюшку.
У Пелагеюшку да голова гладка,
Голова гладка, да как у выбл...дка.

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Заканчивались большие столы одариванием реки и катанием молодых по деревне на лошадях. Суть ритуалов заключалась в символическом приобщении новой супружеской пары к социуму, к окружающему миру. «Как отпляшут, невесту по воду заставляют идти. Она одна может идти, если знает где, если нет, мужик провожает, но вёдра всё она несёт, и она несёт с собой деньги, в воду бросает и говорит: «Матушка-речушка, пой, корми, чисто води» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Утром невеста к колодцу ходила: «Вода, вода, прими меня. Водичка, дай мне-ко чистенькой водички, возьми меня к себе, дай мне пожить» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «По воду невеста пойдёт у жениха-то, так деньги в колодец ли, реку ли бросит» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «В свадьбу невеста сама идёт по воду первый раз и деньги скоко-то берёт, мелочь, серебро, и как черпать будет, так в воду бросит мелочь-то, реку-то подарить ведь надо» (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

«На второй день свадьбы невесту ещё специально по воду пошлют, а жених должен следить, если он проследит, дак тогда её и воруют. Жених бегат на второй день, ищет её, выкупает» (д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., 1923 г. р.). «Жениха за водой отправят, а в это время невесту крадут. За невесту-то дружка отвечает. Его отвлекут, а в это время-то невесту выкрадут, жених придёт, а дружка проворонил. Они вместе ищут, а невеста-то тут среди гостей, только переряжена в другое платье. Найдёт её жених, его выкупать заставят её. Он чарочки подносит: «Всё, больше терять не буду, буду осторожней» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «После ночи молодых ведут по деревне. Отстоловали, дома надсмеялись, хлеба намакали, на речку молодых сводили, будто мыть, и говорят: «Надо молодых катать ехать по деревне». Тогда уже запрягли лошадь с колокольцами, пару. Молодому оболкли как невесту, снова надели цветы, шелковый подшальник, большущую шаль накиннули на плечи, на большую шубу. Поехали, тут крестна села, посадила невесту опять на колени, там ещё гость — баба сядет, где на углу люди стоят, свадьбу смотрят: «Вон молодую таскают,

невесту таскают». Стоят на переулках, смотрят, а невеста снимает шаль и кланяется: «Здравствуйте, здравствуйте». Едем дальше по деревне, невеста опять накинется, где опять стоят бабы на переулке, лошадь тише идёт, невеста опять скинет шаль и кланяется: «Здравствуйте». Сидя всё делает. Так раза два объедут, и домой. Домой привели, раздели, надо тут невесте уже управляться идти: вечером корову доить, поить, ужин готовить» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Пирожный стол, разъезжи пироги

«Третий день звали разъезжи пироги. Обязательно делали пироги: сочни небольшие наскут, тесто накладывают, вот и пироги разъезжи» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «В пирог не только мясо, соль, *печину* (кусок запеченной глины от печи) сделают и смотрят, чего попадёт. Если печина, печаль будет, соль, дак жить солоно будет молодым-то» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «После свадьбы-то всё хорошие пироги пекли, а тут тётка пришла и навставляла во пироги всякую ерунду, чтобы они смешные были (то морковь вставит, то яйцо воткнёт), пирог-то сам с ладонь, она их разломит, они с мясом, туда вставит всё, зашипнёт. Ты пирог берёшь, начинаешь есть, а он разламывается: «О-о» (п. Орёл).

В пирожный день основные ритуальные действия свадебжан были направлены уже не на жениха и невесту, а на их родственников, чаще всего родителей новожёнов. «Поедят пирогов-то, потом опять спросят: «Ну, чего, невеста, чего ты нам привезла? Давай нам своё придано». Тут свадебжане всё придано одевают и по деревне идут, показывают его. Вот кто-нибудь нарядятся женихом, невестой, идут, а мы (молодожены) дома остаемся» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Свадебжане всё богатство невесты на себя одевали, подвязывались да скатёрки носили, всем показывали» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Свадьба сундуки перебирала, смотрела всё на второй день, надевали на себя скатерти да чё, наденут и идут» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В. 1919 г. р.). «Гости, чё у невесты было наготовлено, всё на себя одевают: полотенца, скатерти, шторы, юбки — всё одевают и показывают всему селу. А свекровь одевает, что подарила ей невеста: платье, головной убор, сорочку, платок, повязывает на себя, на голову оденет, на шею. Всё свадебжане перешушают: хорошо ли, нет сделано, тонко ли нарядено. Это днём было, это назывались ряженые: рядятся в приданое невесты» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.). «Всё барахло, что было в моём сундуке: вещи, наволочки, скатерти, покрывала, — всё на себя одевали. Все приданое показывали по посёлку» (д. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). «По деревне ходили, снаряживались, приданое у невесты на себя одевали (там скатёрки, полотенца), бабы мужиками рядились, жениха с невестой снарядят, а молодые уже дома сидят, не ходят никуда» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «Ещё в солдат на свадьбу рядились. Где-ко шлем старинный найдут, шинель. Чеченом гость один был снаряжён, нос у него горбатый, очки. Это женщина была. Она меня в снег свалила: «Не всё тебе с русскими спать, поспи с чеченом» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

«На свадьбе наряжались, кто в женщину, кто в мужчину, потом ходили на реку, вся свадьба, там обливались, даже зимой ходили и тоже обливались. Чё есть у невесты, на себя одевают: полотенца там, скатерти» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «По деревне идут свадебжане, с собой несут пиво, вино, скачут, пляшут. Выкуп за невесту брали, *саранушное* (напиток-угощение для встретившихся свадьбе) трясут: деньги ли, выпить просят» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.).

Ключевым действием третьего дня можно считать обрядовое катание тёщи и свекрови по деревне на корыте, тележке или лодке. Обязательным атрибутом в этот день также были прялка, бидон с брагой или графин с вином, из которых свадебжане угощали встречных прохожих. «За столом посидят, по деревне ходить начнут. Все гуляют, а невесту с женихом оставляли дома. Свах с той и с другой стороны на санки садят, дружки волочат их. У невестиной матери специально куделька привязана, она едет, прядёт, сидит, мол, невеста не напряла вовремя, так мать сиди, пряди во время свадьбы. Дружки поджигают кудельку-то у неё. Гости всем подают, всех угощают» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Гости ходили по улице, плясали, встречали людей и угощали их краями» (п. Дедюхино, зап. от Устюговой З.С.). «Все по деревне идут, кого встретят, угощают, с чайником ведь шли, с бутылкой, с рюмкой. Ещё тут на санках свекровку катали, а я маленькая была, так помню: запрягут лошадь в лодку, такие маленькие лодки были, *бортнички*, так свекровку-то в этой лодке-то и катают, чтобы веселя было, куделю-то у свекровки зажгут, прядёт она, с пресницей едет» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.).

«Ещё свекровь в корыте везут, она прядёт, а ей кудель поджигают, хоть кто. Дружки везут-то» (д. Мыслы, зап. от Шварёвой М.М.). «Зимой свекровку везут на санках на реку: водой обливают да вениками парят, а если теперь, дак, уж этого нет» (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.). «Свекровку волочили в санках, она сидела, прядла куделю. Свахи наденут чё попало (невеста кому дарит чё), и идут по деревне, кто с пивом, кто с вином, а свекровку за собой в санках волочат, она прядёт, а промеж ног у неё бутылка, где останоятся, она рюмочку подаёт, и сватги ходят тоже с чайником, с пивом ли, брагой. Подают, ничё не говорят, а молодые в это время дома сидят, даже в окошко не глядят, нельзя смотреть има» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Тысяцкого запрягут, он тёщу везёт, а та прядёт» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Телегу на лодку поставят, в нее залезет тысяцкий с острогой. Свадебжане тащат телегу по деревне, тысяцкий острогой лучит пенья да коренья, как зацепит чего, поднимает, хвастает. Вся свадьба тут же останавливается, выпивает пиво, кричит: «Лёш попал, лёш попал!» (п. Орел). «Свекровку возили на санках, дадут ей куклу — она водится» (д. Зыряны). «Сваху в корыте возили. Сваха престницу под себя положит, сидит, кудельку тербит, а кто и прибежит, куделю зажжет. А то одна сваха прядёт, другая поджигает. Свадебжане ходят, под гармошку песни поют» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Свекровь возят по селу на санках зимой, летом на носилках носят, когда в тележке; свекровь, когда на носилках несут, она всех, кто встречается по дороге, брагой угощает. У неё тут бутылочка с водкой и туеса. Она едет и всех, кто встречается по пути,

угощает, когда два, когда три раза подаст. А невеста с женихом дома остаются, не ходят по деревне» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.). «А мать мою и свекровку возили на коляске-тележке. Посадят спиной друг к другу и волокут дружки-те, на санках. Прялки каждой давали. Вот сидели они и пряли» (д. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). «Свекровку обмотали матерьялом, который сама же и дарила невесте, куделю привязали к пряшнице, в сани посадили и по деревне поволокли. Куделя загорелась, её в снег бросили, я думала, свекровка сгорела. С брагой, с вином по деревне шли. Потом на угоре невесту в снег кидали» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Свекровку посадят на санки и волокут. Брагу возьмут, пляшут. Всем прохожим подают пиво, брагу. Свекровку и на корыте могли возить. Борются ещё зимой свадебжане-то» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «Если не заслужила девка: «Садись в корыто, прокатим тебя хоть от дома к дому». А если честная была, везли уже в тележке, хоть немножко, а тележка разукрашена вся. Это на третий день катают. Невесте дадут пряшницу: «Ну-ка, умеешь, нет прясть». Свекровь тоже на тележке и на корыте, если не уберегла невесту-то» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«У нас на свадьбе по четыре-пять гармонистов было, они снаряжались (даже корыто было в ходу и заслонка от русской печки, и ложка, и пила, и кастрюли алюминиевые), во всё играли. Тут ещё на санях катали жениха с невестой, тещу катают отдельно, затем катали свекровку отдельно, кто на корыте катает, кто на санках, на горку ещё ходили кататься. Все идут, сзади ещё несут четверти с вином, с квасом, по дороге всех угощают, пирогов тут целую кастрюлю несут на закуску» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.). Здесь же играли «Рыбу ловить» (д. Трезубы, зап. от Леонтьевой Н.В., 1928 г. р.). «Дружки ещё девок поймают, по заднице лупят» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф., 1941 г. р.).

Знак завершения свадебного гуляния — ухват или сковородник, которые выносили из кути и показывали гостям и даже клали на свадебный стол. «Когда последний раз откормят, показывают свадебжанам ухват или сковородник. Принесут, на стол поставят, это значит конец пиру, расходитесь по домам. Какая-нибудь баба возьмёт ухват, гости сидят, а она им ухват показывает, прямо на стол положит, кверху рогами поставит, конец де, гости это знают и по домам, надо убираться-де в дыру» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Кто посмелее, так ещё споют: «Кому спать — ночевать, ложись да спи, кому ехать домой, запрягай да езжай». Это уж всей свадьбе говорят разъезжаться» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.).

Расхожая-разъезжая,
Кому спать-ночевать —
Ложись да спи,
Кому ехать домой —
Запрягай — убирайсь.

(д. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г.р.).

«В последний день на стол блины выставят, мол, это отказ, хватит сидеть-то гостям» (д. Гунино, зап. от Нориной А., 1913 г. р.). «Со двора-то свадьба поехала, так

невеста и жених сидят дома, не провожают. Чтобы не скучала невеста, в окно даже не давали ей смотреть» (с. В. Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Свадебжане когда поехали, молодые-то их не провожали, дома сидят» (д. Кекур, зап. от Бакулиной И.С., 1925 г. р.). «Когда гости уехали, невеста всего скота кормила хлебом с солью: корову, куриц, поросёнка» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

На следующий после свадьбы день в дом жениха девушки, которые были на свадьбе, приходили мыть полы. «Вымоют пол, жених опять разольёт по полу воду и этих девчонок, что пришли, прямо по полу волочит: «Что плохо помыли»? (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). В селе Новое Усолье через неделю после свадьбы свекровь вела молодую к корове: «Умеешь ли»? Невеста обойдёт корову, подкурит её, бумагу возьмёт, зажигает и круг коровы обходит, под каждую соску дымом сделает. Хлеб с солью, просвирку возьмёт и всё это кормит корове. Хлеб отломит, даст корове, ещё кресты на спине посыпает солью. Только тогда доить начинает да скажет: «Стой, матушка, слушайся хозяйку» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Пельмени, хлибины, тещины блины

Последняя развёрнутая процедура свадебного обряда в Усольском районе в разных местах именовалась по-разному. Так, например, в посёлке Орёл первое посещение молодыми супругами родителей невесты после свадьбы получило название *ходить на пельмени*. «На третий день едут к невестинной родне. Там опять столы ставят. Невеста едет по деревне, всем кланяется, кто навстречу попадет, сидя кланяется. Через деревню едут, люди стоят, им кланяются» (с. В.-Кондас, зап. от Костоусовой М.В., 1919 г. р.). «Как бы сегодня пироги у нас, гуляем здесь, а завтра мама моя приглашает на пельмени, завтра мы все идём на пельмени. Там ещё счастливый пельмень, горький пельмень, туда ложили чеснок, попадет, значит, ты несчастный будешь, а богатая, тесто попадет в пельмене» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.). «Через одну или две недели тёща приглашала зятя и его родственников к себе на пельмени. Стряпала очень много пельменей, причём один («на счастливый») наполняли варёным картофелем» (п. Орёл, зап. от Кыласовой Е.Ф., 1932 г. р.). Считалось, что каждый, кто гостил на свадьбе, обязательно должен был пригласить молодых в гости, это называлось хлибины» (п. Орёл, зап. от Гуляева Г.И., 1935 г. р.).

Также в местной традиции гостевание молодожёнов в доме отца и матери невесты именовалось *хлибины, тещины блины*. Обычно время посещения родителей приходилось на дни масленичной недели. «В четверг на масленичной неделе молодые ездили к тёще на блины, а в воскресенье молодые уже ездили кататься. На лошадь одевали специальную для этого дня сбрую с колокольцами» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П.). «У меня была свадьба перед Масленкой, а в Масленку хлибины делают. Это первым делом, как хлибины, так к отцу едешь как в гости» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «В четверг перед Масленой к тёще на блины ездили. Тёща несёт чайный стакан, блином закрытый, зятю даёт. Тёще зять дарит платье, потом в свою деревню по его родне ходили» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.). «В Мас-

ленку хлибины делали. Зять едет к теще на блины, теща несёт на тарелке блины, он должен подарить что-нибудь теще» (с. В.-Кондас, зап. от Елькиной М.М., 1921 г. р.). «Если невеста честная была, то жених к Маслене, на хлибины, теще должен был обязательно купить на платье, а если не девушка, то на платье не покупается. Вот мы сели за стол, а свекровка говорит: «Ну, чё, Колька, теща-то у тебя заслужила платье-то или нет»? Это если честная невеста-то. Жених тут же достает отрез на платье и дарит его теще» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Тёща дарила зятю носки ли, варежки, а он опять ей купит подарок на кофту, ткань» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.П.). «Через месяц хлибины будут, обычно на Масленице, к матери в гости идут, как к теще на блины. Жених падал в ноги в день *нахлебин* (то же, что хлибины, визит жениха с молодой женой к ее родителям после свадьбы), ещё падал и в тот момент, как показали невестино бельё. Пал, поцеловал: «Ну, мать, спасибо, ты достойна своей дочери, а дочь тебя» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

Зятя дома-то не вижу,
Ох, не дома да не во дверях,
Он у ласковой тещи за столами,
У ласкового тестя за блинами.
Ты теща-то зятя угощала:
— Да уж ты ешь-ко, мой зятюшка, досыта,
Да пей-ка ты, мой зятюшка, ты допьяна,
Да на коня-ко ты садися да не валися,
За то да в грязи не валяйся,
Да над моей дочерью да не гнушайся,
Да у меня же дочь-то не учёная,
Да она не пойдёт тебя да не встретити,
Да не назовёт да она тебя не взвеличает.

(д. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

В воскресенье на Масленичной неделе молодожёны обязательно должны были прокатиться с горы и сделать несколько кругов по деревне в кошевках, украшенных лентами, свадебным одеялом и бубенцами. «На Масленке на хлибины-те приехали, катушка была сделана, по нас пришли ребята и девки: «Молодожёны, айда-те кататься с нами». Мы пошли. Тут Мишу повалили, сразу меня на Мишу и на холостой прокатали. «Ничё, на холостой проедете», — это без санков, да ещё куча на нас надела. Вот. А как пришли по нас, так папа, мама говорят: «Не одевайте хорошее-то». Папа сразу даёт Мише свою фуфайку, мама тоже че-то похуже. Целая куча на нас, целая копна на нас проехала. На скачках прокатали» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «На молодых катались на Масленку. Жениха посадят на санки, на него сядут двое-трое и едут вниз, волочат его» (д. Полом, зап. от Ждахиной Е.В., 1921 г. р.). «Молодушку катали, молодушку расподвяжут, муж её на колени садит, на скачки он сядет сперва, она так ногу подогнёт, сядет к нему на колени, и поедут. Она расподвязана, это так: платок верхний снимет — у неё там косы заплетены, уложены, а сверху бант крас-

ный. Это надо было посмотреть, вот молодую-то и разболют» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «Тут ещё молодые носили *пожуреное* (угощение для тех, кого не приглашали на свадьбу) на угор. Пиво, брагу несли. Их увидят, кричат: «Ой, смотрите, молодую вшивые пряники принесла, вшивые пряники принесла». Тому даст, другому даст. Этим угощала. Гостинцы вынесут на угор молодые, когда печенье, когда пряники» (д. Полом, зап. от Ждахиной Е.В., 1921 г. р.).

«В Масленицу, в воскресенье, ездили молодые кататься в кошевках с колокольцами, всё в Усть-Игум ездили, там круг, и там по кругу катались, все молодожены. Такая уж сбруя была, с кистями, дуги выкрашены» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.П.). «Вот накатались на угоре-то, немного тут, а потом дружки приехали: «Ну, всё, девушки, катайтесь, а мы пойдём и молодых увозим, они должны нас как угощать». Жениховый дружка меня на колени посадил, а мой дружка опять Мишу на колени посадил. «Мы пойдём, нам пировать надо», — и поехали на лошадях кататься» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Масленичной неделей завершалась церемония бракосочетания, хотя новый социальный статус за молодыми супругами закреплялся только после рождения ребёнка. «Пока ребёнка не родит, девку всё молодой зовут» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Весь первый год после замужества и первый раз беременной запрещали ходить на чужие свадьбы (д. Вогулка, зап. от Половниковой П.А.), а также в Семик на кладбище (д. Вогулка, зап. от Семериковой А.Н., 1928 г. р.).

Родинный обряд и детство

Разнообразны приметы, регулирующие супружескую жизнь, обрядовые формы, связанные с темой рождения детей. Характерны, в частности, запреты, ограничивающие супружескую связь: «Раньше-то на праздник муж с женой вместе не спали. А то заведётся ребёнок или вор, или урод, или разбойник. Уроды будут. Есть болезнь такая волчья пасть, уродство — нету верхнего нёба. Это если муж с женой на праздник совокупались» (с. Усть-Игум, зап. от Шумковой А.М., 1934 г. р.).

В приметах закреплены некоторые древние культы. В частности, в запрете «мужу нельзя садиться на порог и в угол — детей не будет» (д. Разим) отсвечивает архаический культ порога, той зоны, которая связана с границей своего и чужого миров (с этим же соотносится обыкновение лечить на пороге, запрет на перешагивание порога невестой и прочее). Некоторые приметы имеют обрядовую приуроченность: «если женихова сваха вперёд косу невесте заплетёт на свадьбе, невеста парней будет рожать, а если невестина — то девок» (д. Разим).

В целом приветствовалось появление ребенка любого пола: «Баба — мешок, что в неё положишь, то и несёт». Но все-таки «вперёд парня желают» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.); «не попала ты в рай, а попала под лохань», — говорили о женщине, родившей девочку. Если парня родила, значит, ты в раю будешь» (п. Лемзер,

зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Ну, парня родила — в Москву съездила, а девку родила — под лавку уехала» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). Известны и более резкие реакции на рождение девочки: «Чёрта родила — ещё одну девку родила» (п. Орёл).

Исполнялись в прошлом особые приемы, которые магически были призваны обеспечить рождение ребенка желаемого пола: «Топор под подушку кладут, чтобы мальчик был» (с. Щекино, зап. от Даниловой, 1947 г. р.); «Если хотели мальчика, то, когда залазишь, топориче под голову, а девочку — тогда платье» (д. Кургановка, зап. от Бельской А.Д.). Причина появления детей скрывалась. «Из навоза-де дети берутся» (д. Таман). «Ребятам так объясняли, откуда дети берутся: из-под мышки» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1935 г. р.). «Мальчика хотели, сук под постелю клали. Сук, вон бадог, палку с сучками под матрас, и спать. А если девочку, на шшиль ложись, вот щель в полу, что-то бросишь тут, и тоже спать» (д. Сторки, зап. от Швецовой П.Ф., 1926 г. р.).

Приметы, предвещающие пол будущего ребёнка

«Если у беременной женщины на лице появлялись веснушки, должен родиться сын» (д. Кекур; с. Щекино, зап. от Кожиной Г.В., 1931 г. р.). «Живот у роженицы, если будет девочка, широкий, а если мальчик — круглый» (В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). «Если живот плоский — девочка будет, если бугром — будет парень» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «Девка в правом боку, парень на левом шевелится. Если вострое брюхо — будет парень, круглое — девочка» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). Впрочем приметы иногда противоречат друг другу: «Остренький живот — будет девка» (с. Щекино).

«Если с парнем ходишь — живот поднимается кверху; книзу живот, если с девкой ходишь, и он как будто шире» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е. И., 1921 г. р.). «Если девочка — живот яичком смотрит, мальчик — покладистый. Мальчик быстро шевелится, девочка потише» (с. Вильва, зап. от Федуриной А. Е., 1920 г. р.).

«Если беременная любит сладкое — девочка будет, ест много лука — мальчик родится» (д. Сороковая, зап. от Федосеевой Е.Н.). «Если беременной женщине хочется солёного, то у неё родится мальчик, а если сладкого, то родится девочка» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Я вот у многих отгадывала. Видно и по лицу: ходит женщина беременная, по лицу видно и по животу. Если полная, лицо не изменилось — она с девочкой, и живот круглый. А если живот вострый и на лице некрасивая, и очень меняется на лице, считай, будет парень. И худая на лице. Я вот с парнями со всеми худушшая была, страшная» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

Семьи в основном были многодетные, осуждались аборт, хотя существовали свои рецепты изгнания плода. «Чтобы ребёнка убрать, пили спичечную селитру. Сейчас тоже смотри, сколько суррогатных-то матерей. Пьёшь если — страм, дак ребёнку руки, ноги объедает» (д. Разим).

«Вот Марфа у нас лежала, обмирала, потом ожила как, встала и потом рассказывала, чего там, на том свете, видела: «Девки, шибко грешно, аборт не делайте». Слышала, говорит, за дверями каждый в ребро головой и кричат: «Мамонька — душегубка» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1934 г. р.). «Вот был случай. Бабе надо было идти на аборт. Легли спать. Она утром мужу-то и говорит: «Мне ведь надо сёдне идти на аборт, а я ведь сёдне во сне видела вот чего. Иду я по полю, зелёная трава кругом. По поляночке иду, везде всякие цветочки, и там лежат маленькие: кто без ноги, кто без руки, кто без головы — все ревут, всякими голосами. Дак как я пойду-то?» А мужик-то ей и говорит: «Давай лучше не ходи на аборт, видишь грех-то какой! Они там бедные лежат, вишь как. Их ведь там вырезают да выбрасывают, аборт-то когда делают. Дак лучше не ходи, не бери грех на душу-то» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Аборт хотела сделать. Мужик-то мой запрещал его делать. Я заболела, температура поднялась. Во сне увидела: чан за печкой стоит, и маленькие дети топят меня в нём: «Мамонька родимая — душегубка» (с. В. Кондас, зап. от Сивцевой Т.И., 1952 г. р.).

Обереги беременной

Поведение женщины, ожидающей ребенка, регламентировалось многочисленными правилами. «*Кочерга*-то у ребёнка не случайно. Кто говорит, что она оттого, что мать беременная ходила и кошку пинала, кто говорит, что свиную кожу ела» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Дочек, говорят, нельзя пинать, свиней-то, от этого, говорят, у детей кочерга бывает, как шшетина» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.). «На пожар не надо в положении ходить — «нервный» ребёнок будет; огонь видит внутри-то, ведь пуганный будет» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.; с. В.-Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). Кроме того, беременной не рекомендовалось часто ходить на люди, в церковь, на похороны: «если беременная идёт на похороны, в подол иголку втыкает, чтобы не сглазили» (с. Щекино, зап. от Даниловой, 1947 г. р.). Беременной не советовали спать одной. «Вот мужик с бабой спит, если баба беременная, дак надо, чтоб ногу на неё положил. Если мужик ногу на бабу не положил ночью, ведьма может у нее ребенка вытащить и полено осиново вставить вместо ребенка» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Беременным женщинам нельзя ходить смотреть на покойника и на свадьбу (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «В лес беременной нельзя ходить. Говорят, медведь может напасть на беременную. Видно, не любил что ли беременных-то женщин» (с. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.).

«Прихоти беременной надо обязательно выполнять, любые: чего хочется, то и нужно делать. Иначе ребёнок родится неполноценный» (п. Орёл, зап. от Вавиловой А.П., 1941 г. р.).

Роды. Повитуха

«Как рождается ребёночек, такая у него и будет жизнь: трудно, дак трудная» (с. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.).

«Я много раз *бабилася*, и кочергу выводила, и «перву баню» мыла. Рожали раньше бабы на кухне, на коленях. Пуповину отрежут, тут таз с водой, и моют ребеночка, потом в тряпку и на печку его. Пуповинку «узником» вязали. Баба-то должна еще «последку» родить. Эту последку забирают и хоронят где угодно, обязательно в землю надо зарыть» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Я и дома, и на повити рожала. Свекровь мне пуповину перевязывала ниточкой, ножницами резала» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Во хлеве рожали, потому что баня была далеко» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Я все время за печкой, в кути рожала, стоя вовсе. Свекровка только ловить успевала» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «Родишь на повитях, чтоб никто не видел, потом в баню идешь» (с. В. Кондас, зап. от Симковой Е.А., 1957 г. р.). «У нас как было у мамы. Она затопила печку, ушла в подполье и там и родила, послед там же закопала в землю. Ребёнка подала оттуда, его положили на печку, пупок перевязали льняной ниткой» (с. Усть-Игум, зап. от Шумковой А.М., 1934 г. р.).

«Рожали раньше в хлеве, потому что Христос тоже в хлеве родился. Все в хлеве рожали. И роженица одна там была, чтобы никто не знал. У меня мама девятерых родила и всё в хлеве. Потом сама домой заходила, свёрток несла, на печку клала его, и сама на печку. Если всё нормально, одна рожала, если нет — ходила за бабушкой-повиваленкой. А как родился ребёнок, его надо было крестить, до трёх дней разрешали быть некрещёным» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«Легко рожать-то. Натужилася, потужилася, пё...а — и готово, родила» (с. В. Кондас, зап. от Симковой Е.А., 1957 г. р.). «Рожу, в ж..пу ребенку пинка дам, чтоб заорал, и всё нормально» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

Чаще всего в родах женщине помогали бабушки-повиваленки. «Мать в бане рожала с бабушкой. Бабушка ребёнка принесла, на печь в доме положила и говорит нам: «Мать-то парня купила» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Как рожать, к бабке повиваленке прибежишь, а она только спросит: «Домой или во хлев пойдём?» Так уж и собирается — почище или погрязнее оденется» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Я вот принимаю роды, так мне в церкви батюшка молитву дает. Я же грязь убираю, мне грешно» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Вот только родится ребенок, баушка у него и в ушах и в ноздрах всю грязь ртом высосет тут же» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «Родишь с баушкой, потом за роды подарочек повитухе купишь» (с. Романово).

Бабья мука

Для облегчения родов прибегали к особым обрядовым действиям. «Че делали, чтобы легче рожать-то было. Муж ложился на пол за матницей, а беременная ползала через него, поперёк» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). Особенно распространены были представления о насылаемой на мужчин бабьей муке. «Старухи наказывали, как муки-те надевать. Три раза надо перелезти через мужика, чтобы он

не слышал. Это в постели, в первую ночь свадебную. Она сверху перелазит, чтобы он не слышал. Приговаривать надо: «Мене рожать, а тебе мучиться». Дак вот было как. Смотрим, чё это мужик у нас забегал: «Чё ты, говорю, бегашь?» — «Ай, — говорит, — сбегая на уличку, жена, наверно, рожат». А мы-то пацанками были, не понимали, чё это, почему это он так бегат» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «Бабью муку знающие люди садят. Так и умереть можно, замается мужик, и всё» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

Послед, пуповина, рубашка

«Послед хоронили в подполье, в завалине. Доски завалины от земли очищали, послед в тряпку заворачивали и зарывали в завалину» (с. Романово). «Послед в землю, копнут где-нибудь, и хоронят. Зимой послед хоронили в голбце, в подвале» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Пупик когда отсохнет, отсохший прибирали, лежал потом в сундуке» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «Пупик когда отвалится, затыкали в щель между бревнами, чтобы ребенка не грызло» (д. Зыряны). Пуповину ребенка закапывали в землю, когда отпадет (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Пуповину у ребенка хранили, не бросали, если суд будет, ее брали с собой, чтобы верно судили» (п. Орел).

«Говорят еще «в рубашке родился». Вот эту рубашку хранят, берут с собой на суд» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «После родов хранили то, в чём ребёнок родился, — рубашку. Её сушат и берут её потом на суд, чтоб помогла» (с. Романово).

«Бабушка высушила её, рубашку-то, и когда мама вышла замуж, отдала её маме. Я вот не знаю, где она у меня есть, но она у меня прибрана. Где-то находила, смотрела, дак там, знаете, как, вот уж какие годы щас он был с четвёртого года. Посчитайте, какие годы, сто лет уже. И мама потом мне ее отдала. И мне сказала: «Зойка, Степана взяли на фронт, вернётся — не вернётся. Прибирай ее, пусть она у тебя хранится». Это как талисман или, как сказать, на счастье» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Рубашку на суд надо брать. Дескать, будет снисхождение маленько. Говорили это, я слыхала, старые люди говорили. На суд можно брать хоть чью рубашку, лишь бы рубашка была. Это мне сказывала мама» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Если ребенок в рубашке родился — порвёшь её, достанешь. Потом ее не бросали, а прибирали. Хранили, когда в армию отправляли кого — она спаситель» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К. К., 1918 г. р.).

Первая баня

«Родишь ребенка, обмоешь тёплой водой, а потом в баньку. Первая баня обязательно» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К. К., 1918 г. р.). Ребенка парят в бане, которую топят девятью поленьями, каждый раз сжигают ровно по три полена (с. Щекино).

«Как сродила, ребенка повитуха в баню волокёт. Три бани для ребёночка надо делать. Перву-то баню только повитуха парит, мать ребенка в первой бане не касается» (с. Романово).

«Вот баню истоплю, туда бабу с ребёнком веду. Первый раз ребенка мою, на колени положу, приговариваю: «Как на локте вода не держится, также у раба божия (имя ребенка) не держитесь ни уроки, ни призоры, никакие ни дела». Говоришь и водичкой ребенка с ладошки поливаешь. Потом начнёшь ребенка парить: «Не я тебя парю, не я тебя правлю - правит тебя бабушка Соломонида своими лёгкими руками, добрыми делами. До банюшки реви, после банюшки спи. Отцу-матери давай спать. Жить, дак живи, а умереть, дак умри». Вымыла и оболокаю — надеваю рубашку, говорю: «Светлое тебе платье на плечи, ум тебе разум в голову, хорошие тебе люди встречу, плохие — в сторону». Всё — запеленала, понесла» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Если ребёнок в бане кричит, когда моешь, надо сказать: «Не я тебя мою — бабушка Соломея. Приходила из-за моря, приносила добра здоровья на угомон дитятку моёму». Я внучку первый раз так купала» (д. Рубцово, зап. от Олейниковой Е.Н., 1926 г. р.).

«Копчик правили в бане, вот расправишь ребёнка, пальчиком копчик заденешь, и так спинку разглаживают, выправят, и всё нормально. Говорят, парню можно и не выправлять, только у его потом будет жидкий стул, а девочке надо, потом рожать очень плохо, тяжело будет» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.).

«В первой бане правили голову, веником парили и придавливали через веник руками. Тоже надо ворочать ребёнка на постели, чтобы голова была ровная, чтоб не на одном боку лежал» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой М. В., 1931 г. р.). «Голову ребёнку правили. *Хресточки*-то жиденькие у его на голове» (с. В.-Кондас). «Головку младенцу не поправь — она востроголовка будет. Веником или ручками правят» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Когда голову в бане ребёнку моют, говорят: «Ярка — не ярка, баран — не баран, на что голуби — не голуби. На поповой полосе поп-от чешет, пишет чёрным углем, осиновым поленом. Будь, доска, золотые рожка, у такой-то (имя) головушка баска» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.).

Обереги рожениц

Родившая считалась легко доступной для нечистой силы, поэтому сразу после родов женщина должна была оберегаться. «На покосе были бабы до самого последнего, рожали на покосе. Как-то с покоса женщина шла, а муж с народом идёт впереди, и она не дошла — родила мальчика. Речку переходила, решила обмыться. Завернула его в фартук, в юбку верхнюю, а сама мыться пошла. Вдруг из-под моста вышла из воды такая-то сырая, волосы длинные, и к ней плывёт. Баба-то испугалась, схватила малыша, хорошо успела, а то утащило бы и младенчика и её саму» (д. Санниково, зап. от Мазуниной М.М., 1921 г. р.).

«Банник баб-рожениц давит, их нельзя одних оставлять-то. В Рублёво было: баба родила ребёночка, а её оставили одну. Вот банник и задавил, и в каменку голову засунул. До шести недель нельзя после родов одной в баню ходить» (д. Борисово, зап. от Шерстобитовой М.Ф., 1907 г. р.).

«В баню без молитвы заходить нельзя, особенно если родишь. И младенчик по-мрёт, и роженицу банник задавит» (п. Городище). «Я с Господом-Богом топлю баню. Когда собралась рожать, свекровь меня погнала в баню и говорит: «Варя, в баню зайдёшь, говори: «Господи, благослови». Примет у меня ребёнка, в тряпку завернёт и говорит: «Ты давай, иди вперёд, иначе банник рожонку может не отпустить, до смерти задавит» (д. Тетерино, зап. от Мельниковой В.А., 1921 г. р.).

«У жены моего брата ребёнок должен был быть. Жена-то родила в бане, муж ребёнка в дом унёс. А тут в бане гром пошёл. Банник-то рожонку в каменку засунул» (д. В. Новинки).

«Ещё ведь *поветрище* такое было. Мать девку из бани несла, вот поветрище к ей-то попало, она до пяти лет как чурка чуркой оставалась, до пяти лет-то даже не дожила, умерла. Поветрище-то сестре уготовано было, а не ребёнку вовсе. Можно ведь было и сохраниться, кукишку в карман или иголку в подол воткнуть надо перед тем, как на улицу пойдёшь» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«У нас в деревне случай такой был. Печка в избе стояла у стенки. Около печи был вход в подвал, в голбец. Женщина одна родила и ребёнка положила на шесток, как раз над входом в голбец. Ребёнка удавил кто-то» (п. Городище, зап. от Черепановой М.С., 1936 г. р.).

Крестины

«У мальчика должно быть два крестных: отец и мать. У девочки только одна крёстная мать» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). Когда крестят ребенка, стараются взять с собой воды из купели. «Которая если *дикует* (сходит с ума), её водой из купели, где ребёнка крестили, поят» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Тут была старуха-колдунья. Ведь уже знали, что колдунья, проучили опеть. Одной бабе сказали, возьми, говорит, когда трёх детей окрестят, вот из купели этой водички. Я, говорит, взяла, ну чё, в церковь всё время ходили. Принесла да, говорит, с бражкой напоила колдунью-то. Ох, говорит, как заругалась она, как меня ругала! А она её напоила, и она теперь ничё не зная, ничё делать не может — у неё не получатся» (д. Разим).

Каша, проведывание

«На кашу *кашников* приглашают,стряпню женщины несут. На кашу-то идут, мясной, рыбный пироги несут, сначала-то всё по одному, по двое ходят, потом уже всех кашников собирают, на вечер приглашают» (д. Загизга, зап. от Лопаевой К.А., 1933 г. р.). «Кашники были в гости — это родственники, которые на кашу приходили» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.).

Прийти на кашу считалось особым долгом родни и хорошо знакомых: «Прийти на кашу — роженицу поддержать» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «На кашу не звали, сами приходили. Приносили мясной или рыбный пирог, и вино, и водку, а ребёнку одежду в подарок» (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.).

«Когда родишь, к тебе все со стряпнёй, вином, пивом, брагой напоят. Неделю почти ходят. Молодушка поправится, созовет на какой-то день, ночь ли. Это каша и называется. Те, кто приходил, говорили потом: «Мы на каше гуляли». Это такая считается поговорка — каша» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«На кашу пирожки, шаньги готовили. Пирог рыбный пекли. Рыбу толсто клали, кругом обрежут, корку на кусочки порежут, всем положат, рыбу из пирога вилками едят, потом нижнюю корку порежут, едят» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «На кашу свои родные шли. Блинов напекут, шанежки. Самой-то каши нет. Если пришел свой, родной — можно на ребёнка смотреть, чужой — не казали» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.).

«Снохи брали пирог рыбный, пиво и несли рожонке. Баню неделю топили, каждый день в ней *рожонка* мылась и ребёнка мыла» (г. Усолье, зап. от Нориной С.Н.).

«На кашу испекут пирог рыбный, пряники там, шаньги сделают, бутылку самогону, бидон браги, со всем этим идут на кашу к новорождённому. Сначала по одному ходят, по-разному все. Придешь, лишь бы с *рожденницей* посидеть, поговорить. Ребёночка попросишь, так покажут, а не попросишь, так сами-то казать не будут. Сидишь с рожденницей, первую рюмку тебе подают, ты сидишь, говоришь: «Дай бог тебе спить, скормить и за прилавок посадить». Первое-то подают или самогон, или стакан браги» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«На кашу кто чё настряпат, то и принесёт. Завтра принесут, послезавтра, всю неделю носят, носят, а потом уже ты сам собираешь на стол, как вечер делаешь. Первый раз-то к роженице мать идёт родная, потом соседи. Шаньги несут, пирог с рыбой, с мясом пирог тоже. А на вечере-то уже сама роженица готовит. Тут родильница могла разрешить посмотреть ребёночка: один подойдёт посмотрит, другой подойдёт. Он закрытый, на зыбке-то женска юбка одета, это от мух. Крестили уже после каши» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «На кашу ходили, несли капустны пироги, капустны пельмени, квас овсяный. Ребёночка чужим-то не показывают, в зыбке платком закроют, чтобы не урочился, не ревел, ещё на зыбку повешают како-то полотно или юбку широкую натянут» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е. В., 1939 г. р.).

«Кто на свадьбе был, тот должен прийти с пирожком попроведать рожонку» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Рыбу целиком в пирог клали, обязательно чтоб одна с головой была. «Голова родилась!» Нужно с головой защищать, например, две без головы, третья с головой. А вот на свадьбу не защищывали с головой. На стол поставят пирог, корку срежут, рыбу изрежут. Роженицу заставляли голову есть: «Ты голову состряпала, ты и ешь» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Вот на свадьбу-то рыбу запекали, так голову-то наружу из пирога выставляли, а вот на кашу-то когда шли, обязательно приходили те, кто на свадьбе гулял, «пирож-

ком попроведать». Вот там уже три рыбы пекли в пироге, одна рыба с головой и две без головы, это делали обязательно» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.).

«Кашей» в деревне Сгорки называют первую ночь мужа с женой после родов. Чаще, впрочем, это называли «каменку складывать». После родов с мужем поспишь, тебе говорят: «Чё, каменку сложила?»

Первый год жизни

«Ребенка до года не стригли. Когда ему остригали волосы в первый раз, сострижены волосы хранили или сжигали, а выбросишь, так, говорят, ворона на гнездо занесёт, голова заболит» (д. Загизга, зап. от Лопаевой К.А., 1933 г. р.). «До году не стригут ребёнка, ногти не стригут тоже, ногти только кусать можно, не стричь. Отец или мать кусают» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Не положено ногти стригчи, а то быстро расти будут. Остригут когда, в печку потом бросают» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Располагая место для ребенка, старались ориентировать его к порогу: «Живые и ребенка в зыбке, и сами ложатся головой к порогу, это только покойника ногами к порогу кладут» (д. Таман); «Ребёночка обязательно головой под порог спать укладывают» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.). Укладывая спать, обычно «сыпили» песенкой:

Баю-баю, спи, батюшка,
Баю-баю, спи, маленький.
Баю-ры, баю-ры, баю серые коты.

(с. Берёзовка, зап. от Исаковой П.И., 1930 г. р.)

«Первый раз волосы ребенку подстригали только после года. Раньше только неделя, ребенка уже крестят. А теперь ведь не понимают. Волосы подстригает отец. Волосы сжигали: соберут в кучку, в бумажку завернут и положат к печке к задороге, чтобы завтра их сжечь, или на шесток положишь, чтобы их сжечь» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Кричит ребёнок — живучий будет» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «Пусть кричит маленькой. *Пригласье* и ребёнку надо» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). Достаточно просто относились в прошлом и к наказаниям. «Вица у нас всегда под матицей была, ей непослушных лечили: голову меж ног и вицей. А не слушаешь, дак как ино?» (п. Орёл). Детям говорили: «Если вы не будете папу, маму слушать — бог камнем убьёт» (п. Орёл).

«Ребенка ругать не надо, разве если с простой души, тогда на детей можно ругаться» (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). «Жили мы на хуторе. Мать, отец — все пошли жать. А я маленькая была, меня дома оставили, я ревела, просилась с ними, отец говорит: «Цыц, проклятая, сиди дома!» Ну, я и осталась, а потом слышу, отец кричит: «Иди сюда!» Я побежала, прибежала на поляну к лесу, смотрю, лежит дяденька большой, спиной ко мне, руки под голову положил. Сам большой, ступни большие, пальцы длинные, *тельником* подпоясанный. Смотрю я на него и думаю: «Это леший, наверное». А он захохотал и говорит: «Догадалась». Я побежала от него.

Это потому было, что отец меня проклятой назвал. Детей-то вообще проклятать нельзя» (с. Половодово, зап. от Марзинской А.К., 1921 г. р.).

Чтобы уберечь ребенка от нечистой силы, ему под подушку в люльку клали топор (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). «Ребёнка в зеркало нельзя показывать — ночью спать не будет» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). Для оберега детей существуют особые заговоры: «Спаси, Господи, помилуй моих детей. Дай им, Господи, добра и здоровья, счастья и талана, и долгих лет. Закрой их, Господи, святой пеленой от злых людей, от грозы, от огня, от воды, от тюремного заключения. Пошли им, Господи, всей господней благодати» (д. Лысьва, зап. от Белкиной П.А.).

Детские болезни

Для лечения детей использовались самые разнообразные средства народной медицины. Так если у ребенка была высокая температура, его оборачивали в полотенце, смоченное в уксусе, также натирали картофель и прикладывали его к голове больного (с. Романово).

В народе до сих пор сохраняется немало суеверных представлений о целом ряде детских болезней.

Грыжа, грызло, большой пуп. «Когда ребенок ножками скёт, говорят, загрызает его. Яички большие становятся. Старухи тогда загрызали грыжу-ту» (с. В. Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). «Если грыжа, в баню с грыжей шли. Который человек вот моет ребенка в бане, а первый или последний в семье на улицу выхаживали, стоят у бани и сквозь двери говорят: «Бабушка, чё грызёшь?» А та отвечает: «Грыжу!» «Ну, грызи *горазно*, чтобы во веки веков не было её», - отвечают за дверями» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

«Грыжу загрызать дак надо тому, чтоб все зубы были полностью у того, кто лечит. Платком пуповину ребенку надо закрыть, и так через платок загрызают. Стоит один у каменки: «Что грызёшь?» — «Грыжу загрызаю, грыжу». — «Чтоб во веки веков её не было» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.).

«Загрызали грыжу сами тоже. У мальчиков особенно. В бане моют, мать за дверь выходит, спрашивает: «Бабушка, что грызёшь?» — «Родимую грыжу!» — «Грызи, грызи, чтоб во веки веков её не было!» Бабушка зубами загрызает. Три дня подряд топить баню, делать это надо» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Грызёт пупок-то, так к старушке ходили. Она в бане загрызала младенцу-то, на пупок наговаривала, парила, потом ножками в окошко, там, в бане окошко такое, где дым выходит, так она ножками толкала в окошко. Пупок-то тряпочкой закрывала и так маленько кусала» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«Когда грызет яички у младенца, берут короеда из старых дров и садят его на яички, он кусает, и кровь выходит, а вместе и *грызло* уходит» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «Короеда из чурки старой достанут, посадят ребёнка на грыжу. Ждут. Как только короед укусил и пошла кровь, его убирают. Это когда яички у ребёнка грызёт» (с. Романово).

«От *большого пупа* пятак привязывали в тряпку и привязывали его на пуп» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «От грыжи на пуп клали пятак, сверху на него крестик и все это на два дня крест-накрест укрепляли изолентой, через два дня смотрели. Если пуп не становился меньше, лечение повторяли» (д. Таман). «Если большая пуповинка делалась у ребёнка, приклеивали пятак на пуповину крест-накрест на клейкопластырь» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.). «От грыжи пуповой пятак медный скоблили и на пуп присыпали» (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.).

«Если грызёт ребёнка, берут пуповину, заваривают её и настоем поят» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.). «Отговор ещё был от грыжи. Вот мать в кружку молока своего нацедит, на него молитву наговорят, и этим молоком ребёночка поят, этим молоком ещё пупок мазали, крест-накрест, в молоко пальцы обмакнут и чертят, это всё возле иконы делали» (п. Шемейный, зап. от Костоусовой А.И.). «Ещё чертят мудышки пальцем безымянным правой руки, угольком ли, по солнышку. При грыже они как засветят, светлыми станут, так старуха чё-то говорила, чертила» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). Обычный текст заговора от грыжи: «Как на сушине сук сохнет, так и у раба божия (имя) кила, грыжа, хомутина — всё посохни, поблекни, померкни» Это говорят, когда вокруг сучка по солнышку водят, а когда для ребёночка делают, тогда против солнышка водят. Так делают три раза и три дня подряд в любое время дня» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.).

«Грыжа — дак опять тут у кота мудышки отрежут, ими опять водят, мажут у ребёнка яички-то» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Парням опеть кота или мыша поймают, мыша-то дёрнут, это вот, порвут, и мудышки-те мажут у парня-то, у маленького, у мальчика. И тогда грызть не будет. А кота-то выложат, у его кровь всё здесь идёт, вот этой кровью у парня мудышки кровью мажут» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Последнего я в сорок три года родила. Ездил в деревню. У кота отрезала, у мыши тоже, кровью вокруг пупа мазала. Это когда грызло. Ему кричать давать не надо, дак я его уговаривала. Вниз лицом на руки уложу — не ревет» (с. Половодово). «Оберегали детей, если грыжа грызла. Мучается ведь мальчик. Кота холостили, вырезывали ему, и кровью этой мудёшки мальчику смазывали» (д. Лызиб, зап. от Швецовой Н.А., 1910 г. р.). «От грыжи мышь имали, резали и кровью мазали» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.).

«Бывает, шибко ревут, грыжа дак. Дак опеть одна бабушка уши колола. Иголкой кололи, потом нитку привяжут. Нитка сгниёт и отпадёт, и тогда ребенок реветь не будет. Белая нитка была, завяжут её на ухе. Я вот месячная была, а дырки на ушах до сих пор не заросли, хоть серёжек не знала. А вот если парня грызёт, дак это, уши не колют» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«От грыжи травой поили: весной светлые дудки, жёлтый цветок - *пупничей* зовут» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «Вот от грыжи ребёнка лечили. Он только родится, и с парным молоком три дня ему подают серу горючую, поструга-

ют и через соску поят, грыжи никогда не будет» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «От грыжи пуповину намазывают яйцом или серой горючей» (д. Кокуй, зап. от Кузнецовой Т.И., 1948 г. р.).

Гусь. «*Гусь* — детская болезнь такая. Это когда глаза выворачивает. От этого валерьянов корень помогает» (п. Орёл).

Золотуха. «Если золотуха — ребенку молока не давали, тогда смородиновые ветки и листья заваривают и поят» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.).

Корь. «Корь, её только дома лечили. Она ведь болезнь приходная, притчеватая: если что запросит больной, а ему не дают или нету, вот пуще болеешь, не раздражать ребёнка нужно. Ну и баню топили каждый день, в бане парили» (д. Сгорки, зап. от Швецовой П.Ф., 1926 г. р.).

«Корюха на маленького ребёнка делается. Пятнышки, пупырьки гноевые всё тело облепят. Корюшка бывает лёгонька и маленька. У ребёнка пятнышки выступят: «Корюшка, корюшка». В баню походит ребёнок, она припарится и заживёт» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Корь мочить нельзя, у нас её клюквой лечили. Клюкву толкли и пили» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.П., 1929 г. р.).

Кочерга. О кочерге говорили, что «*каражится*». Ребенку, видно, колет, надо ее вызывать» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «Кочерга бывает как мельконько симичко на теле, густо-густо насыпано. Проведёшь рукой, дак тёрка прямо. Я её сама выводила. Разводила дрожжи, чтобы они поднялись, потом этими дрожжами намазывала и белой тряпкой покрывала спину-то, потом лёгким паром парила. Она выходит как щетина, два-три раза в баню водили. Докуда не выведешь — ребенок ревливый будет» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«*Кокчерыжку* выводили как — молоко нацедят, мукой подобьёшь, тряпку постелешь, смажешь, она и выходит. Если грудное молоко — можно и на ребёнка намазать, потом тряпкой закрыть и парить» (с. В.-Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «Кочергу выводят на молоко из груди матери. Ребенка в баню принесешь, мать набрызгат, ты намазывашь молоко-то, тряпочкой накидывашь, веничком попаривашь, ниче не наговаривашь на кочергу. Тряпку убираешь — дак на ней черно все. А потом ребенка вымыть с мылом. Не одну еще баню парили» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Оспа. «Оспа раньше шибко дурная была. Корявые люди после неё делаются. От оспы лечили так. Она красную тряпицу любила, человека-то ей закрывали. Оспа уж чё попросит, то и давали. Она ведь вот осердится на человека, чё-нибудь да сделает, с рукой, с ногой, хоть и с глазом. Глаз унести может. Она или яблочка, или орехов, или суп хотела. Больной-то припрашивают, это, значит, оспа припрашивают, надо давать» (п. Орел).

Полуношница, бессонница. «Полуношница мучит ребенка. Вот он когда родится, подошвки-то никогда у него не щупай, а то полуношница де будет мучать. Если парня мучит, так ему опять топор ладят в зыбку, нож ли кладут, а девке опять прялочку кладут. В бане ещё от полуношницы парят и говорят: «Полуношная полуношница,

полудённая полудённица, не *декуйся* над рабом Божьим (имярек). Декуйся над полком, над каменкой, над третьей матицей» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Если полуношница мает ребёнка, ребёнок ночами ревёт, то клали ему под подушку: если парень, то топорик делают из дерева маленький и кладут, а если девка — куклу сошьют маленькую и тоже кладут под подушку. Сказать надо, чтобы не маяла полуношница: «Господи меня благослови, не май, полуношница, люби нашего ребёнка» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«От полуношницы топили сподряд восемь-десять бань и со словами ребёнка парили. Специальные берёзовые венички для детей делали» (д. Вильва, зап. от Федериной А.Е., 1920 г. р.). «От полуношницы мать в русской печи маленьких парила. С ими в печку забивается да парит. Раньше пива варили, так печи-то огромные были» (д. Вильва, зап. от Федериной А.Е., 1920 г. р.).

«Худо спит, дак из тряпки куклу свернут, под подушку ребёнку положат со словами: «Как кукла спит, так и ты (имярек) спи» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). Если дети плохо спят, нервничают, им в подушку вшивали засушенную голову щуки (д. Шварево).

«Полуношница, болезнь есть такая детская. Не спят они ночью. Мать или бабушка садились на порог, ребёнка тоже клали поперёк на порог. И парили веником со словами. Ноги парили, пятки, сухим вовсе веником» (д. Лызиб, зап. от Шестаковой Н.А., 1910 г. р.).

Полуношницу заговаривают, брызгают на ребенка из девяти ложек (п. Городище). Если не спит ребенок, старались вечером, когда все уже спят, вызывать бессонницу: «Полуношница, полуношница, приди ко мне, унеси мою бессонницу за горы высокие, за леса дремучие, за пески сыпучие, за болота зыбучие, куда Макар коров не гонял, куда люди не ходят и где звери не живут» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.).

«Когда ребёнок не спит, молитву читаешь: «Господи, благослови. Дай, Господи, сон да угомон, доброго здоровья. Утренняя заря — Мария, вечерняя — Маремьяна, благослови и помоги. Аминь». И надо водичкой его спрыснуть» (д. Ключи, зап. от Неустроевой М.К., 1916 г. р.).

«Чтобы ребёнок спал, надо столовые ложки обмыть, двенадцать угольков бросить в воду, и скобу двери поскоблить, и стружку в воду бросить. Этой водой сбрызнуть ребенка от сглаза со словами: «Как ветер ночью спит, так и ты (имярек) спи». Потом эту воду наотмашь выплеснуть» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«Если ребенок ворочался, не спал ночью, утром его перегарной слюной смазывали, на лбу крестик ставили. Перегарна слюна — это утром бывает, пока не говоришь, не ешь ничего. Смазывают со словами: «От чёрного, черемного, от встречного, поперечного» (с. Берёзовка, зап. от Кошечевой М.И., 1937 г. р.).

«Валериановый корень в тряпочку завернешь и под подушку ребенку. Он спит тогда спокойно» (п. Орел). «Алая трава такая была, её ребенку давали, ещё в подушечку зашивали, чтобы крепче ребёнок спал» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

Рёв. «У печки ложишь ребенка, где дрова, потом его катают, перевёртывают и приговаривают: «Как полено не ревьёт, чтоб не ревел. Полено не плачет, лежит, чтобы и ребёнок (имярек) не плакал» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «Вот тут, где веник держали, у порога, в сору валяли маленького. «Как мусорок лежит, так чтоб и ребёнок лежал», — это чтобы ребята росли, чтобы не ревливые были» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Чтоб ребёнок не плакал, надо водой обмыть три угла стола, дверную скобу, в воду положить три уголька, соли и сбрызнуть. Что осталось, выливают в дверной притвор» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «Ревёт ребёнок если, свекровь встанёт, у стола три угла из кружки помоем, скобу обмоем, брызнет на ребёнка изо рта, своей *становиной* вытрет, скажет: «Не урочься» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П.).

«От рёва малышей баушка в бане парила. За ноги держит младенца-то прямо головой над каменкой да парит, чего-то наговариват. Всех прежде выгонит из бани-то» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). Чтобы ребенок не кричал, его несли в баню, клали на колени и обливали с ладошки водой со словами: «Как на локте вода не держится, так уроки, призоры не держись у раба Божия (имярек). Господи меня благослови. Не держись никакие дела: ни худые, ни добрые». Моют ребёнка, вымоют, затем парят веником: «Не я тебя парю, не я тебя правлю. Правит и парит бабушка Соломонида своими легкими руками, добрыми делами. До бани реви, после бани не реви. Отцу, матери давай покой. Веничек шёлковый — ключевая вода. Жить, дак живи, умереть, дак умри». На левую руку положат, а правой парят — «права-та рука больше командует» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«В молоко горячее листочек чёрной травы положишь, напаришь и с ложечки ребёнка корми, если шибко ревьёт» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой М.Г., 1930 г. р.).

Чтобы ребёнок спокойный был, не ревел, его поили настоем на переполошной траве, запаренной в молоке. «Есть такая трава — она кустиками растёт во ржице» (с. Щекино, зап. от Журавлёвой А.С., 1937 г. р.).

Сглаз, уроки.

«Ребенок изурочится и реветь, реветь. Тогда со словами в бане парят. Три бани сходят, тогда вылечат» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е, 1930 г. р.).

«Ребёнок плачет — это «обгляделся». Люди вредные не так посмотрели и все. Чтобы снять, наговаривали на воду в кружке. Потом набирали полный рот воды, спрыскивали ребёнка со словами: «Тьфу на тебя». Оставшуюся воду выливали за двери» (с. Щекино, зап. от Ужеговой А.П., 1924 г. р.).

«Я бы вот пришла к тебе да как начала: «Ой, какой хорошенькой». И все, изурочишь ребёнка сразу. Вообще слово «ой» — плохое слово не только для ребёнка, для всех. Ребёнок будет плакать, не уснёт, даже может умереть, это всё уроки, их снимать надо. Такие слова надо: «Как этот царь-огонь тухнет, потухает, чахнет, исчезает, так бы и с раба Божия с (имя) уроки гасли, исчезли, веки повеки, отныне до веки. Аминь. Аминь. Аминь». Это надо на воду три раза читать, потом брызнуть на ребёнка этой водой или вообще умыть его» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«Хуже стрелы это слово, когда про детей хорошее говорят» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «На ребёнка ругались, когда смотрели, чтоб не изурочить: «Тьфу ты, тьфу ты, говно такое!» (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.).

Чтобы избежать сглаза, на входящего в дом человека (в сторону порога) брызгали водой из умывальника со словами: «С ветру пришло и на ветер пойдёт», — остальную воду выливали за порог (д. Кекур). «От сглаза надо бросить три уголька в ковшик, побрызгать на ребёнка, а остатки вылить в притвор, сказать: «Во имя отца и сына, и святого духа. Аминь» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «Брызгают, чтоб не урочился. Кто первый или последний родился, тот брызгат. В рот воды набрать да и брызгать. С ветру нужно, с улицы пришёл, тогда брызжут. Чтоб не знал ребёнок и испугался» (д. Вильва).

«Если сглаз, воду с печки, так, с простой души, брызгают, вроде легче стаёт. Три-четыре уголька возьмут в печке, в воду бросят, потом щепоть соли, этим и брызгают, и как будто лучше стаёт» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«Утром до *умыши* надо ребёнку слюной помазать лоб и темечко, чтобы не сглазили» (п. Орёл, зап. от Вавиловой А.П., 1941 г. р.). «Крестиком соль на лоб сделаешь, чтобы ребёнка не сглазили» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1935 г. р.). «Детям на темечко соль надо бросить, посолить, чтоб не урочился» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «У нас сватья здесь была. Дак она говорит: «Чё боишься? Ты где-то лекарку искать будешь? Сама делай!» Девять ложек бери, в чашке смой и углы (три угла у стола), и окошко, и скобу. Через скобу, говорит, пусти воду. Чё у тебя, кто у тебя в квартире болеют, дети — этим пой. Или урошнные слова знать надо, если ребёнка сглазят, или водой сбрызнуть. Чашку наладить, девять ложек пустить через воду, три угла помыть у стола и окошко, раму, и через скобу пустить» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Внучка у меня урошливая — Бог упаси! Ночью ни в какую не спала. Меня и *наткали*, сходи к бабе Ане, она лечит. Придёшь к ней, ребёнка на колени положишь лицом вниз. Она так рукой водит и шепчет. Шесть раз надо так. Привезли обратно, а её опять изурочили. Надо что-то делать. Старушка сказала: «Булавку ей воткните в грудь и не убирайте!» Теперь всё хорошо» (д. Вавилово, зап. от Пегушиной Е.Е., 1912 г. р.).

«Брызгаешь на ребёнка неожиданно, а воду за дверь выливаешь, чтобы все болезни ветер унёс» (с. Щекино). «Чёрному, *черёмному* соли в глаза», — в воду соль бросаешь, потом этой водичкой ребёночка умоешь, всё личико умывали. Это от уроков» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.). «Скажешь: «Чёрному-черёмному солью в глаз, чтоб не видел (имярек) у нас». При этом нужно три раза лизнуть переносицу ребёнка поперёк» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

Седун. «Не корми, на холоде держи, вот ребенок-седун будет. Тогда на *муравище* весной носили, ногами его на кучу ставили. Или в бутылку ловили муравьёв: они заползут, масло спустят. На ночь в печь их потом ставят, они растопятся, этим ноги натирают, ребенок побежит» (п. Шемейный, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «Вот бабка от седуна лечила: всё-то три полена топила, потом ещё три, и ещё три, и чтобы

были угли. Потом стала бздавать так, что камни полопались. И всё — парень пошёл» (с. Щекино).

Собачья старость. «Ребёнок родится, ничё не растёт, — ни рука, ни нога, ноги по нитке, худуший и смерти нету — это собачья старость» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Ребёнок не растёт ниче и не болеет. Надо такого ребёнка припекать. Ребёнка завёртывают в пелёнку и в тряпки, и *шур* в печь. Два или три раза его так суют в печь на лопате, и всё» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «На лопату, которой дрова в печку кладёшь, ребенка положат, мотают, если больной. Соват его в печь молодуха на лопате, а старуха спрашивает: «Чё, бабушка, печёшь?» А та отвечает: «Собачье мясо пеку». Потом опять спрашивает: «Чё, бабушка, печёшь?» А та опять отвечает: «Собачье мясо пеку». А потом ребёнок и поправляются» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Казнили ребёночка в бане — передавали его через окно дымовое. Это когда собачья старость была» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «При болезни «собачья старость» ребёнка обмазывали тестом и три раза совали в печь. Корку потом отдирали и скармливали собакам» (д. Лызиб). «Собачья старость если, в печь сажали. В тесто, как пирог, ребенка защипывали» (д. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.). «Вот собачья старость была раньше. Надо было с этой болезнью ребенка к знающей нести. Она калачик состряпат большой, чтобы ребёнок пролез, испечёт его. Баню истопит три раза, а потом в калачик ребёнка проденет и этот калачик собакам скормит. Баню то несильно топили, помаленьку продымит, и всё три полешка только. Потом сходит, вымоет, потом опять протопит, опять вымоет, так три раза, тогда уже в калач-то и продевает *углана*, а потом калач — собакам. Когда маленький ребёнок есть, тогда, говорят, собак нельзя в избу впускать, от этого живет собачья старость» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.).

Проводы в армию

В памяти старожилов сохранилось немало описаний старинного рекрутского обряда, когда на длительное время молодых людей отправляли в армию. «Месяц рекрут на общественную работу не ходил, освобождался. Дома пока всё делает, по деревне с лентами гуляет» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Холостому рекруту девки дарили ленточки, женатому не дарили» (д. Сороковая, зап. от Репина Н.Ф., 1928 г. р.), с ленточками он должен был кататься на лошади две недели перед отъездом, навещая всех своих родственников (п. Орёл, зап. от Вавиловой А.П., 1941 г. р.). «Здесь было раньше так, отец тогда призывался в армию. Жил в деревне старичок, у него была каурая лошадь. Давал он её рекрутам кататься. Дня два-три катались. Обет был такой — давать им коней» (д. Бугаево, зап. от Шерстобитова Н.Д., 1923 г. р.). Прощание с родней выражалось также в том, что «некрут перед *отправкой* по родственникам целую неделю ходил» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.).

Рекрута украшали лентами («ленты на обои плечи пришивают» — д. Разим). «Жёлтые ленточки рекруту никогда не одевали, только красного или розового цвета, можно голубую ещё. Белые, синие, тёмные тоже не делали» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Бантик сделают, а тут хвостики опустят, как девочкам раньше в косички делали, точно так же, только на грудё. На левую сторону всегда. И кончики опускали. Он так и ходит до повестки всё с ними» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Полтора-два метра ленты на шапку нашивали, которую новобранец носил, кругом сделают, сверху, посередине, чтоб ленты сзади висели, и на гармошку весили» (д. Слудка, зап. от Семукова П.Ф., 1932 г. р.). «Летом по фуражке, зимой по шапке кругом ленточки делали, полна спина ещё, только впереди, где лицо, нет. Много их, друг на дружку нашивали» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Рекруту на тряпочку ленточки привяжут розовые, красные, зелёные, он оденет тряпочку под фуражку, так и ходит, ленты из-под фуражки торчат» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Ленточки атласные на гармошку цепляли, на ремешки» (с. В. Кондас, зап. от Сивцевой Т.И., 1952 г. р.). «Еще цветов на грудь делают красный под вид розы, три ленточки к цветку прикрепляли: красную, зелёную, желтую» (с. В. Кондас, зап. Пармёнова М.Б., 1953 г. р.). «Рекруту на тряпочку ленточки привяжут, на голову под фуражку. Разноцветные ленточки: розовые, красные, зелёные, черные бывают» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.). «Когда гармониста провожают в армию, ему прицепляют ленточки на грудь, на гармонь, на фуражку» (д. Бельские, зап. от Бельской А.Д.). «Рекруту привязывали бант на грудь. Повестка дня за три была, так с бантом за стол посадят, а потом уж в военкомате ленточки снимают» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

Привязывание ленточек обставлялось особо: «Рекруту ленточки вяжут любые, девки всей артелью навалятся и вяжут справа» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «Парню на грудь ленточки девки положат, одну-две справа и слева» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

Напутствуя, новобранцу дарили особые подарки. «Рекруту с собой иголку с ниткой давали, там пуговку пришить или чего, хлебушко давали» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «Девка, которая любит, на грудь парню ленточку прикалывает, а как он за порог, с него шапку снимут, чтобы вернулся» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Девушки рекрутам платочки дарили, носовые, маленькие, на них ещё вышивали: «От подруги Анны Максиму». Он с этим платочком вернуться должен был» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«За день до отъезда рекрут собирал вечер, девок звал, пельмени стряпали, песни пели» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.). «Дак ведь народу-то собирается много провожать некрута, человек тридцать-сорок» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Если в рубашке родился, то эту рубашку хранили, потом её в армию с собой парню-то давали. Рубашка — спаситель» (п. Шемейный, зап. от Семукова П.Ф.).

«Некруту иголку в шапку под козырёк, только чтоб не видно было, втыкали. Давали платок. «На память другу», — девки вышивали» (д. Слудка, зап. от Семукова П.Ф., 1932 г. р.). «Богомольным давали иконку, вшивали её в одежду, это чтобы не убили» (п. Шемейный, зап. от Ляшковой А.К., 1930 г. р.). «Рекрутам крестик зашивали в одежду. Раньше ещё кисеты были табачные, так и туда зашивали. Девки рекрутам платки давали, подружки-то» (д. Вогулка). «Вот рекруту-то иголку под козырёк сделают, а девки-то платочки ему дарили, на платочках-то писали: «На память другу». В котомочку некруту собирали обязательно нитки, иголочку, конверт, бумагу и хлебушко, покушать чтобы» (п. Орёл, зап. от Вавилова А.П., 1941 г. р.).

«Рекруту с собой мяса подсушат, в сумку ему с собой положат. Ещё иголку с ниткой рекруту воткнут на жакетку, в грудь, нитку-то вокруг иголки обмотают. Булавку зашивали в карман» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«В армию обязательно из-за стола уходили. Хотя пустые чашки поставят, обязательно из-за стола. За стол садились и потом уходили» (д. Лызиб, зап. от Швецово Н.А., 1910 г. р.). «Бабушка, помню, девять ложек обмыла и умыла этой водой рекрута перед отправкой» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «Из-за стола рекрут выйдет, его родители мужской иконой благословляют, он в ноги родителям упадёт» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Падёт парень в ноги родителям, это обязательно. В ноги упадёт, иконкой благословишь его, и всё: «Иди с Богом, служи, и пусть тебя Бог хранит» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Рекрута благословляли: «Храни, Господи, да дай, Бог, здоровья, чтоб вернулся живой, не забывай отца, мать» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «Благословляли некрута: «Легонько в армию пройти, легонько служить и вернуться обратно». Отец благословляет иконой, а мать *ерушником* хлеба» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Благословляли как: станешь, себе на ноги что бросишь, чтоб закрыта обувь была, он на колени станет, головой в эту тряпку, благословишь его по спине любой иконой» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Во имя отца и сына, да храни тебя Господи», — читали, когда благословляли иконкой рекрута, рекрут падал на колени, благословляли его по голове» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Рекрута благословляли иконой и хлебом. Хлеб пополам разламывали и благословляли по голове» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «Из-за стола рекрут выйдет, мать его благословляет хлебом, он лицом к иконе стоит. Ковригой хлеба по темечку постучит крест-накрест и говорит: «Дай бог тебе отслужить счастливо и вернуться домой» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«На колени рекрут падал перед родителями, его благословляли Иисусом и Матушкой Пресвятой Богородицей. Родители его: «Господи, благослови». И по голове крест-накрест иконой постучат и тятя, и мама, одной и той же иконой. Ещё к ножке стола рекрут падал, лбом пола касался. «Господи, благослови», — говорил. Это ещё вперёд родителей он делал, потом уже они благословля-

ют» (п. Шемейный, зап. от Костоусовой А.И.). «Парню-то ещё велят на коленки встать перед матерью-то, перед бабушками, через божницу, через икону, ведь его в армию забирали. Его иконой обязательно благословить должны, и отец, и мать делают это. Благословят, на шею крест маленький оденут» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«В ноги родителям падает да ещё в передний стол в ножку падёт. Пойдёт, его мать благословит да попричитат ему, чтобы вернулся, ещё в ноги заставит упасть Богу. Он падёт, поклонится, ему мама-то, мол, иди с Богом, иди в армию, чтоб вернулся домой, живой чтобы. Рекруту на колени три раза надо встать, Богу помолиться; встанет на колени да помолится, мама его иконой благословит: «Иди с боушком». Он уж пойдёт, тогда его обратно ворочают. Мама его по шее иконой постукает крест-накрест: «Иди с Богом да вернись домой» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). «Как отправка, некрут в ножку стола три раза на колени станет и помолится, иконой по шее крест-накрест постукают его, маленькой иконкой» (с. В. Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). «Рекрута мать благословляет иконой, чтобы он вернулся домой, еще заставляет его кружку молока выпить: «С богом», — скажет» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«Рекрут пошёл из дома, тут зажигают свечу, если дым свечи за рекрутом потянулся — парень не вернется» (д. Разим). Уходя на войну или в армию, парень должен был снять шапку и положить ее в передний угол, а при возвращении он должен был взять ее оттуда (д. Трезубы). «Велят три раза вернуться, три раза шапку с некрута снимают. Он выйдёт без шапки, потом обратно зайдёт, шапку возьмёт, стоит, держит, потом опять выйдет. С него опять шапку тут снимают» (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). «Чтобы домой рекрут пришёл, ему велели чего-то дома оставить да вернуться за вещью обратно. За порог-то выйдет, а потом за шапкой, например, вернётся» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Парень пойдёт, у него шапку снимут, без шапки он на улицу выходит, обратно вернётся. Так три раза у него шапку с головы снимают, и три раза он выходил на улицу, только тогда его отпускали» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1934 г. р.). Кроме того, рекрута заставляли обойти вокруг дома или вокруг стола: «Рекрут с народом выходит, до ограды доходит, возвращается, круг делает вокруг стола и уходит» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Чтобы вернулся рекрут, так он выйдет из-за стола и снова заходит за стол, как круг делает вокруг стола, потом уж на улицу пойдёт» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.). «Чтобы человек из армии домой вернулся, нужно, чтобы он три раза вокруг дома по солнышку обежал» (п. Орёл, зап. от Вавилова А.П., 1941 г. р.).

При проводах, как и во многих местах Прикамья, в Усолье новобранца заставляли смотреть в печь. «Ворочают парня, это как примета, чтобы домой парень вернулся. Его мать возвращала: «Два раза, — говорит, — вернись и посмотри в печь» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). «Рекрута заставляли в печку смотреть. Он уйдёт в сенки, ему крикнут: «Вернись». Он вернётся тогда и в печку посмотрит» (п. Орёл).

«Рекрут пошёл в армию, матицу перешёл, садится и говорит, как будто уже вернулся: «Ой, приехал, ой, как хорошо дома-то». С улицы его иногда возвращали, он садился на лавку, еще в печку тут просили посмотреть. Он посмотрит и говорит, кого увидел, мол, ой, какие пироги-то вкусные, а там пирогов-то и в помине нет» (п. Орёл). Иногда при уходе новобранец произносил особый наговор: «Парень из сеней вернулся и говорит: «Суседушко-буканушко, пойдём со мной вместе служить». Это он сам про себя говорит» (д. Быстрая).

«Мать причитат: «Остались вдвоем со стариком». Всяко причитат, это как отправка. Вот рекрут ночь прогуляет, а утром ехать. Мать причитат. Как пойдём, она ему и причитат, что растила, а он отправляется, одних стариков оставляет» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«Тут два-три дня пируют и потом, как они выезжают, из ограды выходят с гармошкой, тут уже лошадь приведут, и лошадь благословляет. А вот лошадь приведут, как на солнышко смотрит лошадь головкой. И тут она наклонится — благословляет. Если хорошо службу проведет, никуда не потеряется, она ногу три раза поднимет. Вот голову этот солдат, который идёт в армию, наклоняет лошади. А если нет, кто значит погибнет, то ему ногу не топает, не подымат лошадь-то. Это в Кекуре так благословляли» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Лошадям в ноги заставляли падать. Говорят: «Ты пади лошади-то в ноги, пусть она тебя благословит». Он в передние ноги упадёт. А лошадь что: иная поднимет ногу, а другая нет. И которая лошадь поднимет ногу, вроде как благословила» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). Известно впрочем и противоположное толкование: «Рекрут в ноги лошали упадёт, и смотрят. Если лошадь ногу поднимет, значит, парень не придёт из армии, а стоит, не шелохнется, парень живым придёт» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1919 г. р.); «Ещё тут же с лошадью прощаться парня заставляли. Вот у нас рекрут прощаться начал с лошадью, мерин вовсе на передние ноги пал, на колени вовсе перед парнем. Сам-то парень на коленях стоит, в морду мерина целует, мерин перед ним тоже тут же. Так вот с войны-то парень не пришел, пропал. На mine подорвался» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«Специально у меня к брату приводили белую лошадь, он ей в ноги падал. Она не простилась с ним, вот он в армии-то и погиб. Если бы она ногу подняла, простилась бы, а она этого не сделала, так и сказали, что не вернётся. Он и не вернулся. Рекрут сидел за столом под иконой, но не на углу, нельзя на углу-то. Лошадь украшали, сбрую-то оденут, она вся как в пуговках, сбруя-то» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«На улице-то рекрут между своих ног смотрит на лошадь и сани. Если увидит, что лошадь копыто подняла, служба пойдет, она, мол, его как благословила, а стоит лошадь, не шелохнётся — плохо дело. Вот на похоронах тоже между своих ног смотрят на лошадь» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.).

Замечали и иные формы поведения коня. «Раньше на лошадях отправлялись в армию, верхом отправляли. Если вот лошадь, как говорится, покакает, тогда хоро-

шая служба будет. Вот когда вышел из дому-то, ну, верхом на лошадь садишься, а лошадь покакала — всё, служба хорошая будет. Я вот в морфлот попал, никакого образования, и ничего, все нормально» (д. Разим).

«Рекрута обязательно под руки уводят из-за стола. И провожать мы всегда ходили. За Крутое, там, за угор. Всегда уж всех, далеко. А там он попрощается со всеми и садится на лошадь верхом» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

Уходил новобранец с песней. «Вот брат в армию уходил, пел:

Дайте беленький платочек мне-ко слёзы утереть.

Неужели под Варшавой мне придётся умереть

(с. Щекино, зап. от Мальцевой А.М., 1925 г. р.).

На прощальном вечере пелись и особые солдатские и *провоженные* песни. Наиболее распространенной на проводах была песня «Последний нынешний денечек»:

Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья,

А завтра рано, чуть светочек, заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сестры, заплачут мать и мой отец,

Еще заплачет дорогая, с которой три года гулял.

Вести к венцу её сбирался, любить до гроба обещал.

Коляска к дому подбегает, колёса о землю стучат.

С коляски голос раздаётся: «Готовьте сына своего».

Крестьянский сын давно готовый, семья вся замертво лежит

(д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Вариант этой же песни, записанный в селе Романово, заканчивается следующими словами:

Ещё заплачет дорогая, с которой три года я жил.

Вести к венцу её сбирался, любить до гроба обещал.

В солдаты ехать выпал жереб, и вольным дням пришел конец.

Коляска к дому подбегает, колёска о землю стучат,

А из коляски голос слышен: «Готовьте сына своего»

(зап. от Тимошёвой В.П., 1929 г. р.).

До сегодняшнего времени популярной на проводах в армию остается песня «Как родная меня мать провожала»:

Как родная меня мать провожала,

Туту вся моя родня набежала:

А куда ты, паренёк, а куда ты?

Не ходил бы ты, Ванёк, во в солдаты.

В Красной армии штыки, чай, найдутся,

Без тебя большевики обойдутся,

По неволе ты идёшь аль с охотой,

Ваня, Ваня, пропадёшь ни за что ты.

Мать, страдая по тебе, поседела,
Эвон в поле и в избе сколько дела.
А дела теперь пошли любо-мило,
Лучше б ты женился, свет, на Орине,
С молодой бы жил женой, не ленился.
Тут я матери родной поклонился,
Поклонился всей родне у порога:
«Не скучайте обо мне ради Бога.
Я иду ведь не на пляс, не в пирушку,
Покидаю я на вас мать-старушку,
В Красну армию пойду я в походы,
Смертный бой я поведу с царским родом.
Если б были все, как вы, ротозеи,
Чтоб осталось от страны, от Россееи?

(с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П., 1929 г. р.).

Ещё одна частая на проводах песня «Ой да ты, калинушка»:

Ой да ты, калинушка, ой да ты, калинушка,
Размалинушка,
Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой,
Ой, не пущай листа во сине море.
Ой, да во синем море корабель плывёт.
Ой, да корабель плывёт, аж вода ревет.
Ой, да как на том корабле два полка ребят,
Ой, да два полка ребят, молодых солдат.
Ой, да как один солдат Богу молится.
Ой, да Богу молится, домой просится:
«Ой, да, командир полка, отпусти меня,
Ой, да отпусти меня, ой, да к отцу-матери,
Ой, да к отцу-матери, к малым детушкам»

(с. Романово, зап. от Зуевой Е.П., 1942 г. р., Богатырёвой Г.П., 1950 г. р.).

Песня «Вы, поля, вы, поля» повествует о гибели солдата на войне:

Вы, поля, вы, поля, поля чистые,
Как на вас, на полях, урожаю нема.
Только выросла одна кучевая верба.
Как под этой вербой солдат битый лежит,
Он убит — не убит, весь изранен лежит.
Во ногах у него конь вороной стоит.
Уж ты, конь, ты, мой конь, конь, товарищ ты мой,
Побегай-ка домой, во Россию домой.
Во Россию домой, к отцу, к матери родной,
К моей жёнке дорогой.

Передай ты, мой конь, что женат на другой,
Что женила меня пуля немилая,
Обвенчала меня шашка вострая,
А невеста моя — гробовая доска.
Ох, и тёща моя — мать-сырая земля,
Ох, и свечка моя — глубокая яма

(д. Трезубы, зап. от Вавилиной А.И., 1931 г. р., Леонтьевой Н.С., 1928 г. р.).

Военная песня «Солдат, раскинувши палаты», также повествует о жертвенности солдата, отправляющегося на войну:

Солдат, раскинувши палаты,
С большим трудом легко вздохнул.
Он не успел расположиться,
Как слышит голос на войну.
«Вставайте, братцы, подымайтесь», —
Дежурный громко прокричал.
Но делать нечего солдату,
Он должен службу исполнять.
Берёт винтовку со словами:
«Судьба несчастная моя». —
А взводный был неустрашимый,
Нас близко к белым он подвёл.
Тут затрещали пулемёты,
Тела валилися кругом.
В моей груди болела рана,
А кровь струилася ручьём.
До тех я пор буду валяться,
Пока не кончится весь бой.
И тут мне выроют могилу,
Закроют матушкой-землёй.
А дети спросят у мамыши:
«И где же папочка родной?»
А мать заплачет и расскажет,
Что он погиб в земле чужой

(д. В. Новинки).

Печальная военная тема может быть выражена и в песенных сюжетах о прощании с семьей:

Зачем распроклятая война началась,
Зачем меня взяли на войну,
С женой молодою меня разлучили,
И взяли меня на войну.
Лишь только вступил я на польску границу,

Поляк меня ранил три раза.
Одна пролетела, друга прозвенела,
А третья- грудь пополам.
Зачем санитары меня подобрали,
Зачем в лазарет меня свезли.
Сижу в лазарете среди незнакомых,
Среди незнакомых и чужих.
«Сестрица, сестрица, подай лист бумаги,
Домой я письмо напишу».
А дома детишки, жена молодая,
Они ожидают меня.
Пускай ожидают, пускай ожидают,
Они не дождутся никогда.
А вырастут дети и спросят у мамы:
«А где же наш папа дорогой?»
«Отец ваш убитый на польской границе,
Сырою землёю зарыт»

(д. Лызиб, зап. от Чекотиной Т.И., 1936 г. р.).

Популярна старая солдатская песня «Там вдали, в горах Карпатских», также рассказывающая о гибели солдата:

Там вдали, в горах Карпатских, между двух высоких скал,
Пробирался ночью тёмной санитарный наш отряд.
Впереди была повозка, она раненых везла.
Из повозки слышны стоны: «Скоро, скоро ли конец?»
«Скоро, скоро», — отвечает милосердная сестра.
А сама едва шагает, вся измучена, больна:
«Скоро в госпиталь доставлю, всех вас чаем напою,
Перевязки всем поправлю, жёнам письма напишу».
Вот один боец диктует: «Здравствуй, милая жена.
Жив я, ранен не опасно, скоро дома буду я».
А второй боец диктует: «Здравствуй, милая жена.
Тяжело я ранен в сердце, ты не жди домой меня».
Тут сестрица встрепенулась, ей на сердце налегло:
Муж её военный тоже и погиб не так давно.
Снова стоны раздаются, встрепенулась она,
И к больному подбегает милосердная сестра:
«Что тебе, милёнок, надо, чем бы мне тебе помочь?»
«Ничего ты не поможешь — помирать уж начал я»

(с. Романово, зап. от Зуевой Е.П., 1942 г. р., Богатырёвой Г.Л., 1950 г. р.).

Широко распространена и бытует в ряде вариантов песня «Ехали солдаты со службы домой»:

Ехали солдаты со службы домой,
На плечах погоны, на грудях кресты.
Едут по дороге — родитель идёт.
«Здорово, папаша!» — «Здорово, сын родной!»
«Расскажи, папаша, про семью мою?» —
«Семья, слава Богу, прибавилась,
Женка молодая сына родила».
Сын отцу ни слова, сам сел на коня,
На коня гнедого, поехал домой.
Подъезжает к дому к родительскому,
Мать стоит с улыбкой, жена во слезах.
Сына мать просила: «Прости, сын, жену».
«Тебя, мать, прощаю, жену никогда».
Заблестела шашка во правой руке,
Снёс жене головку по крутым плечам.
«Боже мой, Боже, что я натворил?
Жёнку я зарезал, сам себя сгубил,
Маленьку малютку навек осиротил.
Отдадим малютку в воспитательный дом,
Пусть её питают пресным молочком»

(д. Трезубы).

Крайне популярны в связи с военной темой казацкие песни:

Скакал казак через долину, через манжурские края.
Скакал он, всадник одинокий, кольцо блестело на руке.
Кольцо того, кого любила, когда казак пошёл в поход,
Кольцо того, кому дарила, когда казак пошёл в поход.
Она дарила, говорила, что «через год буду твоей».
Вот год прошёл, казак стрелою в село родное поскакал.
Он видит хату под горою, забилось сердце казака.
Навстречу вышла мать-старушка и шепеляво говорит:
«Напрасно ты, казак, стремишься, напрасно мучаешь коня,
Тебе казачка изменила, другому счастье отдала».
Казак свернул коня налево и в чисто поле поскакал.
Он снял с плеча свою винтовку и жизнь покончил навсегда:
«Пущай казачка вспоминает меня, лихого казака,
Меня, лихого, удалого, и черногривого коня»

(с. Романово, зап. от Зуевой Е.П., 1942 г. р., Богатырёвой Г.Л., 1950 г. р.).

Песня «Ехали казаки до дому до Дону» развивает жестокий сюжет о гибели девушки:

Ехали казаки до дому до Дону,
Сподманули Галю, забрали с собою.
Ой ты, Галя, Галя молодая,

Сподманули Галю, забрали с собою.
Едем, Галя, с нами, с нами, казаками,
Краше тебе будет, чем у родной мамы.
Ой ты, Галя, Галя молодая,
Сподманули Галю, забрали с собою.
Галя согласилась, на коня садилась,
И помчали Галю тёмными лесами.
Ой ты, Галя, Галя молодая,
Сподманули Галю, забрали с собою.
Привязали Галю за сосну косами,
Подпалили сосну снизу и до верху.
Ой ты, Галя, Галя молодая,
Сподманули Галю, забрали с собою.
Сосна догорает, Галя помирает.
Кто в лесу ночует, Галин голос чует

(д. Таман, зап. от Григорьевой К.А., 1937 г. р., Зайцевой М.М., 1926 г. р.).

Старая военная песня «Трубочка» («Шел солдат с похода») повествует о верности солдата своему командиру:

Шел солдат с похода, зашёл солдат в кабак,
Сел солдат на бочку, давай курить табак.
Тра-ля-ля, тра-ля-ля,
Сел солдат на бочку, давай курить табак.
«Здорово, брат служивый, куришь ли табачок?
Трубочка на диво, давай курнём разок.
Какая позолота с резьбою по краям,
Чудная работа, продай, брат, трубку нам».
«Нет, трубка не продажна, работа не своя,
Трубочка заветная, продать её нельзя.
Она у кирасира отбита на войне,
В память командира досталась трубка мне.
Наш полк вперед несётся, всех рубит наповал,
Выстрел раздаётся, наш ротный с коня пал.
Кровь хлынула из раны, я вмиг скочил с коня:
«Эх, лучше б бусурманы убили бы меня».
По счастью деревушку вблизи я отыскал,
Я снёс его в избушку, и сам остался там.
«Спасибо, благодетель, солдатик молодой,
Будешь ты владетель трубочки моей.
Каки были походы, я трубочку берег,
Месяцы и годы прятал всё в сапог»

(г. Усолье, зап. от Пономарёвой А.П.).

Похоронный обряд

*Прохожий, стой, остановись,
Могиле этой поклонись.
Я уже дома, а ты ещё в гостях.*
Эпитафии с кладбища в с. Романово.

Похоронный обряд в русской народной традиции включает большую группу ритуальных действий, призванных, с одной стороны, психологически ослабить страдание и боль от утраты близкого человека, а с другой — «отрегулировать» с помощью особых культурных форм возникший на момент похорон контакт со смертью, этим мистически воспринимаемым, табуируемым в обыденности понятием. Забвение обрядовых форм, нарушение правил, которые «не нами начались, не нами кончатся», способно вызвать в человеческий мир беду. Об этом многочисленные рассказы о предании умершего земле с нарушением обряда. «Похоронили девочку, а на ноги туфли с каблуками одели. Дак снится стала, снилась, говорила, что неудобно ходить там» (с. Щекино). «Женщина сына хоронила, положила ему шапочку в гроб. Её уговаривали убрать, нельзя класть ничего, а она не убрала. Ребят у неё трое до того умерло. Вот она младшего во сне увидела, он ей бы и говорит: «Ребята все прошли, а меня не пускают» (д. Санниково, зап. от Санниковой Т.И., 1912 г. р.). «Отец умирал в марте, мы ходили с соседкой по кладбищу, искали место куда похоронить. Такая, такая снежина была! К маме некуда, к папе — далеко в лесу. Ну, тут с краешку выбрали место, да видно сырое. На другой день после похорон он мне снится: «Груша, возьми лодку, я хочу отсюда выплыть» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.).

Похоронная традиция в крае представляет собой развернутый культурный комплекс. Кроме многочисленных ритуальных действий, исполняемых при подготовке умершего к погребению, на похоронах и поминках, в народной памяти до сих пор хранится немало сведений о том, как понимается сама смерть, что есть душа, как устроен загробный мир.

Представление о смерти и том свете

«Умирать пора — скажут *пора на лазан*, на лазан, мол, поглядываю» (д. Мыслы). Как представляется, выражение не стоит понимать лишь как деформацию общеизвестного определения глубокой старости — *на ладан дышать*. Поскольку глагол *лазать*, лежащий в основе слова *лазан*, обозначает 'взбираться круто вверх или с напряжением, силой пробираться вниз', выражение фиксирует внимание на самой сути смерти, которая выступает в народном сознании как сложнейший переход в иную сферу: мир либо нижний, либо верхний. Аналогично выражение *пора на Гору-Горенскую* (п. Пыскор), в котором использован образ горы, места, где земля и небо, мир земной и небесный как бы взаимодействуют друг с другом. В народной речи нередко потребность описательно, непрямо определить понятие «умирать» и смежные с ним

приводит к созданию выражений, основанных на упоминании тех или иных обрядовых деталей. Таково выражение «пошёл по пихте человек-от», которое говорится, когда провожают умершего и разбрасывают перед гробом пихтовые веточки (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А.).

Свойственный человеку страх перед смертью психологически преодолевается в том числе её высмеиванием, намеренным принижением этого понятия. «Умер — на Вшивую горку отправился. У нас Вшивой горкой кладбище называли» (п. Орёл, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). Возможно, в такой характеристике оказалось значимо то, что, по устойчивым народным поверьям, у человека незадолго перед смертью появляется большое количество вшей: «Когда вши вылезут, покойника и отправляли на Вшивую горку, хоронили» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

Представление о смерти раскрывается в многочисленных рассказах о снах. «Видится мне как-то, что мужик из соседней деревни, который давно помер, избушку строит. Хорошая избушка, крепкая, только без окон, без дверей. Во дворе куча щепы лежит. Он и говорит мне: «Александра, дом я тебе поставил». Я спрашиваю: «Чё, окна-то, двери где?» Он отвечает: «Ты пока сходи в магазин, я всё сделаю: и окна, и двери, и щепу уберу». Прихожу из магазина, а избушка уплыла вместе со щепой и со всем. А мужик с топором стоит и говорит: «Рано тебе, Александра, в этом доме жить, я тебе ещё потом выстрою». Я болела в то время да вот выздоровела, слава Богу, до сих пор живу» (д. Половодово).

Образы «того света» видны в рассказах тех, кто «обмирал». «Бабушка обмирала, потом очнулась. Она и говорила: «Ой, говорит, где я только не побывала: такие сады, такие сады. А больше ничего не сказывала — нельзя» (с. Щекино). По другим рассказам, человека-грешника на том свете ждет встреча с чертями. «Перед сном как-то говорю: «Господи, приснись мне, матушка, как там она». И вот вижу во сне: она на четвереньках, на руках и коленках идёт, и на ней чёрт сидит. Она ещё так поглядела в окошко на меня. А у чёрта рожки, такие маленькие рожки у него» (с. Берёзовка, зап. от Перевозчиковой А.И.). «Обмирал один дедушко. Всё у него прошло, ожил, а там, где он был, сказали, что, когда проснёшься, нельзя рассказывать, что видел. А рассказал. Там, говорит, большое здание, везде палаты, как больница. По коридору идёшь, там грешные, кто абортыв делал, сидят женщины, а маленькие ребята им ноги царапают, кто играл — там играют, пляшут, режут. Он рассказал и из-за этого недолго прожил» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «Старик обмирал, сказывал. Бабушка, Тешка, бригадир, свекровь — они уже все умерли. И вот, он говорит, они пришли ко мне и водили по горам, по логам, по красной земле, по чёрной, а потом, говорит, Михаил Алексеевич ушёл» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.).

Наиболее устойчивы представления о ждущем человека на том свете суде. «У бога весы: весят добро и зло, в рай или в ад человека. Пойдешь в ад да на самый зад, а который пойдешь в рай, только двери открывай» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Уже на сороковой день определяют: грешна душа — в ад, не грешна — в рай, тамока и определяют тебя» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Существуют разные версии того, что ожидает человека после смерти. По одной из них, «когда человек умрёт, на тот свет приходит, и ему тридцать пять лет сбавляют. Вот мне семьдесят пять, отнимут тридцать пять лет, на тридцать пять лет помоложе будешь. А который совсем молодой, дак там вовсе ребёнком будет» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). Чаще однако утверждается неминуемость расплаты за грехи, которые человек неизбежно совершал в течение жизни. «На том свету костры разжигаются, котлы раскипаются — грешную душу дожидаются. Любила плясать, так умрешь когда, попляшешь на каленой плите» (д. Сороковая, зап. от Шишкиной Е.С., 1914 г. р.). Разные прегрешения заслуживают и наказаний разной степени: «Грешного, кто оговаривал других, его за язык прибавают к крышке гроба на том свете» (д. Таман). Крайний грех — самоубийство. «Кто на себя руки наложил, на могилы, говорят, осиновы столбы ставят, ему успокоения не будет» (с. Березовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.).

Сорок дней после смерти душа «ходит по мытарствам». «Сорок дней все считают умершему. Вот, говорят, сорок дней душа идёт по мытарствам. Я вот спрашивала у других, дак, говорят, чем больше грехов, тем дольше, даже до года, идёт она по мытарствам. Надо молиться за неё, чтобы помочь. Её просто не пропускают. Ангелы её, душа только выходит, он сразу спускается за душой человека, а дьяволы не пускают её, нечистая сила, её очень много. Если бы нам можно было видеть тот свет, то их уйма, тьма. Не обязательно, что они одинаковые, они есть в ущельях и в низинах, или в избах, во дворах, в голбцах у людей. Они всякие: девки, ребята. Так же ходят, в гармонии играют. Они как люди, а *дьяволины*. Их воля до утра, шесть часов, с двенадцати часов вечера. Он может явиться так, что ты не узнашь, что это нечистая сила, ночью явятся. На него надо только Воскресну молитву. Её ещё надо вперёд да взад читать: «Воскреснет — не воскреснет, Бог — не Бог». И так до конца. Ещё против них «Живые помощи» читают» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой А.С.). Даже если человек сам не успел совершить грехов, ему придется расплачиваться за грехи родных. «У нас женщину одну молнией убило, она и нагрешить-то не успела, дак, говорят, за грехи родителей всё» (д. Поселье, зап. от Мазихиной А.Ф., 1918 г. р.).

По многочисленным рассказам, и саму жизнь, судьбу только что родившегося определял не только Бог, но и нечистая сила. «Раньше верили больше богу, а чёрт все равно был ближе к народу. Вот появился у одних ребёнок. Все уснули на полатах, а кто-то не уснул. И тут после двенадцати появились двое. Откуда? Сели они за стол и стали гадать: «Куда этого ребёнка, в какую жизнь записать?» У нас ведь всё написано, куда написано, туда и идёшь. Ну, решили — в колодец. Давай, говорят, напишем в колодец, что он в колодце утонет этот ребёнок. Ну, всё — скрылись. Пока ребёнок был не на ходу, в коляске, вроде ничё с им. Как ногами стал ходить, его под замок стали закрывать. Знали ведь, боялись. А всё равно, время подошло, ребёнок этот уже взрослый стал. И вот лёг на колодец раз и тут и дух отдал. Лёг на покрывашку-то и умер» (п. Орёл).

Любопытный пример народного осмысления смерти, в рассказе об избавлении от болезни, об отпращивании её с умирающим. «Одна женщина умирать стала, своей

родственнице сказала: «Анка, у тебя голова постоянно болит, возьми мой гребешок, почеси им свою голову быстро-быстро, потом воткни гребень туда, откуда взяла». Ещё говорить слова надо было при этом: «Унеси с собой в могилу все мои болезни, боли» (д. Вильва).

О душе

«Душа — то, что не умирает, остается от человека. После смерти она уходит на небо, а у утопленников «уходит в воду» (п. Орёл).

«Душа сорок дней вокруг дома ходит, через год опять приходит. Её и видно — негрешные люди идут столбом белым, фосфорным, а грешные — остаются внизу» (п. Пыскор).

«Все мухи — это чьи-то души. Вот у меня мужик умер. А тут я пирог стряпала к поминкам, и столько мух стало, я давай их хлестать. И в ту же ночь он мне приснился: «Ой, говорит, мне ты всё лицо исцарапала» (п. Орёл).

Образы смерти

«Смерть кажется как старик с бородой в чёрной одежде» (с. Щекино). «Вот бабушка у нас умирала и ей показалось, что пришёл мужчина в чёрном, одетый, борода-тый» (с. Щекино). «Мне вот раз делали операцию. И тут после операции, днём, приходит женщина в зелёном джемпере (раньше джемпер назывался, теперь кофтой зовут) старше сорока лет. Говорит мне: «Хватит, я к тебе походила, придёт молодая, а там парня привезли, так я к парню пойду». Бабы в палате и говорят мне: «Ты с кем, Александра, разговариваешь-то?» Я говорю: «Женщина пришла ко мне». Я видела, а они её не видели. А парень утром умер» (д. Половодово).

«Видела однажды на ферме: у окна стоит женщина. Я только погляжу на неё, она и спрячется. Дак это, наверное, смерть-то и была» (д. Половодово). «Смерть-то приходит ко всем. Вот как-то ходила я там к одной баушке, вместе мы пельмени стряпали. Баушка-то заболела. Я пришла, она лежит, а у самой полено большущее, толстущее под головами лежит. Я говорю: «Ты зачем полено-то положила?» Она мне отвечает: «Ты чё, смерть-то скоко раз приходила уже ко мне, придёт, в двери скоблится, а я тут поленом-то как застукаю, она убиратся обратно. Вот три раза уже приходила, я не поддалась, этим же поленом отмахнулась» (д. Слудка, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«Ко мне раз родственница пришла. «У тебя пошто в избе так грязно?» — «У меня скоро бабушка умрёт». — «Дак ты пошто в избе-то не моешь? Ты сделай всё, чтобы у тебя в избе было чисто». Я давай скорее мыть. «Она, говорит, долго у тебя будет мучаться, не умрёт, у тебя грязно, смерть по её и не зайдёт». Я всё вымыла, бабушка тут же заболела и умерла» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Предвещающие смерть приметы

«Муха — слуха, правду слухает. Мы сроду не думали, что у нас Клавдия умрёт. А вот перед тем как Клавдии умереть, так ведь такие крупные появились: черно-чер-

но на рамах-то мух. Она умерла пятнадцатого марта, а они с первого прилетели. Как только умерла — и их не стало» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Мухи слышат *невзгодье*. Наталья говорила: «Мухи-то у вас — у кого-то у вас нехорошо случится скоро». Корова ещё третий раз тройню принесла, она и говорит: «Мол, шибко нехорошо — не хвалят это дело». Вот как мухи-то появились, она говорит: «У вас кто-то умрёт» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Кукушка летает по деревне — это к покойнику. У меня отец пять раз стогнял кукушку с дома, да всё равно умер» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Н.И., 1923 г. р.).

«Корову как-то гнали домой с одной женщиной, она и говорит: «Переносица чешется — будет покойник». Я ещё посмеялась, не поверила. А через час вызвали меня на работу, человека убили, застрелил один мужик из ревности. Я тогда даже испугалась. Примета такая» (д. В. Новинки).

«Соседка Анна рассказывала. Сели ужинать, вдруг слышит, зовут её: «Анна». И никого нет, и шум, будто тёс упал. Рядом женщина сидела за столом и говорит: «Примета к смерти». И правда муж Анны умер скоро: на лесоповале убило. Вот как бывает» (д. В. Новинки).

«Птица в окно стучится — к смерти. И говорят: тень промелькнула мимо людей, значит, смерть по кого-то пришла» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Парились мы как-то в бане. И красный петух залетел в окошко. Залетел и бьётся. Сестра крикнула: «Отрубите ему голову». И вот недели не прошло, две моих младших сестры умерло брюшным тифом. А хотя бы и отрубили голову, наверно, всё одно. Вот у Тамары золовка была, так к ней в избу большая птица залетела. И как и попала! Выпустили, а на завтра её мужик под мотоцикл попал. Попал и помер» (д. Борисово, зап. от Шерстобитовой М.Ф., 1907 г. р.).

«Женщина одна работала техничкой в школе. Как-то раз мы мылись в бане. Она смотрит на меня, смотрит, да и говорит: «Ты, Клава, овдоеешь». — «Почему?» — «А вот овдоеешь». И ведь *как в руку положила*. В тот год у меня муж умер, в мае месяце. Потом я встретилась с ней. «Почему ты так мне сказала?» — «У тебя, говорит, лоб очень блестел». Я, видать, в бане помылась — он и блестел так, что она заметила» (д. Вильва, зап. от Петуховой К.И., 1926 г. р.).

Особенно часто близость смерти ощущается во сне. «Перед смертью отца я сон видела: кресты, доски мокрые» (с. В. Кондас, зап. от Кукшиновой А.Я., 1939 г. р.). «В сороковом году селяли из маленьких хуторов в большие деревни. Мы у дяди жили. Вот спим однажды, а мне не спится что-то. Вроде сплю и не сплю, как бы вижу: двери открылись, идёт женщина, по лестнице поднимается. Чёрная, юбка широкая, с оборками. Подошла она ко мне и села на лицо прямо голой ж.пой, и давит меня. А сама холодная-холодная. А тут у нас печка стояла, я ногами до печи дотянулась, она и стукнула. Тут женщина-то и ушла. А в пять утра лошадь сдохла у нас. И потом я ногу сломала, в больницу положили. Ночью опять снится: врач пришёл, тоже сел на меня. Дак он горячий был. Видно, холодный придёт — к смерти, горячий — к добру. Вот у меня нога-то и срослась» (д. Половодово, зап. от Марзинской А.К., 1921 г. р.).

«Как отцу умереть, дак мама говорила — во сне пиво пила. Раньше ведь в деревнях своё пиво сварят, чёрное, густое, через края пена лезет. Говорит, весь стакан выпила. И такое горькое, говорит. Утром встала, соседкам рассказывала, что пиво пила во сне горькое. А они ей: «Маня, поберегись!» Вот и умер муж. Пиво-то горькое попила во сне — ей горько-то и стало» (д. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.).

Нередко приметы связывают со смертью события, которые происходят в близкий к недавним похоронам отрезок времени. «Если до девяти дней прошло — и опять покойник, то ещё будет один, если до сорока дней — то опять ещё будет» (д. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.). «Если в течение сорока дней после смерти никто из родственников не умрёт, то уже можно не бояться, что кто-то ещё умрёт» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). Замечали также, на какой день недели приходится смерть. «Если в понедельник кто умрёт, ещё покойники будут на неделе» (с. Щекино, зап. от Кожинной Г.В., 1931 г. р.).

О трудной смерти

«Сколько у нас колдунов-то было, когда умирали, на воду нашепчут и в печку выливают, чтобы легче им умирать было. А то они не могут умереть-то, бьются» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Колдуны тяжело умирают. Да вот Настасья-колдунья. Она маялась, а не умирала. Ведь они невинных людей губят» (д. В. Новинки).

«Если шибко мучаются, когда умирают, трубу открывают, двери открывают» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Чтобы человек умер нормально, не мучился, у него убирала подушку из-под головы. Пуховую уж обязательно» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «На пере трудно умирать — подушку из-под головы убирают. Ещё, чтобы легче было умереть, на пол человека кладут. Или он сам, когда чувствует, что умрёт скоро, ложится на пол. Даже врач наш говорит: «На кровать не ложьте — легче пусть будет» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

Обряжение покойника

«Детям не положено отпевать и мыть покойника. Покойника обряжают в платье ли, рубаху, платок и венчик положат вместо паспорта на руках» (с. Берёзовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.). «Обмывают покойника водой — только чтоб вперёд да вперёд. Пол также к порогу моют, без заворотов только, взад нельзя» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). После того, как покойника обмоют, воду выливают на передний угол дома, снаружи (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «Воду от покойника выливали в реку» (п. Пыскор). «Воду, которой покойника обмывают, выливают на нехожено место, вот на передние углы дома льют, а вот я опять видела, у нас другие на росстань льют, это где дороги расходятся, а соседка в поле уносила, там выливали и посуду там оставляла» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1919 г. р.). «Вода после обмывания покойника выливалась на улицу, а вот *ведущие* люди прибирали ее для лечения или там портить кого» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.).

«Живой человек не поганый, мёртвый, дак считается поганый» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). В связи с этим обмывание умершего предельно ритуализировано, а человек, исполнявший обмывание, особо почитался. «Чтобы грехи с себя снять, надо обмыть трёх покойников» (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.); «Три покойника надо обязательно обмыть, чтобы на том свете легче было» (с. Березовка); «Женщина женщин обмывает, мужчина — мужчин, надо трёх покойников обмыть, чтобы на том свете хорошо было» (д. Вогулка, зап. от Араповой Ф.И.).

«Горшок, из которого обмывали покойника, вешали на огород и больше им никогда не пользовались, гребень тоже, которым чесали, уже не использовали, бросали его» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Посуду, из которой обмывали покойника, бросали в подвал, её уже никуда не держали. В лог могли снести» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Когда покойника моют, мыло не выкидывают, берут знающие, чтобы привораживать» (п. Орел). Обмылок, которым мыли покойника, брали и давали мужу, который дерётся, «чтобы руки на жену не поднимал» (д. Вильва).

«Покойника обмывали не родственники, а старых — можно и родня, но только не близкие родственники, а племянники, например» (д. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.). «Умер человек, обмоют, пока тёплый, оденут. Человек может наказать, пока живой, кто должен его обмыть: «Пусть меня обмоет тот-то» (с. В. Кондас).

«Покойника одевали во всё чистое, нестиранное. Одежду на его шили против солнца, иголку обязательно держали против солнца и узелков не вязали» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Для покойника заранее готовили на ноги вязаные тапочки и вязаные чулки» (п. Орел). Шить одежду умершему надо без узелков, вперёд иголкой (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.). «Одежду шьют, нитку без узелка делают» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «Гребешок, которым мертвого расчёсывали, нельзя было выбрасывать, и сжигать, говорят, тоже нельзя» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Крестик с покойника снимают и одевают другой, новый, а старый хранят — он от суда спасает» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Когда хоронят, косы расплетают вообще, платок только одевают на голову, кос-то вовсе не плетут. Волосы вычесанные выкидывают в печку» (с. В.-Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«Пока без гроба, на скамейку половик кладут, потом его положат. И пока солнышко не закатилось, в гроб нужно положить умершего-то» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.).

«Когда дома покойник, с покойником днём не закрывают двери, окна, трубу, а под вечер закрывают» (д. Лызиб).

«Пока человека не отпоют, он всё слышит, а как песочком батюшка посыплет, он слышать перестаёт. Домой с песочком заходить нельзя, надо идти прямо на кладбище. Молитву ему в гроб кладут, из церкви берут, «Живые помощи» (д. Санниково, зап. от Мазуниной М.М., 1921 г. р.).

О гробе

«Гроб из ёлки делают, его сразу обивают, это нонче. Гроб пустой не должен спать. Обязательно нужно положить туда покойника» (с. В. Кондас). «Гроб надо по мерке. Большой гроб сделают если, дак говорят, ещё покойник будет» (д. Зыряны). «В гроб-то стружки, белое полотно, под низ старое одеяло положат, сделают подушку из ваты» (с. Берёзовка). «В гроб веники бруснули, в подушку вату клали» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Стружку от гроба в подушку клали. Волосы, которые обстригали, клали тоже в подушку» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «В гроб веники берёзовые стелили немного. На глаза умершему деньги, чтобы не смотрел» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«Старые люди готовят себе доски для гроба, на чердаке хранят. Обивают гроб, когда никого в доме нет, когда никто не видит. Внутри гроба стружка от строгания, дно покрыто белым» (с. В. Кондас, зап. от Пармёнова М. Б., 1953 г. р.). «Тряпочки, какие есть, в подушечку ему, стружкой ещё набьёшь — такая-то пышная получается. И крестики чёрные пришивают на углы подушки» (д. Санниково, зап. от Мазуниной М.М., 1921 г. р.). «В подушечку волосы кладут. У нас вот одна женщина умерла, у неё в мешочке волосы остались, так и схоронили без волос, забыли про них, так муж потом вспомнил, через два-три дня сходил с соседкой на могилу, там выкопали сколько-то и похоронили волосы тоже» (п. Шемейный, зап. от Исаевой, 1925 г. р.).

«Раньше холст был, деревянный холст стелили, его клали в гроб, стружку мелкую клали, березовый лист не клали. Подушку ватой набивали» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.).

«Свечи ставят по углам гроба, это перед выносом, после некоторого времени их тушат и выносят гроб» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «На гроб свечки ставят, только в углы не ставят» (д. Гунино, зап. от Киршиной К. К., 1918 г. р.).

«Поверх крышки, когда заколотили, я положила одеяло, пускай там теплее будет» (с. Березовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.). «Одна вот у нас зубы забыла, так я после на могилку сходила, закопала их, пускай пользуется» (с. Березовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.). «Отпевают без вставленных зубов, а потом эти зубы в гроб кладут» (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.). «Вот у нас умерла одна женщина. У неё зубы были вставные. Зубы-то в гроб забыли положить. Только лягу спать, свет выключу, слышу: «Отдай зубы». Шторы тут по окнам шевелятся. Свет включишь — ничего нет, выключишь — черное пятно какое-то, потом оно ушло. Ну, зубы нашли, поехали на кладбище с бабушкой одной. На могилке около головы выкопали яму в полметра и зарыли их. Не стала вроде ходить. Потом опять: «Отдай зубы». Уже отца-то стала теревить. Ему вообще в стакане от водки две лягушки показалось. Поехали снова на кладбище с баушкой. Выкопали яму, зубы-то не нашли, нету. После этого не стала ходить» (с. В. Кондас, зап. от Пармёнова М.Б., 1953 г. р.).

«Лён положь в гроб, а то что я там прясть-то буду», — попросила перед смертью соседка у меня. Припасла себе специально три горсти кудели» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Некоторые бабы просят положить в гроб лён, мол,

прясть-то надо, вот и кладут лён-то, припасали для этого кудельки, её возле головы клали» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.). «В гроб стружки кладут, ещё куделю обязательно» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«Бутылку в гроб мужу положила. Он живой был, ругался, пил, я ему так и говорила, что все равно положу» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.). «В гроб бутылку ставили, если покойный любил выпить при жизни» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.).

«Мачеха на похоронах отрезала ломоть хлеба и положила Аньке за пазуху, наверное, чтобы она сытая была всегда» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). Покойному на грудь за пазуху клали ломоть хлеба (д. Толокново, зап. от Половниковой П.А.).

«Покойнику в руку кладут деньги с собой» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Умершей-то деньги дают, в руку положат, чтобы она там откупила, кто его знает, куда попадёт» (с. В. Кондас, зап. от Симоновой Е.А., 1951 г. р.). «В руку умершему деньги положат, вот у нас одна была, так ей вместе с венчиком-то, вишь, десятичку положили. Она управляющей была, так куда она там попадёт — в рай ли в ад — так чтобы себе вину-то откупила, чтобы не грешна была» (с. В. Кондас, зап. от Семковой Е.А., 1951 г. р.). «В гроб тарелку кладут, на ноги, на колени ли, в неё деньги собирают, на отпевание как, потом возьмут» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.).

«Под гроб ставят таз с водой, чтоб покойный не опух, не почернел. Ещё чтобы яйца с двух сторон у горла кладут под голову, сырые. Когда будут в церковь ехать, достают, их после гроба в могилу бросают, кидают» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

Прощание с умершим

Умершего не оставляли одного, особенно в последнюю ночь, над ним ночью должна читать «ученая». «*Читальница* за свою работу получала отрез ткани перед началом чтения» (п. Орел).

Гроб украшали пихтовыми ветками, в руки покойнику давали свечу (если сохранилась, то венчальную). На похоронах всем прощающимся родственникам дарили платки, мужчинам платки побольше, женщинам поменьше. «Раньше только головные платки и дарили» (п. Орёл, зап. от Неверовой Н.В., 1927 г. р.).

«Близкие кругом гроба идут и каждый прощается, деньги на умершего кладут, их уж на отпевание в церковь потом отдают» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.). «Родня прощается. Провожать покойника не разрешалось молодухе» (с. В. Кондас, зап. от Елькиной М.М., 1921 г. р.).

«Если тятя, мама умерли и не благословили детей, делают вот что. Когда гроб поднимают, дети проходят под гробом, чтобы этот уже гроб что ли благословил» (д. Разим).

«Женщинам давали головные, а мужчинам носовые платки, платок головной на себя одевают сразу, а носовой вставляли за пазуху» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д.,

1918 г. р.). «Мужчина умрёт, дак носовые платки дарят, а женщина умрёт — носящие платки» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.). Отрез ткани клали *читальнице* под книгу, по которой она читала, деньги «ученая» получала после чтения. *Мыльница* — та, которая пол мыла после покойника, получала за работу тоже отрез ткани (п. Орел).

«Когда приходили прощаться с покойником, приносили деньги, кто рубль, кто хоть три копейки. Наклонятся к умершему, где у него там крестик лежит, перекрестятся, скажут: «Прости, прощай». И отойдут» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «С покойником-то прощаются, говорят: «Лена, или как ли, какие имена, прости-ко. Тут мы вот ругались, может, когда-то — прости-ко меня». А когда робили вместе, дак всяко было: и ругались, и дрались — всё было» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.). «Вот которые с матерями ругались, им так говорят: «Стань на колени ко гробу, в ноги-те матери, и попроси этого, что я, мол, грешна, ругалась с тобой. Прости-ко, мама, меня» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

«Выносить гроб: тогда по солнышку вокруг гроба ходят, близкие целуют умершего, прощаются. Когда вынесут, перед домом гроб не ставят» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Когда прощаются, идут по солнышку, кто простился, тому дарят платок» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А.). «Кто прощается, говорит: «По-милуй». По солнышку все обходят гроб-от» (с. Березовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.).

«Перед тем, как заколотить гроб, покойнику развязывают руки и ноги, то он там связанный будет ходить. Развяжут и все верёвочки в гроб складут» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Когда закрывали гроб с покойником, обязательно звонили в колокол в церкви (п. Орёл, зап. от Куторева В. Ф., 1924 г. р.). «Если не отпевали умершего, потом позачью это делали. Сходишь там в церковь, а оттуда уже на кладбище земли сколь принесёшь, высыплешь на могилу» (д. Разим, зап. от Горюновой В. Е., 1927 г. р.).

«Если у тебя мужик умер, это вообще о нём грех реветь, скажут люди, как корова о быке ревет. Это нельзя» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А. В., 1925 г. р.). «Прощаются, слезы в гроб нельзя капать» (п. Шемейный). «Когда будешь плакать над покойником, никогда слёзы на покойника не роняй — нельзя, тосковать будешь всё время» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Чтобы не бояться умершего, сразу после выноса тела надо было сесть на лавку, где стоял гроб (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «Вот покойника только подняли. Он на лавке лежит, на табуретках ли. Только его подняли, лавку нужно с места сдвинуть — иначе ещё покойник будет. А те, кто в дому живёт, посидят немного на ней, а потом её сразу убирают» (п. Орёл, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.).

«Если боишься покойника, у него ноги потрогай. Ещё как поедут, под санями надо было посмотреть: увидеть у лошади ноги, тоже, говорят, покойника бояться не будешь» (с. Березовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.). «Кто сильно умерших боится, того заставляют проходить под гробом» (с. Романово, зап. от Половнико-

вой П.А.). «Раньше падали. Я вот помню, осталася шести годов от папы. Его повезли и меня заставили под сани падать и на копыта посмотреть: копыта увидеть, чтобы не бояться покойника. Это было» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

«Когда покойника из дома унесут, сразу пол выметут, помоют, после чего те, кто мыл, вереском кадят» (д. Таман). «Покойника на кладбище понесут, а кто дома остаётся, пол моют. И вереском, так зажгут его маленько, кадят, ходят с ним по дому. Чё, церкви-то не было, дак делали, чтобы пахло. Вот покойника унесли, избу выметут, вымоют и обкурят, вот и получается как тройка. Это все ведь как три должно быть. Чего делают, всё ведь как по три» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.). «Гроб унесут, тогда мыть начинают: напротив пути от дверей к иконе, а не на дорогу, как покойник ушел, а наоборот» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.). «Только гроб вынесли, стулья, на которых он стоял, водой сразу поливали, человека оставляли мыть пол, он тряпкой всё под порог делает, не поворачивает её. Водой из ковшика поливают тоже только вперёд» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Без заворотов пол после покойника моют. Воду на улицу выливают, посуду, из которой покойника мыли, выбрасывают» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «Пол мыть после покойника чужих просишь, родственников нельзя» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.).

«Покойника унесут и святой водой углы поливают. Мыть избу начинали, потом эту воду выливали на улицу, на угол, где иконы стоят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Путь на кладбище. Первая встреча

«Перву встречу делают: это дают ковригу хлеба, в платке завернутую. На дороге пихту кидают перед гробом, перед покойником» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Перву встречу-то, хлеб-от, завертывают в платок, туда катушку ниток и иголку» (п. Шемейный, зап. от Исаевой, 1925 г. р.). «Перву встречу делают обязательно, мыло, нитки в платок — это всё завязывают и отдают первому встречному» (д. Турлавы, зап. от Кожиной А.И., 1925 г. р.). «Делали *подорожную*. В платок собирают нитки с иголкой, туда чашка с ложкой, булочка или хлебное что-то, сладости, потом, если женщина — чулки, если мужчина — носки. Первому встречному дают после выноса» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Когда выносят умершего, котомку ладят: нитки, хлеб, соль — всё завертывают в тряпочку. Первая встреча попала, надо обязательно эту котомку первому встретившемуся человеку отдать. Еще в котомку бутылку, иголку могли положить» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Покойника до кладбища несут не останавливаясь (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Ветки кидают, когда гроб понесли, еще зерно сыплют» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Последний путь человеку по пихте идти, пихту и разбрасывают» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). «Перед гробом с покойником бросали пихтовые ветки, «по чистому несут», говорили, это они как путь очи-

щают» (д. Разим). «Пихту кто-то велит бросать, кто-то не велит. Вообще-то не положено бросать — очень много молиться надо. Сколько веточек-иголочек — столько и молиться, столько и поклонов надо будет положить» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Раньше было — если покойника на санях везут, так и сани на кладбище оставляют» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

Предание земле

«Если кого зовут могилу копать, отказывать нельзя. Пришли копать утром, нам подали, накормили, и так же после работы. Могилу выкопанную не оставляют без присмотра» (с. В.-Кондас).

«Гроб на могилку ставят, на палки сначала, потом на полотенцах спускают, потом эти полотенца делят, кто копал могилу, тому эти полотенца и отдают. В могилу денежки бросают, могилку-то откупают вперёд, перед гробом» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Когда засыпают могилку-то, деньги бросают туда, кто прощается» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«Три раза кинуть землю в могилу надо. Кинут и уходят. Если близкие, до последу стоят. Зароют, тогда брёвна вокруг могилы ложат» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). «Когда покойника зароют, по краям могилы брёвна кладут, по два с каждого боку, одно на другое сделают» (с. В. Кондас, зап. от Пармёнова М.Б., 1953 г. р.).

«Когда идут с кладбища — не оглядываются, чтобы ещё покойника не было» (д. Разим). Чтобы покойник не ходил, на кладбище круг могилы обойди со словами: «Я тебе не жена, ты мне не муж, ко мне не ходи» (д. Лызиб, зап. от Шестаковой Н.А., 1910 г. р.). «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас. Ты нам не товарищ, был друг хороший, а сейчас нет», — говорят, когда покойника провожают» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «Когда хороняешь, говоришь: «Мы к тебе придём на могилку, а ты к нам не ходи» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.). «Чтобы покойник не тревожил, кидали на могилку землю со словами: «Ты ко мне не ходи, я тебе сейчас как никто, я к тебе приду, а ты ко мне не приходи» (д. Левино, зап. от Нориной Е.Е., 1927 г. р.). «Когда хоронили, вставали на колени и говорили: «Ты мне не муж, я тебе не жена». Это чтобы покойник не тревожил» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.).

«Если кто-то из своих умирает, чтобы не бояться, за пазуху или за шиворот тебе землю сунут на кладбище. А когда с лопаты землю кидают в могилу, то говорят: «Ты ко мне не ходи — я к тебе ходить буду» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Когда хоронят, землю через плечо бросают, душа чтобы не воротилась» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Н.И., 1923 г. р.).

«На кладбище провожать умершего кого идёшь — тогда на свои могилки не ходи. Всё равно там никого нет — они того встречают, кого принесли» (п. Орёл, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.).

Возвращение с кладбища

«С кладбища приедут, кто боится, его водят в печь посмотреть, потом в подпол, во хлев, всё высмотреть заставляли» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «Покойника проводишь, надо в печь смотреть» (д. Таман, зап. от Калининой А.В., 1935 г. р.). «Как с кладбища придут, в печку смотреть заставляют, в голбец, во хлевы, в баню» (п. Турлавы, зап. от Кожиной А.И., 1925 г. р.). «Жена вот с кладбища придёт, её на двор сводят, в сенки, всё заставят высмотреть, чтобы не боялась» (д. Таман, зап. от Матвеевой Н.Д., 1935 г. р.).

«С кладбища придут, у крыльца нужно умыться, женщина тут стоит, из ковша поливает. Как зашли, сразу во дворе всё посмотрели, на сеновале, в избе все оглядели» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.). «Свёкор умер когда, то меня научили чё делать: «Ты только с кладбища придёшь, умойся». С кладбища приходят — у нас сразу у крыльца всегда умываются все, кто с кладбища идут люди. Из избы выходит женщина, уж если зимой, дак с тёплой водой, и сразу на улице моются все. Она поливат так из ковша, и моются. И она мне сказала: «Ты только умоешься и никуда домой не заходи, ничё. Сразу бежи во двор, на сеновал сбегай, в избу забежи, везде всё выгляди: «Нету папы? Ну, если нету тебя, то к нам больше не ходи». Это вот скажи». Так меня научили. Я так и сделала, и не ходил» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.). В некоторых местах в день похорон обязательно топили баню. «После похорон моются в бане, только потом садятся за стол» (с. Щекино).

«Придёшь домой с кладбища, сразу во хлевы, во дворы, на повить — везде погляди и говори: «Никого нету, никого нету, никого нету» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

«После возвращения с кладбища стряпуха звала хозяйку, чтобы та в печь посмотрела: «Смотри, чё сделалось, стена печки обвалилась». Это делалось, чтобы одному не страшно жить было» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

Когда с кладбища приезжают, каждый перед заходом в дом берёт из поленницы полено. Заносит его в дом, кладёт у печи и брызгает на него водой (д. Лызиб). «С кладбища возвращаются на поминки, каждый берёт полено и несёт его, в печь кладет» (д. Сторки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.). «С кладбища придут, по дороге прихватят полено, заходя в избу, кидают его к печи со словами: «Ты меня бойся, а не я тебя» (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.). «Придут с кладбища, берут полено, кладут его в печку или около со словами: «Ты меня бойся, а не я тебя» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «Как увезут умершего, люди возвращаются в избу и несут с собой по полену, к печи их кладут, три полена обязательно лежат около печи до девяти дён» (д. Лызиб, зап. от Ромодиной М.П.). Когда приходят домой с кладбища, говорят: «Я своего схоронила, знаю, куда положила, а *домохвоста* мне не надо» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Когда с кладбища возвращались, если идёт дождик, то говорили, что счастливый, хороший человек умер (д. Лызиб).

Поминки, поминальный стол

«На поминках уж не ревут об покойнике. На поминках кисель из картонного крахмалу, а варенья есть, дак с вареньем сварят, рис сварят с изюмом, а если нет — крупу да горох сварят, это тоже как кутья. Ещё яичко разрежут на четыре части, его кладут на тарелочку. Первый раз яичком поминают, кто возьмёт, перекрестится, помянёт, все сядут за стол, дак яйцо сперва едят» (д. Гунино, зап. от Нориной А.П., 1913 г. р.).

«На поминках сначала наливают квас, поят, потом яйца, резанные на четвертинки, кутья, чёрные грибы, уха, рыбный пирог, кисель» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «На поминках горьким не поминают, только сладким» (д. Лызиб).

«В день похорон не поминальный обед, а трудовой, поэтому водку пить можно, а вот сороковой и девятый день уже поминальный, тут водку не пьют» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«После похорон моются в бане, а потом садятся за стол. На поминки идут не с *пустой рукой* — что-то несут с собой из еды» (с. Щекино).

«Кутью из риса делают. Отварят его, в тарелку, сверху такой крест сделают из изюма. Пока *читалка* читает, она всё стоит, а вот с кладбища придут, все по ложечке из чашки кутьи съесть должны» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.). «Кисель на похоронах — это уже самое последнее блюдо, когда уже отмолились, всё отведали, кисель подают, после киселя-то уже ничего нельзя кушать. Спиртным нельзя поминать за столом усопших-то, вот когда уже встанут, пересядут на диван ли куда, тогда себе позволяют по рюмашечке. Когда поминают, в первую очередь мёд подают. Когда-то Иисус Христос во пустыне сорок дней жил, ничего у него не было: ни хлеба, ни воды — он тогда только цветами питался и диким мёдом. На поминках-то вот мёд-то и едят первым. Которая читает молитвы, она и ест первой, потом по солнышку мёд кругом идёт, все должны отпробовать. В мёде-то специальная лопатка такая, из лучины её стружат к этому дню специально, вот этой лопаткой-то все и пробуют мёд-то. После мёда-то яйцо кушают, потом уже кутья, потом всё, что есть» (с. Касиб).

«Поминать обязательно нужно свежей рыбой, чтобы кутья была, кисель, яички, сладкий пирог» (д. Кекур). «На поминки подавали на первое суп, второе — гарнир с колбаской, третье — сладкий пирог, кисель или компот» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А.). «Пирог рыбный сначала открывают, потом молятся Богу, а затем поминают. Кружку с квасом пускают по кругу, потом пьют брагу по кругу. Кисель подаётся на поминках последним» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «Поминальная еда — это яйцо, кутья, грибы, кисель, рыбный пирог, это уж обязательные блюда» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

«Когда поминают, чайный стакан с водкой, стакан с брагой пускают по кругу. Сначала брагу, потом водку» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.). «У нас до кладбища стол ставили, поминали, пока он дома — обед при нём. Кутья, яйца, кисель. Пирог не пекли. Сладкий квас, сусло сладкое — одной кружкой всех обнесут. На столе всё так оставалось, а как увезут — убирали. После кладбища уже никого не кормили» (д. Гунино, зап. от Киршиной К.К., 1918 г. р.).

«Сейчас поминают после кладбища. Хлеб режут, рыбный пирог, яичко, кисель. Старухи, которые столы наладят, помолются. Пирог откроют, когда молятся. Бражку пили, пиво, квас. Всем наливают. Первый раз все по кругу, потом каждый из своего стакана. Сначала пьют брагу, потом квас, потом вино. Потом кушают по порядку: яичко, кутья, рыбный пирог, кисель в последнюю очередь» (д. Кекур, зап. от Сивцевой Е.Е., 1928 г. р.).

Девятины и сорочины

«На девять дён только родня собирается, на сорок дней старушки копальщиков зовут, на год тоже поминают с копальщиками. На столе тут кисель, яйца и рис с изюмом. Садись за стол и всё пробуешь помаленьку: сначала кисель, потом яйцо, потом и рис с изюмом. Яйцо-то на четыре части разрезано. Один стакан с квасом пускают по кругу, каждый по глотку-то попробует его, потом вино по кругу также пускают. Рядом с иконой стоит стакан вина, пива стакан. На стаканах лежат хлеб, яйцо, колбаса, никто это не убирает и не трогает» (с. В. Кондас, зап. от Пармёнова М.Б., 1953 г. р.).

Семик

«В Семик дома сидеть нельзя, все должны идти на кладбище» (с. Касиб). «В Семик на могилку пшено несут, на могилку сыплут, птички летают, они-то и поминают — поют; цветочки носят, по дороге идут, цветов нарвут» (д. Кекур, зап. от Федосеевой Т.В., 1933 г. р.).

«В Семик на кладбище все, кто участвовал в похоронах или друг покойного, подходили к могиле. Им наливали. Они говорили: «Этому покойнику земля пухом». А ему отвечают: «А тебе добра-здоровья, что пришёл помянуть». Он выпивает и идёт дальше» (д. Бельские, зап. от Бельской А.Д.). «Семик как поминальный день, несут на могилу крупу, рыбу жареную, поминают» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.). «В Семик молились за родителей. Мама вот среди ночи пекла пирог рыбный, яйца делала, а утром с этим на кладбище шла» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «У нас вот зерно на кладбище не носили: птицы клюют — глаза покойному, усопшему выклёвывают» (с. В. Кондас, зап. от Ситниковой Е.Ф.).

Нередки при посещении кладбища «разговоры» с умершим. «Маменька, пришла я к тебе в гости. Прости меня за всё. Вечная тебе память, земля тебе пухом», — на кладбище так говорят, когда приходят» (д. Вильва, зап. от Федуриной А.Е., 1920 г. р.). Фиксируется в крае и причетная традиция, когда на могиле исполняются плачи:

Ох, родимый ты братичек, что ты сделал?
Умер да оставил меня.
Я теперь к тебе никогда не приеду,
Я тебе бани никогда не истоплю,
Никогда меня в бане-то не вымоешь,
Никогда меня не покормишь,
И я к тебе никогда не приеду,

И ты ко мне никогда не придёшь.
Состроили тебе дом
Да без окон, без дверей,
А токо с одним да окошечком.
Положат тебя да во сыру землю,
И будешь там лежать,
Да жизнь да бесконечна тебе будет.
Ни да словечко да не услышишь от тебя,
Ни да во сне да тебя не увидишь...

(д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Поминальные субботы

«Поминальны субботы-то — это Покровская и Дмитриевская. Поминки когда, на стол наставят, все сядут: «Заходите, умерши-то, родители-то, берите со стола, со двора не берите», — это скажут. Тоже так делают и на девятый, и на сороковой день, и на год. Двери-то тут открывают, все сидят, к еде не притрагиваются, пока родителей не пригласят» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.).

«В субботу перед Троицей поминали тех, кто задавился, утопился: «Ему царство небесно и свято место, чтобы тебя не давило ниче в земле, и земля сделалась тебе пухом» (д. Вильва). «Давленников не отпевают, а поминают только один раз в год, во Вселенскую субботу — в последнюю субботу перед Масленкой» (д. Шварёво, зап. от Шварёвой П.С., 1927 г. р.).

«Вот если седне Покровская суббота, надо читать молитву: «Господи меня благослови, помяни, Господи, всех родителей, отца (имярек), мать (имярек). И сотвори имя, Господи, вечную память. Господи, помилуй, Господи, помилуй». Так всё по пальчикам десять раз» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Радольница

«На Радольницу всё настряпают, на стол составят, лавки отодвинут, двери открывают, окна тоже. Это чтобы умершие шли и ели. Я вот от бабушки слыхала. Настряпали, вот всё сделали, у ей все пришли, вот это ведь не грешный человек, если грешный, дак он вот ничё не видит. Они все пришли, за стол сяди, умерши-то, а сатана-то во двери лезет с бороной, она-то его не пускает. Она увидала это, рассмеялась, и всё исчезло» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«Радольница — это как у умерших родителей Пасха. В Радольницу они разговляются, после Пасхи это. А седне Суббота Троицкая — поминовальная, кто ушел своей смертью. А в Семик всех поминают: утопленников, задавленников, отравленников. В Семик все на кладбище ходят, еду приносят: пирог рыбный, яйцо, квас. Придешь, на могилку постелешь полотенце ли платок, всю еду положишь тут, все едят» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «Радольница у умерших родителей считается как Пасха. Надо также красить яички, кто желает, на кладбище ходят. Поминать ро-

дителей надо. Вот ко мне мама во сне приходила, в аккурат перед Радольницей, и так *козонками* хлестала, мол, молись богу, поминай родителей. Я утром встала, так у меня все места-то, где она была, зудели» (д. Разим).

«В Радольницу, кто есть умерший, после Пасхи-то, хоть ничё не стряпай, а принеси хоть косточки рыбной на стол, чтоб хотя бы парок был — они все приходят в гости. У них ведь только два праздника в году: Радольница и Семик. Больше ничё нет у наших родителей-то. Ещё двери, окна открывают в эти дни» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «В Радольницу поминают умерших. Настряпают все шаньги, кисели наварят, на стол все это наставят. Лавку от стола отодвинут, двери, окна откроют, сами тут же сидят. Двери-то открывают, чтобы умерши-то тут же приходили и ели» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«На кладбище в Радольницу не ходят, только в Семик. На Радольницу дома поминают, там пельмени с мясом сделают, суп мясной. Маленько двери открывают и садятся кушать» (д. Таман, зап. от Калининой А. В., 1934 г. р.). «Вторая неделя после Пасхи во вторник — Радольница. Здесь подают маленько, кто в избу зайдет» (д. Шварёво, зап. от Шварёвой П.С., 1927 г. р.).

Рассказы о ходящих покойниках

«Вот приходила умершая баушка. Придет, чашки бьет. Всё только чаки-бряки, посуду перебирает. А у нас такая лесенка есть, мы с неё на печь лазим. Вот я слышу, как она встает на неё, скрипит всё и лезет на печь» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.).

«Мужик у меня умер, я с младшим сыном жила, ему семнадцать лет было. Дак он дома-то не сидел, в клуб, куда ли бегал. Лук у меня на столе стоял в чашке, я лежу раз на этой кровати, слышу, лук у меня там рассыпался, по полу бежат луковки. У-у, как луковка бежит: тук, тук, тук. Кошки паршивые, думаю, лук у меня повалили. Лежу и думаю: кошка, видно, прыгнула, чашка с луком опрокинулась. А утром встала, чашка как стояла, так и стоит» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Мужик умер, и снится: то денег просит, то чё. Я подумала, чё ведь, говорят, надо кому-то чё-то подать, чтобы поминали его. Взяла, сходила в магазин, купила три пачки сигарет. Думаю, молодежь моего первого никто не знает, он не здесь умер. Только вот этот и знает, который первый ко мне сватался. Унесла три пачки сигарет, всё ведь, девки, не стал больше снится. Сказала ему: «Ты только и знаешь его, дак поминай». Вот было — снится он мне: то пять рублей денег просил у меня, то чё-нибудь да просил. И как дала сигареты, и всё, не стал больше снится» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«У мужика одного в Тетерино жена умерла, а они любили друг друга очень, жили хорошо. Дак она после смерти-то стала ему являться. Приходила и домой, и в баню. Он смотрит на неё, а ноги-то у ей не человечьи, а копыта. А в бане-то она его душила, он болел потом долго» (с. Городище, зап. от Прибытковой А.В., 1914 г. р.).

«У нас у Генки мать умерла. Он всё спать ребят звал, никто к ему не пошёл, он всё один. И вот говорит: «Не могу я больше. Всё мама приходит и ведрами *хропает*,

ведрами брякает». В котору ночь он задавился, он шибко звал, и девок звал, идите, мол, я ничё не сделаю, только поспите у меня. И баб звал даже спать, никто не шёл, он и задавился» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1920 г. р.).

Обереги от хождения покойника

«Чтобы не ходил покойник, святой водой брызгали, надо сказывать об этом всем, не надо таить» (с. В. Кондас, зап. от Сивцевой Т.И., 1952 г. р.). «Ходит, дак драться надо. Как во сне мужика-то умершего увижу, так и бью его, когда умер он уже. В жизни никогда пальцем не трогала, а тут била» (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

«Чтобы покойник не ходил, топор под подушку кладут, ещё вилку в двери втыкают или гнездо из-под свиньи в мешке под кровать кладут» (д. Игнашино). «Вот блазнит шибко, дак свиное гнездо под кровать положат на пол. Это чтобы *блазнило* не ходило, а то ведь вот тоскуешь — так блазнило шибко докучает» (д. Зыряны, зап. от Кукшиновой Т., 1930 г. р.). «Чтобы покойник не приходил, топор клали под подушку, вилки, сделанные из черемухи, втыкали в косяки двери» (д. Зыряны).

«Когда мама умерла, мы в избе смогли прожить только две недели. Пришлось в другую избу перебираться. Начало блазнить, *вержиться*: кто-то по избе ходит, гремит ложками по ночам. Была у нас между полатами и печкой дыра. И вот в эту дыру стал кто-то кричать. Голос мужской был, громкий: «Кузьма, Кузьма, вставай, долго спишь». Отец ходил по избе с литовкой в руках и как косил. Это он нечистую силу отпугивал» (д. В. Новинки, зап. от Неустроевой М.К., 1916 г. р.).

«Печка помогает. Когда помер муж, приснился он жене и говорит: «Я замёрз, пусти меня». Она испугалась вся, говорит: «Иди своей дорогой». Потом она всё время только на печи спала, оберегалась на ней» (с. Городище, зап. от Черепановой М.С., 1936 г. р.).

«Чтоб не ходил, это когда отпевают, землю сыплют на умершего, и эту землю надо взять и посыпать еще крестом могилку, чтобы умерший опосля не ходил» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.). «Чтобы умерший не ходил, с могилы горстку земли надо взять и посыпать ей на окна, на порог дома, чтобы могильная земля его не подпускала, на окна, на двери насыпать и крестов наставить. На Крещение-то это само собой, на похоронах тоже ставят, на печь ставят, везде» (г. Усолье, зап. от Ужеговой З.А., 1924 г. р.).

«Вот ходит, блазнит умерший-то, так обсыпают маком круг дома, снаружи и на постели, и везде, чтобы он не ходил» (п. Шемейный, зап. от Исаевой, 1925 г. р.).

«Если муж к жене ходит, надо конопляно семя в голову себе всыпать, вот когда умерший приходил, она это семя доставала из головы и ела. Это когда умерший-то муж приходил. Он придёт, видит, как жена семя ест, и говорит: «Фу, ты ещё и вшей ешь». Ходить-то и переставал» (д. Вильва).

«Жена у одного умерла и начала ходить к своему-то мужу. Вот он вечером-то на лавочку выйдет и сидит, с ей разговариват под окном. Все ходит она к ему и подсказыват, чего дома-то делать. Его и научили, мол, одежду какую вынести за двери

надо и обувь еёнюю. Он так и сделал, за двери всё выставил, она больше ходить к нему не стала» (д. Вильва).

«Чтобы умерший муж не ходил к жене, делали вот что. Женщина ложилась между детьми спать (ведь дети-то — ангелы) и говорила: «Тридевятнадцать аминь, вчерась приходи, вчерашний день прошёл — так вовсе не ходи» (с. Касиб).

«Вот старуха одна была, чтобы умерший не ходил, взяла липовую палку и весь дом кругом объехала. Это чтобы не ходил» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Чтобы покойник не ходил, в туалет пойдёшь, начнёшь, и как только кашка выйдет, плюй через плечо: «Как мне кашка не нужна, так и ты не нужен мне больше» (п. Орёл).

«Блазило меня после смерти мужа. Я просыпаюсь — никого нету. Раз, два, три так сделалось. А потом меня научили: «Маткайся! Топай ногами: «Кто в доме хозяйин?!» Вот, это меня научили. Потом, сейчас — тьфу, тьфу, тьфу — мне это сделалось, больше никого нету, не блазит» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой М.В., 1931 г. р.).

«У нас женщина была, всё говорила: «Мама, мол, у меня приходит умершая». Ну, я говорю: «На пороге помяни хлебом». Ну, она поминала, чё-то не помогло. Говорят вот что ещё, вдоль порога топор надо воткнуть на ночь: «Не ходи больше». Это помогло. А хлебом так: «Помяни, Господи» (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.).

«Меня блазило, муж покойный приходил. Ну, мне бабы и сказали, что делать. Одежда я платье венчально, на стул перед порогом села, младшего ребёнка на колени посадила. Он приходит. «Чё, куда ты снарядилась?» — «Взамуж выхожу». — «А за кого?» — «Кум женится — куму замуж берёт». — «Неслыханно-невиданно, что кум женится и куму берёт в жёны!» — «А неслыханно-невиданно — мёртвый к живому ходит!» — «А, догадалась». А так бы он уволок и задавил. А потом начал корову мучить. Ну, пришлось корову сдать. И он и перестал ходить» (д. Лызиб, зап. от Ромодиной М.П., 1918 г. р.).

«От покойника наотмашь отмахнись, когда приходит: «Нет тебе дела до моего тела» (д. Лызиб, зап. от Ромодиной М.П., 1918 г. р.).

«Когда мать умирала, я сидела одна и сказала: «Если мне будет плохо, ты мне приснись». И теперь приходит — это уж примета» (с. Щекино). Если покойник во сне снится и говорит, что рубаха велика или другая одежда, то нужно нищему подать на рубаху (д. Лызиб). «Покойник приснится только тогда, когда захочет, чтобы его помянули. Надо обязательно подать что-то любому» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Бабушка родная снилась мне. Когда хоронили, я болела, не пустили меня на похороны, я и не видела её могилы. Приснилась она мне в чёрных чулках, ноги вверху, голова внизу. Старухам сказала, старухи говорят: «Подай нищим». Вот и подавала» (с. Городище, зап. от Черепановой М.С., 1936 г. р.). «Если покойники во сне просят, дак, говорят, давать нужно чё-то. Мне вот сестра нынче приснилась: «Зойка, говорит, я так исть хочу». Она у нас умерла от рака желудка, и сколько она, бедная, ни ела, рвало её. И сыну своему так же приснилась: «Вовка, вы меня почё голодную схоронили?» Я тогда купила в магазине печенье, конфет и трём старушкам носила, коли она обижатся, что голодная, исть-то хочет» (с. В.-Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

CABINET PORTRAIT

9

10

11

ГЛАВА III.

Календарная обрядность

Весьма специфична в крае календарная традиция — система народных праздников, — в проведении которых большое значение имело исполнение особых ритуалов, применение игровых форм и песен. Сведений о некоторых праздниках уже немного. Так старожилы вспоминают, что в начале весны, в Благовещенье, мешали сметану специальными мутовочками (п. Орёл, зап. от Невониной, 1925 г. р.). О празднике Вёшний Никола говорят, что «Никола держит крышу» (д. Гунино), что в этот день лучше всего первый раз выгонять скотину, сгонять всех коров на одно место (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). В ряде мест в этот день ставили брагу, делали рыбу в пироге, холодец делали, шаньги творожные стряпали (д. Вавилово, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

Праздник Воздвижение (Сдвижение) воспринимался как праздник урожая, день, в который пекли *паренки* из свеклы и репы (п. Лёнва). Вспоминают также, что в этот день волки собирались в стаю: «Вот на Сдвижение, сдвиженска неделя была, дак там волки ходили по деревне стая-то, тогда овечек-то в избу прибавляли, всю сдвиженску неделю овечек дома держали, чтобы волки не трогали их» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

Среди неразвернутых по обрядности зимних праздников фигурирует Варварин день. «На Варварин день рвали ветки черёмухи, загадывали желание, ставили ветку в воду. Если черемуха расцветёт до Крещения, то желание сбудется, а если не расцветёт, то нет» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). В праздник Андрея Первозванного можно было гадать, как в Святки (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). Интересно, что знают в крае и Валентинов день, который считается недавно заимствованным праздником: «если в Валентинов день застынет, холодно будет, то огурцы и овсы родятся рано и много» (д. Рёлка).

С многими датами календаря в настоящее время связаны лишь устойчивые приметы на погоду: если жаворонок в Егорьев день вылетит, то нельзя уже по дороге ехать, дорога разламывается, жаворонки летят (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.); если на Петров день не накошишь, дожди пойдут (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.); Никола с водой, Егорий с травой (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.); на Вёшного Николу смотрели погоду, если пасмурно — год плохой будет, ведро — год хороший (д. Вавилово, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). Замечали, «если в Алексеев день ветрено, кусочки сена через дорогу переметает, то ещё долго придётся кормить скотину, а если сено спокойно лежит, то на Николу корова уже в поле будет» (п. Орёл, зап. от Куторева В.Ф., 1924 г. р.). На Аксинью Полузимницу говорили: «Хлеба на половину ещё надо, а корму — на треть» (п. Орёл, зап. от Кирьяновой А.С., 1924 г. р.).

В представленном разделе основное внимание обращено на праздники, которые входят в основные календарные циклы — праздники пасхальные, троицкие, святочные. Подробно характеризуются также события народного календаря, отмеченные повышенным мифологическим восприятием.

Весенне-летние праздники и обряды

Пасхальные праздники

Вербное воскресенье

«В Вербное воскресенье ходят по вербу. Принесут, освятят её в церкви, святой водичкой обольют, она потом целый год дома хранится. Скотину предстанет время выганивать, этой вербочкой и гонят, чтобы скотина домой ходила. Потом эту вербову веточку сжигают или скотине скармливают, нельзя, чтобы она *волочилась*, освящённая ведь» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «В Вербное воскресенье кою ветку вербы сорвёшь, берешь, когда первый раз скотину выгонять будешь. Потом её под ноги бросишь, где ворота, чтобы корова домой ходила» (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.). «Перед Пасхой стару вербу убирают, ей скотину первый раз выгоняют, а свежую вербу к иконе ставят. Скотину выгонять-то старой надо, чтобы знала дом» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

Великий четверг

«В Велик четверг надо встать утром рано и бежать до солнца в лес, вырезать мутовки» (д. В. Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). «В Велик четверг в лес по вереск ходят» (п. Турлавы, зап. от Кожиной А.И., 1925 г. р.). «В Велик четверг голову утром расчешешь, водой свежей до солнца вымоешь, вереск над дверями и в матицу во двор три ветки воткнёшь» (с. Сороковая). «С утра, до восхода солнца, ходили по вереск. Вот принесут его, за матицу затыкают, чтобы в дом болезни не заходили» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.).

«По вереск бегают в Велик четверг-то, у нас девка бегала, а мама-то и говорит: «Не ходи по вереск, на Иисусе Христе терновый веночек был, на иконах-то, гляди, он в венке, этому и подражают» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «На Великий Четверг вереск носить в дом нельзя, когда Иисуса *пиловали*, его ведь вереском хлестали» (с. В. Кондас).

«Сметану мешали в Великий четверг, перед Пасхой-то» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «Ставили ещё масло топить, масло в печь-то поставят ещё с вечера, утром вот встанут, его сольют в другую посудину, чтобы пенка была, да *оденьё* было, всё там останется, потом в Пасху-то уже на этом стряпают» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «В Велик четверг куриц кормили, соли бросали им в глаза, чтобы по огороду не ходили, не греблись. Тут ещё сметану мешали, чтобы велася, вкусная была, мужики дрова кололи» (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.).

«В Велик четверг на прорубь ходят, воду приносят рано утром, это как чисто чтобы было, убирают всё. Ещё корове тут говорят: «Как печка-матушка стоит, не ворочается, так и коровушка-матушка стой — не ворочайся». Это говорят, чтобы корова спокойная была. Ещё скотине хвосты подстригают, чтобы ходила домой, куриц ещё считают» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.). «Уходят во двор, скота там глядят, если головами к избе, то зверь не схватит, если на сторону, то бойся» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

«Пойдёшь в четверг примечать корову, если она в хлеву на север головой лежит — не будет жить, на восход — болеть будет, на юг — хорошая будет» (с. Сороковая). «В Велик четверг у скотины хвосты обрезали, чтоб по земле не волочились, у овец уши тоже подрезали» (с. В.-Кондас, зап. от Симоновой Е.А., 1951 г. р.). «В Велик четверг во двор ходят, скотине хвосты обрезают у коров-то и в кучу складывают, чтобы летом скотина вся вместе в одной куче была» (с. В. Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«В Великий Четверг до солнышка мочалом обвязывали две штакетины в заборе со словами: «Завязываем коршуну глаза, чтобы курочек не видел». Летом курицы пропадать не будут» (д. Шварево).

«В Великий четверг считали деньги. Начинали, потом бросали считать, опять начинали, бросали много раз; это чтобы денег больше было» (п. Орёл, зап. от Куторева В.Ф., 1924 г. р.). «В Велик четверг потрогают лук, чтобы не сох, не гнил, картошку можно пощупать, больше перебрать надо, вот лук-то переберут, шелуху отдирают где и прибирают её, яички потом красить на Пасху» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.).

«Охотники в Великий Четверг в свою *писку* (манок) пискают, прямо в трубу в печку. Чтобы потом рябчики летали» (д. Трезубы). «В Велик четверг охотники стреляют, на улицу выйдут и стреляют, чтобы дичь попадалась, ещё и на Пасху стреляли. Плотник, столяр в четверг тоже что-нибудь да мастерит, чтоб дело шло» (с. В. Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.).

«В Великий четверг на божничку яички кладут, говорят, трёхгодовалые яички от пожара помогали» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). В Велик четверг красили яйца, пекли хлеб, выпекали маленькую круглую булочку с крестом, ложили её на соль и на божницу» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «В Великий четверг на божницу клали соль, как называли *четверожна* соль. Эту соль коровам сверху бросали, говорят, уроки не будут» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.А.). «Соль ставят на Велик четверг к божничке, её потом дают скотине, когда первый раз выпускают на волю» (с. Романово).

Среди заклинательных обрядов Великого четверга обращает внимание крайне распространенный обычай кричать в трубу. «Утром в Великий Четверг говорят: «Коровушка-матушка, да иди домой, да не спи в лесу, не попадайся зверям» (д. Трезубы). «В четверг-то орал Великий-то, вечеровали когда, хозяйка была в избе, а хозяин на вышке. Хозяин орал: «Корова дома?» Хозяйка отвечала: «Дома, дома, дома!» Это делали, чтобы летом корова ходила домой» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «В Велик четверг кричали в трубу: «Ребята (имярек), будьте всегда при до-

мах, не шляйтесь». Чтоб не шлялись, из дому надолго не уходили» (п. Орёл, зап. от Кирьяновой А.С., 1924 г. р.). «В Великий Четверг надо *гаркать* в трубу: «Дойди домой, коровушка-матушка, не спи в лесу, не давайся зверям диким» (д. Трезубы).

«В Велик четверг в сундуках всё перебирают, чтобы всё было, хлеб перебирают» (п. Шемейный). «Из дома в Велик четверг ничего нельзя было давать, чтобы всё в доме было, велось» (с. Березовка).

«В четверг этот ещё и полы не мыли — погано. Полы мыли в среду и пятницу» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «Ещё золу из печки выгребали, потом этой золой капусту посыпали, мошки чтобы не было, не ела» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.А.). «Выгребали золу, её потом долго хранили, когда в посадках заводились жуки, черви, посыпали этой золой» (п. Орёл, зап. от Куторева В.Ф., 1924 г. р.).

Пасха

«К Пасхе *соломенники* делали. Такой фонарик сделают и над столом повесят. Нитку в соломинке пропустишь, потом другую и так между собой цепляешь, а между ими, чтобы соломинки-то не соединялись, вязали цветные тряпочки. Так ещё сделают сперва большой фонарик, к нему поменьше снизу прицепят, а к тому уж ещё меньше цепляют» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

«Перед Пасхой иконы мыли святой водой. К Пасхе икону украсят цветами из бумаги, вербу принесут, и всегда вышитые полотенца были развешаны» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «Утром на Пасху мама нам говорила: «Давайте, идите ко христовской заутрене», — тут мы и бежали на утреннюю службу» (п. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.). «На Пасху не спали. Вечером в баню сходят, потом уже готовят всё к празднику» (с. Березовка).

«Вот Пасха Христова идёт, мама говорит: «Девки, ложитесь сёдне рано спать, завтра шаньги рано будут, во двери стучать будут, скажут: «Открывайте двери, шанежки идут». Мы тут, конечно, спать ложимся. Мать утром встанет, настряпает, поставит на стол: «Девки, вставайте, шанежки пришли. Вставайте, умывайтесь, молитесь богу, садитесь за стол, ешьте шанежки-то». Встанем, я первая за стол сажусь, мать несёт молоко, шаньги. Я неленивая была дак» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Мама у нас на Пасху никогда не ложилась, стряпала всё мясные пироги и другое. В Пасху рано ели, и в Рождество тоже, а так-то рано ись не давали. Куры начнут кластися, первое яичко возьмут, на ём крестик делали черный, его ложили в Пасху на божничку, и оно там целый год лежало до следующей Пасхи. Утром кто придёт да и скажет: «Христос воскрес». Ему ответят: «Воистину воскрес». Потом уже поцелуют друг друга. В церкви в Пасху наставят еду святить, по всему полу, до алтаря, все наставят после обедни, потом пойдёт поп, освятит святой водой, всё это забирают, кои там оставляют в церковь, ложат по яичку, по два» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.).

«В саму Пасху батюшка ходил, в каждый дом приходил, ему яички подавали белые, некрашенные, так-то красили на Пасху, а вот попу-то некрашенные подавали» (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

«Когда Пасха, вырезали такую бумажку и писали: «Христос Воскрес! Воистину Воскрес!» Эту бумагу на стеночку повесят на всю Пасху» (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

«На Пасху в тарелке прямо прорасщивают рожь и там раскладывают яички крашенные, по кругу их клали. Шанежки манные делали: колобочки такие сделают из теста, они маленько подымутся, их надавишь стаканом, потом манную кашу кладёшь, и это в печку, это такие шанежки делают. Ещё в деревне плоскые шаньги делают: сверху там налив или картошка кладётся (налив это мука на простокваше), сверху сметаной подмазывают, это наливные шаньги называются или поливошные. И картовные ещё были» (д. Кекур). Творожную Пасху делали, из творога, его готовили в специальной форме. Плотный творог смешивали с изюмом, сахаром, иногда с варёным яйцом. Форму выстилали марлей, клали в неё творожную пасху и помещали под гнёт на четыре дня. Пасху подают в первый день праздника (п. Орёл, зап. от Неверовой Н.В., 1927 г. р.). «На Пасху сыр делали, в форму набирают творог, добавляют пряности, изюм, ваниль, ставят всё это на груз и на холод» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). Творог пасхальный готовили, в него добавляли яйца, масло, ставили на жару, чтобы он запёкся, загустел (п. Орёл, зап. от Кирынова А. С., 1924 г. р.). «На Пасху разборники делали, накладывают и испекуют такой каравай, так он весь разбирается, такие каточки макали в масло и складывали в форму, вот и пекли, потом форму-то убирала, так он высокий такой и стоит. Его потом и разбирают» (п. Турлавы, зап. от Кожинной А.И., 1925 г. р.).

«На Пасху делали куличок. На сочень положишь творог, защипнёшь, только с боков, а творог не закрывается» (д. Сторки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.).

«На Пасху пекли *христики*. Это раскатать тесто и положить крестиком, пекли. Сладкие, сдобные, на сметане с яйцами» (д. Сторки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.). «На Пасху орешки. Накатают колобочек, тесто, как на христианки. Можно вилочкой надавить, так делали, и потом пекли» (д. Сторки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.).

«В Пасху шаньги стряпали, кулики творожные, *курник* из грибов делали. *Кулики* творожные-то, это на сочень сделают творог и так с четырёх концов защипнут, орешки, калачики делали, их варили, на простокваше заводили» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

«Яички красили и на божничку клали, они от Пасхи до Пасхи всё лежали. Тёще специальную Пасху стряпали. Вот тесто сдобное сделали, такой каравай, тут вырезали: «ХВВВ». Четыре буквы на каравае, потом ещё написали: «Пасха» (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

К Пасхе «копили» («пасли») куриные яйца. «Яйца до Паски не ели. Вот курочка снесёт первые три яичка, их взвешивают, тут весы делают. Берут ложку, к ней привязывают с одной стороны за нитку гаечку, с другой, в ложку кладут яичко. Так и меряют, узнают, какой сев будет лучшим: первый, второй или третий. Это какое яйцо по счету будет тяжелей» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой М.И., 1928 г. р.).

«Вот дождутся первого яичка от курицы, запятнают его, крестик сажей поставят, потом окрасят вместе со всеми, а это яйцо на божничку положат» (с. Берёзовка,

зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.). «В Пасху яички красили, которо Богу, ему крестик ставили, а все остальные так просто, без крестика» (д. Гунино, зап. от Норинной А.П., 1913 г. р.). «Скорлупу от пасхальных яиц на огород бросали, воду на них настаивали, чтобы хорошо росло» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

Пасхальное яйцо летом кидают от града в окно, можно и в двери (п. Орёл). В дождь, грозу и против молнии на улицу кидали пасхальное яичко (п. Орёл). «Яички красили в луковой шелухе, сажей крестик ставили, год держали возле иконы, потом сжигали в печи» (д. Быстрая, зап. от Давыдовой К.И., 1935 г. р.).

Перед окрашиванием на яйцах писали имена. Если яйцо окрасилось равномерно, ярко, то человек с этим именем жить богато будет, хорошо, а если окрасилось с пятнами, неровно, то жизнь будет плохая, бедная (п. Орёл, зап. от Куторевой В.Ф., 1924 г. р.). «В Пасху луковым пером красили, там крестики рисовали, тут бумагу наклеят, а потом покрасят, бумагу уберут, там рисунок выйдет» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «В Пасху яички красят луковым пером, крестик сделают, нарошно ждуть ещё, когда курочка первое яичко снесёт, его и закрасят для богушка, его-то на божнице и кладут. Эти яички ещё в пожар бросают от огня, они лежат на божнице до пожара» (с. В.-Кондас, зап. от Елистратовой Е.В., 1939 г. р.). *Каженое* яйцо на пожаре бросали в огонь наотмашь (д. Зыряны). «В пожар пасхальные яйца в огонь кидают, их ведь не выбрасывали, хранили от несчастного случая. Их в корзину и на чердак поднимали, в передний угол» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Пасхальные качели — одно из главных увеселений праздника. «Собирали яички на качулю с девок. Обязательно за верёвку, она ведь прядена, из отрепьев делали» (с. Березовка). «Качель мужики делали, сначала сидят на лавочке, семечки грызут, им яйца принесут: «Будем качель делать?» Со всей деревни яйца соберут и принесут, ещё чтобы не в руки подать, а катать. Покатишь к ним яичко, они насобирают яйца и давай козлы ладить, а пока яичко-то не принесёшь, они сидят, воображают, семечки грызут. Качели большие делали, даже взрослые качались, все тут частушки пели, так растянут, вот как качель качается, так и тянешь:

Как на качели да качалась, под качелью-то вода,
Девки юбки замочили, ой, какая нам беда

(д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.).

«В первый-то день в Паску не разрешали качаться, только во второй. В первый день будешь качаться — грех, Христа убьёшь» (с. Березовка, зап. от Бухариновой М.И., 1928 г. р.). «В Паску качались на качелях девка с парнем, парень-то ещё тут спросит: «Ну-ко, говори, кто твой жених?» Это когда качели поднимаются вверх» (п. Лёнва). «Качели у нас ставили на поляне, на плотине и на горе, на горе качель была, дак там всё старшие собирались. Снег, дак на санках с горы катались в Пасху, чтобы капуста хорошая была, хозяйка каталась» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1931 г. р.). «На Пасху качулю делали. На кедре вилины — как сучья. Дак на них бревно клали — переклад, а потом вешали верёвку» (д. Сторки, зап. от Швецовоой П.Ф., 1926 г. р.).

«Кружало на Пасху делали, вот верёвки две с той и другой стороны, за них уцепятся, а ребята кружать начнут, так ведь ещё шестом поднимут верёвки-то. У шеста-то

на конце ещё зарубчик такой, вот ребята их поднимут, кружат высоко. А на качулях дак качаются, ещё песни поют:

На качуле мы качались, на канатах тоненьких.
Мы записки получали от ребят молоденьких»

(с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.).

«В Пасху ещё в «Кандалы» играли. Стоят по двое, третий посередине: «Кандалы, кандалы, раскуйтесь». Кто побежит вперёд, расцепится пара и бежит по обе стороны, а третий-то ловит» (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

Радольница

«В Радольницу хоть что-нибудь рыбное на стол, хоть рыбную косточку. Радольница и Семик — это когда приходят умершие родители, тут им двери открывают» (с. Романово). «Радольница у умерших родителей считается как Пасха. Надо также красить яички, кто желает, на кладбище ходят. Помянуть родителей надо. Вот ко мне мама во сне приходила, в аккурат перед Радольницей, и так меня *козонками* хлестала, мол, молись богу, поминай родителей. Я уже утром встала, так у меня все места-то, где она была, зудели» (д. Разим). «В Радольницу усопших поминали. Свечку затеплят, молятся. На стол чего соберут, а уж одну еству обязательно под стол поставят» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

«В Радольницу, кто есть умерший, после Пасхи-то, хоть ничё не стряпай, а принеси хоть косточки рыбной на стол, и чтоб хотя бы парок был, умершие ведь приходят в гости. У них ведь только два праздника в году — Радольница и Семик. Больше ничё нет у наших родителей-то. Двери, окна открывают в эти дни. На Радольницу всё настряпают, на стол составят, лавки отодвинут, двери открывают, окна тоже. Это чтобы умершие шли и ели. Я вот от бабушки слыхала. Настряпали вот, всё сделали. У бабушки-то все пришли, вот это ведь не грешный человек, если грешный, дак он ничё не видит. Они все пришли, за стол сяди, умерши-то, а сатана-то во двери лезет с бороной, она его не пускает. Она увидала его, рассмеялась, и всё исчезло» (д. Разим, Зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.). «Радольница — это как у умерших родителей Пасха. В Радольницу они разговляются» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Вознесенье

«В Вознесенье кулички стряпают, в виде лесенки делали. Господь на небеса-то пойдёт по этим лесенкам» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Т.А., 1919 г. р.). «На Вознесенье стряпали кулички, чтобы Христос поднялся на небо по ступенькам. Тесто защипнёшь как лесенкой. Их с творогом делали» (д. Рёлка, зап. от Кузнецовой Т.И.).

Егорьев день

«На Егорьев день у нас считали деньги, чтобы их больше было» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.А.). «В Егорьев день хвосты коровам подрезали» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.А.). «В Егорьев день ели всё только постное» (п. Орёл, зап. от Невוליной,

1925 г. р.). В этот день пекли просвирки из своего теста, большие такие, в церкви-то маленькие делают. Эту просвирку кормили коровам. Это в Егорьев день, а потом, когда на волю ещё начнут скота таскать, тоже дают, дескать не будет урочиться» (с. Романово, зап. от Тимошевой В.А.). «Ещё птичек делали в Егорьев день. Из теста, из дрожжевого, их сами же и ели, жаворонки назывались» (д. Полом, зап. от Беклемышевой П.В., 1927 г. р.).

«В Егорьев день первый раз скотину выгоняли, там улица была, коридор такой, ещё столб, а на столбе икона, вот туда скотину-то и водили. Батюшка приезжал, ходил, кропил. Ещё иконы выносили из часовни: Победоносца, Николая угодника. А из двора скотину выгоняли вербой и посыпали четверговой солью, хлебушком кормили, который положили в канун Великого Четверга, пока солнышко не закатится. Это чтобы скотину сберечь» (д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., 1923 г. р.). «Первый раз скотину выгоняли в Егорьев день, приезжало духовенство, окропляли стадо, чтобы волки да медведи не напали. Рано, в шестом часу выгоняли» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). Если весна была затяжной, первый раз выгоняли скот не на Егория, а на Миколу (д. Левино, зап. от Шестаковой Н.И., 1928 г. р.).

«Когда скотину выгоняют первый раз, по хребтине вербой пасхальной стучают. Когда выгоняют, хозяйка пояс расстилает свой и через него корову-то и прогоняет, чтобы она домой ходила» (п. Орёл). «На Егорьев день скотину вербочкой прогоняют и говорят: «Откуда идёшь, туда и приходи» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). Маленькие в этот день корову доили ещё, это игра такая была, вот возьмут, кирпич об кирпич трут, песок сыплется, это и есть корову доить» (п. Орёл, зап. от Молоковских А.А., 1922 г. р.).

«В Егорьев день коней к церкви водили, подведут, их там поп обрызгает, человек верхом подъедет, поп и его окропит» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

Троицкие праздники

Семик. Троицкая суббота

«На семик идти, дак красили яйца» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «В Семик молились за родителей. Мама вот среди ночи пекла пирог рыбный, яйца делала, а утром с этим на кладбище шли» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«В Семик обязательно на кладбище, а в Радольницу в церковь несли еду, у кого чё есть: яички, печенье, пряники, конфеты» (д. Вогулка, зап. от Семириковой А.Н., 1928 г. р.). «Семик — поминальный день. Несут на могилу крупу, рыбу жареную — поминаться» (с. В. Кондас, зап. от Нечаевой А.Д., 1938 г. р.).

«В Семик на кладбище все, кто в похоронах участвовал или друг покойного, подходили к могиле. Им наливали выпить, они говорили: «Этому покойнику земля пухом». А ему отвечают: «А тебе добра-здоровья за то, что пришёл помянуть». Он выпивает и идёт дальше» (д. Бельские, зап. от Бельской А.Д.).

«В Семик на кладбище сыпали на могилу зерно, крупу, чтоб птички прилетали, клевали. Они клюют дак кланяются, поминают» (п. Орёл, зап. от Молоковских С. Д., 1918 г. р.).

В субботу перед Троицей поминали тех, кто задавился, утопился: «Ему царство небесно и свято место, чтобы тебя не давило ниче в земле, и земля чтобы сделалась тебе пухом» (с. Вильва).

«Суббота Троицкая — поминовальная, только кто ушел своей смертью. А в Семик всех поминают: утопленников, задавленников, отравленников. Все на кладбище ходят, еду приносят: пирог рыбный, яйцо, квас. Придешь, на могилку постелешь полотенце ли платок, всю еду положишь тут, все едят» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Троица

«Троица — земля травой покроеется. В Троицу с утра шаньги стряпали, пироги стряпали мясные. Утром постряпали пироги, пошли за берёзкой, берёзку принесут, к окну поставят, ленточки навяжут на её, раньше ведь под каждое окно ставили берёзку» (д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., 1923 г. р.). «В Троицу творожные пироги делали, из кислого теста, кулики ещё делали, *кулюжки*» (с. Берёзовка, зап. от Сидоровой Е.Г., 1949 г. р.).

«В лес ходили. Ребята берут топор, а девки ленточки забирают, у кого сколько есть. Берёзку в лесу срубят ребята, девки всю её нарядят, обвяжут, идут домой, берёзку ребята несут, а молодые женщины уже нас встречают, поют. Пели «Пошли девицы»:

Пошли девицы да в лес по калину,
Ай, люли, люли, да в лес по чёрную,
В лес по чёрную, да по смородину...
Потом много че поют:
Как на море валы бьют, а девицы слёзы льют.
Черный ворон воду пил, воду пил,
Он не испил, возмутил.
Возмутивши, улетел,
На лету речь говорил, говорил:
— Не ходи, девка, в замуж,
Не ходи, красна, за старого мужа.
За старым мужем и жить-то тяжело.
Не ходи, девка, за вдовца, за вдовца,
За вдовым жить — слёзы лить, слезы лить.
Ты пойди, девка, за добра молодца,
За ровней своей жить легко, жить легко

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«В Троицу обязательно берёзку под окно ставят, говорят: «Троица — берёзов праздник», в Троицу берёзка именинница» (д. Загизга, зап. от Лопаревой К.А., 1933 г. р.). «Троица вот, сами за берёзкой ходили, я сама за берёзкой-то ходила, три приволоку из-под горы-то, возле каждого окошка поставлю, ленточками ранешными всё закрасят, синими, красными, розовыми, пока Троица идёт, берёзка всё стоит, целую неделю. Была ещё одна берёзка, её ставили неподалёку, около неё каждый вечер собирались, игры играли» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). В Троицу-то сначала в церковь ходили, потом берёзку принесут,

ленты каждый вешать начинает. За берёзкой идут весёлые: цветы по дороге срывают, венки плетут, все нарядные, кто пошустрее, в хоровод вставали. Берёзку принесут, она всю неделю стояла. Маленькие ребяташки бегали, её поливали, а в последний день её ходили топить в реке. Одну берёзку и ставили» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«К Троице мели под окнами, потом тут березку поставят» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой А.П., 1931 г. р.). «На Троицу берёзу ставили в тюрик — это нитки на который наматывали» (д. Сгорки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.).

«Вот в Лубянке Троицу праздновали, берёзку приносили, ленточками украшали и вокруг этой берёзки танцевали, ещё вокруг берёзки люпин ведрами наставят, такими букетами синими» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «Березку ставили, наряжали под окном, у каждого дома ставили, наряжали» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «На Троицу на берегу ставили берёзку, украшали лентами, некоторые снимали ленты с косы и на её» (п. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.). «Когда гуляли вокруг берёзки на Троицу, все, кто чего мог, приносили естественное и угощали друг друга» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.).

«У нас в первый день Троицы уходили молодежь кадрили плясать в Комино, во второй день шли в Кекур, а уже в третий день в Щекино собирались» (с. Щекино, зап. от Журавлёвой В.А., 1944 г. р.).

В Троицу девушки гадали по венкам. «На Троицу в Каму бросали венки, если венок далеко уйдёт — девка в замуж далеко выйдет, а если к берегу пристанет — не выйдет пока» (д. Быстрая, зап. от Езово́й А.И., 1928 г. р.). «В Троицу венки на воду пускали, *завечали* по ним ещё, если последний год в девчестве — венок утонет, а поплывёт венок, значит, ещё ходить в девках будешь» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«В Троицу после обеда выносили круглый стол на улицу, укрывали скатертью и ставили на него рис с изюмом. Вокруг стола по четырём сторонам света вкапывали в землю четыре берёзки, батюшка стоял рядом, ходил вокруг стола, кадил и пел молебен. После всего этого гости ели кутью. За стол не садились, так ели» (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). «На Троицу люди с иконами ходили по улице, иконы берёзовыми ветками были украшены» (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). «В Троицу украшали цветами иконы-то, вот в лесу есть растение лапки, она как елочка, тянется около пней, лапник какой-то, вот икону лапником всегда украсят» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.).

«Яйца берёзкой на Троицу красили здесь. На Троицу яиц-то ещё больше красили, чем как на Пасху» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «В Троицу у нас яйца красили берёзовым листом, они таки жёлтенькие, и вот специально яйца должны быть в Троицу на столе» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «На Троицу играли ещё яичками, вот в земле друг за другом ямочки выкопают и давай яички катать в их, кто подальше в лунку-то попадёт, тот вроде как выигрывал» (с. Сороковая).

«Мы идём *на одине*, как пришли, сразу, мол, приманку надо делать, как песни-то запоём круговы-то, рябятя подтягиваться начнут» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Вот в Троицу-то круг большой водят, там по-за кругу две девки идут и два парня, они идут друг другу навстречу. Встречаются первый раз — девки парням кланяют-

ся, а парни-то тут отворачиваются, потом парни кланяются, тут уже девки отворачиваются. Всё под песню делают:

Как с-по морю, морю синему
Плыла лебедь с лебедёночком,
Со малым со дитёночком.
Плывши, лебедь окунулася,
Под ней вода да встрепенулася.
Летит перьё да лебединое
На желты песка, на круты берега.
С-по бережку шла да красна девица,
Сбирает перьё да приговариват:
— Нам-де с матушкой да на подушечку,
Со милым дружком, да на перину пухову.
(Тут ребята кланяются).
Неоткуль взялся удалой молодец:
— Молчи, девка, молчи, девка,
Молчи, девка, то спокаешься,
Пошлю свата, пошлю свата,
Пошлю сватать, засватаю за себя,
Будешь, девка, у кроваточки стоять,
Будешь, красна, у тесовыя стоять,
Сушить, крушить ретивое своё,
Знобить ножки да на белом снежку

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«У берёзки-то играли ещё. Вот в две шеренги выстроятся, все за платочки держатся, кто с кем дружит, старались поближе встать, и поют:

— А мы просо сеяли, сеяли.
— А мы просо вытопчем, вытопчем.
— А чем вы их вытопчете?
— А мы коней выпустим, выпустим.
— А мы коней перебьём, переймём.
— Чем вам перенять, перенять?
— Шёлковым поводом, поводом.
— А мы коней выкупим, выкупим.
— Чем же вам их выкупить, выкупить?
— А мы дадим вам сто рублей, сто рублей.
— А нам не надо тысячи, тысячи.
— А чего ж вам надобно, надобно?
— А нам надо девицу, девицу,
Свет Анну да Ивановну

(д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«В Троицу кадрили ещё танцевали на шесть колен: первое колено называли «Барыня», второе — «Майские волны», третье — «Корзинка», четвертое — «Ручеёк». Каждый вечер всю неделю танцевали» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«Вот песня поётся на три раза: в Троицу, в Заговенье, в Постно Воскресенье — «По лугу, лугу»:

По лугу, лугу, лужочку,
Да с-по крутому бережочку
Да генеральский сын гуляет.
Он гуляет, разгуляет,
Сам о гусельцы играет.
Я охоча была слушать
Молодецкие забавы.
А как за это послушанье
Хочет тятенька бити.
Он не лёгким, не тяжёлым,
Всё от веничка пруточком.
Я со этих со побоев,
Я со этих со тяжёлых
Три недели прохворала,
Не пила млада, не ела,
Всё на тятеньку глядела

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Это в Троицу спели, а в Заговенье тоже пропоют всё это, а заканчивают уже по другому:

Хочет меня мамонька бити,
Она не лёгким, не тяжёлым
Носовым платочком.
Я со этих со побоев
Три недели прохворала,
Не пила млада, не ела,
Всё на мамоньку глядела

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«В Постно Воскресенье уже песню-то *дрўгими* заканчивали:

Хочет миленький меня бити,
Он не лёгким, не тяжёлым,
Всё осиновым поленом.
Я со этих со побоев
Всё нисколько не хворала,
Всё пила млада и ела,
Всё со миленьким гуляла

(п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

Духов день

«В Разиме праздновали Духов день, Троица, например, пятнадцатого, а Духов день шестнадцатого, вот у нас его и праздновали, а четырнадцатого ходили в Усть-Игум на кладбище, поминали родителей. В Духов день в церковь ходили, потом в гости шли, там угощались пивом, вином» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

Троицкое заговенье, Отдание троицкое, Шелковик

«На Троицу собирались в Поселье, а через неделю на Шелковик шли в Паголёшкино» (д. Поселье, зап. от Куклиной А.И., 1923 г. р.). «Троицкое Заговенье — поминальный день, тут не грех кого-нибудь накормить, подать кому-нибудь милостину. На Заговенье пельмени с мясом стряпали» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Чаще всего именно после Троицы, в Заговенье, троицкие берёзки относили в хлев и скармливали скоту (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). «У нас сразу после Троицы берёзку сжигали в печке» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). «После праздника берёзку бросали в Каму. А кто ленты с кос снимал, вешал на берёзку, забирали их обратно» (п. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.).

«Берёзку топят, каждый у её по веточке, по пруточку сламливают, а потом сам стебель топят в воду» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.). «Шли берёзку топить, кто-нибудь зайдёт в воду, опустит её в Яйву с лентами» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г., 1923 г. р.). «Берёзку топили, бросали в воду, парни бегали, доставали её, мы опять бросали, это было в Троицкое Заговенье. Берёзка стояла, а в воскресенье было уже Заговенье троицкое, вот берёзку-то и бегали топить: бросят её в Каму, а ребята сбегают или сплавают, поймают её, мы опять кидаем, так несколько раз бегали. Около берёзки танцевали, песни пели, с нами даже вдовы были. А вот замужних не было» (п. Турлавы, зап. от Кожинной А.И., 1925 г. р.). «Когда топить на речку берёзу идём, кому в замуж, та загадывает: «Берёзка, тони». А не выйду замуж, так: «Берёзка, уплыви». Завещание как делали. Топили вместе с ленточками. Потом берёзку доставали снова и ленты снимали» (д. Полом, зап. от Ждахиной Е.В., 1921 г. р.).

«Берёзку топить пойдут, украшения с неё снимают, если девушка чувствовала, что в этом году пойдёт замуж, то ленточку свою с берёзки уже не снимала, топила ленточку вместе с берёзкой. Все вместе понесли топить, до места несут, а там раздевают. Берёзка идёт впереди, её несут посменно как флаг, то девушка, то парень. Доносили до места, со слезами начинали раздевать, с песнями, с поклоном подходили и снимали всё с неё, и в воду. Занесут в воду, поставят, а она уже сама ложится, ещё примечали, в которую сторону накренится ветками: против течения или по течению — это примета такая. Обрато иду с песнями и плясками, танцуют» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«Самая последняя песня поётся в Троицкое Заговенье, тогда уже каждый по пруточку с берёзки сламывал и шёл топить его в реку, Это под песню всё:

Пойду ли я, выйду ли я,
С горы на гору гулять,
Круты грады удивлять.

Ой, сломлю я с сыра-дуба веточку,
С сыра-дуба зелену,
Ой, брошу ли я эту веточку
На Дунай-реке,
В Дунай-речку быстрюю.
А сама я млада
Да подальше отойду,
С издали на веточку погляжу:
— Ой, тонет ли нет с сыра-дуба веточка?
Ой, тужит или нет
По мне милый друг?
Ой, не тонет моя веточка,
Ой, не тужит по мне милый друг.

А тут кричат: «Ой, тонет моя веточка, тужит моя милочка». А мы тут кричим: «Не тужит». Ребята-то рядом ходят топить-то, ещё выкупают кого, все мокрехонькие придём» (п. Лемзер, зап. от Фоминых Е.И., 1921 г. р.).

«Заговенье пройдет, играли Отданье Троицкое, тут гармонья была, есть — играют, нет — сидят песни поют. Разно игравали Отданье, как-то вот крошки собирали. Это вот в Трезубах» (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.).

Аграфена Купальница

«Аграфена Купальница шестого июля. В это день ходили за вениками. Листья с этого время сильные. После Петрова дня хоть бери, хоть не бери, бесполезно. Вот даже когда пожар, это веник кидали через огонь, чтобы отбить пожар-то, огонь-то унять» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Иванов день, Ехать на воды

«В Пыскоре Иванов день справляли, говорили, мол, на воды поедем» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). «На Иванов день по берёзки бегали и в церковь с этими веточками, потом уже домой несли, жаворонков ещё стряпали, они большенькие, горбатенькие такие, хвостик и клюв такой. На Иванов день ещё берёзку к иконе ложили и цветы тоже, украшали как» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1931 г. р.).

«Веники заготовляли с Иванова дня, в лес ходили, искали березку-чистолистку, смотрели обязательно, чтобы эта берёзка не *ероховая* была» (п. Лысьва, зап. от Петровой Х.И., 1926 г. р.). «Вот принесёт тятя веники накануне Иванова дня, дак их на межу постелют тоненько, под росу под ивановску. А и так на берёзе обмочит росой-то, а когда накануне, дак разбрасывали на меже, чтобы росой обмочило. Умывались ещё ивановской росой» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). Первый веник, которым парились в бане на Иванов день, кидали в Каму (п. Орёл, зап. от Куторевой В.Ф., 1924 г. р.). «Бабы пироги постряпают, скажут мужикам: «Сходите по веники». С Иванова дня за неделю дружков по двадцать обязательно наломают» (с. Берёзовка, зап. от

Бухариновой А.М., 1925 г. р.). «Веники собирают с седьмого по двенадцатого июля из липы, берёзы. Позже нельзя, говорили: попадья лес обосс..т» (с. Щекино, зап. от Ужеговой А.П., 1924 г. р.). «На Иванов день веники собирали, на Ивановску росу клали, в огород, чтоб росой окропило, ещё не связаны, так кинут» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.). «Первым веником испаришься, на *доможителство* на крышу надо его закинуть, если пожелтеет — в этом году умрёшь, не пожелтеет — долго будешь жить» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой М.И., 1928 г. р.).

Считалось, что на Иванов день обязательно большие росы. Смотрели, будут ли росы после Иванова дня: «Нынче за Иванов день сухорос был, дак, видно, много огурцов будет» (д. Левино, зап. от Шестаковой Н.И., 1928 г. р.). «На Ивановскую росу *переметкивались* через себя, чтобы спина не болела, когда косить пойдешь» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

«Ивановску росу собирали, она, говорят, то ли вредная, то ли полезная. Скатерть положат, соберут с травы. Пили наверное, которые лечились» (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.). «В Ивановску росу выкладывали на межу старые травы, они побудут сколько, опять силу наберут, снова целебные будут» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «Иванова роса — божья душа», — когда бывает большая Иванова роса, ею умываются, чтобы лицо было чистое» (д. Трезубы).

Петров день

«Вот к Петрову дню всё мыли, поновляли на речке-то, там ухваты, лопаты, в избах всё убрали» (п. Лысьва, зап. Петровой Х.И., 1926 г. р.). «В Петров день ходили в церковь, на ключ ходили, воду брали, галечки маленькие в бутылку положат. Считалось, что это как святая вода» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.П., 1929 г. р.).

«В этот день ездили тут за Каму, с иконами, чтобы освятить покос» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«В Петров день только по ягоды разрешали ходить, никакую другую работу не делали» (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.). «В Петров день баба одна пошла за вениками, стала стругать берёзу-то, а ветка-то сорвалась да прямо в глаз, вот она и ослепла. В праздник-то сам работать нельзя, а она думала, хоть за вениками, мол, схожу, а оно получилось, видишь, как» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.).

В Петров день начинали сеять репу (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Т.А., 1919 г. р.). «В Петров день нужно было обязательно поставить зарод сена. Шли, брагу брали с собой, бидон на обед. Сядут, по кругу пустят бидон, всю брагу выпьют. Брага-то меловая была, хмель с солодом на закваску-то делали. Сначала мужики выпьют, потом уж бабы. Тут ещё маленько скосят сперва, вот за спиной лопатник хранили, так пучок травы за лопатник затолкают, чтобы спина не болела» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.). «У нас Петров день отмечали в деревне Кузнецово, все ходили нарядные, до обеда все ходили на работу, а с обеда все уже праздновали, обязательно первый раз в Петров день ходили на покос, все в белых платочках, в фартучках, на покос выйдут, поработают до обеда, потом уже празднуют. С Петрова дня косить начинали, настра-

пают пироги с рыбой, ватрушки сдобные, наложат, из берёзы лукошки такие были, тряпкой закроют, с собой несут, да всё-то не съедят, потом это целую неделю ещё едят. Витушечки такие делали, мама их всё кренделями называла. Это в Петров день столько стряпали, за один день-то все не съешь» (д. Кузнецово, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р., Падерина Д.И., 1938 г. р.). «Серп кидали правой рукой за спину, чтобы робить было легче, ещё сено затыкали за поясицу, это перву косу-то когда косили, затыкали, чтобы спина не болела» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

«С Петрова дня всегда веники заготавливали, лист-то самый крепкий после Петрова дня. Нам все говорили: «По веники-то пойдёшь, так лист-то лизни, если гладкий, на веники годится, а который шершавый, то на веники не идёт, не жаркий считается» (д. Кузнецово, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р., Падерина Д.И., 1938 г. р.). «Ещё в Петров день землянику собирают» (с. В.-Кондас).

Постное воскресенье, Ходить на бурдан

«После Петрова дня через неделю на следующее воскресенье собирались деревни Клименская, Чужова, Семенская, Рёлка, все деревни со своим приходили, со своими музыкантами, это называлось ходить на бурдан. Все собирались, часа три-четыре танцевали, все вместе же и песни пели, и *кадрили плели*, и частушки, кто на что горазд» (д. Кузнецово, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р., Падерина Д.И., 1938 г. р.).

«Вот в Паголёшкино, недалеко от Ощепкова, был такой праздник, Постное воскресенье назывался, это такое гуляние было: в круг ходили, танцевали кадрили. В двадцатых числах июля был где-то» (п. Лысьва, зап. от Петровой Х.И., 1926 г. р.).

Праздники и обряды осенне-зимнего периода

Ильин день

«К Ильину дню всё мыли в избе» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.). В праздник старались не работать. «В Ильин день девки собирались на угор кадрили плясать» (д. Рёлка). «В Ильин день в баню сходишь, вымоешься и веник на реку несёшь. Бросишь и смотришь, в какую сторону плывёт комлем — туда и жить поедешь» (д. Трезубы).

«Горох с Ильина дни начинали есть. В Ильин день детям можно было горох есть столько, сколько захочешь, даже на колхозное поле разрешали бегать за горохом-то, а в остальные дни всё караулили» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «С Ильина дня разрешали есть горох, прямо в сам Ильин день и ели, раньше-то нельзя этого было делать, зубы могли заболеть» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Т.А., 1919 г. р.). «Горох до Ильина дня не ели, чтобы зубы не болели». (д. Рёлка, зап. от Кузнецовой Т.И.). «До Петрова дня ягоду нельзя есть, до Ильина дня — горох» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

«После Ильина дня не купаются — чирьи будут *долить*» (с. Романово, зап. от Зуевой Н.Д., 1913 г. р.).

«В Ильин день вилок капусты срезали, надо было попробовать, созрела, нет» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.). «С Ильина дня картошку начинали смотреть, прикапывали, пробовали» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

«После Ильина дня веники-то уже не носят, на их уж олень насерет» (д. Левино, зап. от Шестаковой Н.И., 1928 г. р.). «После Ильина дня трава за кустом уже не сохнет (говорили, лось травку обоссал), вот и старались накосить к этому дню» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

Спасы

По первому, второму, третьему Спасу замечали погоду. «Первый Спас — рукавички припас, третий Спас — цыган шубу припас, уже холода будут. После третьего Спаса репу резали. Тут уж первый снег выпадет» (д. Трезубы). «Первый Спас — гуньку на запас, второй спас — исподки про запас» (д. Зыряны).

Успение Пресвятой Богородицы, Успенъев день

«В Успенъев день на воду ходили с иконами, крест большой в воду макали, кому надо, во дворе и в избе служили, ещё на поля с иконой ходили, там служили» (д. Загигга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.). «Успенъев день Пресвятой Богородицы — это всё успело, можно уже начинать убирать» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Рождество Богородицы, Богородицын день

«Я не помню, почему так называли. У одного хозяина сгорела кладь, раньше зерно собирали, дак эти клади ложили. Вот сгорело, дак после этого времени и прознали Богородицын день-то, праздновать его обязательно стали» (п. Лысьва, зап. от Петровой Х.И., 1926 г. р.).

Обжинно, Обжиночная брага

«В Октябрьскую обжинно, делали обжиночную брагу. Че, в огородах пусто, все обожнутя — вот и ставили» (д. Трезубы). «Когда обжиночную брагу пьют, бабы напьются, потом за флягу держатся, танцуют. А кто делал брагу, хоть и не пил, тоже вместе. Вот и приплясывают, вот и приговаривают фляге: «Ой, я лягу-прилягу и поймаюсь за флягу...» (д. Рёлка). «Тоже обжиночную брагу и на Пречистую делали: «Пречистая — поле чистое» (д. Рёлка, зап. от Кузнецовой Т.И.).

Казанская, Покров

Считалось, что после Казанской девушке можно было выходить замуж (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.).

«Пиво обязательно в Покров делали, ещё говорили, что в Покров даже у воробья пиво есть. Пиво пенно из солода. Обязательно в Покров заваривали капусту, готовили как: её мелко изрубят в кадушке, потом пласты кладут, лист капустный целый, потом опять слой рубленой капусты, опять пласт целый, а сверху уже кипятком заваривают. В ка-

пусту ещё мяту клали, морковь ли. Заварить-то капусту старались уже к Покрову, чтобы на каждом столе была, это уж обязательно» (д. Кекур, зап. от Федосеевой А.И., 1933 г. р.).

«Говаривали стары-те люди — не жди Покров, запирай коров» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.) «Примета есть: не жди Сдвиженья — режь репу, не жди Покрова — руби капусту». (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Т.А., 1919 г. р.).

«На Покров день девки говорили: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня — женишком». Скажут и три раза переметнутся. Зачем — не знаю. А вот раньше тоже делали: картошку выкопают и перемёкиваются через голову-то, примета такая была» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Р.Ф., 1940 г. р.).

На Покров девушки со словами: «Покрой, Покров, землю снежком, а меня — женишком» — скатывали снежный комок и бросали его через голову назад, женихов привораживали» (д. Трезубы). «В Покров с пирожником бегали, как сочни скали, на росстани всё, колокольцы услышишь, дак к свадьбе. Тын ещё считали тут: «Холостец или вдовец». Если холостец — нисколько тына не останется, *беремя*, а вдовец — останется, вдовый, значит, будет у девки жених, это на Покров делали» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

С Рождества до Крещения

Рождественский сочельник, Рождество

«Завтра бы Рождество, а сёдне сочельник, вот с этого времени и гадают» (с. Берёзовка, зап. от Шишкиной А.И., 1919 г. р.). «Клали сочень за пазуху, к сердцу, брали подол в зубы, надевали на себя *гуньку* и шли. У первого встречного мужчины спрашивали его имя. Какое имя скажет прохожий, такое и у жениха будет» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «В Сочельник девка с сочнем бегала. Сочень в карман, и по деревне. Если собака попадётся — муж будет злой, как собака. Если женщина, то смиренный» (д. Трезубы).

«В Рождество нельзя за пряшницу садиться, грех признавали» (д. Разим). «Говорили, в двенадцать часов ночи, в Рождество-то, небо открывалось на один час. Надо выходить на улицу и просить у Господа свои желания. Говорили: «Прошу помочь, исцелить» (с. Берёзовка, зап. от Нориной М.Ф., 1937 г. р.).

«В Рождество церковная служба заканчивалась в три часа ночи словами: «Христос родился». Молодёжь бросалась из церкви славить, по домам ходила до солнцевсхода» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). Славельщики в дом зайдут, запоют:

Христос рождается, славите Христос,
Небезрящете Христос,
На земле возноситея, пойте, люди,
Яко прославимся.
Рождество твоё, Христе Боже наш,
Воссияй миру свет разума,
Со звездой служащися,

Со звездой учахнемся,
Тебе кланяемся, солнцу правды,
И тебе выведи с высоты востока,
Господи, слава тебе,
Дева неба присущественного рождает,
Ангелы с пастырями славославят:
— Наш бог, роди, родися,
Господи, слава тебе!
С Рождеством Христовым, с Рождеством Христовым!

Хозяин скажет тогда уже: «Проходите». Угостит чем, там конфеты, пряники, орехи, шаньги подадут. Взрослые не ходили, только дети да девки с парнями» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Начинают ходить с тропарём с шести часов утра и весь день ходят. Как споят, им подадут деньги, орехи, семечки, настряпанное, всё что есть» (п. Орёл).

Народно-фольклорная интерпретация рождественского тропаря широко варьируется. Так в селе Романово его текст звучит иначе:

Христос рождается, славите Христос,
Небезрящите Христос,
На земле возноситея,
Пойте, Господи, вся земля и веселия,
И воспойте люди, яко прославимся,
Рождество твоё, Христе Боже наш,
Воссияй миру свет разума,
Неба звезда служащие,
Со звездой учохуся.
Тебе кланяемся с высоты, правду солнца,
Тебе видится с высоты востока,
Господи, слава тебе!
Дева днесь присуще Бога рождает,
И земля вертеп неприступный приносит,
Ангелы с пастырями славословят,
Волхвы же со звездою путешествуют.
Дай, Бог, роди, родися,
Отроче млада привечный Бог, с праздником!

Тут уже в избу зайдут: «Здравствуйте, хозяин с хозяйшккой, со своею семеюшкой» (зап. от Тимошёвой В.П.).

«В святки ходили славить, в дом зайдёшь, пропоёшь, хозяевам нужно было от-даривать, там конфеты, пряники насыют, мы и радёхоньки» (п. Орёл, зап. от Дёминой А.Д., 1915 г. р.). «Славельщики славил от дверей. После этого хозяйка стелила на сундук шубу мехом наружу и приглашала их туда сесть, чтобы овцы водились» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «В святки-то придут, гостинец просят,

а не дадут, дак плясать будут, углей наберут, в дом зайдут и пляшут, а под ноги-то уголь сунут, вот вся изба чёрная делается, углей-то надавят дак» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.).

«Славить ходили тоже и на шутку: «Славите, славите, вы меня не знаете, я Андрейка Галанчи, вы подайте калачи». Это уже *самородно* было, так, не знаем, а поём, а так все по-церковному как славили: «Христос рождается» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1931 г. р.).

«К Рождеству обязательно готовили сыр. Сыр делали так: творог, сметана, сахар, изюм — всё это засыпалось в посудину (форму с крестом), давилось, трамбовалось. Через некоторое время сыр был готов» (п. Орёл, зап. от Моховских А.А., 1922 г. р.).

Святки

«В Рождество-то славельщики ходили. Их запускали в дом, и они пели святочный тропарь. А в старый Новый год уже ходили колядовать. Рядились в бабку, плотно повязывали на голову платок, ещё рядились в мужика, одевали резиновые сапоги с белой заплаткой, например» (п. Орёл, зап. от Куторева В.Ф., 1924 г. р.). «Вот на святки сряжались, пужало делали, в охотника наряжались: он с ружьём ходил, сумка такая была, там патроны, фуражка у его» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

«Рядились ещё в медведя с медведицей, шубу вывернут, ходят большой медведь да маленький, шапку вывернут и тоже ходят, ещё парни рядились в девок, вот у нас один нарядился, вместо шапки веник сделал, юбку одел» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.). «Рядились чёртом: штанины резали до колена, приделывали хвост, лицо мазали сажей. Ещё рядились цыганкой, одевали цветную одежду и много юбок. Рядились всякими чудами» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«На святки *обезьянили*: то на корову, то на лошадь, зайца. На лошадь-то четыре человека, голову делают, маску, полог сделают из четырёх полос. Зайца вот делали - человек уши из тряпок сделает. На медведя — шубу наизнанку выворачивали. В лису один раз видела как рядились, шкуру лисью делали на себя» (с. Берёзовка, зап. от Федосеевой Т.П., 1932 г. р.).

«В Святки сноп оденут на себя, у пояса подвяжут, на ногах лапти, так рядились. Кто ещё гуньку оденет, кто чужой платок оденет, всяко переряжались. Ещё одевали полог на себя да лицо мазали сажей» (с. Берёзовка, зап. от Перевозчиковой А.И.). «На святки бегали, рядились. Гармонист придёт, приведёт с собой Дуло. Его на полати посадят: «Дуло, давай работу!» — «Целуй девок!» Вот парни-то и начнут целоваться. Тут ещё приведут парня какого-нибудь, положат его как будто покойник, в середину стола положат. Опять Дуло просят: «Дуло, давай работу!» — «Целуй покойника!» А у покойника во рту иголка. Вот тут девки-то, другая, третья ходят, целуют. А потом ещё «Кадриль» пляшут, «К столбику водят» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.). «В *страшные вечера* парни в тряпицы девок ловят, какая попадёт ему, ту и в замуж возьмёт. Один парень накидывает тряпицу на девку, поймат её и потом идёт к ней свататься» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

«Дурили по девятнадцатого в сами вечера-то страшные: двери замораживали, поленицу разваливали, сани под гору спускали. Ещё трубы затыкали домовые» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.). «Ребята баловались, двери примораживали, дёгтем мазали, смолой» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

«Во время Святки *шулюшничают*, снарядутся кто как может, придут, побрякают во двери, в избу зайдут» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «На Святки снаряжались девки парнями: штаны одевали, шапку, усы углём рисовали. Ещё раками снаряжались: запоны по-особому оденут, руками-то щупаются. Рак по земле ползёт на четвереньках, снизу и сверху запон привязан, руки поднимает так, щупает, щиплется» (с. Берёзовка, зап. от Петуховой Н.Ф., 1937 г. р.).

«В шуликинские вечера *шуликины* ходят по деревне, дрова разбросают, кряжи вытащат на середину дороги. В Рождество опять мужик какой морковку в карман спрячет, ходит, женщинам страшное показывает» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «Вот *маскированы* бегают в святки-то, кому двери приморозят, жениху да невесте там чё попало делают, дрова раскидывают, чурки, вот девка молоденька не вышла замуж-то, вот ей и делают всё это» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

«На святки гадали на картах: за пазуху или под подушку клали короля, причём, если загаданный юноша был с рыжими волосами, клали червого короля, если жених был белый и холостой — бубнового, а пики и крести — если чёрный цвет волос. И после этого ложились спать, чтоб жених приснился» (д. Езова, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «В святочную неделю гадали: девушке завязывали глаза, раскручивали ее и направляли к конской дуге. Если сможет в эту дугу пролезть, то она в этот год выйдет замуж» (п. Орёл, зап. от Опутиной М.С., 1928 г. р.). «Вот ещё гадали, ложатся спать, кладут полотенце под подушку, что во сне увидишь, туда и поведёт дорога» (п. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.). «Вот гадали на святки. Брала три зеркала. Одно ставили впереди гадающего, второе — сзади, третье держали в руках. По бокам ставили две свечи. В зеркале, которое держали в руках, смотрели суженого. А за плечом гадающего стоял свидетель, который подтверждал правильность гадания, то ли увидела девушка, то ли она говорит. Ещё вот гадали, в воду выливали разбитое яйцо или воск. Смотрели, что получится, такая твоя судьба. Еще бегали под недостроенные дома и слушались, откуда послышится голос или лай собаки, оттуда и приедет суженый. Вот так ещё могли гадать» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«Лапти кидали через ворота в двенадцать часов, куда лапоть носком указал, туда и замуж должна была выйти» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой А.М., 1929 г. р.). «Бросали дугу за ворота, смотрели, куда упадёт: концами в деревню — в девках останешься, а если концами из деревни, то замуж выйдешь в этом же году» (с. Берёзовка, зап. от Петуховой Н.Ф., 1937 г. р.). «Вот гадали ещё по лучине. Полено положат на печку, высушат его, потом косарём нащипают. Лучину-то возьмут, мостиком сделают, под постель положат. Ночью-то, за кого выходить, тот во сне должен тебя по мостику-то и провести» (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.). «*Рукотельник* в голову

клали. Рукотельник положат, будто там жених идёт: «Нечем утереться, дай мне утереться» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой М.И., 1928 г. р.). «На Святки ворожили: горшки переворачивали, под них клали вехоть, уголь и хлеб. Горшок опрокинешь, а там вехоть — бородатый мужик будет, ежели хлеб — богатый, если уголь — бедный» (д. Сгорки, зап. от Швецово́й П.Ф., 1926 г. р.).

«У нас на святки девки гадали у проруби, смотрели, кто покажется там из женихов-то, так до того догадали, за ними копна побежала, *помустило* им так» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Т.А., 1919 г. р.).

Васильев вечер

«К Васильеву вечеру вымоют чисто пол, а все равно откуда-то зернышко появится, мама заставляет искать его, а как найдут, мать говорит: «Положи на божничку» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). «В Васильев вечер зёрнышко под столом искали, найдут — урожайный год будет значит» (п. Шемейный).

Крещение

«Накануне Крещения полы не моют — погано это» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «В Крещение большую прорубь делают, нарисуют крест и такой формы выдалбливают лёд. Этой водой потом всех крестят» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«На Крещение ставят крестики на окнах, на дверях, конюшнях. Говорят, ездит чёрт на Крещение, вставай в баню-то с клюкой, в двенадцать ночи вставай, чёрт с шёлком поедет — хватай шёлк-то клюкой» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Власьев день, Власьевна

Чтобы медведь корову не задрал, в церкви Власьевне ставили свечу, чтобы Власьевна спас от зверя всякого. Ещё Ивану-воину ставят: придут, поставят свечу: «Помоги, Иван-воин» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Масленичная обрядность

Вселенская суббота

«Суббота называлась Вселенская, поминали родителей умерших, она перед мясным заговеньем, вот это воскресенье мясное заговенье, тут пельмени мясные стряпали» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.).

Заговенье мясное

«В воскресенье было Заговенье мясное, стряпали пельмени, а в понедельник уже начиналась масленка, тут оладьи стряпали, а со среды начинали уже блины жарить» (п. Турлавы, зап. от Кожинной А.И., 1925 г. р.). «В Заговенье основное блюдо — пельмени. На Масленицу-то уже их не едят» (д. Быстрая, зап. от Давыдовой К.И., 1935 г. р.).

Масленица

«Сперва была Масленица, в первый день Заигрыш, потом Золовкины посиделки, тут ездили к теще на блины» (п. Турлавы, зап. от Куклина З.А., 1935 г. р.).

«А вся неделя масленичная: понедельник, тут всё чистили и мыли, вторник уже Масленицу встречали, пекли оладьи, в среду уже начинали печь блины, в четверг катались на катушках, катушки-то украшали ёлочками по краям, вешали фонарики и керосиновые лампы — «летучие мыши» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«В Масленицу до среды пекли только оладьи, потом пекли уже рыбные пироги, а тут уже и оладьи и блины, вакли, розанцы, розанцы мелкие, там ещё изюм вставят, ели продолговатые розанцы, то изюминки три сделают, а если кругленькие, то одну. Рыбный пирог к вечеру готовили, большой пирог для гостей, а розанцы, вакли пекли на специальных досках» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1913 г. р.). «Слыхла вот, что кто задавился, тех поминают о Масленке. Давленников так-ту не отпевают, даже позаочью. Их поминают один раз в год — на Масленку» (д. Сторки, зап. от Швецовой П.Ф., 1926 г. р.).

«На Масленицу делали катушку в центре, и у каждого дома наворачивали тоже» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.). «Катушки делали, их ещё венниками обставляли по бокам-то, веточками вверх» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1913 г. р.). «Горку-то по краешкам елками уставляли, вниз по скату ставили елочки» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «С катушки катались в Тамане с факелами» (д. Быстрая, зап. от Давыдовой К.И., 1935 г. р.). «К масленице катушку делали: козлы поставят, на них жерди положат, потом солому, потом снегом загребут и водой зальют. Высокие козлы-то ставили, с сарай, горка-то хорошая получалась, далеко катила» (с. Берёзовка, зап. от Белкиной М.Г., 1930 г. р.).

«Был такой «лось», делали длинный-длинный лоток, на Масленицу кататься» (д. Рёлка).

«На Масленку весь народ с четверга на катушке: и стар и млад. Тут ещё молодуюшку катали, молодуюшку расподвигут, муж её на коленочки садит, на скачки он сядет сперва, она так к ж... ногу подогнёт, сядет и поедут. Она расподвязана, это так платок верхний снимет, у неё там косы заплетены, уложены, а сверху бант красный. Это надо было посмотреть, вот молодуюшку-то и разбококут. С четверга катания-то настоящие начинались» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.).

«В Масленицу катались на креслах, на лыжах такие кресла были, молодые катались, она сядет в кресло, а парень сзади стоит» (п. Орёл, зап. от Саврасовой З.Н., 1924 г. р.). «В Масленицу мы на скачках катались, на прутьях железных, а сверху доска была всегда расписная. У каждого свои были скачки-то, там Хомутовы, Жулановы, внизу обязательно под росписью, фамилии были, кому они принадлежат, у каждого своя фамилия была, именем родителей всегда скачки-то писали» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1913 г. р.).

«Катались с горы на коре, кору вот, мочало-то делают, отвернут так, ещё сгибали впереди-то, пять-шесть человек сядут и едут» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.).

«На масленицу катались на коровьей шкуре, посередине садился человек, у которого по обе руки сидело еще по трое, он их обнимал» (п. Орёл, зап. от Сивковой О.С., 1918 г. р.). «В Масленицу катались на лубке, лубок-то — это кусок липовой коры с загнутыми краями. На кресле катались, кресло — сани такие со спинкой. Девушка садилась на сиденье, юноша вставал сзади на полозья и управлял санями» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

«В Быстрой с горы катались, у стариков были санки, а все остальные катались на фанерках» (д. Быстрая, зап. от Давыдовой К.И., 1935 г. р.). «Санки были и скачки со *шашабарками*, они железные. На катушку придут парни, девок пригласят. У скачков ход-то железный, а сверху всё выкрашено цветами, всё деревянное. Шашабарочки две были для управления скачками — это палочка такая железная с дырочкой. На масленицу ещё костры жгли и дороги загорали» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«В Масленку на лотках катались, лоток как скамейка так заострена и середина немножко выдолблена, потом ее обливали, делали коровий помёт с водой, заливали, замораживали, потом скобелем чистили, а сверху ещё водой обливали, плаха-то закруглена ещё, так рубанком-то ещё. И верёвку сделают, кольцо такое. И лошадей ленточками да цветами украшают, дугу цветами украсят, колокольцы повешают» (д. Лубянка, зап. от Падериной А.Ф., 1940 г. р.).

«Катались на парнях, у которых наступал возраст жениться, да они ещё неженаты» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.).

«На Масленицу из бересты делали маски, вырезали дырки для глаз, для рта, коробье делали: «У, в короб-то посажу». Ходил кто-нибудь, Масленицей назывался. Это у нас дядя рядился. Он ещё коромысло сделал, сапог ли, валенок одел на него. На нём верхом сидит, как на лошади, сам управляет, а ногами-то по земле идёт. Ещё шубу оденет: шуба чёрная, мехом наружу, рукава белые. Ещё на Масленицу в волка рядились. Из волчьей шкуры что-то нашивают. Рядом охотники были: ружьё, патронташ, дичь какую-нибудь навесят, там на тесёмочке вывернут рукавицы, шапку ещё вывернут, оденут, одно ухо кверху, другое книзу. Ещё собаку живую в мешок посадит, ходит так из дома в дом. Ещё рыбаком рядились: колпаки такие были как валенки скатаны, кузовок за плечами, сети тащат, сачки, ещё рукавицы как рыбу на верёвочку, только их уже не выворачивали. И ещё врачеватели были, цыганками рядились» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«Масленкой наряжались, ходили, пугали маленьких, чтобы после праздника молосно не ели. Говинье это ходило. Шубу выворотят да на лицо-то оденут чё-тося, ходят с плёткой, вицей, пугают. Береста вырежут, брови наведут да бороду сделают из кудели» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.). «Масленками наряжались. Шубу вывернут, на лицо бересту сделают, вырежут глаза, бородку приделают из кудельки. В избу к кому-нибудь придут, пляшут: с четверга до Чистого понедельника всё ходили» (с. Берёзовка, зап. от Сидоровой Е.Г., 1949 г. р.).

«Старухой рядились, тётушкой Ленью, лентяйкой. Вот я пришла к своим, ещё стихотворение прочитала, пришла, ободок суковатый с собой, что мне лень всё

обделать-то, со всякими сучьями, один штан так, ватерпас другой: «С вами давно я знакома, зовут меня тётушка лень, с трудом приплелась я из дома, за печкою грелась весь день. Кто любит уроки учить, тот очень не по сердцу мне, но лодыри и лежебоки меня утешают вполне». Юбка холщовая, старушечья, капроновый платок сделала, сажей намазала, раз лентяйка дак. Вот в дом зашла, постучала: «Здравствуйте. Можно к вам? Мне водки надо, чё?» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

«В Масленицу масленкой наряжались, ходили по домам, и им пить подавали, раньше ведь ещё стряпня была. Вот подадут, он в сумку положит, уйдёт в другую избу. Ходит так по деревне, шуба выворочена, веники навязаны берёзовые, кругом всё привяжет полотенцами, ходит, маску ещё оденет, из бумаги сделает, глаза вырежет, дырки-то для глаз» (д. Сгорки, зап. от Тупициной А.Ф.). «Баловались на масленку-то, замаскируются, чучело сделают, у кого чё старинное есть, одевали. Ещё как лошадь делают, на коромысле одевают валенок и ещё веник-голик вместо хвоста сделают, ну и всё, а сами едут как на лошади; это масленка называлась, ещё это и на свадьбах тоже делали, когда свекровку катали» (п. Турлавы, зап. от Кожиной А.И., 1925 г. р.). «В Масленицу никакие такие песни не пели, только снаряжались: коромысло обмотают шубой, сами фуфайками обмотаются, веники навяжут, лапти наденут, меня как пужалу снарядят, я поеду, колокольчик привяжут, я и побегу по деревне-то, по домам хожу, собираюсь» (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

«Конец Масленке — снаряжают бабушку вениками, редькой, возят её по деревне в корыте. «О, — говорят, — Масленка едет, редька, нельзя уж молосное есть, говинье идет, вот редьку-то и кажет». Редьку-то ей на грудь привяжут, а веники на руки, по одному с каждой стороны. Шутники её таскают, она кричит: «Не роняйте меня, ладом волоките». Катушку парни сделают, парни её польют, масленка-то уж на катушку не залезат. Её до катушки доволокут, она уж там домой засобирается. На конях ещё тут катаются, их в розвальни запрягут, ездят, ленточки на дугу повешают, ещё у лошади хвост согнут и завяжут в узел, а в другие праздники так не вязали, а тут завяжут. Молодому ещё в снег волочили» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.). «В Масленицу на лошадях катались, запрягут их в кошевки и ездят. Лошадей всех цветочками украсят, в узды цветочки сделают, по шлее цветочки пустят» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

«В Масленицу бабы печку в корыто поставят, на неё сверху там посудину какую с едой ли, питьём, и таскают по деревне, чтобы тёплое всё было, угощают» (д. Лысьва).

По погоде на масленичную неделю замечали, каким будет лето. «Масленица *пандерна* — к грибам» (с. Берёзовка, зап. от Бухариновой М.И., 1928 г. р.).

Прощёное (Сборное) воскресенье, Отданы Масленки, Целовник

«Последний день Масленки — Отданы Масленки. Тут с факелами катались: кто берёсту на палку наматывает, кто с соляжкой» (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.). «Катушка кататься — бога катать-славить» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «Собрание костей было в Сборное воскресенье. В это день говорили: «Про-

катись на катушке, тогда летом морковь расти будет» (п. Орёл, зап. от Куторевой В.Ф., 1924 г. р.).

«На лошадях катались в последнее воскресенье, это Целовник, так вот на его утром навяжут на дугу веников у лошади, да на всяко место, ещё к хвосту веник привяжут, насадят ребят в сани там, в фуры ли, катают. А большие-то кошевки запрягут, ковры повешают, колокольцы, так ездят, *шабаркуны* тут, на хвост-то веник привяжут, а то соломы. После Масленицы-то Прощёное воскресенье, Целовник-то, так вот к родителям и ходили, в ноги падали, простите, дескать, нас. Они прощали, потом три раза целовались» (п. Турлавы, зап. от Шеиной А.В., 1911 г. р.). «В Прощёное воскресенье говорили друг другу: «Ты уж меня прости», на что отвечали: «Бог простил, и ты меня прости» (п. Турлавы, зап. от Куклина З.А., 1935 г. р.).

«Когда на Масленку катались, падёшь, говорят: «Кости потерял». А в Сборное воскресенье тоже катаются, падают и говорят: «Кость собрала» (д. Полом, зап. от Ждахиной Е.В., 1921 г. р.). «Последний день Масленицы — Сборное воскресенье, шаньги прятали на вышку до Паски» (с. Романово).

Чистый понедельник, Прощальный день

«В Прощальный день молодые обязательно ходили к родителям, падали в ноги, прощенье просили, это в Чистый понедельник было, ещё в этот понедельник ходили на гору кости собирать, за неделю накатаются, растрясут, а в понедельник уже ходят собирать. Ещё молодые тут катались: муж сядет, жена к нему на колени сядет, обнимет, ноги подожмёт и сидит как кукушка» (п. Пыскор, зап. от Жулановой Т.П., 1913 г. р.). «В Прощёный день кости собирали, катались на катушке» (д. Езова, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «В Чистый понедельник кости собирали» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.). «В Чистый понедельник катаются — кости собирают. Нужно в этот день с горы прокатиться так осторожно, чтобы не перевернуться, не ушибиться. Собрание костей это» (п. Лысьва, зап. от Савенковой З.В., 1936 г. р.).

Масленицей заканчивались зимние праздники. Разнообразные формы народных увеселений основных праздничных комплексов, характерных для Усолья, перекликаются с формами календарной обрядности других северных территорий Прикамья, сохраняя в то же самое время свою специфику. В некоторых праздничных ритуалах очевидно воздействие традиции народных праздников соседей коми-пермяков (в частности, мотив поимки в бане черта с шелком на святки). В крае сохраняются в достаточно развернутом виде некоторые обрядовые формы, практически забытые в других зонах. Таковы игры с березкой на Троицу и особенно исполняемый под песню, имеющий гадательный смысл обряд потопления березки.

12

13

14

ГЛАВА IV.

Магическая и бытовая традиция

Бытовые и хозяйственные приметы

Приметы

«На Чистый понедельник примечали: если ветер дует, то для скотины не хватит сена; весна будет затяжной» (д. Быстрая, зап. от Езовой А.И., 1928 г. р.). «Если в Чистый понедельник небо чистое, то летом ягод и грибов не будет, а если *морошное* — то лето будет хорошее, будут и грибы, и ягоды» (п. Орёл, зап. от Куторева В.Ф., 1924 г. р.).

«По рябине судили, какой год будет. Если рябины родилось много — дождливый год будет, рябины нет — год сухой» (п. Лысьва, зап. от Чесноковой Е.А., 1912 г. р.).

Если сосульки в начале весны длинные — весна будет длинная, протяжная (п. Орёл).

Если утром кресты на местной церкви светятся, горят, то погода в этот день будет хорошая (д. Таман).

Кукушка на голый лес кукует — год будет голодным (д. Разим).

Птица канюк кричит — к дождю. «Я вот слышала — птицы реки копали. Канюк копал, потом вымылся, а ворона-то не копала да взяла в грязи извозилась. Господь посмотрел, ворона-то грязная. Он ей и разрешил пить везде, а канюк чистый. Господь и не разрешил ему пить везде, вот он и летает: «Пить, пить». Все пить просит. Вот Бог конюка-то и наказал» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Предзнаменования

«Перед войной небо вскрывалось: красное всё стало» (с. Романово, зап. от Макаровой А.Г.).

«Перед войной было, небо разделилось ночью-то на две части, светло-светло стало, и чего-то падало на поля, камень какой-то. «Небо взволновалось», — родители так говорили» (д. Шварёво, зап. от Шварёвой П.С., 1927 г. р.).

«Щука перед войной шла. Это вообще так, когда много щуки, не к добру. Это же царская рыба, у неё крест на голове, она церковная рыба-то. Опасная она. Которы её и щукой-то не называют, только сукой» (д. Ощепково, зап. от Поляченко М.В., 1926 г. р.).

Бытовые запреты

В гостях на пороге стоять нельзя — жених или невеста, кто есть в семье, не уживутся, воротятся домой (с. Романово).

Волосы вычесанные выкидывают в печку, не выкинешь если — шея будет скрипеть, голова болеть (с. В. Кондас).

Во время грозы нельзя есть. «Вот у нас пришли с покоса муж с женой, сели ись. Тут гроза ударила, их обоих убило» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

Если в дом ударила молния («громовая стрела»), в этом доме не будет жизни. «У одних трубка была не закрыта (лето было, жарко), они легли спать на пол. Тут как засияло, загремело, сшабаркало! В дом через трубу громовая стрела влетела. По комнате пролетела, вокруг них, в подвале летала и потом в трубу обратно вылетела. Дак они вовсе скоро из этого дома уехали — не завелась жизнь-то» (д. Трезубы).

«Под ёлку от грозы не встают. У нас вот женщину одну молнией убило. Она и нагрешить-то не успела, так, говорят, за грехи родителей это все» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

«В грозу нельзя есть. У нас одного дядьку убило. Был сильный гром, а он сидел и ел, так громовая стрела залетела и убила его. Бабушка потом говорила: «Вы в гром не ешьте» (с. Романово, зап. от Тимашевой В.А.).

«Лягушку нельзя убивать. Лягушка — это человек был. Когда-то первобытный народ был. Вот че-то у Бога она провинилась, ее Бог сделал лягушкой. Смотри, у нее лапы-то как у человека, ноги такие же» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Хозяйственные обычаи

«Когда переезжают в новый дом, первой запускают кошку. Куда кошка ложится, на то место и кровать ставят» (п. Пыскор).

«Репу надо сеять идти без штанов, иначе она не вырастет» (п. Орёл, зап. от Кутуревой В.Ф., 1924 г. р.).

Охотник по дороге в лес старается убить сороку — тогда домой придешь с добычей (д. Ощепково).

«Пошел на охоту, стружку с косяка дверей ногтями снимаешь и кладешь в карман, чтоб охота будет удачной» (д. Ощепково).

«По посаженному «заветному» («завеченному») растению загадывают на жизнь. Вот привезли мы по веточке тополя. Вышли. Папа на себя посадил, мама, я, Ленька. У нас-то не отросли, а у Лени вырос. Так его потом Михаил, этот тополь-то, охранял. Леня на войне погиб, мол, дак это мой дружок, вот ак память об ем. А тут сосед-то взял этот тополь и спилил, дак долго-то не прожил сам, умер» (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Обереги

Если горел дом от молнии, кидали в огонь пасхальные яйца и выносили икону, Неопалимую купину, чтобы ветер стих или изменил направление (п. Орёл).

«Гроза, тогда вот уголья-то загребаешь в печи и выкидываешь, чтобы гроза утихла. Ещё лопату выбрасывали хлебную, клюку» (с. Романово, зап. от Тимошёвой В.А.).

«Деньги кидали в Каму медные, когда лёд шёл, чтобы не утонуть в году-то» (п. Орёл).

«Квас против ветра льют, когда пожар» (д. Зинково).

Средство от колдуна — положенная на шесток заслонка. «Колдун даже воду пить не будет, если заслонку с шестка не убрать» (д. Шварево).

На суд идут — берут кость от щуки, чтобы правильно судили (д. Ощепково).

«Когда корова отелится, в чашку наберут из печки углей, на них положат крестовину из головы щуки и ходят с этим вокруг коровы — подкуривают, чтобы домовой не урочил корову» (д. Ощепково). «На третий день после отела коровы брали лапоть, в него клали семь или девять угольков и щучьи зубы, и со всем этим три раза обходили вокруг коровы и теленка, чтобы животные не болели» (д. Ощепково).

«От сглаза мазали лицо сажей» (д. Щекино).

«Чтобы новорожденную скотину не изурочить, когда ее показывали маленьким детям, им давали в рот соломинку» (д. Ощепково).

Чтобы охотника на охоте не задрал медведь, сушили майскую медуницу, «её брали с собой, с ней и на лабаз шли» (д. Ощепково).

Корень валерьяновый в тряпочку завернут и под подушку на ночь положат, помогает от бессоницы и от «гуся», детской болезни, один из признаков которой ненормально широко раскрытые глаза (п. Орел).

«Если человек испорченный, в доме у окна и двери делали щель, чтобы порча вышла, иначе порча могла перейти на здорового человека» (д. Кекур).

Лоб в бане у женщины блестит — к скорому вдовству (д. Разим).

Молитвы и заговоры

Заговорная традиция достаточно активна и по сей день. В ее исполнении активно применяются традиционные заговоры (ниже представлены образцы достаточно развернутых заговорных текстов), молитвы, в том числе и тексты, стилизованные под молитвы. Все большее распространение получают упрощенные заговорные тексты-паремии, нередко с вполне современным содержанием. Так в заговоре от неожиданных гостей поднимают (обязательно правой рукой) с пола упавшую вилку или ложку (падение которых и предвещает неожиданный визит), после чего стучат черенком по полу со словами «Пошли все на фиг» (г. Усолье).

С заговорами связаны хозяйственная практика, поведение в быту, многие процедуры народного врачевания. Для лечения болезней, впрочем, нередко предпринимались лишь особые обрядовые действия, не сопровождаемые словами. Так, чтобы вывести лишай, коросты, мазали их сметаной и затем давали полизать собаке (д. Сторки, зап. от Швецовой П.Ф., 1926 г. р.). Чтобы справиться с *чемором* (головной болью), «в голове сосочки искали, там такие бывают под волосом, потом тянули, давили их» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

Многие из приемов лечебной магии в народной традиции весьма своеобразны. Так для лечения ангины «с вечера на всю ночь опускали в корчагу с квасом медный

ковшик. Утром холодный ковш доставали и заставляли больного его лизать» (г. Усолье, зап. от Сагуры Е.Д., 1931 г. р.). При лечении зубной боли могли использовать белену. «На большой чугунной сковороде раскаляли семена белены и затем заставляли больного, открыв рот, стоять несколько минут над сковородой». Однако чаще всего в магической практике использовали и особый ритуал, и специальный текст.

Заговор для бани. «Банюшка-матушка, давай-ка мне чистоты, погано возьми. Тьфу, тридевять, аминь» (г. Усолье, зап от Попковой Е.С.).

Слова банному царю. В новую баню банного царя перевозили. За сутки до этого под лавку в старой бане, напротив каменки, ставили *наберушку*. Через сутки приходили в баню, брали эту посудину со словами: «Батюшка Банный царь, пойдём в новую баню, простися с этими стенами, все, мы ее будем разламывать, не будет этой бани, пойдём в новую» (д. Поселье).

Заговор для леса. Заходишь в лес и говоришь: «Сырой бор, тёмный лес, напой, накорми, домой отпусти» (п. Орёл, зап. от Молоковских С.Д., 1918 г. р.).

От медведя. Если медведя не обижаешь — он тебе в лесу ничё не сделает. Надо сказать: «Ой, Миша-батюшка, я тебя не трогаю — ты меня не трогай» (д. Трезубы).

Слова во время высаживания капусты. Вместе с рассадой капусты садили вершинку от крапивы и говорили: «Капусту не ешь, ешь крапивку» (д. Ощепково). Старались капусту сажать в четверг, при этом говорили: «Не родись киластая, а родись пузастая» (д. Таман).

Слова домовому. Когда переезжали в новый дом, брали с собой поганое корыто, клюку и кошку. Со словами: «Суседушко-братанушко, пойдём со мной на новое житье-бытьё», — отправлялись в новый дом (д. Трезубы).

Слова во время покупки коровы. Купленную корову заводили во двор через снятый с себя пояс со словами: «Как на мне пояс держится, так и коровушка во дворе держится» (п. Лемзер). Купленную корову заводили во двор через расстеленную у порога скатерть со словами: «Как скатерть на столе держится, так и корова во дворе держись. Корова бегать не будет» (п. Лемзер).

От порчи домашнего скота. «От встречного, поперечного, от седого, от чёрного, от белого. От всяких нерадостных, от ненавистных, от ночных, от пересудных, от худого часу, от лихого глазу. Аминь». Состричь у коровы между ушей немного шерсти (крест-накрест), смешать с хлебным мякишем, сделать два шарика. Окатать ими вымя, голову, хребет, говоря заговор. Затем один шарик выбросить на перекрёсток со слова-

ми: «Кто чего моей скотине пожелает, пусть то себе и заберет». Второй шарик смочить в молоке и залепить им на ночь замок, утром достать и выбросить подальше от дома (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От сильного ветра. В Великий Четверг до солнышка бросали на крышу дома палку со словами: «Как палка лежит, так и крыша на месте будь», — ветер крышу не снесет весь год (д. Шварёво).

От грома. Хлебную лопату выбрасывали с *мостов* от грома. Выбрасывали со словами: «Успокойся, батюшко, остановися, Бог с нами» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой Л.И., 1947 г. р.).

Любовные присушки. «Упокой, Господи, раба (имярек). Откуль дым-дымок валит — горе в трубу, если ты, милый мой, прибежишь к моему к двору. Вы, двенадцать чертей, побегите на кладбище, наберите песку, наложите рабу (имярек) тоску, всё бы думал о рабе (имярек), тосковал, пил бы — не запивал, ел бы — не заедал, всё рабу (имярек) на уме держал» (г. Усолье, зап. от Попковой Е. С.).

«На синем море на камне стоит дом, в этом доме двенадцать окон, на этих окнах сидят двенадцать чертей. Там есть один чёрт старшой большой Никифор. Он сидит на доске, под этой доской печаль и тоска. Я раба (имярек) к нему прихожаю, его упрошаю: «Ты, черт Никифор, подними доску, пусти на раба (имярек) печаль и тоску, чтобы раб (имярек) о рабе (имярек) печалился и тосковал, ел — не заедал, пил — не запивал, мылся — не замывался, думал о рабе (имярек) денно и ношно, казалась бы раба (имярек) яснее солнца ясного, милее всех людей, красивее красивых дев и жён на земле, яснее месяца и звёзд на небе» (д. Дурыманы, зап. от Белобородовой В. В., 1924 г. р.).

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Встану я, раб божий (имярек) благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, со двора воротами. Выйду в чистое поле, в чистое поле стоит изба, в избе доска, на доске лежит тоска. Я той доске помолюсь и поклонюсь. Тоска, не ходи ко мне, рабу божьему (имярек), а поди, тоска, на красную девицу, в ясные очи, в чёрные брови, в ретивое сердце, разожги у рабы божьей (имярек) ретивое сердце, кровь горячую по мне, рабу божьему, чтоб не могла бы ни жить, ни быть. Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л. Е., 1927 г. р.).

«Чтобы парень пуще любил, брали из-под подмышек пот и запекали его в тесто, потом этим старались парня-то и накормить» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.).

Встану я раба божья (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в восточну сторону, под утреннюю зарю, под красное солнце, под млад месяц, под частые ярые звёзды. Под частыми ярыми звездами стоит гора белокаменна, из этой горы белокаменной бегут три ключа горячие и кипучие, у этих ключей горячих и кипучих стоит истинный Христос с ангелями и архангелями, со всей силою небесною, всяк их убоится, устрашится, я, раба божия

(имярек), не убоюсь, не утрашусь. Попрошу у них с трёх ключей горючих, с трёх ключей кипучих воды для того, чтобы у раба божия (имярек) зажечь лёгкие, печень и горячую кровь, и ретивое сердце кипело бы, горело бы об рабе божьей (имярек) век повеки, отныне и довеку (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«Как кукушка кукует и горюет, так бы и раб божий (имярек) куковал бы, горевал бы по мне, рабе божьей (имярек). Аминь». Читать, когда кукует кукушка (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«Встану я, раба божия (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами в чистое поле, поклонюсь и помолюсь 12 ветрам и 12 вихрям. У тех же ветров и у тех же вихорев есть дядюшка Вихорь Вихоревич. И как не может жить он без ветров, и человек без еды, и рыба без воды, так бы не мог раб божий (имярек) без рабицы божьей (имярек) ни жить, ни быть, ни дни дневать, ни ночи ночевать, и ни думы подумать, и ни мыслям помыслить поутру рано, ввечеру поздно, на ветху и на молодую, и на перекрою месяца» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

Отсушка. «Стану не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, выйду подвальным бревном и дымным окном в чистое поле. В чистом поле бежит река, по той реке ездит чёрт с чертовкой и водяной с водяночкой, на одном челне не сидят и в одно весло не гребут, одной думы не думают и совет не советуют. Так бы раб божий (имярек) с рабой божьей (имярек) на лавке одной не сидели, в одно бы окно не глядели, одной бы думы не думали, одного совета не советовали. Собака бела, кошка сера, один змеиный дух. Ключ и замок словам моим. Аминь». Наговаривают на еду (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От драчливого мужа. «Мыло берут, которым покойника обмывали, это, говорят, чтобы муж не драл» (п. Орёл). В рукава рубашки мужа могли вшить нитку, вытянутую из полотняной завязки, которой скрепляли руки умершего. «Когда нитку от умершего вшивают в рубаху, говорят: «Как покойник, раб божий (имярек), рот не разевает, руки, ноги не поднимает, так и пусть у раба божьего (имярек), рот не разевается, руки, ноги не поднимаются на рабу божью (имярек)» (д. Вильва).

«Верёвочки под подушку клали, которыми руки связывали покойнику. А которые знающие люди, эти верёвочки брали себе. Вот если муж дерётся, ему вшивали эти верёвочки в рукава рубахи (п. Орёл).

«Месяц молодой, месяц молодой, на том свете был?» — «Был». — «Покойника видел?» — «Видел». — «У него руки не поднимаются?» — «Не поднимаются». — «Уста не открываются?» — «Не открываются». «Так пусть у раба (имярек) на рабу (имярек) руки не поднимаются, уста не открываются. Аминь». Слова говорят, глядя в небо на молодой месяц (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От полуношницы. В бане бабушка ребёночка парит и говорит: «Полуношная полуношница, полудённая полудённая, не декуйся над рабом божьим (имярек), де-

куйся над полком, над каменкой, над третьей матицей» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Заговор от бессонницы. Вечером, когда все улягутся, нужно говорить: «Полуношница, полуношница, приди ко мне, унеси мою бессонницу за горы высокие, за леса дремучие, за пески сыпучие, за болота зыбучие, куда Макар коров не гонял, куда люди не ходят, и где звери не живут» (д. Таман, Матвеева Н.Д., 1935 г. р.).

От колдуна. Чтобы защититься от колдуна, нужно про себя сказать: «Лай, собака, на пустое дерево» (п. Орел).

От сглаза. Мать касается языком лба ребенка, подбородка, висков в виде креста и говорит слова: «Какая мать родила, такая отходила, каков гость, таков ему почёт» (д. Зырянка, зап. от Мониной А.М.).

«Благослови, сыра земля (при этих словах нужно прикоснуться ладонью к земле), огонь (зажигается свеча), вода (нужно разбрызгать святую воду) и небо (возжигается ладан), отец и мать на весь благодатный. Ложилась я спать помолясь и вставала перекрестясь, вышла я в чистое поле под красно солнышко, под ясен месяц, под ярки звезды, под тучи бегучи. Катилась ты, вода, с небесной высоты, с земной глубины, круты берега обрывала, жёлты пески обмывала, сыры коренья, белы каменья. Обмой, опорочи раба божьего (имярек), отродка (имя) от зазорного глаза, от глаза рябого, от бабьего, мужского, девичьего и юношеского. Прогоню я болезни с уроками и пауроками от скорых ног, белых рук, бумажного тела, от ретивого сердца, со всех жил и нажил, суставов и пасуставов, с кожи и плоти, с горячей крови. Во веки веков аминь». Свечи поставить треугольником, чтобы вершина была обращена к кровати, после заговора прочитав молитву «Владыко вседержителю», умыть ребенка святой водой» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От поветрища. «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Раб божий, Николай, отшипета не шипела, не болела, отшипета не шипета, не болела, отшипета не ломала. Тьфу, три девять, аминь» (г. Усолье, зап. от Попковой Е.С.).

От испуга. «Господу Богу помолюсь, матери Господне поклонюсь. Мать Господня, выходи и всех святых на помощь зови. На море, на лукоморье стоит дуб, под этим дубом лежит камень. Я камень поднимаю, испуг-ляг вызываю. Выходи, испуг-перепуг, с костей, с мощей, с белого тела, с ретивого сердца, с буйной головы, с ясных очей, из рук, из ног, с легких, с печени, с крови горячей. Иди на топкие болота, на тёмные леса, на низкие лозы, где люди не ходят, петухи не поют, собаки не лают. Аминь». После наговора умывают святой водой» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От уроков. «Как этот царь-огонь тухнет, потухает, чахнет, исчезает, так бы с раба божья (имярек) уроки, сглаз ли исчезали веки повеки, отныне довеки. Аминь, аминь,

аминь». Эти слова надо читать на воду три раза, потом этой водой умыть человека» (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Раб божий, Николай. Из семидесяти семи жил, семидесяти семи костей, семидесяти семи суставов отойди от нас на болото и отойди от нас на колоду, тут есть питьё и кушанье. Тьфу, три девять, аминь» (г. Усолье, зап. от Попковой Е.С.).

От грыжи. «В истопленной бане грыжу бабушка зубами загрызала. Загрызать-то позволяли только тем, у кого были все зубы целехонькие. Вот мать за дверь бани выйдет или у каменки встанет и спрашивает: «Баушка, что грызёшь?» — «Родимую грыжу». — «Грызи, грызи, чтоб во веки веков её не было» (с. В. Кондас, зап. от Кожевниковой Д.Н., 1930 г. р.).

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Святой боже, Николай, чего грызёшь?» — «Грыжу грызу». — «Чего кусаешь?» — «Грыжу кусаю. Камень корова рогатая грызла, собачка яичка грызла, собачке и волос. Тьфу, три девять, аминь» (г. Усолье, зап. от Попковой Е.С.).

Грыжу загрызали в истопленной бане три дня подряд на закате солнца. Во время процедуры зачерчивания в бане обязательно должен был присутствовать первый рождённый в семье ребёнок либо последний, что обеспечивало эффективность магическим действиям знахарки. Слова заговора приобретали особую силу и в том случае, если у лечащего человека были на месте все зубы. Произносятся слова: «Как сук всохнет в дерево, пусть вся немощь иссыхает», лекарка обводила троеперстием вокруг сука на полене, сначала три раза по часовой стрелке, потом столько же раз против часовой. То же самое она делала над больным местом человека. Заканчивали лечение наложением крестного знамения на грыжу: «Её два раза крестили, а третий раз уже крест клали наоборот, крест как опрокинутый получался» (п. Турлавы, зап. от Куклиной З.А., 1935 г. р.).

«Сама носила, сама родила, сама грыжу закусила. Аминь». Наговорив, прикусывают грыжу через пелёнку» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«Грыза, ты, грыза боровья, грыза, ты, грыза, пенья, коренья и серые каменья. Поди ты, грыза, во чисто поле, гуляй там ты, разгуляйся от раба божьего (имярек) во веки веков. Аминь». Читать три раза и при каждом укусить больное место» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«Бабушка Соломонюшка заедала грыжу у Пресвятой Богородицы медными губами железными щеками. Я укушу грызу, загрызу пуповую, паховую, суставную и всякую другую у рабы (имярек). Аминь». Лечат на исходе месяца» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«В чистом поле стоит серый дуб, и в том дубе железный муж, и того железного мужа не можно напоить и накормить ни хлебом, ни солью, никакими овощами. А накормишь того железного мужа из жива человека, с сердца грыжею, из-под грудей грыжею, из пупа грыжею. В синем море-океане белый камень, и от того камня белого

выходит красна девица и приходит к тому рабу божьему (имярек), и вынимает у того раба божьего (имярек) с пупа грыжу, с сердца грыжу и покладывает на шелковую ленту, и сносит к серому дубу, к железному мужу. И тот железный муж поедает, пожирает у того раба божьего (имярек) с сердца грыжу, с пупа грыжу и тем железный человек сыт пребывает. Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От пуповой грыжи. Произносятся слова: «Как сук сохнет, иссыхает, ни в которую сторону не поддаётся, так, грыжа, сохни, иссыхай, ни в которую сторону не поворачивайся», по солнышку водили большим пальцем правой руки вокруг сучка на доске, затем вокруг пупа ребёнка. Окончив процедуру, грыжу через новый носовой платок крест-накрест закусывали губами. Так делали три раза, на три разных сучка, три дня подряд. И использованные доски затем обязательно сжигали в печи (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.).

От чирья. Лучиной, потом углём и *печиной* водят по солнышку вокруг сука на доске, затем вокруг чирья со словами: «Как заря потухает, так же чтоб и чирей потухал. Как уголёк сгорает, так же чтобы чирей изгорал. Как печина изгорает, так же чтобы и чирей изгорал» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

«Ни от камня плоды, ни от чирья руды, ни от пупыша головы, умри, пропади. Аминь». При этих словах обвести чирей три раза углём или безымянным пальцем, уголь затем нужно бросить на опушку леса со словами: «Откуда пришло, туда и ушло» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

«Как этому ключу в дыру не влезать, так этому чирею у рабы божьей (имярек) не бывать. Аминь». При наговоре берут ключ, обводят чирей против часовой стрелки (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От суставных болей. «Шла баба в гору, несла ведра к дому, мыла, натирала, соль с костей снимала. Отступитесь, дочери Идоловы, от раба божьего (имярек). Как вода уйдёт, так и боль пройдёт! Во имя отца и Сына и святого Духа. Аминь». В бане наговаривают на воду, моются с хозяйственным мылом и выливают эту воду через ноги (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

На останов крови. Плюнут на кровоточащую рану и начнут указательным пальцем правой руки водить вокруг раны по солнышку со словами: «Встань на камь, кровь, не кань. Встань на кирпич, кровь, запекись. Кровь через дорогу, встань на дорогу» (с. Берёзовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

От зубной боли. «Иду я не улицею, не дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по канавам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты, заяц, где твои зубы? Отдай мне свои, возьми мои! Иду я не путем-дорогою, а сырым бором, тёмным лесом. Навстречу мне серый волк. Волк, ты, волк, где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои! Иду я

не землю, не водою, а чистым полем, цветным лугом. Навстречу мне старая баба. Старая ты баба, где твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай свои выпалые! Заговариваю я зубы крепко-накрепко у раба (имярек) по сей день, по сей час и во веки веков». Наговор читают в светлое время суток, после трёх прочтений нужно перекрестить зуб, касаясь щеки ножом (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

От бесплодия. «У лошади жеребяти, у коровы теляти, у овцы ягняти, у меня нет дитяти. Как месяц растёт-нарастает, так пусть из семени семечко, будет для меня деточка. Благослови, Господи! Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

В дорогу. «Ангел-хранитель, Господь на пути, Святитель Никола, мне путь освети, Матерь Божья, со мной иди, Архангел Гавриил, врагов отгони» (п. Орёл, зап. от Гуляевой Т.Г., 1935 г. р.).

«Едет Егорий Храбрый на белом коне, золотым венцом украшается, копьём булатным подпирается, с татем встречается, речью с ним препирается. «Куда, тать ночной, идешь?» — «Иду людей убивать, купцов проезжих добывать!» А Егорий удал, ему дороги не дал, православных обороняет, в пути-дороге сохраняет» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

Молитва от суда и от тюрьмы. «Меня, рабу божью Елену, вызывают на суд. Я от суда и от тюрьмы закроюсь на три ключа, на три замка. Первый ключ положу в гробницу Господню, второй ключ повешу на крест Господен, а третий ключ отпущу на дно синего моря. Никто этот ключ не найдёт, не разыщет, никакой меня суд и судья не осудят: ни царь, ни царица, ни красная девица. Ходят, уста пылают, звёзды сыплются, глаза не смыкаются, а у судьев-правосудьев языки сплетаются. Передо мной стоит тын железный, передо мной стоит лес густой, да помолюсь-ка я Господу Богу: «Аминь, аминь, аминь, спаси меня, Господи, рабу божью Елену, от суда и от тюрьмы. Вынеси меня, Господи, рабу Елену, на волю. Язык ключ, рот замок, вовеки аминь» (г. Усолье, зап. от Попковой Е.С.).

На праведный суд. «Умрёт человек, с него крест снимут, другой наденут. А старый крест с умершего хранят, вот на суд пойдёшь, этот крест-то и оденешь» (с. Берёзовка, зап. от Кузнецовой М.М., 1950 г. р.). «Кто верёвочки берёт, которыми руки умершему связывали, кто тесёмочку от простыни умершего оторвёт, у одной дак верёвочку от креста поменяли, это когда судят, это все брали с собой. Скажут, мол, покойника не судят, так и человека судить не будут» (п. Орел).

От скорбей. Господу Богу помолюсь, матери Господней поклонюсь. Мать Господня, выходи и всех святых на помощь зови. Сын наш Божий Иисус Христос, спаси рабу божью (имярек). Выйдет рано утром раба божья (имярек) из двери в дверь, из ворот в ворота и пойдёт в чисто поле. А в чистом поле на крутой горе стоит

церковь, а в церкви престол, и сидит там матушка Пресвятая. Матушка Пресвятая, сними все сильные скорби, боли и уроки с рабы божьей (имярек). Не было бы у ней ни щепоты, ни ломоты, ни аниночные, ни потягочные в костях, в суставах, в белом теле, в ретивом сердце, в буйной голове, в ясных очах, в резвых ногах и руках, в лёгких, в печени, в крови. Есть молитва от двенадцати болей, от двенадцати скорбей, от двенадцати урочищ, от двенадцати зевищ, от двенадцати ногтевищ, от двенадцати родимчиков, от двенадцати нечистых духов. Нечистые духи, отшатнитесь, отвалитесь, с ветра пришли — на ветер идите, с леса пришли — на лес идите, с черного мужика, с двоежённного, с троежённного, с чёрной бабы, с двоежённной, с троежённной, с красной девки, с двоезубой, с косоглазой, со старой девки двоезубой, косоглазой. Я с Духом, Господь с милостью. Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

Молитва от всяких напастей. «О двенадцати снах, о двенадцати замках, во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Спала еси, ночевала Пресвятая Богородица во святом граде Емфлиеме и видела сон страшный, длинный. И прийдя к ней Иисус Христос, Сын Божий, и речет, и глаголет ей: «О, милостливая Мать моя, возлюбленная, спит или не спит, или так лежит, или страшно во сне смотрит?» Рек Ему: «О, Господи, Чадо моё возлюбленное, Иисус Христос, Сын Божий, спала я, ночевала в святом граде Емфлиеме иудийском и видела сон, страшный дивный: святого апостола Петра в Риме, а святого апостола Павла в Даманске, а тебя, Чадо моё возлюбленное, Иисус Христос, Сын Божий, видела во святом граде Иерусалиме на трёх деревьях: на древе кипаристе и певге, и кедре распятого между двумя разбойниками, распятого книжником-фарисеем, вельма поруганному понтийским Пилатом и к амору привязанного, и тростью по голове биенного, исклеветанного, и святое лицо оплёвано, и на твою святую главу терновый венец возложенного, и копьём рёбра твои святые пробиённные, из тебя потекла кровь и вода. Кровь для исцеления христианам и ко спасению душам нашим. В это время солнце померкло, луна в кровь овратилася, и камни распадася, и церковная земля сверху донизу разодрася. Бее тьма от шестого часа до девяти вечера на востоке, на восточной стороне. Ест стоит престол, на есм престоле лежит святая корона, которую сам Господь носил и принял позорную смерть». И глаголе ей Иисус Христос: «О, милостливая Мать моя, возлюбленная присно Дева Мария, поведай мне, сыну своему, что будет тому человеку, который человек будет держать сию молитву во своём доме?» — «О, Господи, Чадо моё возлюбленное, Иисус Христос, Сын Божий, кто будет держать мою молитву во своём доме или почитает, или послушает, сбережён тот раб божий будет ото всякого нападения, от золота, от серебра, от руки, топора и ножа, от железа, от хитрого, от суттего, злого и лихого человека». Выйдем мы и пойдём рабы божьи на воспасённную планету. Павел и раба божья Параскева среди моря, в море ходит щука медная, глава железная. Уста у раба божьего Павла и у рабы божьей Параскевы на языках, как никто не может море выпить, так никто не может отыскать щуку медную, главу железную. Замок брошен в рай, а ключ в ад вечный. Как замок и ключ никто не может из ада достать, так и крепко от Петра и раба Павла, и рабу

божью Параскеву не брать, не побрать, не поранить, не окровенить и всякому существу человеку, и всякому злему и лихому человеку. Как Иисус Христос, вошедший в ад вечный, поправший силу дьявола и пречистый крест животворящий, крест Иисуса Христа дарован нам на прогнание врагов и супостатов, и пречистый животворящий крест спасает нас, рабов божьих, от всякого зла, от еретиков, от клеветников, от еретницы, от клеветницы, от нечистого злого духа. Аминь, аминь, три девять, аминь» (г. Усолье, зап от Попковой Е.С.).

От врагов. «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Господи, поставь железную ограду, железный забор вокруг рабы божьей (имярек). На каждую железку по маковке, на каждую маковку по свечке. Сохрани, не допусти до меня никакого врага, никакого колдуна. Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

Молитва от всяких напастей. «Скорбящая Божья Матерь, Матушка Владычица, у креста на престоле в церкви в соборе спала и мечтала во сне. Видала, как твоего сына белого, как сорочка, ручки, ножки на кресте распяли, грудь копьём пробил, на грудь кровь лилася, а Божья Матерь стоит и плачет. Божья Матерь, Матушка Владычица, твой сын жив, через три дня воскреснет, взлетит на небеса со святыми просвирами, со святыми свечами. Кто этот стих примет, того Господь сбережёт, сбереги, Господи, рабу божью (имярек) в поле, в доме, в пути, в дороге, сбереги, господи, рабу божью (имярек) от огня, от пламя, от всякого убоя, от лихого человека, сбереги, Господи, рабу божью (имярек) от вора лихого, от суда мирового, от пули летучей, от ножа вострого. Сбереги, Господи, рабу божью (имярек). Аминь, аминь, аминь» (д. Дурыманы, зап. от Белобородовой В.В., 1924 г. р.).

Молитва от всякого нападения. «Стану я, раба божья, перекрестясь с северо-востока, юго-запада, я, раба божья (имярек), по утренней заре Марие, по вечерней заре Маремьяне, по полуночной заре Катерине, по полуденной заре Дарье, как покрываюся я, раба божья (имярек), пречистым крестом Господа Бога нашего, Иисуса Христа, всесущего и поправшего силу дьявола. Пречистый ты, животворящий крест господи Иисуса Христа с госпожой с Пресвятой Богородицей, с девою и со всеми святыми угодниками: Лукой, Марком, Матвеем, Гавриилом — спасает меня, рабу божью (имярек), от всякого нападения. Аминь, тридевять, аминь» (г. Усолье, зап от Попковой Е.С.).

От хулы. «Помяни, Господи, царя Давида, да помяни, Господи, царя Симона, как раб божий Давид и царь Симон милостливые, жалостливые не злились, не сердились, не ругивались, так бы и на меня, рабу божью (имярек), злые лихие люди не злились, не сердились, не ругивались, трою любили бы меня, рабу божью (имярек). Рот мой — замок, ключ мой — язык. Аминь» (г. Усолье, зап от Попковой Е.С.).

От воров. «Стою я, раба божья (имярек), благословясь, пойду я, раба божья, перекрестясь из двери во двери, из ворот в ворота, через три порога в чистое поле, во широкое раздолье. Я, раба божья (имярек), утренней росой умываюсь, пеленой Пресвятой Богородицы утираюсь, и покровом я, раба божья (имярек), Пресвятой Девы Марии прикрываюсь, красным солнцем я, раба божья (имярек), украшаюсь, чистыми звёздами я, раба божья (имярек), обтыкаюсь, златым месяцем я, раба божья (имярек), опоясываюсь, буйными ветрами завиваюсь, облаком ходячим покрываюсь от неправедных худших людей, от злых похитителей. Запираю я сама себя, раба божья, тремя замками медными и тремя замками железными, и тремя замками стальными. Ключи унесу, в Твери загребу песком, зарастёт дерном. Мои замки никто не отворит и ключи никто не найдёт, и меня, рабу божью (имярек), ни хитрой, ни мудрой не победит. Аминь» (г. Усолъе, зап. от Попковой Е.С.).

«Кто будет красть, напущу на того страсть, руки отнимутся, ноги с места не сдвинутся. Аминь» (г. Березники, зап. от Осеевой Л.Е., 1927 г. р.).

Демонология в быличках.

В разделе представлены тексты быличек о таких популярных в народной традиции персонажах, как суседко, банник, леший, русалка. Ряд текстов связан с рассказами о колдунах и порче. Несмотря на то, что представленная ниже мифологическая проза характеризуется достаточно типичными для севера Прикамья сюжетами, её отличают своеобразный стиль, колоритные детали, активное использование местной лексики и фразеологии.

Суседиха с прешенкой.

Я суседиху видела, переполохалась, меня даже трясло. Боже упаси, сейчас вспомню, так жуть. Мама, видимо, сидела, пряженку пряла, попряла да и не перекрестила ее. В общем, не благословясь, положила. Тут, где полати, дак на брус на этот положила. И вот слышу, а у нас в голбце-то лесенка была. Она по лесенке пошла, ногами тоборчит, подошла, взяла прешенку. Я слышу, но глаза боюсь открыть, прямо боюсь. Одеядло тихонько так вот потянула, ну, не могу, и маму разбудить не могу. Она потом, это, подошла, взяла прешенку и начала ее трясти, как веретешко. Вот так вот теревит, я всё слышу. И как веретёшко крутанет по полу, а оно: ты-ты-ты. Так вот визжит, Боже упаси. Я лежала, лежала, не могу реветь, ниче не могу. Потом слышу, она прешенку положила и ушла. Маме утром рассказываю, она говорит: «Пошто ты меня не разбудила?» А я боялась вовсе и глаза открыть... (с. Берёзовка, зап. от Сидоровой М.И., 1927 г. р.).

Суседко.

Вот к одним пришел суседко. А баба-то не верила, что ходит. А он пришел и говорит: «Дайте мне валенки». А они только что валенки подынули наверх. Она гово-

рит: «Нет, зачем мы будем валенки давать». Отказала ему. Утром пошла наверх, а там все валенки раскиданы. Суседко, видно, все валенки раскидал. Ладно. Потом не стало, перебрался тут домов через пять. А они тоже, ели как-то мясо. Ели, ели, в чашке кости оставили. Утром встали, а костей-то нету. И ни кошек, никого нет. А дочь не спала ночью и говорит: «Мама, дедушко пришел, сел у меня к койке и гложет кости, токо зубы хрустят. Маленький такой, с бородой, кости ест и говорит: «О, вкусные». А на вторую ночь он опять приходил, будил девку-то. И точно, кости нашли у койки (с. Романово, зап. от Половниковой П.А.).

Суседушко-братанушко

Суседка — это и есть я. Этот человек и ему так же кажется. Вот я и есть суседи-ха. У меня суседка-то нет самого, хозяина, если я покажусь кому, так суседихой и покажусь. Как мы разговариваем, че делаем, он все видит. Когда в другой дом уходишь жить, говоришь: «Суседушко-братанушко, пойдем со мной жить» (с. Романово, зап. от Новожиловой У.А., 1929 г. р.).

Как суседко давил

Когда мне из деревни надо было ехать, суседко меня на печи давил. Я спросила его тогда: «Суседушко-братанушко, что к худу, к добру ли?» А ничего не поняла. Потом вскоре дом у нас сторел. Видишь, к худу делал» (с. Щекино, зап. от Мальцевой А.М., 1925 г.р.).

Крошка хлеба

Раньше были богомолья. Которые ходили по дворам, собирали с котомкой. У нищего такая коробочка на себе, ему туда денежки клали. Вот он ходил по дворам, пришел к одним и говорит: «Пустите меня ночевать». Хозяйка-то сказала: «Ой, у меня ребят шибко много, дак некуда, пойдя, у нас баня седня теплая, поди в баню спать». Он и пошел. Открыл — в бане тепло. Сел на полоч, одежду снял с себя, постелил, достал мешочек свой: «Сейчас я поужинаю». Взял хлеба кусок, сидит, ест. А тут у него крошка упала. Эту крошку он давай шарить, на коленки встал. Крошку нашел, обдул: «Господи, меня благослови». Съел крошку, лёг спать. Видит во сне: двери открывает кто-то, заходит, встал против него: «А, хитрый старик, если бы ты эту крошку не поднял, не съел, я бы тебя сейчас задавил». Это он как видит во сне. Утром встал, собрался, пошёл, к соседям опять зашёл и говорит: «Вот какое со мной было дело». Видишь дьявол-то чё делат (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Блазнины в бане

Вечёрка раз была. Поспорили парни, кто камень из бани принесёт. Одного парня послали. А раньше ведь бани топили по-чёрному. Зашёл он в баню, а его кто-то за руку схватил. Видит, сидит на лавке девка голая с длинными волосами. Она его и спрашивает: «Возьмёшь меня замуж — дам камень, а не возьмёшь — не дам». Парень постоял,

подумал и пообещал: «Ладно — женюсь». Камень она дала и сказала, чтобы приехал за ней. Но он не приехал, хотя и обещал. Тут и начались *блазнины*. Его стали днём и ночью ловить. Хватали за удила коня, проходу не давали. Он и решил жениться. Нашёл её в бане снова, она ему говорит: «Что долго не приходишь, я тебя жду, люблю». Он отвечает: «Я тебя не знаю». Она: «Поженемся — узнаешь». И они устроили пир на весь мир. Зимой свадьба-то была. Поехали из бани в санях, богато убранных. Поехали домой к парню, а он и говорит: «Некуда ко мне теперь ехать». Жена ему отвечает: «Хочешь, найдём моих родителей?» Поехали к ним. Приехали, нашли дом, а в избе ребёнок плачет день и ночь, маленький, худенький. Девка-то, дочь, своей матери и говорит: «Где дочка твоя была? Ты восемнадцать лет нечистую силу кормила, а я всё это время жила на полке в бане». Тогда она берёт ребёнка за руки и бьёт его за угол об порог. Стукнула, и в её руках оказалось осиновое полено. Так всё кончилось добром. Тогда стали они жить-поживать, добра наживать (д. Н. Новинки, зап. от Неустроевой М.К., 1926 г. р.).

Спасибо гармошке

В старину-то все насажут. Раньше блазило, это ноне ничо не блазнит, ноне живые *имают*. Вот в Чертеже раз парень был выпивши, по баням-то тогда вечеровали, он идет с гармонью, учуял, в бане писни поют. Он пришел в баню-то, а там никого нету. И тут его хватили банники-те, а у его гармошка-то плохо была надета, он гармошку сбросил да сам удрал. Назавтре-то пришел, в баню двери полы, гармошка тут лежит. А может, и поблазило ему, пьяному-то (с. Березовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

О лешем

Пухова шаль на мне была, иду я. Тут едет на лошади. Все на памяти у меня осталось. Он едет, а я как вроде в сторонке от него стою. Мимо проезжает, как свистнет, и длинный, длинный у него кнут, как он им ударил. И все, ниче не стало. Время пять часов, а я домой пришла часов в девять, я все плутала, ходила.

Леший с копнами

Грести раз пришли, одна женщина была молодая. Мы сидели. Она юбку промеж ног завертела. И вдруг большущий дяденька появился. Идёт да все копны пинает, пять копён разнесло, высокоуше сено летит да кружится. Сам он красивой, русой был (с. Романово, зап. от Толокновой М.С., 1908 г. р.).

В какую минуту изругашь

В воскресенья не робили, еще дождик был. Вот истопили баню. Я ушла на речку, а тут в баню идти надо, вот отец *слешакался*. Это я помню: у меня корзины были на коромысле, в предбаннике ничё не развешано. А тут из корзин всё растрясено. Как я оказалась в лесу? И все казалось, что я с кем-то разговариваю. Тут вроде начало брез-

житься. Где это я? Ино вижу, передо мной стог большуший. И тут же оказалась в предбаннике. Вот как *с лешака на лешак-то*. Это в каку минуту изругашь (с. Романово, зап. от Толокновой М.С., 1908 г. р.).

Девять дней у лешего

У нас баушка рассказывала. Изругала мать, видно, ребенка, ну сына. Раньше-то ведь рано работали, он остался у скошателей-то, и домой пошел один. Попал навстречу ему мужичок ли, старичок. Видно, не может с косой-то его взять, этот же дьявол. Говорит: «Мальчик, повешай литовку-то на березку». Он повешал, и тогда он его увел. Потерялся парень, время уже девять дней. Раньше ведь девять дней как потерялся, значит, неживой. Давай, говорят, поминки делать девять дней. И он потом вышел, оказался во дворе, раньше дворы-те большие были, стоит у столба. Дьявол привел его, видно, и наказал ему, что ничего он не рассказывал, где был, чо видел. А нашему брату не терпится, сколько-то, может, и помолчал, и давай рассказывать. И ведь сошел с ума (с. Березовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

Михаил Иванович

Говорили, лесному в лес табак носили, чтобы скорее скотину найти. У меня старуха была знакомая, дак, говорили, с лесным зналася. У меня руки болели, экзема была. Я всё её просила вылечить. А она мне: «Ты не веришь, дак из-за того не могу помогчи». Вот взялась как-то, давай в трубу кричать: «Помоги бабе-то, помоги». Она всё его Михаил Иванычем звала, помоги, мол, Михаил Иванович (д. Монино, зап. от Мониной А.М., 1910 г. р.).

Самогон лешему

Телушка у нас убегала, дак я лесному-то скоко всего скормила, ходила нарошно. Нету и все. А потом оказалась в Высоком. След видим — её не видим. С неделю у нас не было её. А потом сказали, по телефону позвонили, вон чья-то телушка вышла к телятам. Я водку лесному носила, самогон, говорят, надо в красной тряпице носить. Принесла, на сук на елочку повесила. Когда и на пень кладут. Хлеб носила горячий, теплый, на пень положу. Скоро-то не вышла, а всё же вышла (д. Игнашино, зап. от Кузнецовой М.М., 1928 г. р.).

Лешева дорога

Вот у нас отец охотник был. Раз рябков набил котомку и расположился на ночь, домой-то идти далеко. Рябки в куче-то изопреют, вот он их всех разложил на земле и лёг спать. Лежит, и тут подошел к нему маленький мужичок и говорит: «Ты зачем на мою дорогу лёг?» А потом этот мужик все выше, выше, выше ёлок стал, и давай собирать все рябки, в мешок начал класть. Потом ничего не стало, отец на другом месте оказался. Видно, мужик-то его перетащил. Это мама рассказывала (д. Загижга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Черный леший

Леший в лесу водится. Однажды в детстве мы шли лесом, молодёжью еще. Ночь, идем, и тут шум поднялся: пролетел высокий, чёрный такой. Всё поднялось вихрем. Мы так испугались. Кто-то ещё сказал сверху-ту: «Не бегайте ночью» (с. Щекино, зап. от Мальцевой А.М., 1925 г. р.).

Леший на лошади

Как-то шла и видела. Едет (у него одна лошадь), и вроде как мужчина сидит. Таких лошадей у нас не было, вся она такая белая, как свинья, и вот такими черными пятнами. Чернопятная. Сама здоровенная, сани большие. Вот вам и леший. Мужик-то — только спину видела, как птичка промелькнул, и я, значит, говорю: «Дорога-то, видно, тут, раз ехал». Я пошла сюда, потом ещё пошла. И вот бродила, вот бродила. Оказалась уже в Березовке под горой. Опомнилась, всё с себя сняла, передела на левую сторону, тогда только направила. Под горой вышла, гляжу — огоньки, и Березовка тут (с. Берёзовка, зап. от Перевозчиковой А.И.).

Леший-вихрь

Вот потерялась девочка шести лет. Ее изругали, она попала туда (в лес). Потом пришли ко мне (деду) ее лечить, ее как-то выходить надо. Он (дед) сказал, мол, идите в лес, она пробежит, но если только вы испугаетесь или изохаетесь, она вам не поймается никак. Потом еще дед рассказывал. Вот вихрь перед дождем крутится, это есть нечистая сила, если что-нибудь кинуть в нее, можно ранить. Не велят в нее ничего кидать, а велят говорить: «Чур нам» (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

За красной коровой

Вот я *пастушила*, и одна корова, красная, меня увела. Увела, дак я сутки дома не была, уже двое дети были, а я за коровой такими большими шагами. Мне потом сказали, что вот которой я пастушила, она меня и отправила. Я бежала и очутилась в Палашере, потом по Уньве-речке, потом сюда пришла. Потом одежду выверотила и домой пришла. Еще ходила, молюсь, иду домой, и тут заяц идет со мной. Это уж от бога, он посылает (д. Разим, зап. от Горюновой В.Е., 1927 г. р.).

В красном платье

Отец у нас рассказывал, он не врал, он никогда не врал, грех врать-то. Я, говорит, пошёл в армию, на войну-то тогда. Пошёл он через речку. А надо ему идти далеко ещё, идет, видит, женщина сидит в красном платье. Он думает: «Чё-то женщина куда ушла далеко? Можно было в селе покупаться. Всякие места есть тут, глубокие, всякие». Ну, идёт, всё не чё, потом подошел, а она сидит на берегу, расчёсывает волосы. Волосы длинные, черные, и вот она гребнем их расчёсывает. Он и подумал: «Это, наверное, русалка». Давай воскресную молитву читать. Она собрала гребешок, взяла, волосы подобрала и ушла вдоль речки, и скрылась — все ниже, ниже, ниже. Это отец рассказывал (с. Берёзовка, зап. от Сидоровой М.И., 1927 г. р.).

Двое красивые

У нас есть озеро Маленькое в лесу. А шибко много карася было. Мужик делал плот и ставил мережи. Раз поставил три мережи. Сперва пошел и принес чуть не полмешка. Два раза там был и все рыбу ловил, и никого не видел. Третий раз пошел. Пришел, говорит - ой, даже по спине побежало. Больше туда не ходил после этого. Двое, говорит, вышли, такие красивые, волосы блестят, распущенные по спине, лицо такое красивое, две девки. У его и мережи все изгнили, больше не ходил туда. Рассказывал — волосы светленькие, рыженькие такие. Так больше и не ходил туда, на Маленькое (д. Таман, зап. от Рудой Е.М., 1929 г. р.).

Чертовка

Хозяин мне раз говорил, он мельником был, вот что говорит: «На реке чертовка булькат». Раньше коровы ночевать оставались, вот пошли их проведать, темно уж пошли, и верно, только булькоток стоит в реке, это чертовка-то и булькала (д. Загизга, зап. от Мелехиной Е.С., 1937 г. р.).

Волосы до пят

Я видела один раз, маленька была ещё, с косой. У нас на плоту чертовка сидела, и она вот так руками волосы себе делает. И только мы побежали за ей, и она раз в воду, и больше не вылезла. Это в Зырянах мы жили, где Трезубы, за Щекино. Волосы до пят, сидит вот так и чёшется (с. Березовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

Невеста-утопленница

Мужик ходил, сватался за сына. Везде высватался, нигде не может высватать невесту. А у парня была невеста-то да утонула в реку. Ходил, сватался, сватался, надоело и говорит: «Хоть бы черт, говорит, невесту дал на сына-то». И тут мужик ему попал встречу: «Куда ты пошел, дяденька?» — «Да вот не могу нигде невесту высватать». — «Пойдем ко мне, у меня три девки есть». Привел его к реке, привел и говорит: «Снимай с себя крест». Он забоялся. «Не бойся», — говорит. Взял, его как по лестнице спустил, в избу завел. Тут сидят три девки, вяжутся: «Ну, любу бери. Каку возьмешь?» А в середках-то сидит утонула котора, та брва, а те не бравы девки, с краю-то. «Я середню возьму». — «Вот я тебе её и отдам, — говорит. — Делай свадьбу, подъезжай сюда». Ну, он домой, рассказал всё. Хоть боелися, а приходится жениться, раз нашел невесту. Поехали, подъехали к реке, он её высунул из реки-то, отдал. Они её в церкви исповедали, крестили, все сделали, тогда обвенчали. Вот нашел невесту где-ка. А может, сказка да (с. Березовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

Как икоту передавали

Особенно люди раньше боялись икотки. Мамина сестра, тётя Наташа, рассказывала, что, когда молодая была, ехала на поля, везла керосин в бочке к тракторам. Едет, вдруг видит, тётка какая-то лежит, умирает. Тётя Наташа к ней, а та с ней разговари-

вает. Говорит: «Ты такая девка румяная, красивая. Кушать, наверное, любишь? И я всё люблю, кроме рыбы». Тётя Наташа от удивления рот открыла и только открыла, ей туда по горлу что-то прокатилось. И после этого, как рыбу поест, так икать. Это икота, действительно, рыбу не любила. А та-то тетка точно с ней не разговаривала, она умирала лежала. Это икота говорила. Вот так она передаётся. А люди, у которых икота есть, могут послать тебя куда-нибудь, и ихнее желание исполнится. Вот, например, пошлёт тебя куда-нибудь в лес, возьмёшь да и заблудишься в лесу. Они могут и предсказывать. В деревне у нас всегда говорили, что, если надо что-нибудь узнать, надо к икотке идти (г. Усолье, зап. от Тетерлевой Ф.С., 1950 г. р.).

Икота

Я вот слышала, икота бывает. Вот как отрыгается дак. Одной стали операцию делать, зеркало поставили, а икота-та себя увидела и выскочила. Икоте-то всяко можно засадить, с питьем, наколдовать можно. Попадет в тебя и вырастет (д. Поселье, зап. от Кокшаровой У.К., 1914 г. р.).

Ду-ту-ту

Ходила я молоденькой по деревням к больным. Пришла в один дом, а у хозяйки, видимо, была порча. Она как меня увидела, чё-то забормотала, чё-то: «Ду-ту-ту, ду-ту-ту». Бормочет, а высказать-то не может. И потом запозевала, запозевала, раз, и быстро ушла. Порча-то, видно, не любит медицину-то, пахнет же от меня лекарством-то, вот женщина и ушла (с. Берёзовка, зап. от Мальцевой В.Е., 1930 г. р.).

Творог от порчи

Мне раз папа велел надпомнить тут дяде Феде, что надо платить за газету. Я его увидела, он идет (как раз перед Ильиным днем), несет рыбу в сумке. Хвосты от щуки широкие, большие. Подошла и говорю: «Папа говорит, что Вы не заплатили деньги за газету». — «Заплачу, седни рассчитаюсь». И пошел. Только он отошёл, у меня рука, ну ничего не могу делать, прямо на глазах все пальцы стали расходиться, все распухло, краснота. И как крапивой меня опалило. Иду, только размахиваю. Бабка тут подходит. «Подвернула?» — «Нет, нет». — «Кто-то подходил?» — «Только дядя Федя». — «Ну, я так и знала». Целую ночь со мною промучались. Потом на другой день я пошла, а тут одна бабка окно открыла: «Ой, *дева*, зайди сюда, не могу я справиться, вот мне горшки надо передвинуть, зайди». — «Дак я не могу, мне что-то сделали». А ей уж надо меня, только чтобы никто не знал, что меня будут лечить. Ну, зашла. А она мне говорит: «Ты вот творожок-от достань». Я заслонку отодвинула, творог горячий вытащила. Она на тарелочку этот творожок положила, перекрестила. Взяла, творогом все обложила, сначала-то елеем помазала, потом творогом, гусиным пером и забинтовала: «Если будет смаривать, ложись, спи». Четыре часа прошло, я уснула, не слышала, как папа с работы пришел. А она мне еще сказала, что к ней надо еще два раза прийти, только на заре, вечером. Я три раза к ней сходила, и опухоль спала (д. Поселье, зап. от Мазихиной Л.Ф., 1918 г. р.).

Знатко́й пастух

Пастух был, учил меня пасти. «Ты, — говорит, — не бойся». Взял, посохом черту сделал, вокруг коров обошел и все, ушел. «Ты, — говорит, — отдыхай». И ни одна корова круг этой черты не ушла.

А вот когда погнали коров, первый-то раз выгнали, он снимает ремень с брюк, через ремень у него все коровы прошли. Они его слушают. Идут — и тут река. «Ну-ка, все в воду прыгайте». Коровы все как одна в реку зашли (д. Ощепково, зап. от Блиновой М.М.).

Поросенок за чекушку

У магазина тут жила Агаша. Вот у бабы поросенок домой не заходит никак. Она догадалась, чекушку купила, пошла к Анюше. Ей чекушку выпоила и потом говорит: «У тя зубов-то нет, как но ты наговаривала?» — А я сквозь зубы гребня». Выпоила, домой пришла. И поросенок домой пришел! (с. Березовка, зап. от Моховиковой А.И., 1920 г. р.).

Бабка колдунья

Была в наших местах бабка-колдунья. Когда умирала, дак так мучалась, так мучалась. Пока не убрали доски в потолке, не умерла. Её часто видали: то черной кошкой, то копной сена кажется. А то в огороде шаром катится (д. Щекино).

Собака собакой

Было дело зимой, я тогда работала в магазине техничкой. Ну вот, пришла ко мне одна знакомая, мы посидели, я уже управилась все, ей говорю: «Будешь пить?» Ну, она пить-то пила, брагу всё время держала. И она рюмки три выпила. Я спрашиваю: «Чё, домой пойдешь?» — «Пойду». Я пошла её провожать. Она шла, шла, раз, махом в собаку и на карачках, вот как собаки бегают, так же поползла. Я иду за ней и говорю: «Ты чё-но, тетка?» А она встала, стряхнулась, на её даже страшно глядеть, у её руки по так мест в снегу, она сама вся в снегу: собака собакой. Я думаю, меня сразу инфаркт возьмет. Батюшки-бог! Я потом до дому-то её довела, раздевать, а она кака была сухая, такая и есть. А ведь все ползла по снегу ползкой! Я ушла от её, всю ночь уснуть не могла. Ни фига себе — это человеку оборотиться в собаку! Это она колдунья была, она очень много на плохое знала, людям она много плохого сделала, всякой дряни (с. Березовка).

Как колдуна учат

Колдуна учили. Люди знали, он де колдун. Возьмут заслонки, знаешь, вот у печек у старинных-то в домах. Эту заслонку возьмут, перевернут ручкой в печь, а этой штукой-то сюда. Колдун тогда из избы-то не выйдет никак. Это так учили, вот сидит, *мозолится*, выйти надо, а не знает как. Хозяин тогда и узнает, что он колдун. Возьмет, тихонько перевернет заслонку, он тогда выйдет. А то опять во двери шитную иголку в косяк верхний воткнут. И колдун выйти не может (д. Поселье, зап. от Елькиной П.А., 1908 г. р.).

Красные рты

Если человек колдун, и тебя испортили, он скажет, кто может вылечить. Или ты сама к нему придешь обратно. Лекарей пройдешь, пойдешь сама к нему, он тебя должен вылечить, а то кому-то прикажет там. У него, у колдуна, в голбце черти сидят. Я один раз в голбец спустилася, там стоит большой туюсок, старинный, берестяной. Мне че-то стало интересно. Я поглядела, а там черти сидят, рты разевают, как маленькие мышата, красные рты. Или как маленький цыпленок. Я поднялася, он меня чуть не *убоухал*, это свекор был: «Какое твое дело? Чё ты там задеваешь их? Че тамо-ка?» А они ведь его ковыряют (д. Поселье, зап. от Елькиной П. А., 1908 г. р.).

Большая лягуша

Меня научили колдовать, а мне не хочется. Они работу с меня спрашивают, черти-то. Дак я залезу в печь, они меня и там тычут. Человек, который колдует, ему надо колдовать. Посмотрите, че на березах нарощено. Это они отпускают — килы-то садят. Вот чертям работу надо, колдуны им и дают, вон на березах какие килы. А чтобы колдуном стать, надо, говорят, идти в баню и смотреть в печь, там, говорят, сидит большая лягуша. Ей надо в рот залезть, тогда все колдовство примешь. А черти там сидят на полке, песни поют (д. Разим, зап. от Лоскутовой А.В., 1925 г. р.).

Колдовские цыплятки

Вот у нас девка одна была, однажды она и говорит: «Пойдемте, у меня у папы в туюске там цыплятки сидят, они маленькие». Мы поднялись, открыли, они все из туюска-то всякие: сиреневые, желтые. А отец-то в избе был, его из избы-то как метлой сшибило. Он идёт, матерится: «Я те дам!». А потом он дочери и передал все колдовство-то. А ещё ведь черти-то в виде мышей бывают. Всяки мыши есть тоже. Вот парень один пошел нам показывать, в голбец спустился, открыл, а мыши-то побежали. Мать-то с поля прилетела, отлупила его. Они тоже разноцветные были. В Шваревой тоже колдун был, у него черти-то крысами. Он и свадьбу всю мог переверотить в волков. Негрешные — там свечки горят, а грешные — там черти на могилах пляшут. «Я, — говорит, — приду, еду ему брошу, а сам книгу открываю, «Черную магию». Мне там надо мужика присушить ли кого, вот читаю, а потом меня снова уносят на место, не чувствуешь ниче (д. Мыслы, зап. от Шваревой М.М.).

Порча за слова

У нас тут один, Анатолием звали, в правлении работал, ни во что такое не верил, а вот что с ним приключилось. Шёл он раз мимо одного дома, а хозяйка его в окно кричит: «Толя, помоги, Танька моя совсем помирает, врача надо вызвать». «Так сейчас дети в школу пойдут, — отвечает, — там скажут». Как на него хозяйка через окно глянула, у него сразу верхняя губа зачесалась. Потом он в правление пошёл, что-то там делал — не делал, не знаю, но губы у него к вечеру распухли, температура поднялась. Мучился, говорят, сильно. Ему мать сразу сказала: «Давай, мол, поедем к знахарке».

Он кричит: «Не верю ни во что. Дайте мне нож или вилку, я сам себе опухоль разрежу, вычищу всё». Всё-таки утащили его к этой бабке, она наговор сделала. И всё, уснул. А потом Анатолий говорил: «Вот ведь не верил никогда, а теперь верю» (г. Усолье, зап. от Тетерлевой М.Н., 1927 г. р.).

Козютки

У нас в деревне была старушка одна. Про её говорили, что она колдунья, что она знает, что у неё есть такие насекомые. У её было две маленьких внучки. Сидим мы, значит, с подругой Катей, на поляночке под черёмухой, играем с внучками. Играли, и вдруг, до сих пор это я так внятно помню, не знаю, сколько мне лет было, но я ещё не работала, маленькая ещё была. Вдруг стала куча ос. Ведь знаете, что такое осы? А тут они, главное, никуда не летят, а вот так вот, как мураши, друг на дружку лезут. Ну, как мураши на муравьище. Кучка такая маленькая, небольшая, даже половины спичечного коробка не наберёшь. Старуха нам и говорит: «Девки, топчите их, топчите». Я Кате шепотом говорю: «Это у неё *козютки*». У матерей-то слышали, что она колдунья. Мы не стали топтать-то, это козютки у неё были. А куда они потом девались, я не знаю. Но топтать-то их не стали, она нас заставляла топтать. Истоптали бы, тогда нас обеих давно уж не было бы в живых (с. В. Кондас, зап. от Шестаковой З.П., 1934 г. р.).

Поединок

Это при мне было. Колдун один пришёл, а тут у нас как соседка. Бабам её не надо было: она тоже колдунья. Колдун-то ещё лыко принёс, лапти плели-то, давай лапти плести. Заплетат да расплетат, заплетат да расплетат. А соседка-то и ползат: взад-вперёд, взад-вперед. Ползала она, ползала, а он пятку заплетёт да расплетёт, так без конца она и ползает. Потом он пошёл, нож из косяка достал, дак она только шир и всё, убежала (д. Зыряны, зап. от Кузнецовой Т., 1930 г. р.).

15	16
17	
18	

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Список местных слов и выражений

В списке приведены встречающиеся в публикуемых материалах слова и выражения, характерные для усольских говоров. Многие из них имеют общепермское распространение, соотносятся с лексикой соликамских говоров. В то же время ряд слов и выражений специфичен и еще не фиксировался диалектологами (особенно это касается лексики, отражающей те или иные мифологические представления и обрядовые реалии).

Материал приводится для удобства пользования публикуемыми текстами. Слова представлены в алфавитном порядке и истолкованы минимально — не содержат полного словарного описания, контекстов живого употребления.

- Ба́биться** — принимать роды.
Ба́нник — дух, пребывающий в бане.
Беремя — охапка.
Бздавать — поддавать жару, плеснув на банную каменку.
Блазни́ло — привидение.
Блазни́ны — то, что блазнит, мерещится.
Большой пуп — пуповая грыжа.
Бо́ртничек — небольшая лодка.
Братáнный — племянник.
Бука́нушко — домовой.
Бу́чкать — ударять с силой.
В о́брат — обратно.
Ва́кли — вафли.
Ве́дущий — знающий, обладающий тайным знанием.
Ве́ржиться — мерещиться, казаться.
Визи́тка — пиджак.
Водить ко стакану — в свадебном обряде приглашать к молодым для поздравления.
Волочи́ться — лежать без дела, не использоваться.
Воро́чать — возвращать.
Выглядеть — высмотреть, заметить.
Выкупить место — в свадебном обряде откупить занятое место за столом.
Гаркать — кричать, звать.
Гора́зно — сильно.
Грызло — грыжа.

Гу́нька — одежда, обычно верхняя.
Гу́сь — болезнь глаз, когда неестественно поднимаются веки.
Дворо́вой, дво́рой — муж, перешедший жить в дом жены (вышедший «на дом»);
Де́ва — обращение к женщине.
Де́коваться — издеваться, мучить.
Дивья́ — удивительно.
Дикова́ть — вести себя безрассудно, ненормально.
До́лить — одолевать, пересиливать.
Доможите́льство — дом, домашние постройки.
Домохво́ст — нечистый дух.
Доро́житься — готовиться к отъезду.
Дру́гими — иначе, по-другому.
Дру́жка — один из главных чинов на свадьбе, ответственный за исполнение основных обрядов.
Дьяволи́н — нечистый дух.
Еретни́к — колдун.
Еро́ховый — шероховатый.
Еру́шник — каравай хлеба.
Ё́ство — блюдо.
Завеча́ть — загадывать.
Знатко́й — способный к колдовству.
Ивкать — смеяться.
Имать — ловить.
Име́ние — приданое.
Исподки — варежки, рукавички.
Каженный — подвергнутый каждению, обкуриванию ладаном.
Казнить — подвергать лечению через обряд.
Кара́жится — мучает (безличная форма).
Ка́шник — участник «каши», праздника в честь новорожденного.
Кваше́нник — особо подготовленная ткань для закрывания теста.
Козоно́к — косточка, сустав на руке.
Козю́тка — мелкое животное, насекомое.
Коку́ра — прическа в виде туго свернутых в пучок волос.
Кокчеры́жка — болезнь младенца (в виде сыпи на теле; то же, что кочерга).
Колоти́ло — ситуация, связанная с разбиванием, разрушением.
Коренно́й — основной, главный.
Косячо́к — большой кусок хлеба.
Кочерга́ — болезнь у младенцев, связанная с высыпанием на теле темных точек.
Коше́вка — легкие санки, повозка.
Кра́сота — символизирующая девичество алая лента невесты.
Кра́сотка — ленточка, которой невеста на свадьбе одаряет подруг.

Крояны — угощение на свадьбе.

Кру́гом играть — водить хороводы.

Кукóсник — кокошник.

Кулик — пирожок, чаще шаньга с творогом.

Кулюжки — пирожки; то же что кулики.

Кúрник — праздничный пирог (из мяса, грибов).

Куть — кухня.

Лóпоть — одежда.

Лось — длинный лоток, особой формы приспособление для катания с гор на Масленицу для большого количества человек.

Маскирова́ться — участвуя в карнавале, наряжаться в костюмы, маски.

Маскированный — ряженный.

Мозóлиться — выказывать нетерпение.

Мóрошный — пасмурный.

Мóршень — чепец замужней женщины.

Мосты, мост — сени.

Муравíще — муравейник.

Му́шной — из муки.

Мыльница — обмывающая умершего.

На одинé — в одиночестве, в стороне от всех.

Набéрушка — корзина для грибов, ягод.

Набрусновáть — набрать, срывая с ветки.

Натакáть — направить, посоветовать.

Натуфóриться — принарядиться.

Нахлéбины — приезд молодых после свадьбы к родителям невесты; то же, что *хлибины*.

Невзгóдьe — беда, несчастье.

Неудáча — хлеб, пирог неудачной выпечки.

Обглядеться — по суеверным представлениям, пострадать от сглаза.

Обезьянить — дурачиться, копируя кого-либо.

Обжíнно — праздник в честь окончания уборки урожая.

Обжиночная брага — коллективный праздник по случаю уборки урожая.

Одéньe — гуща со дна.

Ококóшник — кокошник.

Окручáть — особым образом укладывать косу девушки в женскую прическу.

Онýй — этот.

Осóсок — молочный поросенок.

Пáдерный — с ветром и снегом.

Паренки — тушёные овощи.

Партия — группа.

Пастушítь — быть пастухом.

Перемёткиваться — кувыркаться.

Перва встреча — особый подарок для первого встретившегося похоронной процессии.
Печи́на — кусок глины, из которой сбита печь.
Пиловáть — мучать, подвергать пыткам.
Пи́ска — охотничий манок-пищалка.
Пласта́ться — биться, мучиться.
Плести кадрили́ — во время танца исполнять различные фигуры, колена.
Пове́трище — порча, напущенная колдуном по ветру.
Пови́ть, пове́ть — сеновал.
Под тура́ком — в состоянии опьянения.
Поддру́жье — помощник дружки на свадьбе.
Подклéт — в свадебном обряде место, где устраивалась брачная постель для молодых.
Подойница́ — накидка на ведро для дойки коровы.
Подоро́жная — особый подарок для первого встретившегося при проходах умершего на кладбище.
Позао́чь — заочно.
Пойти жить на чужой пол — женившись, перейти жить в дом невесты.
Положить как в руку — точно предсказать.
Полый — открытый.
Помустить — померещиться, показаться.
Попасть в готову баню — воспользоваться чужим.
Посидéнок — вечер перед свадьбой.
Послédка — послед при родах.
Предба́нок — предбанник.
Пригла́сье — голос.
Приди́чивать — дурачиться.
Приставáть — защищать, заступаться.
Притчеваты́й — связанный со случайностью, неожиданностью.
Пожуре́ное — угощение вином на свадьбе.
Пу́жала — пугало.
Пузыряно — угощение вином на свадьбе; то же, что пожуренное.
Пу́пница — лекарственная трава, предположительно дягиль обыкновенный.
Пух — приданое.
Пухова́я сваха — свадебный чин, ответственный за приданое невесты.
Рожóнка, рождéнница — родившая ребенка.
Разболока́ть — раздевать.
Рóзанцы — сладкое изделие из теста, типа печенья хворост.
Рукотельник — полотенце.
Рямки́ — тряпки, старая одежда.
С лешака на лешак браниться — грубо ругаться.
С пустой рукой — ни с чем.
Саморо́дный — созданный самим.

Самшúра — то же, что шашмура; чепец замужней женщины.
Сарапу́шное — угощение в виде вина для участников свадьбы.
Сбо́рник - головной убор замужней женщины.
Сватовша́ — сваты.
Сестрянка — двоюродная сестра.
Скатёрка — момент сватовства, когда родители высказывают согласие и накрывают для сватов стол.
Скачки́ — санки с металлическими полозьями для катания с горы.
Скрадывать доро́гу — по суеверным представлениям, сбивать человека с дороги.
Сла́вельщик — участник обходов домов в Рождество с песнопениями, молитвами.
Слешака́ться — выругаться, упомянув лешего.
Смотрёльщик — участник первого дня свадьбы, приходящий без приглашения.
Спровда́ть — справиться, совладать.
Спрямить — сократить.
Станови́на — нижняя женская рубашка.
Столовать — угощаться за столом.
Страшные вечера — время святок.
Стро́шный — находящийся в зависимости, подневольный.
Тельник — пояс.
Тысяцкий, тысяча — распорядитель на свадьбе.
Убо́хать — сильно избить.
Углан — мальчик, парень.
Умыша — умывание.
Уро́ки — порча, причинение вреда колдуном.
Учить — проучать, наказывать.
Фу́рнуть — бросить со свистом.
Хли́бины — приезд молодых после свадьбы к родителям невесты.
Хру́пать — ударять.
Хресто́к — хрящ.
Христики — особое пасхальное печение в виде крестиков.
Хухнять — критиковать, высмеивать.
Черёмный — рыжий.
Четверо́жный — относящийся к Великому четвергу.
Чёмор — головная боль.
Чи́тальница — читающая по умершему молитвы.
Шабаркúн — металлические украшения конской сбруи в виде шаров для звона.
Шашабáрка — железная палка для управления движением санок.
Шуликин — ряженный на святках.
Шуликинские вечера — святочные вечера.
Шулюшничать — ходить ряжеными на святки.
Шур — звукоизобразительно о быстром действии, движении.

Приложение II. Топонимические материалы по Усольскому району

Цель публикации списка населенных мест и других значимых объектов на территории Усожья заключается в том, что информация о старых названиях рек, населенных пунктов, других важных в хозяйственном и культурном отношении объектов на территории Усожья малодоступна. В основу публикации названий (как и в основу топонимического очерка, предваряющего сборник) положены материалы издания «Список населённых пунктов Уральской области», Т. I, Верхнекамский округ. Свердловск, 1928. Следует лишь учесть, что указанное издание не лишено ряда недостатков, в частности, в него включены неточные названия, нередки опечатки. Приведенные в списке названия (общим количеством около 400) тем не менее могут быть использованы в дальнейшей краеведческой работе, уточнены, а их языковые особенности позволят более детально представить усольскую локальную топонимическую традицию.

Абра́мичи (Абра́шичи, Абра́мова, Авра́мова, Гожны́). Деревня Пыскорского сельсовета при р. Пыскорка.

Ада́мова гора. Возвышенность в районе г. Березники при старице р. Зырянка

Ани́симова. Деревня Лубянского сельсовета.

Балаба́ны (Балаба́нова). Деревня Троицкого сельсовета при р. Удъбишная.

Балахо́нцы. Деревня Зырянского сельсовета при р. Лёмва.

Бара́нов Мост (У Бара́нова Моста). Выселок Ощепковского сельсовета.

Бара́новской лес. Лес в районе д. Барановка.

Баска́кова. Деревня Зырянского сельсовета при р. Зырянка.

Бездо́нка. Омут в протоке озера Отноги с. Новое Усолье.

Безро́дная (Клесто́во). Деревня Троицкого сельсовета при р. Извер.

Бе́лая. Деревня Шишкинского сельсовета при р. Кондас.

Бе́лая Па́шня. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.

Беле́нина. Деревня Абрамовского сельсовета.

Беля́евка. 1. Выселок Сороковского сельсовета при р. Гижга. 2. Деревня Лубянского сельсовета при р. Нечаиха.

Березни́ки. Рабочий посёлок Веретийского поселкового совета при р. Кама.

Берёзова. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.

Берёзовка. Село Березовского сельсовета, расположенное на р. Сырья

Берёзовый остров. Остров между руслом р. Кама и Чашкинской протокой в районе Содового завода.

Бирю́бина. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Пыскорка.

Богатырё́во. Выселок Сороковского сельсовета при р. Уньва.

Богомо́лка. Слобода в с. Новое Усолье.

Больша́я Ани́кина (Ани́кина). Деревня Троицкого сельсовета.

Больша́я Кокшаро́ва (Кокшаро́ва). Деревня Троицкого сельсовета.

Большие Комисса́ры. Деревня Троицкого сельсовета при р. Талица.

Больша́я Кузнецо́ва. Деревня Кузнецовского сельсовета при р. Сырья.
Больша́я Кúчина. Деревня Троицкого сельсовета.
Больша́я Липова. Деревня Щекинского сельсовета.
Больша́я Сутя́га. Деревня Чертежинского сельсовета.
Больш́ие Усе́нцы. Деревня Троицкого сельсовета.
Бо́ричи. Деревня Зырянского сельсовета.
Бо́ртева (почино́к Орловский). Деревня Зырянского сельсовета при р. Лёнва.
Бревенник. Выселок Петуховского сельсовета при р. Выр-Вож.
Буре́нин мыс. Почино́к близ с. Новое Усолье.
Бушка́шор. Деревня Абрамовского сельсовета при безымянной речке.
Бушмаки. Деревня Кузнецовского сельсовета.
Бы́гиль (Бы́гель). 1. Деревня Зырянского сельсовета при р. Быгиль. 2. Река. Приток реки Зырянка.
Быдовка. Название реки, протекающей по территории п. Дедюхино.
Быкова. Деревня Верхкондасского сельсовета.
Бы́страя. Деревня Таманского сельсовета при р. Кама.
Ва́гин Куре́нь (Ва́гин Мыс). Выселок Кондасского сельсовета при р. Шварёвка.
Ва́гин Мыс (Жа́дные, Ва́гин Куре́нь). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Шварёвка.
Васи́льева. Деревня Кондасского сельсовета при р. Кондас.
Ва́ськина. Деревня Петуховского сельсовета при р. Уролка.
Верё́тье, Верё́тия. Рабочий посёлок Веретийского поселкового совета при р. Зырянка.
Ве́рхние Нови́нки (Нови́нки). Деревня Новинского сельсовета при р. Кама.
Верхняя Мостовая. Деревня при р. Мостовая, притоке р. Уньва.
Верх-Ко́ндас (Больш́ие Се́ла). Село Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.
Вижа́й. Деревня близ с. Новое Усолье.
Вогу́лка. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Вогу́лочка. Река. Приток реки Яйва.
Вогу́ль. Деревня Романовского сельсовета при р. Уньва.
Воло́дин Ка́мень. Деревня Зырянского сельсовета при р. Яйва.
Воро́нин. Выселок Пыскорского сельсовета.
Вы́рвыш. Река. Приток р. Галя.
Высо́ково. Деревня Петуховского сельсовета при р. Выр-Вож.
Вью́хина. Деревня Зырянского сельсовета.
Вя́лкова Га́рь (Ива). Выселок Кондасского сельсовета.
Вя́ткина. 1. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас 2. Хутор Троицкого сельсовета при р. Извер.
Гага́ры (Гага́рье озеро). Озеро в районе г. Усолье, один из полоев р. Кама.
Гарева́я. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Пельмес.
Га́ри (Гарева́я). Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.
Гляде́н. Деревня Усть-Игумского сельсовета при р. Усолка.

Гнило́е. Озеро на территории с. Новое Усолъе.
Гора. Деревня близ с. Новое Усолъе.
Городи́ще. Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.
Горю́шки. Выселок Ощепковского сельсовета при р. Горюшка.
Гра́бли. Деревня Шишкинского сельсовета при р. Сырья.
Гу́лина. Деревня Абрамовского сельсовета при безымянной реке.
Гу́нина. Деревня Сороковского сельсовета.
Гурди́нка. Река. Приток р. Кама.
Девя́чье. Озеро на территории с. Новое Усолъе.
Дедю́хино. Село Дедюхинского поселкового совета при р. Кама.
Дика́рь. Озеро, расположенное на территории с. Новое Усолъе.
Дуба́сы. Деревня Щекинского сельсовета.
Дуба́совское болото. Болото в окрестностях д. Щекино.
Дунай́ка. Река, протекающая по территории г. Усолъе, в р-не ул. Кутузова.
Ду́рина. Деревня Абрамовского сельсовета.
Дуры́маны. Деревня Дурыманского сельсовета при р. Зырянка.
Е́всина. Деревня Троицкого сельсовета.
Емговка. Выселок Шишкинского сельсовета при безымянной реке.
Епи́шина (Конец). Деревня Верхкондасского сельсовета при безымянной реке.
Ерёмина. 1. Деревня Абрамовского сельсовета. 2. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Пыскорка.
Ермачки́. Деревня Зырянского сельсовета при р. Лёнва.
Жда́нова. Деревня Абрамовского сельсовета.
Жу́клино́. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
За речкой. Хутор возле д. Палашер.
Завья́лова. Деревня Троицкого сельсовета.
Загигжа́ (Зарекá). Деревня Сороковского сельсовета при р. Гижга.
Зады. Выселок Таманского сельсовета при р. Кама.
Зака́менная (Зака́менна). Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Залазну́ха. Выселок Кондасского сельсовета при безымянной реке.
Зало́жная. Деревня Троицкого сельсовета.
Зано́га. Название гари в р-не д. Крутовка.
Заполье (Ржаково). Деревня Сороковского сельсовета при р. Гижга.
Запо́льская (Запо́лье). Деревня Абрамовского сельсовета.
Запуты́н (Запоты́м). Слобода в с. Новое Усолъе.
Зарази́лова. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.
Заразина. Деревня Дурыманского сельсовета.
Зару́дня. Название грибного места в окрестностях д. Кургановка.
Зато́лыч (Запо́лье). Деревня Абрамовского сельсовета при р. Талыч.
Заха́рова. Деревня Троицкого сельсовета.
Заха́ровский Почино́к. Деревня Троицкого сельсовета.

Зольники. Выселок Кузнецовского сельсовета при р. Как-Шор.

Зубы (Зубарь). Деревня Лубянского сельсовета при р. Кама.

Зуева. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.

Зырянова. Деревня Рассохинского сельсовета при р. Гижга.

Зырянка. Деревня Зырянского сельсовета при р. Зырянка.

Зыряны (Зыря). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Семёновка.

Ивановка. 1. Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Уньва. 2. Речка на территории г. Усолье. Приток р. Кама.

Ивановская. Слобода в с. Новое Усолье, некогда расположенная вдоль берега р. Ивановка.

Ивановская часовня. Часовня в Ивановской слободе г. Усолье.

Ивановские Казармы (Ивановская). Деревня Романовского сельсовета при р. Путла.

Игнатьева. Деревня Пыскорского сельсовета на безымянной реке.

Игнашина. Деревня Сороковского сельсовета.

Ижигер. Выселок Берёзовского сельсовета при р. Ыджит-Шор.

Ик (Ык). Деревня Верх-Яйвинского сельсовета.

Ильмова. Деревня Чертежинского сельсовета.

Ио́нина ста́рица. Старица р. Кондас.

Ио́ничи (Мыс). Деревня Абрамовского сельсовета.

Казаринов (Нечаиха). Выселок Новинского сельсовета при р. Нечаиха.

Казаринов Мыс (Казариновы). Деревня Кондасского сельсовета при р. Шварёвка.

Кали́ничи (Черных). Деревня Зырянского сельсовета.

Кали́нкина. Деревня Лубянского сельсовета при р. Кама.

Ка́менска гора́. Гора, возвышенность в окрестностях г. Усолье.

Ка́мень (Сéргиев Ка́мень) Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.

Ка́мская. Слобода в с. Новое Усолье.

Ка́мские пески. Излучина реки Камы со стороны с. Новое Усолье.

Капу́стная. Слобода в с. Новое Усолье.

Капу́стинская. Улица в с. Новое Усолье, находящаяся в Капустной слободе.

Кедрóво. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.

Кéкур. 1. Деревня Рассохинского сельсовета при р. Галя. 2. Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Кекурка.

Кéкурка. Река. Приток р. Кондас.

Ки́принá (Ки́прин Мыс). Деревня Троицкого сельсовета.

Кири́лова (Ки́ршина). Деревня Верхкондасского сельсовета.

Кири́ловский Почино́к. Деревня Верхкондасского сельсовета.

Клестóва. Деревня Усть-Игумского сельсовета.

Кли́менская (Серу́хина, Студёная). Деревня Кузнецовского сельсовета.

Кли́пик (Клепикí). Деревня Ощепковского сельсовета при р. Семёновка.

Ключи́ (На Семёновке). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Семёновка.

Коври́жка. Возвышенность в районе д. Камень.

Кокуй. Деревня Щекинского сельсовета при р. Вырож.

Кокшары́ (Кокшаро́ва). Деревня Рассохинского сельсовета при р. Галя.

Комаро́ва. Деревня Петуховского сельсовета при р. Иньва.

Кóмина (Кáмина). Деревня Щекинского сельсовета при р. Вырож.

Кóндас. 1. Деревня Шишкинского сельсовета при р. Кондас. 2. Кондас (Поселье).
Деревня Кондасского сельсовета при р. Кондас.

Копелы. Деревня Троицкого сельсовета.

Кордо́н (Первомайский Посёлок). Хутор Лёнвинского поселкового совета при р. Лёнва.

Коро́вий Лог (Коля́го, Селезнёва). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Патрушевка.

Косевская́. Деревня Дурыманского сельсовета.

Коски. Деревня Петуховского сельсовета при безымянной реке.

Косыгина (Большие Сырча́ги). Деревня Рассохинского сельсовета при р. Сырчаг.

Кошелёва (Га́ри). Выселок Щекинского сельсовета при р. М. Гижга.

Крест (У Креста). Деревня близ с. Новое Усолъе.

Кру́глая Га́рь. Выселок Берёзовского сельсовета.

Кру́глый Рудник. Деревня Дурыманского сельсовета.

Крутикóва. Деревня Троицкого сельсовета.

Кро́пачева (Карпачёва). Деревня Абрамовского сельсовета.

Кузнецов Мыс (Корча́ги). Выселок Ощепковского сельсовета при безымянной реке.

Культура. Хутор Троицкого сельсовета при р. Уньва

Курга́новка. Выселок Сороковского сельсовета.

Курба́това. Деревня Пыскорского сельсовета.

Курьинская Казарма. Деревня Петуховского сельсовета при р. Песьянка.

Курья́. Пересыхающий залив с. Новое Усолъе

Кухте́рина. Деревня Зырянского сельсовета при р. Быгиль.

Кучина. Деревня Троицкого сельсовета.

Кырдым. Деревня Игумского сельсовета.

Кырнышева (Карандашёва, Нагая). Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.

Ларько́во. Слобода в с. Новое Усолъе.

Лёвина (Ермогова). Деревня Шишкинского сельсовета при р. Кондас.

Леонтьевский. Выселок Рассохинского сельсовета при р. Фотянка.

Лечка́ново (Лечка́нова). Деревня Рассохинского сельсовета при р. Кондас.

Лёменская. Деревня Веретийского поселкового совета при р. Яйва.

Лёнва. 1. Река. Приток р. Кама. 2. Рабочий посёлок Лёнвинского поселкового совета, расположенный в устье р. Лёнва.

Лезга. Деревня Лубянского сельсовета.

Линовский. Починок близ д. Ерёмينو.

Липова. Деревня Щекинского сельсовета при р. Галя.
Лобáниха. Место, где была мельница, на р. Сырря Берёзовского сельсовета.
Лобáны. Деревня Кузнецовского сельсовета.
Лоси́ново. Деревня Чертежинского сельсовета при р. Лосиновка.
Лубни́ки. Деревня Шишкинского сельсовета.
Лубяна́я. Деревня Лубянского сельсовета.
Лы́сьва. Деревня Новинского сельсовета при р. Кама.
Малая Кузнецо́ва. Деревня Берёзовского сельсовета при р. Сырря.
Малая Липова. Деревня Щекинского сельсовета при р. Чира-Шор.
Малые Новосёлы (Гарь). Выселок Кондасского сельсовета при р. Кондас.
Малая Рома́нова. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Малая Сутя́га (Шиши́). Деревня Чертежинского сельсовета.
Малая (Старая) Сухáнова. Деревня Зырянского сельсовета при р. Лёнва.
Малая Чупина (Малый Мыс). Деревня Абрамовского сельсовета.
Мали́новка (Малинов Мыс). Деревня Ощепковского сельсовета при р. Малиновка.
Малые Сырчаги (Косола́пова). Деревня Рассохинского сельсовета при р. М. Сырчаг.
Малый Ура́й. Выселок Чертежинского сельсовета при р. Тазмер.
Малышева. Хутор Сороковского сельсовета при р. Гижга.
Малю́тина. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.
Мая́н (Прóнин). Выселок Шишкинского сельсовета при р. Маян.
Мезе́нь. Озеро в окрестностях посёлка Орёл.
Молоко́тино. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Пельмес.
Мо́нина. Деревня Дурыманского сельсовета при р. Зырянка.
Мостова́я (Бори́хина). Деревня Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.
Мося́гина. 1. Деревня Абрамовского сельсовета. 2. Деревня Кондасского сельсовета при р. Кондас.
Мужико́в Мыс (Сухáновка). Выселок Кондасского сельсовета при р. Шварёвка.
Мысвѣ́ (Мыслы). Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.
Ни́жние Нови́нки. Деревня Новинского сельсовета при р. Кама.
Низ. Слобода в с. Новое Усолье.
Никольское Булатово. Село Усть-Игумского сельсовета при р. Усолка.
Никольская часовня. Часовня Спаса Убруса (XVII в.) в с. Новое Усолье.
Нико́льщина. Район посёлка Дедюхино.
Новая Гарь. Выселок Берёзовского сельсовета при р. Ыджит-Шор.
Новая Деревня. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Семёновка.
Новосёлы. Деревня Верхкондасского сельсовета.
Новожи́лова (Бастуны). Деревня Зырянского сельсовета при р. Быгиль.
Нороги (Га́йны). Деревня Троицкого сельсовета.
Ови́нова. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.
Огурди́но (Гурдина). Деревня Орловского сельсовета при р. Кама.
Одина (Гу́си). Хутор Троицкого сельсовета.

Одина (Шиши́). Деревня Троицкого сельсовета.

Отно́га. Озеро с. Новое Усолье, разделявшее Запотым, Капустную и Ларьковскую слободы.

Олекин Мыс (Степанко-Игнашкин). Выселок Ощепковского сельсовета при безымянной реке.

Опрóсина (Опроси́нина, Залотная). Деревня Усть-Игумского сельсовета при р. Яйва.

Оре́л (Оре́л Городок). Деревня Орловского сельсовета при р. Кама.

Оси́нник. Деревня Кузнецовского сельсовета.

Осо́кина. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Пыскорка.

Ош-Вож. Деревня Кузнецовского сельсовета.

Ощéпково. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.

Пагалёшкина. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.

Пала́шер. Деревня Романовского сельсовета при р. Уньва.

Палехова (Палелова). Деревня Троицкого сельсовета при р. Удьбишная.

Па́льники (Па́льникова). Деревня Троицкого сельсовета на безымянной реке.

Па́трушев Мыс (Селезни). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Патрушевка.

Петухи́. Деревня Петуховского сельсовета при р. Петуховка.

Пермяко́ва. Деревня Абрамовского сельсовета при р. Быгиль.

Перо́во. Озеро на территории с. Новое Усолье.

Пе́ршина. Деревня Троицкого сельсовета при безымянной реке.

Перянской над родником. Починок.

Пески. Песчаная коса в районе старой части г. Усолье.

Пе́стерева (Пестери). Деревня Кондасского сельсовета при р. Пешковка.

Песча́нка (Песьянка). Деревня Абрамовского сельсовета.

Петри́щева. Деревня Абрамовского сельсовета при р. Быгиль.

Петро́ва. Деревня Кондасского сельсовета при р. Кондас.

Пе́шкова. Деревня Кондасского сельсовета при р. Кондас.

Пихто́вка. Слобода в с. Новое Усолье.

Плеха́нова (Плехова). Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.

Побо́ищный. Остров на р. Кама, напротив устья р. Зырянка.

Подва́льное. Озеро на территории с. Новое Усолье.

Покро́вская часовня. Часовня Покрова Пресвятой Богородицы (19 в.) с. Новое Усолье.

Покча́. Слобода в с. Новое Усолье.

Попо́во (Гарёвка, Мёсто). Выселок Пыскорского сельсовета.

Портя́нка (Портянкин Мыс). Деревня Ощепковского сельсовета при безымянной реке.

Поса́д. Слобода в с. Новое Усолье.

Поло́м. Деревня Лубянского сельсовета при р. Кама.

Посва. Деревня близ с. Новое Усолье.

Проро́ва. Пересыхающая протока на территории с. Новое Усолье.

Проро́в. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас.

Пы́скор. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.
Пятко́ва (Епишина). Деревня Зырянского сельсовета.
Ра́зим. Деревня Усть-Игумского сельсовета при р. Яйва.
Растрéлина. Деревня Петуховского сельсовета на безымянной реке.
Рассóхи. Деревня Рассохинского сельсовета при р. С. Кондас.
Редíска (Редийская). Деревня Таманского сельсовета при р. Кама.
Рёлка. Деревня Берёзовского сельсовета.
Родни́к. Выселок Ощепковского сельсовета.
Ромáново. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Ромкина (Рёмкина). Деревня Абрамовского сельсовета.
Ротáново городище. Деревня близ с. Новое Усолье.
Рубеж. 1. Церковь Владимирской Божьей Матери (18 в.) с. Новое Усолье. 2. Слобода с. Новое Усолье.
Рудник. Выселок Пыскорского сельсовета.
Рúсина (Рúсинова). Деревня Рассохинского сельсовета при р. Кондас.
Ряби́новка (Ряби́ново). Деревня Берёзовского сельсовета при р. Котлянка.
Сгóрки. Деревня Берёзовского сельсовета на р. Сырья.
Сéлинское (Сéминская). Деревня Кузнецовского сельсовета при р. Сырья.
Селище. Выселок Щекинского сельсовета при р. Галя.
Семáнина (Фадéевский). Деревня Абрамовского сельсовета.
Семеряки́. Часть территории д. Кекур.
Семёновка (Мельницы). 1. Выселок Ощепковского сельсовета.
Семёновский. Выселок Рассохинского сельсовета при р. Уньва.
Сéмина. Деревня Зырянского сельсовета при р. Зырянка.
Семянники. Деревня Абрамовского сельсовета.
Сергиевский (Сергиев, Чудинов). Выселок Верхкондасского сельсовета при р. Чёрная.
Сибирь (Новая Сухáнова). Деревня Зырянского сельсовета при р. Волим.
Силичи. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Пельмес.
Слúдский. Выселок Верхкондасского сельсовета при р. Уньва.
Сметáнина. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Сморóдинка (Сморóдинник). Выселок Сороковского сельсовета при р. Галя.
Сéнькина (Харлапáнова). Деревня Щекинского сельсовета при р. Вырож.
Спáсская часовня. Часовня Спаса Убруса (XVII в.) с. Новое Усолье.
Солдатéнки (Солдатéнкова, Лодéйное). Деревня Кондасского сельсовета при р. Полуденный Кондас.
Солева́рни. Железнодорожная станция и пристань Лёнвинского поселкового совета.
Сороковáя (Сороковá). Деревня Сороковского сельсовета при р. Гижга.
Сосняг. Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.
Сухáнова. Деревня Зырянского сельсовета при р. Зырянка.
Сылва. Деревня Дурыманского сельсовета при безымянной реке.
Тáлицкая. Деревня Троицкого сельсовета при р. Талица.

Таман (Таманское). Село Таманского сельсовета при р. Кама.
Терёхинский. Выселок Рассохинского сельсовета при р. Сергач.
Тимшина (Большой Мирской Мыс). Деревня Кузнецовского сельсовета.
Толыч (Талыча, Тóлыч, Тáлыч, Тóлоч). Река. Приток р. Кама.
Трезубы. Село Рассохинского сельсовета при р. Гижга.
Троицкий. Выселок Таманского сельсовета при р. Кондас.
Троицкое (Георгиевское). Село Троицкого сельсовета при р. Извер.
Трутна (Трушнев). Деревня Троицкого сельсовета.
Турлаев (Курица). Выселок Ощепковского сельсовета при р. Кондас.
Турлавы. Рабочий посёлок при р. Кондас.
Тыртов Лог. Выселок Пыскорского сельсовета.
Уловки. Деревня Чертежинского сельсовета.
Уньва (Уньвинский). Деревня Сороковского сельсовета при р. Уньва.
Урай. Деревня Чертежинского сельсовета.
Усолье Новое. Островная часть современного г. Усолье.
Усолье Старое. Орёл-городок.
Усолье Камское. Город Соликамск.
Усолье Рождественское. Горный город Дедюхин.
Усолье Троицкое. Село Лёнва.
Усолье Усть-Зырянское. Село Усть-Зырянка, некогда располагавшееся на левом берегу устья р. Зырянки.
Усолье Зырянское. Село Зырянское на правом берегу реки Зырянки.
Усольская. Железнодорожная станция и пристань Веретийского поселкового совета.
Устинов Мыс. Выселок Ощепковского сельсовета при р. Семеновка.
Усть-Зырянка (Кривец, Богословка). Рабочий посёлок Веретийского поселкового совета.
Усть-Кондас. Деревня Таманского сельсовета при р. Кама.
Усть-Пыскорка. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Пыскорка.
Усть-Усолка (Плясуново). Деревня Усть-Игумского сельсовета при р. Яйва.
Филаретиха (Петухова). Деревня Лубянского сельсовета при р. Нечаиха.
Фролы. 1. Деревня Троицкого сельсовета при реке Зырянка. 2. Выселок Троицкого сельсовета.
Харитоновичи (Лёменская Гарь). Деревня Зырянского сельсовета.
Хомяки. Деревня Троицкого сельсовета при р. Черемшанка.
Цепенникова (Цепенников Мыс). Деревня Пыскорского сельсовета.
Чащина. Деревня Пыскорского сельсовета при р. Кама.
Чупина. Деревня Абрамовского сельсовета при р. Быгиль.
Черемшанка. Речка близ с. Новое Усолье.
Черниева (Черняева). 1. Деревня Лубянского сельсовета при р. Нечаиха. 2. Деревня Троицкого сельсовета при р. Легчим.

Чертёж. 1. Деревня Чертежинского сельсовета. 2. Деревня Таманского сельсовета при р. Кама.

Чертежинская Казарма. Деревня Петуховского сельсовета при безымянной реке.

Чигиринская. Слобода с. Новое Усолъе.

Чижі (Загигинский). Выселок Сороковского сельсовета.

Чуртан. Рабочий посёлок Веретийского поселкового совета при р. Чуртанка.

Чузёва. Деревня Кузнецовского сельсовета при р. Сырья.

Шарап (Шарапова). Деревня Абрамовского сельсовета.

Шалинурно. Выселок Ощепковского сельсовета при р. Семёновка.

Шварёва (Дальняя). 1. Деревня Ощепковского сельсовета при р. Кондас. 2. Деревня Пыскорского сельсовета.

Шевáлдина. Деревня Троицкого сельсовета.

Шемейный. Рабочий посёлок при р. Шемейная.

Шемейка. Река. Приток р. Кондас.

Шиши. Деревня Троицкого сельсовета.

Шішкіна. Деревня Шишкинского сельсовета при р. Кондас.

Шоломень (Верхний и Нижний). Деревня Романовского сельсовета при р. Яйва.

Щекинó. Село Щекинского сельсовета при р. Галя.

Южакóва. Деревня Троицкого сельсовета при р. Извер.

Яраничі. Деревня Троицкого сельсовета.

Приложение III. Список источников и литературы

Архив КЦОП

- Ф. 1 — Памятники истории, градостроительства и архитектуры;
- Ф. 7 — Научно-проектная документация.

Архив ГИОКН ПК

- Ф. 3 — Археология.

БИХМ

- Ф. Солеварение;
- КП-68 — Виды Московских, Нижегородских и Пермских владений князя Сергея Михайловича Голицына. Пермь, 1880;
- КП-512 — Неизвестный художник. Вид Посадской части села Усолья; БИХМ.
- КП-1178 — Земская больница; Б/н — План Пихтовской слободы села Усолья, с показанием домовного строения и прожекта кварталов, временнообязанных промысловых крестьян Ея Сиятельства Княгини Варвары Петровны Бутеро. 1852 г.

ГАПК

- Ф. 13 — Соликамский уездный суд Министерства юстиции;
- Ф. 142 — Прокурор Пермского окружного суда;
- Ф. 176 — Главное управление заводами и имением наследников А.В. Всеволожского;
- Ф. 177 — Пермские палаты уголовного и гражданского суда Министерства
- Ф. 279 — Коллекция планов, карт и чертежей Пермской губернской чертежной межевой комиссии и Пермского земельно-устроительного отряда;
- Ф. 280 — Главное управление имениями князя С.С. Абамелек-Лазарева;
- Ф. 297 — Исторический архив ПУАК;
- Ф. 478 — Соликамская уездная земская управа;
- Ф. 597 — Дмитриев Александр Алексеевич — историк, краевед Пермской губернии;
- Ф. 672 — Волеговы: Федот Алексеевич — начальник счетного отделения, управляющий Ильинским округом, управляющий Пермским имением в с. Н. Усолье; Василий Алексеевич — управляющий Добрянским и Софийским заводами;
- Ф. 678 — Пермская палата суда и расправы;
- Ф. 716. — Архивная коллекция картографических документов;
- Ф. р-8 — Отдел коммунального хозяйства Пермского губернского исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов;
- Ф. р-1619 — Златогорский Л.Н. — Пермский архитектор;
- Ф. р-1666 — Коновалов Иван Федорович (1902-1981 гг.);
- Ф. р-1785 — Терехин Александр Сергеевич (1928-1993);

Ф. р-2142 — Харитонова Елена Дмитриевна (р. 1934) — кандидат исторических наук, научный сотрудник Пермского областного краеведческого музея, преподаватель церковного краеведения в Пермском духовном училище;

Ф. ф-61 — Фотодокументы советского периода; ф-60п — Фотонегативы досоветского периода.

ПГКУБ им. А. М. Горького.

Инв. № 255 069 — Планы промысловых устройств и зданий графов Строгановых.

РГАДА

Ф. 192 — Картографический отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (коллекция);

Ф. 214 — Сибирский приказ;

Ф. 1252 — Абамелек-Лазаревы, кн.;

Ф. 1278 — Строгановы, гр.

РГИА

Ф. 796 — Канцелярия Синода;

Ф. 880 — Лазаревы и Абамелек-Лазаревы, князя.

СКМ

Ед. хр. 3000/11 — О каменной соли в Усольских владельческих соляных промыслах открытой.

УИАМ

КП 27/1 — План существующего расположения села Усожья Пермской губернии, Соликамского уезда, Усольской волости.

Адрес-Календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 г. Пермь, 1909.

Адрес-Календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1917 г. Пермь, 1916.

Акт вотчинного раздела 1747 года // Дмитриев А.А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 9-21.

Акт раздела соляных промыслов 1749 г. // Дмитриев А. А. Материалы к истории рода Строгановых за последние два столетия. Пермь, 1883. С. 10-23.

Варнакова О.Н. История одного строительства. Кладбищенская церковь села Усожья конца XIX века // Княжеский род Голицыных в Усолье. Литературное краеведение. Коноваловские чтения. Пермь, 2005. Вып. 5-6. С. 39-44.

Военно-статическое описание Российской империи. Том XIV. Часть 1. Пермская губерния. СПб., 1852.

Волегов Ф.А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1558 по 1850 г. // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1889 г. Пермь, 1888. С. 5-49.

Волегов Ф.А. Хронологический реестр разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых // Пермский край — Сборник сведений о Пермской губернии. Т. 3. Пермь, 1896. С. 149-175.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 2. Пермь Великая в XVII веке. Пермь, 1890.

Дьяконов М. Новоусольские соляные промыслы // Горный журнал. 1902. Т. 1. С. 30-59.

Жалованная грамота Григорью Строганову, о построении на реке Орле городка и изъятии его с людьми и крестьянами от суда пермских наместников // ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 168-171.

Журналы XXIV очередного Соликамского уездного земского собрания с докладами Управы и комиссий, сметой и раскладкой на 1894 год, отчетностью Управы за 1892 год с приложениями 1893 г. Пермь, 1894.

Журналы XXVIII очередного и XVII и XVIII чрезвычайных Соликамских уездных земских собраний. Пермь, 1898.

Журналы XXX чрезвычайного, XXXXII очередного и XXXI чрезвычайного Соликамских уездных земских Собраний во всеми приложениями, 1911 г. Соликамск, 1912.

Загаевский К. Черные и белые варницы в Усолье // Горный журнал. 1883. Кн. 4. № 11. С. 173-196.

Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012.

Из бумаг Ф.А. Прядыльщикова // Памятная книжка и Адрес-Календарь Пермской губернии на 1891 год. Пермь, 1890.

Иллюстрированный путеводитель по реке Каме и по р. Вишере с Колвой / под ред. П.В. Сюзева. Пермь, 1911.

Историко-архитектурное наследие Пермского края: Каталог-справочник / под ред. А.Б. Киселева, В.А. Якиной. Пермь, 2011. С. 256.

К-в. П. Извлечение из летописи о церквях села Нового Усолья // ПЕВ. 1869, 17 декабря. № 50. С. 574-580.

Книга Большому чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. Издание второе. СПб., 1838.

Косточкин В.В. Чердынь, Соликамск, Усолье. М., 1988.

Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005.

Лисовский В.Г. Андрей Воронихин. Л., 1987;

Любарский В. О солеварении на Пермских промыслах // Горный журнал. 1825. Кн. 1. С. 109-132; Кн. 2. С. 157-169; Кн. 6. С. 63-72.

Милованов. Новоусольские и Ленвенские соляные промыслы // Горный журнал. 1856. Кн. 1. С. 1-70.

Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889.

- Оборин В.А.* Использование русским население в XV-XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 119-126.
- Памятная книжка и Адрес-Календарь Пермской губернии на 1888 год. Пермь, 1887.
- Памятная книжка и Адрес-Календарь Пермской губернии на 1890 год. Пермь, 1889.
- Памятники истории и культуры Пермской области / сост. Л.А. Шатров. Пермь, 1976.
- Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды ПУАК. Вып. II. Пермь, 1893. С. 106-107.
- Писцовая книга Кайсарова 1623/4 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых // Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 4. Пермь, 1892. С. 172-173.
- ПСЗ. Собрание I. Т. XIX. СПб, 1830. № 13724.
- Раздельные и другие акты на отчину Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановых // ДАИ. Т. 2. СПб, 1846. С. 89-112.
- Раскин А.М.* Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989.
- Рычков Н.П.* Продолжение журнала или дневниковых записок путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб, 1772.
- Соколова Н.Е.* Усадьба Строгановых XVII–XVIII в. в слободе Новое Усолье // Наука-производство-технологии-экология. Сборник материалов в 8 томах. Т. 7. Киров, 2007. С. 86-90.
- Терехин А.С.* Архитектор Андрей Воронихин. Пермь, 1968.
- Терешина О.Б.* Ротондальное культовое зодчество на Урале // Вестник южно-уральского государственного университета. 2009. № 35 (168). Строительство и архитектура. Вып. 9. С. 4-7.
- Усолье: мозаика времен / ред.-сост. С.М. Барков, М.Л. Соколова. Пермь, 2004.
- Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1967.
- Шилов А.В.* Разделы Пермских владений Строгановых в середине и второй половине XVIII в. // Вестник Пермского университета. История. 2008. Вып. 7 (23).
- Шилов В.В.* Березниковско-Усольский историко-архитектурный комплекс: формирование, развитие, сохранение. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005.

Список сокращений

БИХМ —	Березниковский историко-художественный музей им. И.Ф. Коновалова.
ГАПК —	Государственный архив Пермского края.
ГИОКН ПК —	Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края.
ДАИ —	Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией.
КЦОП —	Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия).
ПГКУБ им. А.М. Горького —	Пермская государственная ордена «Знак Почёта» краевая универсальная библиотека им. А.М. Горького.
ПЕВ —	Пермские епархиальные ведомости.
ПСЗ —	Полный свод законов Российской империи.
ПУАК —	Пермская ученая архивная комиссия.
РГАДА —	Российский государственный архив древних актов.
РГИА —	Российский государственный исторический архив.
СКМ —	Соликамский краеведческий музей.
УИАМ —	Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых».

Список иллюстраций

1. Серебряная привеска с позолотой, X-XI вв. Огурдинский могильник. *Архив ПФИЦ УрО РАН*
2. Фрагмент керамического изразца «Видение в Царьграде», XVII в. Орел-городок, *кабинет археологии ПГНИУ*
3. Бронзовая пряжка с изображением медведя в ритуальной позе, X-XI вв. Огурдинский могильник. *Архив ПФИЦ УрО РАН*
4. Тонкостенный керамический сосуд, X-XI вв. Огурдинский могильник. *Архив ПФИЦ УрО РАН*
5. Погребальная маска-личина в виде овальной пластины с вырезанными отверстиями для глаз и рта, нос выпуклый, прямоугольный. X-XI вв. Огурдинский могильник. *Архив ПФИЦ УрО РАН*
6. Весло-правило. Женское кормовое весло. Распространенный подарок на Масленицу женщинам первый год замужем. 1879 г., п. Орел, *БКМ №1128*
7. Реконструкция украшения головы невесты в девичник. В день, когда ленты-красотки уже не прикалывали, а по количеству подруг, приглашенных на вечеринку, вплетали в каждое звено косы невесты. п. Лемзер.
8. Деревянная форма для изготовления разгонных пряников. Лакомством такого рода чаще всего завершали орешники, ритуальные встречи холостой молодежи в доме невесты перед обручением. Парой публично уйти с вечеринки могли только в том случае, если буквы, выпеченные на пряниках парней и девушек, складывались в слова. XIX-XX вв. г. Усолье, *БКМ №3296-10-11*
9. Семейное фото купца Я.М. Турзякова. Фото Н. Шаврин, 1900, г. Усолье, *УИАМ, КП №13-15*
10. Фрагмент кружевного воротника. кон. XIX - нач. XX вв. г. Усолье, *УИАМ, КП №2-1*
11. Усольский городской костюм семьи Я.М. Турзякова. кон. XIX - нач. XX вв., г. Усолье, *УИАМ КП №8-14, КП №8-15*
12. Проводы вешней воды. 1915, г. Усолье, *УИАМ, КП №10*
13. Доска пряничная с изображением рыб. Кон. XIX - нач. XX вв. г. Усолье, *БКМ КП-3296-3*
14. Жительница д. Чураки, Косинский район, 1995
15. Чучело тетерева-косача. XX в, г. Усолье, *УИАМ, КП №57-13*
16. Утка-ману, манишка. XX в, г. Усолье, *УИАМ, КП №57-14*
17. Охотничий комплект. Кон. XIX- нач. XX вв., г. Усолье, *БКМ, КП №1886*
18. Порошница. Кон. XIX- нач. XX вв., г. Усолье, *БКМ, КП №878-2*

Содержание

От авторов.....	3
ГЛАВА I. Усолье: взгляд в прошлое	7
Усольская земля в древности и средние века.....	7
Очерк архитектурно-планировочной истории Усожья в XVII – начале XX вв.	25
Очерк старой усольской топонимики.....	54
Прозвища и самоназвания	68
ГЛАВА II. Семейная обрядность	75
Свадьба в Усолье.....	75
Родинный обряд и детство	180
Проводы в армию	195
Похоронный обряд	206
ГЛАВА III. Календарная обрядность	229
Весенне-летние праздники и обряды	229
Праздники и обряды осенне-зимнего периода	246
ГЛАВА IV. Магическая и бытовая традиция	259
Бытовые и хозяйственные приметы	259
Молитвы и заговоры	261
Демонология в быличках.....	271
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	283
Приложение I. Список местных слов и выражений	283
Приложение II. Топонимические материалы по Усольскому району	288
Приложение III. Список источников и литературы	298
Список сокращений.....	302
Список иллюстраций.....	302

Монография

Антипов Даниил Александрович,
Белавин Андрей Михайлович,
Бушмакина Юлия Владимировна,
Крыласова Наталья Борисовна,
Подюков Иван Алексеевич,
Хоробрых Станислав Валерьевич

УСОЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Сборник трудов и материалов
по традиционной культуре русских Усольского района
конца XIX – XX вв.

2-е издание, дополненное и переработанное.

Научный редактор

И.А. Подюков

Корректор

Н.Н. Хоробрых

Фото:

С.В. Хоробрых, И.Н. Фалько, А. Шейерман

Компьютерная верстка:

В.В. Сидоров

ISBN 978-5-905653-06-3

Подписано в печать 07.11.2018 г. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Формат 60х90/8.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 20. Тираж 100. Заказ
Отпечатано ИП Сидоров В.В.

